

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

4/2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 4(13)/2017

Дата подписания в печать 29.12.2017

Учредитель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.nestorbook.ru

Редакционная коллегия

Научный руководитель – ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.ист.наук, генеральный директор издательства Нестор-История (Москва)
Ответственный редактор – СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.ист.наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Зам. ответственного редактора – ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.ист.наук, доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)
Ответственный секретарь – КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)
Член редколлегии – ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.ист.наук, профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)
Член редколлегии – КОРЧИНСКИЙ Анатолий Викторович, к. фил.наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ (Москва)
Член редколлегии – ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к. ист. наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.ист.наук, зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)
ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич - к.ист.наук, преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)
КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович - д.ист.наук, проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)
КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.филол.наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)
КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)
ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.ист.наук, руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)
ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филол.наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)
УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)
УШАКИН Сергей Александрович – PhD, профессор антропологии и славистики Принстонского университета (США)
ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, член-корр. РАН, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.ист.наук, зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель

ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Типография

ООО «Нестор-История»
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23
Тираж 300 экз.
Заказ № 1276

В НОМЕРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ**Глобальная память**

- 9 **А. АССМАНН** *Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти*
- 31 **О. Б. ЛЕОНТЬЕВА** *Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман*
- 47 **Т. В. ВОЛОКИТИНА** *Круглый стол «1956 год. Восточная Европа на переломе»*

Национальная память

- 84 **А. С. ТУЛБУРЕ** *Бессарабская история*
- 96 **М. В. КИРЧАНОВ** *«Проработка прошлого» по-британски: особенности политики памяти в Англии и Шотландии*

Актуальные проблемы национальной памяти зарубежных стран

- 110 *«Во Франции вообще мало прославляют армию, воинскую славу...» Интервью с В. Жобер (Франция)*
- 122 *«Есть люди, которым не нравится, когда в учебниках что-то говорится о темных страницах американской истории». Интервью с К. Смит (США)*

ХРОНИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

- 134 **К. Ю. МОРЕВ** *Сталин и сталинизм в репликах Владимира Путина*
- 142 **С. Ю. ШОКАРЕВ** *Президент В. В. Путин об «извращениях» нашей истории*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 145 **А. Р. ДЮКОВ** *Откуда в куропатских могилах личные вещи расстрелянных?*

СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- 153 *«Революция, при сложившейся системе управления империей, была неизбежна». Интервью с В. Б. Аксеновым*
- 160 *«Война была как минимум катализатором революции». Интервью с Л. И. Бородкиным*
- 169 *«Позитивные изменения, которые связывают с революцией, произошли бы и без нее». Интервью с О. В. Будницким*
- 175 *«Революция – это специфическое состояние власти, отличное от так называемого “нормального времени”». Интервью с Б. И. Колоницким*
- 184 *«Мы продолжаем оставаться современниками событий столетней давности...». Интервью с К. А. Соловьевым*
- 189 *«Революция 1917–1922 годов и мы». Интервью с А. В. Шубиным*
- 203 *Обсуждение книги «Критический словарь русской революции». Критический словарь русской революции / составители Э. Акстон, У. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014*
- 223 **К. Г. ФРУМКИН** *Марксист оценивает большевизм: к 50-летию выхода книги Исаака Дойчера «Незавершенная революция»*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 232 **С. Е. ЭРЛИХ** *«И насколько противоестественен интернационализм»? Рец.: Сергеев С. М. Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграф, 2017. 575 с.*
- 243 **М. В. МЕДОВАРОВ** *Энциклопедия одного лозунга. Рец.: Иванов А. А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.*

Мир

- 250 **А. С. СТЫКАЛИН** *Рец.: Улуян Ар. А. «Послепражский 1969-й»: советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М.: URSS, 2016. 400 с.*
- 261 **И. А. ЛЕВИНСКАЯ** *Сыновья Ноя. Рец.: De Lange N. Japheth in the Tents of Shem [Иафет в шатрах Сима]. Greek Bible Translations in Byzantine Judaism. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. 221 p.*

- 266 **В.А. СОЛОНАРЬ** *Рец.: The Kishinev Ghetto, 1941–1942: A Documentary History of the Holocaust in Romania's Contested Borderlands, Paul A. Shapiro. Tuscaloosa: University of Alabama Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2015*
- 269 **А.А. ТЕСЛЯ** *Страхи, надежды и репутация: французы в николаевской России и о ней. Рец.: Мильчина В. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 488 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»)*

Российская империя

- 275 **В.В. ВЕДЕРНИКОВ** *Дорога в никуда. Рец.: Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.*
- 283 **М.Ю. НЕМЦЕВ** *История совладания с многообразием. Рец.: Новая имперская история Северной Евразии. Часть I: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 364 с. Новая имперская история Северной Евразии. Часть II: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.*
- 294 **К.А. ПАХАЛЮК** *«...и мы, дворяне и правящий класс, жестоко заплатимся за свою мягкотелость»: Первая мировая и Гражданская войны в дневниках И. С. Ильина. Рец.: Ильин И. С. Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина 1914–1920. М.: Русский путь, 2016. 480 с. ил.*

СССР

- 303 **С.Е. ЭРЛИХ** *«До окончания века играть в плохого Путина и хорошего Ельцина». Рец.: Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. / сост. Е. Ю. Бузев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 256 с.: ил.*
- 307 **А.И. КАЗАНКОВ,
О.Л. ЛЕЙБОВИЧ** *«Буржуазный индивидуализм пребывал в семьях...». Метафора Дома в историческом нарративе. Рец.: Slezkine Y. The House of Government: a saga of the Russian Revolution. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2017.*

ОСТОРОЖНО! ХАЛТУРА

- 314 **В.Ю. ДАШЕВСКИЙ,
С.А. ЧАРНЫЙ** *Рец.: Миронов В. Б. Первая мировая война. Борьба миров. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 304 с.: ил.*

КОНКУРСЫ

320 **И. С. КУЧАНОВ**

*Проект Центра социально-политической истории
«Человек, общество, книга в эпоху перемен»*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

324

«Невская битва 1240 г. вполне могла быть, но о ней рассказывает единственный источник». Интервью с И. Н. Данилевским

340

«Специально деньги из Госдепа на российские исследования не выделяются». Интервью с М. Б. Ямпольским

348

**ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ**

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 9 **A. ASSMANN** *Does a global memory of the Holocaust exist? Expansion and boundaries of the new community of memory*
- 31 **O. B. LEONTYEVA** *Memory, time, memorial culture in the works by Aleida Assmann*
- 47 **T. V. VOLOKITINA** *Round table “1956. Eastern Europe at the turn”*

National memory

- 84 **A. S. TULBURE** *Bessarabian story*
- 96 **M. V. KYRCHANOFF** *Defunct politics of memory in England and Scotland: British-Eastern European parallels and deferred historical politics*

Actual problems of national memory of foreign countries

- 110 *“In France one does not glorify the army, military glory a lot...” Interview with V. Jobert (France)*
- 122 *“There are people who don’t like it when textbooks say something about the dark pages of American history”. Interview with K. Smith (USA)*
-

CHRONICLE OF HISTORICAL POLICY

- 134 **K. Yu. MOREV** *Stalin and Stalinism in Vladimir Putin’s remarks*
- 142 **S. Yu. SHOKAREV** *President Vladimir Putin about the “perversions” of our history*
-

AS IT ACTUALLY WAS

- 145 **A. R. DYUKOV** *Where do the personal things of executed in the Kuropaty graves come from?*
-

THE CENTENARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

- 153 *“Revolution, under the Empire’s current system of governance, was inevitable”. Interview with V. B. Aksenov*
- 160 *“The war was at least a catalyst for revolution”. Interview with L. I. Borodkin*

- 169 *"The positive changes that are associated with the revolution would have occurred even without it". Interview with O. V. Budnitsky*
- 175 *"Revolution is a specific state of power, different from the so-called "normal time". Interview with B. I. Kolonitsky*
- 184 *"We continue to be contemporaries of the events of a century ago..." Interview with K. A. Solovyov*
- 189 *"Revolution of 1917-1922 and we". Interview with A. V. Shubin*
- 203 *Discussion of the book "Critical dictionary of the Russian revolution". Критический словарь русской революции / составители Э. Ахтон, У. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014*
- 223 **K. G. FRUMKIN** *A Marxist evaluates Bolshevism: the 50th anniversary of the publication of Isaac Deucer "Unfinished revolution"*
-

REVIEWS

Generalizing studies

- 232 **S. E. EHRlich** *"And how unnatural is internationalism?". Rev. : Sergeev S. M. Russkaya naciya, ili Rasskaz ob istorii ee otsutstviya. M.: Centrpoligraf, 2017. 575 s.*
- 243 **M. V. MEDOVAROV** *One Slogan's Encyclopaedia. Rev.: Ivanov A. A. Vyzov nacionalizma: Lozung «Rossiya dlya russkih» v dorevolyucionnoi obshchestvennoi mysli. SPb.: Vladimir Dal', 2016. 511 s.*

The world

- 250 **A. S. STYKALIN** *Rev.: Ar.A. Ulunyan. «Posleprazhskii 1969-i»: sovetskie diplomatiya i razvedka v poiskah soyuznikov i protivnikov na Balkanah i v Evropeiskom Sredizemnomor'e. M, URSS, 2016. 400 s.*
- 261 **I. A. LEVINSKAYA** *Noah's sons. Rev.: de Lange N. Japheth in the Tents of Shem. [Иафет в шатрах Сима]. Greek Bible Translations in Byzantine Judaism. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. – 221 p.*
- 266 **V. A. SOLONAR'** *Rev.: The Kishinev Ghetto, 1941–1942: A Documentary History of the Holocaust in Romania's Contested Borderlands, Paul A. Shapiro. Tuscaloosa: University of Alabama Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2015*

- 269 **A. A. TESLYA** *Fears, hopes and reputation: French people in Nicolas the First Russia and about it. Rev.: Mil'china V. «Francuzy poleznye i vrednye»: nadzor za inostrancami v Rossii pri Nikolae I. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 488 s.: il. (Seriya «Chto takoe Rossiya»)*

The Russian Empire

- 275 **V. V. VEDERNIKOV** *Road to nowhere. Rev.: Kotov A. E. «Tsarskii put'» Mihaila Katkova: Ideologiya byurokraticheskogo nacionalizma v politicheskoi publicistike 1860–1890-h godov. SPb.: Vladimir Dal', 2016. – 487 s.*

- 283 **M. Yu. NEMTSEV** *The story of overcoming variety. Рец.: Новая имперская история Северной Евразии. Часть I: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 364 с. Новая имперская история Северной Евразии. Часть II: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.*

- 294 **K. A. PAKHALYUK** *“...and we, the nobles and the ruling class will cruelly pay for our softness”: the World War I and the Civil war in I. S. Ilyin's diaries. Rev.: Il'in I. S. Skitaniya russkogo oficera. Dnevnik Iosifa Il'ina 1914–1920. M.: Russkii put', 2016. 480 s. ill.*

USSR

- 303 **S. E. EHRlich** *“Until the end of time to play a bad Putin and good Yeltsin”. Rev.: Ona razvalilas'. Povednevnaya istoriya SSSR i Rossii v 1985–1999 gg. / sost. E. Yu. Buzev. – M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2017. – 256 s.: il.*

- 307 **A. I. KAZANKOV,
O. L. LEYBOVICH** *“Bourgeois individualism remained in the family...”. Metaphor of a House in a historical narrative. Rev.: Slezkine, Yuri, The House of Government: a saga of the Russian Revolution. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2017*

ATTENTION: TRASH!

- 314 **V. Yu DASHEVSKIY,
S. A. CHARNIY** *Rev.: Mironov V. B. Pervaya mirovaya voina. Bor'ba mirov. M., OLMA Media grup, 2014. – 304 s.: il.*

COMPETITIONS

- 320 **I. S. KUCHANOV** *Project of the Center for social and political history
“Man, society, book in an era of change»*

HISTORIAN'S TIME

- 324 *"The battle of the Neva 1240 might have been, but only one source tells about it". Interview with I. N. Danilevsky*
- 340 *"Special money from the State Department is not allocated for Russian research." Interview with M. B. Yampolsky*

- 348 **REQUIREMENTS FOR PUBLICATION
OF ARTICLES AND DOCUMENTS**

А. Ассманн

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ? РАСШИРЕНИЕ И ГРАНИЦЫ НОВОГО СООБЩЕСТВА ПАМЯТИ

Ключевые слова: травма, палачи, жертвы, спасатели, очевидцы, выжившие, история против памяти, места памяти, универсалии.

В современном сознании Холокост предстает парадигмой геноцида. понадобилось четыре десятилетия, чтобы он начал восприниматься как ключевое событие Второй мировой войны, как главное преступление против человечности, которое преодолело границы нации-государства и стало явлением глобальной памяти. В статье рассматриваются институты и инфраструктура этого расширяющегося сообщества памяти и обсуждаются различные аспекты его распространения. Непреодолимое различие исторических перспектив приводит к тому, что глобальное расширение не подразумевает единообразия памяти. Свойства, статус и влияние этой памяти заметно отличаются в зависимости от ее восприятия в качестве исторической травмы, пункта политической повестки, универсальной нормы или глобальной «икон». При каждом из названных подходов размеры сообщества памяти будут уменьшаться либо увеличиваться, носить закрытый либо открытый характер.

ВВЕДЕНИЕ

Холокостом именуется совокупность событий и опыта, которые оказали воздействие на мировую ис-

торию и носили ярко выраженный международный характер. Из-за своей радикально бесчеловечной идеологии, небывалого пространственного размаха и бесперебойной работы машины уничтожения Холокост воспринимается мировым общественным сознанием как главный пример геноцида. С самого начала меры по социальному

© Ассманн А., 2017

Ассманн Алейда — профессор кафедры английской литературы университета города Констанц (Германия); aleida.assmann@uni-konstanz.de

«выталкиванию», изоляции и истреблению европейского еврейства ассоциировались с перемещениями в пространстве. Изгнание и бегство, а также депортация, сосредоточение жертв в лагерях пересылки и их перемещение в места эксплуатации и уничтожения — все эти действия подразумевали пересечение множества государственных границ. Нацисты старались совершать свои преступления скрытно, чужими руками и в отдаленных местах. Множество языков, звучавших в концентрационных лагерях, превращали эти лагеря, по словам Примо Леви, в «вечный Вавилон» (Levi 1996: 38); люди из разных стран были вовлечены в убийственную орбиту Холокоста, который был задуман и организован немцами и осуществлен при поддержке многих других народов. Из-за международной природы этого преступления, которое не только согнало в лагеря миллионы жертв бюрократической машины смерти, но и привело к тому, что семьи жертв были разбросаны по пяти континентам, это грандиозное событие неминуемо должно было найти отклик в памяти мирового сообщества.

Однако после Второй мировой войны произошло противоположное: память о Холокосте была раздроблена и распылена. Память не выходила за пределы различных групп выживших и семей жертв. Понадобилось два десятилетия, чтобы событие получило имя и чтобы выработался язык, который позволял бы рассказывать о травме, порожденной беспрецедентными преступлениями. Событие, которое долгое время находилось в те-

ни других эпизодов Второй мировой войны, два десятилетия спустя вышло на поверхность и получило заметное место в расширяющемся нравственном сознании человечества. В ходе этого процесса такие понятия, как «жертва», «выживший» и «очевидец», стали приобретать отчетливый моральный статус. С начала 1990-х гг. были предприняты усилия, чтобы преобразовать преходящую коммуникативную память в долговременную культурную память, основанную на памятниках и музеях. Действия в этом направлении, которые изначально осуществлялись на национальном уровне в Израиле (Яд Вашем, 1953/2005), в США (Музей Холокоста в Вашингтоне, 1993) и Германии (Мемориал Холокоста в Берлине, 1999/2005), были во многих отношениях взаимосвязаны. Мнemoистория Холокоста, отмечает Энцо Траверсо, протекала уникальным образом, от всеобщего замалчивания до всемирного внимания: «Забытый и почти не замечаемый вчера, сегодня Холокост занимает едва ли не все публичное пространство памяти» (Traverso 2009: 33–34).

В ходе этого процесса 2000 г. стал началом новой эры. Оглядываясь назад, мы можем сказать, что с началом нового тысячелетия память о Холокосте стала глобальной. Задача этой статьи состоит в детальном исследовании современного состояния памяти о Холокосте, прагматики акторов и активистов, институционального пространства и инфраструктуры этого процесса. Основное внимание будет сосредоточено на изменении формата и статуса этой памяти, а так-

же на попытках предоставить ряд концептуальных уточнений общего теоретического подхода.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

«У коллективной травмы нет ни географических, ни культурных границ» (Alexander 2002: 27). Это высказывание Джеффри Александра приобретает особое значение применительно к Холокосту. По общепринятой оценке Холокост является коллективной травмой всемирного масштаба (Brumlick 2004). Консенсус, достигнутый сегодня по этому вопросу на Западе, отсутствовал на протяжении трех десятилетий после 1945 г. Чтобы лучше понять этот драматический сдвиг, необходимо более пристально взглянуть на мнемоисторию Холокоста. Каким образом он занял уникальное место не только в национальном и европейском, но и в глобальном сознании? Среди вопросов исследования необходимо выделить следующие: благодаря каким действиям конструкторов памяти Холокост стал всемирно признанной коллективной травмой? Какова разница между воплощениями Холокоста в виде исторической памяти, транснациональной памяти, всемирного символа, глобальной «иконны»? Каковы пределы распространения этой памяти? Наш первый вопрос прост и вместе с тем важен: может ли существовать такая вещь, как глобальная либо универсальная память? Можно возразить, что соединение слов «универсальный» и «память» является *contradictio in adjecto* (противоречием по определению). Общеизвестно, что памя-

ти связаны с идентичностями, они поддерживают коллективное представление группы о себе и поэтому неизбежно имеют частный, обособляющий характер. Коллективная память по определению ограничена, устранить эти границы означает уничтожить память вместе с идентичностью. К такому выводу Морис Хальбвакс пришел в 1920-е гг. в ходе исследований динамики социальной памяти. Чтобы раскрыть специфические свойства коллективной памяти, этот автор использует историю как негативный фон (Halbwachs 1992). Хальбвакс описывает историю как всеобщую память человечества, от которой коллективная память отличается тем, что она воплощается в отдельных группах и поэтому всегда является неполной и избирательной. Шестьдесят лет спустя Пьер Нора усилил эту дихотомию:

«Память и история не только не являются синонимами, но обозначают во многих отношениях противоположные явления. <...> Память порождается группой, которую эта память сплачивает. Поэтому, как заметил Хальбвакс, число памятей равно числу групп. Память отличает одну группу от другой. История, напротив, принадлежит всем, она не является ничьей собственностью и потому имеет универсальный характер» (Nora 1996: 3).

Учитывая, что история является универсальной, а память — имеет частную природу, что может подразумеваться под «глобальной» или «универсальной памятью»? Глобализация обычно понимается как распространение деятельности

и общения за пределы географических, экономических, политических и культурных границ. Этот процесс является не только умышленным, он также развивается непроизвольно через медиа и Интернет. Каким образом могут быть совмещены понятия истории и памяти, глобализации и универсализации?

ХОЛОКОСТ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Как историческое явление Холокост возникает в результате Ванзейской конференции в январе 1942 г. и осуществляется почти во всей Европе силами СС и германской оккупационной армии. Современная Европа изобилует местами, где протекал беспримерный геноцид европейского еврейства, который стер с лица земли еврейское население и его культуру. По этой причине Дэн Дайнер назвал истребление шести миллионов европейских евреев парадигматическим событием европейской памяти, которое связывает страны Европейского союза этическим долгом помнить об этой трагедии их общей истории, уважать человеческое достоинство и защищать права человека. Дайнер писал: «Аушвиц в первую очередь омрачает память евреев и немцев. Но и другие европейские памяти также пострадали от этого события» (Diner 2007: 39). По этой причине, утверждает он, Холокост является парадигматическим «*lieu de mémoire*» («место памяти» — фр.) Европы и любое конструирование европейской идентичности должно начинаться с этого исходного пункта.

Когда мы говорим о Холокосте как «исторической памяти», то предполагаем, что память и событие связаны определенным опытом. Существуют четыре группы, у которых есть запрос на такую историческую память:

- Израиль и еврейская диаспора как нация жертв;
- Германия как нация преступников;
- европейские нации, связанные памятными местами, где протекал геноцид;
- союзники как нация освободителей.

В Европе — историческом месте германского геноцида евреев, память о Холокосте имеет другие свойства и отзывается иначе, чем, например, в США, где она далека от местного контекста. В Европе эта память не является абстрактной и удаленной, она глубоко укоренена в местной и национальной истории. В то время как Вторая мировая война приобрела всемирный масштаб из-за участия в ней таких стран, как США и Япония, Холокост был ограничен территорией Европы. Память о Холокосте встроена в историю Второй мировой войны, которую пережили все европейские народы, но каждый народ испытал ее по-своему. Поэтому в Европе общая транснациональная память сталкивается с разнообразием национальных памятей (Flacke 2004). Невозможно игнорировать локальные и национальные уровни памяти или изображать их слишком широкой кистью без риска впасть в конструирование пустых абстракций. Например, Фолькхард

Книгге, директор мемориалов Веймара и Бухенвальда, предостерегает от стандартизации исторических нарративов и «наивного внедрения таких концептов, как “педагогика Холокоста”» (*Knigge, Frei* 2002). Райнхарт Козеллек беспокоился, что внутри разрастающейся памяти о Холокосте немцы могут потерять существенную часть собственной истории вместе с чувством национальной ответственности: «Нам нельзя прятаться за группами жертв, особенно за евреями. Поступая таким образом, мы присваиваем себе общее право на мемориалы Холокоста, ничем не отличающее нас от других народов планеты» (*Koselleck* 2002: 28). Сходным образом директор Музея Ванзее Воль Кайзер подчеркнул, что формирование ответственного отношения к памяти о Холокосте должно проистекать из особенностей каждой страны: «Неэффективно и даже вредно внедрять извне единую модель. Задача состоит в том, чтобы интегрировать историю Холокоста в национальный нарратив» (*Kaiser* 2007: 351). Историки и педагоги доказывают, что вместо установления унифицированной транснациональной памяти о Холокосте Европа нуждается в сочетании различных самокритичных национальных памятей, отражающих с разных точек зрения противоречивую историю Холокоста.

Вопреки этим размышлениям в пользу исторического разнообразия и национальных рамок памяти о Холокосте, на международном уровне предпринимаются меры по выходу за национальные пределы, по преобразованию и стан-

дартизации этой памяти с точки зрения общего исторического наследия. В следующем разделе мы рассмотрим шаги, с помощью которых конструируется унифицированная транснациональная память о Холокосте.

ХОЛОКОСТ КАК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ — СООБЩЕСТВО ITF

Важной датой в создании долговременной памяти о Холокосте стало 7 мая 1998 г. В этот день премьер-министр Швеции Ханс Йоран Перссон пригласил президента США и премьер-министра Великобритании на «Собрание по поводу Холокоста», в котором участвовали дипломаты и историки Холокоста, занимающиеся вопросами реституции. На следующий год в Вашингтоне была создана «Целевая группа по международному сотрудничеству по вопросам просвещения, памяти и исследованию Холокоста» (*The International Task Force on Holocaust Education, Remembrance and Research*, аббревиатура — ITF), к которой впоследствии присоединились Германия и Израиль. Целью шведского премьер-министра было преобразование в международную политику своих усилий по мемориализации на национальном уровне. В качестве эксперта-советника к этому проекту был привлечен Иегуда Бауэр. Вместе с другими выдающимися экспертами он создал правительственную сеть для развития образовательных программ по истории Холокоста и усвоения его уроков в различных странах. В 1999 г. эксперт ITF Стюарт Эйзенштат указал на выдающийся

результат этого проекта: «Главы правительств впервые согласились сотрудничать с другими странами по дипломатическим и другим каналам, чтобы улучшить образовательные программы истории Холокоста по обе стороны Атлантики и за их пределами» (Kroh 2008: 107). В целях дальнейшей координации усилий Перссон предложил учредить единый день международной памяти о Холокосте. 27 января 2000 г. ИТФ была преобразована на новой более широкой основе. По этому случаю Перссон пригласил в Стокгольм представителей 16 стран (13 из них были на тот момент действительными и будущими членами Европейского союза) на форум для обсуждения и учреждения общих принципов увековечивания памяти и преподавания истории Холокоста. В первый год нового тысячелетия и 55 лет спустя после освобождения Аушвица было принято соглашение, что убийство шести миллионов европейских евреев должно стать общей памятью, и эта память, в свою очередь, должна сообщать о ценностях европейского гражданского общества и тем самым обеспечивать права меньшинств. Последняя статья Стокгольмской декларации утверждает:

«Первая большая конференция нового тысячелетия берет на себя обязательство посеять семена лучшего будущего в почву горького прошлого. Мы сочувствуем страданиям жертв и черпаем вдохновение из их борьбы. Нашей обязанностью должна стать память о погибших, уважение к выжившим и поддержка притесняемого всем людям стремления

к взаимопониманию и справедливости» (Taskforce).

Расширенная ИТФ преследует двойную цель:

1. Перенести память о Холокосте через порог нового тысячелетия и преобразовать ее в долговременную культурную память в тот момент, когда коммуникативная память выживших и свидетелей исчезает.
2. Перенести память о Холокосте через европейские границы, учредив наднациональное сообщество памяти с развитой инфраструктурой социальных институтов, финансов и сетей сотрудничества.

То, что началось в Стокгольме и продолжилось в Вашингтоне, вернулось назад в Европу. 27 января 2005 г. Европейский парламент в Брюсселе объявил день освобождения Аушвица Европейским днем памяти и принял резолюцию, осуждающую антисемитизм в Европе (Eurlex). После этой декларации, принадлежность к сообществу памяти о Холокосте стала частью входного билета в ЕС. Сегодня ИТФ является неправительственной организацией, которая объединяет 27 государств. Большинство этих стран находятся в Европе. Но организация вышла за европейские пределы, включив Израиль, США и Аргентину.

В будущем ИТФ может стать еще более «трансевропейской». В январе 2005 г. генеральный секретарь ООН Кофи Аннан впервые почтил память Холокоста в ходе заседания

этой организации. Согласно статусу ИГФ, членство в этом сообществе памяти открыто для всех стран ООН¹. Одним из следствий деятельности этого растущего транснационального сообщества является его «детерриторизация». Благодаря влиянию СМИ и системы образования некоторые американцы считают Холокост худшим событием американской истории². Американский доклад, представленный ИГФ, утверждает, что Холокост преподается в США как часть американской истории³. С этой точки зрения европейская история в значительной мере формируется американскими представлениями и стандартами. Такая «американизация» Холокоста вырывает его из местного контекста и приводит к тому, что события этой катастрофы становятся все более абстрактными. В Европе, на «месте преступления», эта память не сводится к документам, музейным экспонатам, архивам и памятникам. Она укоренена в городах, селах, пейзажах, общественных институтах, частных компаниях и семьях. Внутри общего проекта ИГФ, формирующего «инклюзивное» сообщество памяти с общими ценностями, стандартизованными

¹ Процедура членства описана в уставе организации.

² Устная информация Ансона Рабинбаха. См. также: (Flanzbaum 1999, Novick 1999).

³ «Благодаря тому, что в Соединенных Штатах преобладает образование, основанное на стандарте, Холокост преподается как составная часть истории США. Вместе с тем образование в Соединенных Штатах не относится к сфере федеральной ответственности. Поэтому в ряде школ Холокост включается в курс всемирной истории и мировой культуры» (Доклад по преподаванию Холокоста, США).

инструментами обучения и общей политической повесткой, не учитываются многие локальные особенности памяти. Сколь ни желательна для Европы общая память, существует опасность, что она может подавить неоднородность прошлого опыта и разнообразие взглядов на будущее, присущих европейским регионам.

Разумеется, что публичные речи и их воспроизведение СМИ не могут автоматически преобразовать личную и социальную память в долгосрочную национальную и наднациональную память. Для этого необходимы политические решения, государственные институты, организованные сообщества и финансирование (Leggewie, Meyer 2005). Ближе к концу XX в. в увеличивающемся числе стран индивидуальная память жертв Холокоста была социально признана и получила культурную поддержку посредством публикаций СМИ, научных исследований, памятников, музеев, мемуаров и памятных дат. К 2000 г. началась новая глава в мнемоистории Холокоста, когда по инициативе ИГФ была создана инфраструктура для наднационального сообщества памяти, включающая широкую сеть организаций, образовательный стандарт и скоординированную политическую повестку.

Структура этой наднациональной памяти может быть прояснена некоторыми вопросами, которые включены в отчеты стран-членов организации:

№6: Сколько часов выделяется на изучение Холокоста в школах?

№ 9: Есть ли в вашей стране день памяти жертв Холокоста. Если есть, то каким образом и в какой день он отмечается?

№ 10: Есть ли в вашей стране национальный мемориал Холокоста или/и музеев?

№ 12: Назовите три главных учебника, которые используются в вашей стране в преподавании истории Холокоста? Сколько страниц уделяется Холокосту в школьных учебниках?

В то время как вопросы, подобные 6-му и 12-му, сосредоточены на школьных учебниках и вопросах школьного преподавания, вопросы, подобные 9-му и 10-му, фокусируются на ритуалах памяти, поддерживаемых государством. После резолюции ЕС о Дне памяти жертв Холокоста, антисемитизма и расизма, многие европейские страны признали 27 января Европейским памятным днем. (В Германии он был установлен в 1996 г., в Дании — в 2003 г. и в Люксембурге — в 2007 г.) Единая памятная дата не заместила прежние коммеморативные практики. Например, во Франции отмечают несколько дат, включая 16 и 17 июля, — дни памяти «Облавы Зимнего велодрома» и «Праведников нации». В то время как европейская память все больше сосредотачивается вокруг 27 января, Израиль и большинство еврейских общин в США продолжают отмечать Йом ха Шоа в мае (27 день месяца Ниссана) в качестве памятного дня Холокоста. Последний вопрос в списке обращает внимание на возможные проблемы, с которыми встречается

преподавание Холокоста: № 15: Каковы три главных препятствия для преподавания и изучения Холокоста в вашей стране?

Кроме таких неизбежных проблем, как недостаток времени на преподавание и недостаточный уровень подготовки преподавателей, были упомянуты три проблемы.

Проблема сложности, или затруднения, возникающие при сочетании эмоционального и познавательного подходов. Преподавание Холокоста учит студентов моральному осуждению фашизма, но не позволяет понять политику Гитлера. Осудить Аушвиц недостаточно, чтобы понять Аушвиц (Доклад по преподаванию Холокоста, Швейцария).

Проблема мультикультурности. В тех классах, где ученики во все большей мере привносят различающийся опыт семейной, религиозной и культурной социализации, европейская история все меньше приемлема в качестве общего наследия: «Растущая часть учеников-мусульман, особенно в предместьях, отказывается посещать занятия, посвященные евреям и Холокосту» (Fechler et al. 2000).

Разрыв между прошлым и настоящим: Современные акты геноцида и терроризма и другие текущие события конкурируют в сознании учеников с Холокостом и ведут к «усталости от Холокоста». Учащиеся и преподаватели могут сталкиваться с конфликтной ситуацией, когда современная ситуация на Ближнем Востоке оценивается в свете памяти о Холокосте.

В конце 1990-х память о Холокосте приобрела огромную актуальность. Это был период жарких дебатов по поводу материальных аспектов этой трагедии, вращавшихся вокруг украденных драгоценностей и произведений искусства, принудительного труда и требований реституции. Это была последняя возможность выживших в Холокосте предъявить требования о реституции и компенсации. В ходе этих последних попыток восстановить справедливость, когда в публичное пространство вернулись весьма специфические исторические воспоминания, касающиеся отдельных лиц и событий, были предприняты важные шаги, чтобы превратить преходящую память очевидцев в долговременную память. Процесс споров, приводящих к примирению с прошлым (*Vergangenheitsbewältigung*), основанный на деятельности исторических комиссий и дебатах в СМИ в таких странах, как Франция (Виши), Швейцария (банки и границы) и Польша (Едвабне), возвестил о новой волне воспоминаний, поднявшейся во многих европейских странах между 1995 и 2005 гг., и при этом подправил слишком размытые контуры национальных мифов. Одновременно были предприняты совместные транснациональные усилия, чтобы переписать эти национальные памяти в смысле сохранения, сакрализации и увековечивания прошлого (*Vergangenheitsbewahrung*). Считается, что эти политики памяти вели как к тематизации, так и к дегематизации прошлого. Эти два направления не просто сталкивались, но и частично нейтрализовали друг друга. Активное участие в памяти

о Холокосте улучшало моральный облик нации на международной арене, но вместе с тем позволяло избегать неудобных вопросов собственного прошлого, какими для США являются геноцид коренного населения, рабство, применение ядерного оружия, а для многих европейских стран – сотрудничество с нацистами и колониализм (Kroh 2008: 106–107; Zuroff 2002; Zürn 2002: 134–215).

ХОЛОКОСТ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ НОРМА

Дэн Дайнер, который ввел influentialный концепт *Zivilisationsbruch* («разрыв цивилизации» — нем.) в исторический дискурс и размышлял об эпистемологическом статусе Холокоста, описывает это событие как всемирное и вместе с тем конкретное: «Всемирное преступление против человечности было осуществлено посредством истребления отдельной группы, а именно евреев» (Diner 2007: 37). В своей книге о глобализации и Холокосте, которая вышла в свет в год Стокгольмской конференции, социологи Дэниэль Леви и Натан Шнайдер подошли к этой проблеме с другой точки зрения. Они доказывают всемирное значение Холокоста не в понятиях эпистемологии, а в аспекте его «медиатизации». Уникальность Холокоста для них состоит в том, что он стал достоянием всемирной, глобальной и космополитической памяти (авторы используют все три прилагательных) (Levy, Sznajder 2001). Их исследование опирается на тот факт, что Холокост стал «иконной» памяти, которая посредством СМИ пересекла национальные

границы и получила всемирный отклик в виде таких феноменов, как дневник Анны Франк, процесс Эйхмана или американский сериал «Холокост». Авторы подчеркивают, что такие могущественные медиа, как телевидение, кинематограф и поп-культура, доставляют послание о Холокосте во все уголки планеты. Как социологи, они помещают память о Холокосте в контекст эпохи второй стадии Модерна. Согласно Ульриху Беку и Энтони Гидденсу, вторая стадия Модерна является эволюционным продолжением первого Модерна. В то время как первый Модерн определялся нацией-государством, второй Модерн опирается на глобальное сообщество (*Weltgesellschaft*), которое высвобождает личность из жестких рамок нации-государства и позволяет выбирать между странами и лояльностями. По мнению Леви и Шнайдера, память о Холокосте может предоставить этому глобальному сообществу всемирно приемлемый этос: «В мире, который ищет моральной ясности среди запутанных и искаженных представлений о человечности, Холокост предоставляет устойчивую норму и маяк» (Там же: 34). После того как память с помощью медиа преодолела национальные границы, космополитическая память о Холокосте стала гарантией прав человека и предоставила моральное основание для будущего человечества. Авторы утверждают, что сострадательная память о мучениях евреев, об их безжалостном истреблении и об уничтожении их культуры может служить моральной нормой, которая сможет соединить людей глобального общества будущего.

Несмотря на различные теоретические подходы, Леви и Шнайдер следуют за Дайнером в признании Холокоста конкретным и одновременно всемирным явлением. Они описывают его в качестве парадигматической коллективной травмы, которая может объединить другие группы жертв, способные «узнать свои собственные страдания в судьбе еврейских жертв» (Там же: 56). По их мнению, космополитическая память о Холокосте сможет действовать как «модель национальной самокритики и расширения прав человека, а также в качестве легитимизирующего принципа глобального общества и обоснования необходимости общественного разнообразия» (Там же: 232). Авторы исследования предлагают довольно оптимистичный взгляд на медиа как мотор глобализации и универсализации, провозглашающий новый всемирный этос⁴. Их книга появилась на рубеже нового тысячелетия. Вскоре произошло событие, бросившее мрачную тень на их космополитические представления общего глобального будущего: 11 сентября 2001 г.

Немного позже Джеффри Александер опубликовал эссе, где

⁴ Авторы надеются, что солидарность, формируемая общей памятью о Холокосте, может сблизить даже израильтян и палестинцев. Признавая страдания других, они смогут громче заявить о собственных страданиях (Levy, Sznajder 2001: 231). Уль критикует как деполитизированный взгляд Леви и Шнайдера на конструирование памяти, так и концепт универсализации этих авторов, который ведет к лишению событий их исторического содержания. По ее мнению, универсализация, семантический вакуум и релятивизация образуют опасное сочетание (Marchart et al. 2003: 332).

устройство памяти о Холокосте рассматривается в свете моральных универсалий (Alexander 2002; 2004). Стокгольмская декларация 2000 г. заявила, что «беспрецедентный характер Холокоста всегда будет иметь всеобщее значение» (Holocaustforum). Александер сделал предметом специального исследования то, что часто повторяется в официальных декларациях. Его методология основана на радикальном социальном конструктивизме. Предлагаемый им концепт «культурной травмы» отличает ее от концептов исторической и психологической травмы. Он утверждает, что историческая и психологическая травмы в целом иррелевантны и поэтому не обладают онтическим статусом. Только культурное конструирование травмы формирует ее социальную и политическую реальность⁵.

Александер с изумительной тщательностью анализирует разные уровни культурного конструирования универсалий. Он также не упускает из виду того обстоятельства, что в то время как память о Холокосте во все большей степени становится центром западного сознания, мы не должны заблуждаться относительно пределов ее распространения. Ему очевидно, что в странах с другим историческим опытом другие травмы отбрасывают свои тени на память последующих поколений. Так, память о Холокосте, пишет Александер, «в большей мере зна-

чала для Западной Европы и Северной Америки, чем для Латинской Америки». И продолжает:

«В индуистских, буддийских, конфуцианских, исламских, африканских и все еще коммунистических регионах отсылки к Холокосту, если они вообще существуют, принадлежат литературным и интеллектуальным элитам и заметно отличаются от глобального дискурса, который доминирует в Соединенных Штатах и Западной Европе. Разумеется, что незападные регионы и нации переживают собственные травмы, затрагивающие их идентичность. Остается неясным, в какой степени культурная работа по конструированию этих травм позволяет выйти за пределы национальной идентичности и суверенитета и усвоить наднациональные этические императивы, которые на Западе ассоциируются “с моралью, основанной на уроках Холокоста”» (Alexander 2004: 261).

Александер указывает различные национальные и культурные пространства, где распространение памяти о Холокосте встречается с препятствиями. Среди них прежде всего выделяются «коммунистические регионы и режимы». К этому следует добавить поразительный факт, что Россия — героический освободитель Аушвица, не является членом сообщества памяти ГЕ. Парадоксальным образом новый европейский день памяти, который сфокусирован на освобождении Аушвица Красной армией, не находит места в русской памяти. Русские продолжают праздновать 9 мая как победное завершение их

⁵ Карикатурная версия подобной конструктивистской методологии сконцентрирована в заявлении: «Я могу создать травму из чего угодно» (устный комментарий Рона Айермана).

«Великой Отечественной войны». Они помнят подвиги своих солдат и страдания своего народа, но они не включают в свою память страдания и массовые убийства европейских евреев и поэтому остаются вне расширяющегося сообщества памяти об этой трагедии.

Существуют и другие страны, которым чужда память о Холокосте. Китай и Япония озабочены памятью о своих поражениях и жертвах; Индия и Пакистан помнят о взаимном разделении; афроамериканцы вспоминают Срединный путь (Middle Passage), т. е. о том, как их предков обращали в рабство и перевозили в Америку; бывшие колониальные страны, такие как Австралия и Канада, помнят истребление коренного населения. Названные страны являются наследниками собственных травм. Это подтверждает точку зрения Хальбвакса, что коллективная память по определению ограничена, т. к. основана на опыте и не может преодолеть групповые границы и стать всеобщей.

Сравнивая западные исторические травмы, Александр обнаруживает качественную разницу. Он доказывает, что ни одна из этих травм не проработана культурой в достаточной степени, чтобы преодолеть национальные границы и сформулировать общий урок для всего мира. Поскольку Холокост превратился во всеобщий урок, это единственная травма, приспособленная к глобализации⁶. Он задает

⁶ Александр обсуждает универсалистскую реконфигурацию атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки внутри нарратива «что может произойти после того

ся следующим вопросом: «Может ли страна или цивилизация, не признающая Холокоста, развивать универсальную политическую мораль? Очевидно, что незападные нации не могут “вспоминать” Холокост, но в контексте культурной глобализации они должны постепенно ознакомиться с его символическим смыслом и общественным значением» (Там же: 262). Александр утверждает уникальность и святость Холокоста в качестве краеугольного камня всеобщей моральной зрелости. Нации, которые не приобщились к памяти о Холокосте, доказывают, что они не могут достичь высшего уровня нравственного развития. Такое понимание всемирной морали, вероятно, соотносится со схемой морального развития психолога Лоренца Кольберга. Использование Александром Холокоста в качестве шкалы морального ранжирования напоминает о теории «осевого времени» Карла Ясперса. Ясперс применял этот термин ко времени около 500 г. до Р.Х. Он обнаружил, что в этот период истории внутри разных культур произошел синхронный и независимый прорыв на высший моральный и познавательный уровень, связанный со стремлением к трансцендентному и индивидуализму. Александр, без ссылок на терминологию Ясперса, конструирует Холокост как второе «осевое время», когда становится очевидным, что одни нации и культуры совершили прыжок впе-

как Америка утратит контроль над рассказом о Холокосте» (Alexander 2004: 239). Таким способом он указывает, что разработка «драм культурной травмы», как он их называет, происходит внутри конкурентного поля борьбы за моральный престиж.

ред, в то время как другие остались на прежнем моральном уровне⁷. Всеобщие нормы прав человека имеют собственную культурную историю, которая восходит к таким философам европейского Просвещения, как Локк и Кант. Всеобщая норма «преступления против человечности» также имеет свою историю. Она возникла в 1945 г. как прямое последствие опыта Холокоста. Вопрос состоит в том, должны ли неевропейские нации войти в царство всеобщей морали через игольное ушко Холокоста, либо тот же уровень моральных стандартов может быть достигнут другими путями?

ХОЛОКОСТ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ «ИКОНА»

«История распадается на образы, а не рассказы» (*Benjamin* 1999: 67). Эта фраза из «Проекта аркады» Вальтера Беньямина вполне приемлема для представления последней манифестации памяти о Холокосте как глобальной «иконе». Форма глобальной «иконны» заметно отличается от «исторической памяти» и «моральной нормы». Это предельное сокращение и сгущение памяти, которая, несмотря на фрагментацию, тем не менее сохраняет свою эмоциональность, используемую и опосредуемую во всегда новых контекстах. «Икона» выражает правду о Холокосте в самой краткой и «сгущенной» форме. Сокращение под-

разумевает «тривиализацию» исторических значений, но оно вместе с тем приводит к «сгущению» смысла и интенсификации образа, разделяя его многозначительностью. Такая «икона» является ярким образом, который представляет «суть» события.

В то время как глобальные «иконы» свободно путешествуют через национальные и культурные границы независимо от предписаний официальных структур и формальной принадлежности, они выступают вовсе не самоочевидными образами, но символическими конструктами, которые требуют серьезной проработки. Конструирование символов влечет различные шаги и переживает разные фазы.

ДЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

Холокост становится символом в 1980-е гг., когда исторические события были в значительной мере извлечены из исторического контекста и включены в новые метафизические и универсалистские рамки. То, что после 1945 г. рассматривалось как «примечание» к описанию событий Второй мировой войны, сейчас воспринимается как глобальное историческое событие, крах цивилизации, знак новой эпохи в истории человечности, «священное зло» такого размаха и ужаса, что оно бросается в глаза на фоне всей мировой истории и других травматических событий. Результатом стало представление о непостижимости этого трагического события (*Alexander* 2004: 222).

⁷ Александр ссылается на Ясперса, когда подчеркивает, что конструирование категории абсолютного зла «было сущностной чертой всех человеческих обществ, но приобрело особенно важное значение в цивилизациях осевого времени» (*Alexander* 2004: 202).

СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ

В своем символическом виде Холокост воплощает бесчеловечность вообще и становится моральной нормой поведения. Широкое использование метафоры Холокост подтверждает его статус моральной нормы (Bayer 2008). Этот символ фундаментального зла, подчеркивает Александер, не просто удерживать в рамках, он «источает зло». Зло «становится текучим, оно просачивается вовне, разрушая все, к чему прикасается. В качестве знака трагического нарратива Холокост оскверняет все, с чем приходит в соприкосновение» (Alexander 2004: 243). Под воздействием этого нарратива и его оскверняющего эффекта германская вина, например, уже не может ограничиваться индивидуальными преступниками, она пятнает и клеймит всю нацию⁸.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Во второй половине XX в. нееврейское население Европы и западных стран, которые столкнулись с Холокостом, радикально изменило отношение к нему от дистанцирования и безразличия к сочувствию и эмоциональной идентификации. Этому во многом способствовали медиа

⁸ Это интересный сдвиг от раннего концепта «коллективной вины», которая, с одной стороны, либо возлагалась немцами на себя, либо отвергалась ими. С другой стороны, в массовой культуре глубоко укоренилось представление о немцах как «нации преступников», которое намеренно стирает различия между историческими событиями и современной ситуацией. Александер обсуждает этот феномен в смысле «расширения круга преступников».

и музейные экспозиции. Рассказы о событиях того времени в формате личных историй таких реальных людей, как Анна Франк, и вымышленных персонажей вроде семьи Вайс в телевизионном сериале «Холокост» фокусировали внимание, потрясали воображение и рождали сочувствие. Идентификация, базовая форма контакта, развивалась в виде драматических фильмов, телевизионных шоу и видеосвидетельств, сегодня она также используется в «хореографии» музейных выставок. Воздействие производится далеко не только на познавательные функции посетителей, но все больше подчеркиваются возможности эмоционального переживания исторических событий.

АНАЛОГИЯ

Холокост используется как риторическая фигура в политических дискуссиях для того, чтобы придать легитимность вмешательству в случаях геноцида и других грубых нарушений прав человека. В Германии троп «Аушвица» воскрешается в качестве морального стандарта (или моральной дубины) и чтобы доказать необходимость военной интервенции, и чтобы ее запретить. Аналогии эти часто весьма сомнительны, поскольку применяются без разбора и часто уравнивают несравнимые события, например истребление евреев и аборт. Аналогии также используются, чтобы приуменьшить значение Холокоста и придать больше значимости собственной травме. Немецкий историк Йорг Фридрих описывает бомбардировку Дрездена, срав-

нивая подвалы домов с «газовыми камерами», а пилотов бомбардировщиков с «Айнзацгруппами» (Friedrich 2002).

МОДЕЛЬ

В глобальных медиа, где внимание становится валютой новой экономики, престижный символ Холокоста используется как рычаг для привлечения внимания к коллективной памяти маргинальных групп. Он во все большей степени используется в качестве модели для демонстрации, анализа и легитимации различных травматических памятей по всему миру. Отсылки к Холокосту необязательно порождаются «конкуренцией жертв», скорее речь идет о взывании к моральному авторитету, признанию и возмещению ущерба исторических травм, которые либо не получили, либо получили недостаточно общественного внимания. Например, американский писатель африканского происхождения Тони Моррисон посвятила свою книгу «Возлюбленная» памяти «более чем шестидесяти миллионов». В данном случае апелляция к Холокосту сделана с целью не принизить его значение, но обратить внимание американцев на их собственную историю и проложить путь к признанию травмы рабства, которая замечается в гораздо меньшей степени (Morrison 1987).

С точки зрения «проработки» средствами культуры и «иконизации» в медиа существует огромная разница между максимальным вниманием, которое уделяется Холокосту и другим травмам, обделенным вни-

манием и обрекаемым на забвение. У них отсутствуют как убедительные публичные нарративы коллективных страданий, так и группы «продвижения», обладающие «ресурсами, властью и способностью убедительно распространять требования признать свою травму» (Alexander 2002: 27). Другими словами, они еще не приступили к процессу «проработки травмы», который Джеффри Александер подробно описывает как процесс социального и культурного конструирования. Лишь незначительная часть исторических травм признана в этом качестве и получила публичную известность. Нанкинская резня и другие насилия японцев над своими китайскими соседями определяются как «забытый Холокост Второй мировой войны» (Там же: 26). Среди других «забытых холокостов» Второй мировой войны необходимо упомянуть геноцид цыган и жертв так называемой «эвтаназии», программы по истреблению психических больных, умственно отсталых и представителей других «неполноценных» с нацистской точки зрения групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характер и пространство памяти о Холокосте в значительной мере зависят от того, в каком качестве он рассматривается: как историческая травма, вопрос политической повестки, как космополитический эталон, универсальная норма или глобальная «икона». От выбора одного из этих подходов зависят параметры вспоминающего сообщества, будет ли оно узким либо широким, ограниченным либо открытым.

Как историческая травма эта память укоренена в исторических событиях, в которых преступники и жертвы, участники сопротивления и коллаборационисты, сторонние наблюдатели и «праведники мира» тесно связаны друг с другом. Сообщество памяти в данном случае состоит из исторических агентов, жертв и свидетелей, которые были вовлечены в события рядом с теми, кто пострадал от последствий этих событий, и теми, кто несет ответственность за эти преступления и их последствия. Европа представляет мемориальный пейзаж, связанный географией нацистского насилия. Историческая память о Холокосте укоренена в истории и памяти Второй мировой войны. Многие исторические места Европы могут быть отнесены к тому, что именуется «топографией террора». Под этим понимается совокупность мест, где воплощались бюрократические и палаческие практики нацистских преступников из Берлина, которые по официальному определению имеют значение «не только для Берлина, не только для немцев, но и для всей европейской истории. Подход к таким местам не должен ограничиваться задачами местной политики, но должен рассматривать их в международном контексте»⁹. Вместе с тем историческая память, укорененная в этих местах преступлений, не преодолевает географических границ и границ опыта, она, прежде всего, касается тех стран и людей, которые тем или иным об-

разом пострадали от причастности к этим событиям.

«Целевая группа по международному сотрудничеству по вопросам просвещения, памяти и исследованию Холокоста» (ITF) рассматривает память о Холокосте в формате стандартизированной *транснациональной памяти*, со своей политической повесткой. В такой форме она становится доступной не только для тех наций, которые не имеют отношения к истории этой трагедии, но она также придает однородность памяти тех стран, которые были причастны к Холокосту. Вопреки самоописанию в качестве неправительственной организации, условия членства в ITF влекут обязательства на *национальном уровне*, включая преподавание истории Холокоста в школах, устройство музеев и установление памятных дат. Эта память пересекает границы с помощью принятия обязательств усилить институционализацию Холокоста внутри национальных культур.

В настоящее время ITF сталкивается с двумя проблемами. Одна из них — растущий разрыв между официальной мемориальной повесткой и неофициальными («вульгарными» либо «оппонирующими») версиями истории, которые остаются вне поля зрения. Критики указывают на непреодолимое разнообразие точек зрения и обеспокоены тем, что данные различия не могут быть стерты путем «американизации» Холокоста¹⁰. Другая пробле-

⁹ Официальные документы государственного собрания в Берлине в 2004 г. Цит. по: (Jordan 2006: 50).

¹⁰ «История XX в. приобретает разную окраску в зависимости от того, рассматривается ли она с западной, восточной либо

ма касается «эффекта гегемонии», вписанного в политическую повестку, и «профиля легитимации» этого транснационального сообщества памяти (Tobler 2002: 271). Олик подчеркивает, что не только новые сочетания интересов производят новые образы прошлого, но и новые образы прошлого позволяют занимать новые позиции во власти (Olick 1998: 550). Хотя эта память превосходит не только национальный уровень, но и уровень ЕС, совсем не обязательно, чтобы она стала всеохватывающей глобальной памятью¹¹. Со стороны отсылки к Холокосту часто воспринимаются как гегемонистский инструмент экспорта западных ценностей и расширения западного влияния. Призывы Запада к универсальному пониманию истории либо встречаются с равнодушием, либо ведут к войне символов, в которой различные политические требования и культурные ценности сталкиваются на международной арене. Одним из случаев символического противодействия стала созванная 11–12 декабря 2006 г. иранским президентом Ахмадинежадом конференция противодействия памяти о Холокосте, на которую были приглашены представители 30 стран. Целью было создание контральянса в основном арабских стран

постколониальной точек зрения. Историческая память различается таким же образом. Учитывая множественность памятей, было бы если не заблуждением, то сложнейшей задачей установить единый подход» (Traverso 2009: 38).

¹¹ Социологи транснациональной публичной сферы говорят о различных аренах медиа, а также о двухсторонних — мы могли бы добавить полемических — структурах общественного резонанса в транснациональном пространстве.

для того, чтобы дискредитировать западные ценности, игнорировать политические требования Запада и остановить расширение сообщества памяти о Холокосте.

Память о Холокосте способна перелиться через границы тех стран, которые исторически связаны с этим событием, не только в виде транснационального политического союза, но в еще более радикальном виде в качестве *универсальной нормы*. В этой форме память выступает уже не хранилищем исторического опыта, но становится светской этической нормой. Эта норма основана на моральном уроке, вынесенном из Холокоста, который включает не только повышенную бдительность к возникающим импульсам антисемитизма, но также защиту человеческого достоинства и поддержку притесняемых меньшинств. Путем привязки к всеобщим правам человека сообщество травмы Холокоста может приобрести глобальный характер. При этом остается открытым вопрос, должна ли всеобщая норма утверждаться только через пример истории Холокоста, или другие исторические травмы также могут служить обоснованием этих моральных обязательств и норм.

Может ли всеобщий символ, избавленный от своего исторического содержания, стать *глобальной иконой*, которая беспрепятственно передвигается по неформальным каналам глобальной коммуникации? В формате канонического образа эта лишённая контекста историческая ссылка циркулирует, цитируется и понимается во всем

мире. Главным распространителем глобальных «икон» являются не институты образования, а медиа. Фильмы, пресса, телевидение и Интернет являются мощными каналами умножения, распространения и сообщения этих образов. Глобальный знак Холокоста имеет ясные отличия от исторической памяти и универсальной нормы. Он циркулирует по неофициальным каналам за пределами организованных институций и контролируемых государством каналов информации¹².

Отсылка к Холокосту в качестве глобальной «иконы» и культурного символа позволяет легко распространять его по всему миру и использовать в самых разных целях. В этой функции он стал средством для продвижения собственных целей и ценностей. «Так как в процессе универсализации Холокост был лишен своего собственного исторического смысла, он может быть использован для легитимации чего угодно, включая свою противоположность» (*Marchart et al.* 2003: 332). Как универсальная отсылка и глобальная «икона» он понимается во всех странах мира. Холокост, представленный в фотографиях, фильмах, книгах, мероприятиях и речах, получил широкое распространение, позволившее ему стать

¹² Выступая с точки зрения «второй стадии Модерна» против жестких рамок национального государства, Леви и Шнайдер (*Levy, Sznajder* 2001) пересматривают важную функцию государства в утверждении моральных универсалий. Негативный концепт государства очевиден с точки зрения 12 лет нацизма в германской истории, но он слишком узок, т. к. уравнивает концепт нации исключительно с агрессивным и этнически ориентированным государством.

всеобщим символом глобального масштаба. Из-за всемирного признания и статуса супертравмы Холокост стал образцом, по которому формулируются другие исторические травмы. Представление Холокоста в музеях и монументах стало моделью и источником для представления других исторических травм. Отсылки к Холокосту все шире используются, чтобы привлечь внимание к другим травмам и злодеяниям. В своем метафорическом развитии Холокост стал «свободным означающим», которое охотно ассоциируется со всеми видами морального зла, которое сегодня может быть применено к любой боли, разрушению, травме и бедствию (таким как «холокост бомбардировок», «ядерный холокост» и т.д.). На этом уровне Холокост уже действительно стал глобальным. Это не означает, однако, что эта лишенная контекста и территориальной привязки отсылка используется как моральная норма обеспечения прав человека. Гораздо чаще она используется, чтобы узаконить свои действия и поддержать собственные притязания на моральный авторитет, признание и возмещение ущерба.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Alexander 2002 – *Alexander J. C.* 'On the Social Construction of Moral Universals: The "Holocaust" from Mass Murder to Trauma Drama' // *European Journal of Social Theory*. 2002. № 5 (1). P. 5–86.

Alexander 2004 – *Alexander J. C.* (2004), 'Toward a Theory of Cultural Trauma' // *Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P.* *Cultural Trauma and*

Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 196–263.

Bayer 2008 — *Bayer G.* 'Der Holocaust als Metapher in postmodernen und postkolonialen Romanen' // *Bayer G., Freiburg R.* (eds). *Holocaust und Literatur.* Würzburg: Königshausen & Neumann, 2008. P. 267–290.

Benjamin 1999 — *Benjamin W.* *Arcades Project* / transl. by Howard Eiland & Kevin McLaughlin. Cambridge/MA: Harvard University Press, 1999.

Brumlick 2004 — *Brumlick M.* *Aus Katastrophen lernen? Grundlagen zeitgeschichtlicher Bildung in menschenrechtlicher Absicht.* München: Philo, 2004.

Diner 2007 — *Diner D.* *Gegenläufige Gedächtnisse. Über Geltung und Wirkung des Holocaust.* Tübingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. URL: eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri_OJ:C:2005:253E:0037:0039:DE:PDF (last visited 27 May 2009).

Fechler et al. 2000 — *Fechler B., Kößler G., Liebertz-Gross T.* (eds). 'Erziehung nach Auschwitz' in der multikulturellen Gesellschaft. Pädagogische und soziologische Annäherungen. Weinheim: Beltz, 2000.

Flacke 2004 — *Flacke M.* (ed.) *Mythen der Nationen. 1945 — Arena der Erinnerungen.* Exhibition catalogue. Mainz: Deutsches Historisches Museum, 2004.

Flanzbaum 1999 — *Flanzbaum H.* (ed.) *The Americanization of the Holocaust.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

Friedrich 2002 — *Friedrich J.* *Der Brand, Deutschland im Bombenkrieg 1940–1945.* Munich: Propyläen Verlag, 2002.

Halbwachs 1992 — *Halbwachs M.* *On Collective Memory* / ed. and transl. by Lewis A. Coser. Chicago: University Press, 1992.

Holocaustforum — *Holocaustforum.* URL: www.holocaustforum.gov.se/pdfand-forms/deklarat.pdf (last visited 27 May 2009).

Jordan 2006 — *Jordan J.A.* *Structures of Memory: Understanding Urban Change in Berlin and Beyond.* Stanford: Stanford University Press, 2006.

Kaiser 2007 — *Kaiser W.* 'Eine Europäische Didaktik des Holocaust? Möglichkeiten und Grenzen der Übertragung Pädagogischer Konzepte' // *Z' ydzi oraz ich sa, siedzi na Pomorzu Zachodnim w XIX i XX wieku.* Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. P. 345–353.

Knigge, Frei 2002 — *Knigge V., Frei N.* *Verbrechen erinnern: Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord.* München: Beck, 2002.

Koselleck 2002 — *Koselleck R.* 'Formen und Traditionen des negativen Gedächtnisses' // *Knigge V., Frei N.* (eds.) *Verbrechen erinnern: Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord.* München: Beck, 2002. P. 21–32.

Kroh 2008 — *Kroh J.* *Transnationale Erinnerung: Der Holocaust im Fokus geschichtspolitischer Initiativen.* Frankfurt: Campus, 2008.

Leggewie, Meyer 2005 — *Leggewie C., Meyer E.* 'Ein Ort, an den man gerne geht'. *Das Holocaust-Mahnmal und die deutsche Geschichtspolitik nach 1989.* München/Wien: Hanser, 2005.

Levi 1996 — *Levi P.* *Survival in Auschwitz.* New York: Touchstone, 1996.

Levy, Sznajder 2001 — *Levy D., Sznajder N.* *Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.

Marchart et al. 2003 — *Marchart O., Öhner V., Uhl H.* 'Holocaust revisited — Lesarten eines Medienereignisses zwischen globaler Erinnerungskultur und nationaler Vergangenheitbewältigung' // *Zuckermann M.* (ed.) *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte Medien — Politik — Geschichte.* Göttingen: Wallstein, 2003. P. 307–334.

Morrison 1987 — *Morrison T.* *Beloved.* New York: Knopf, 1987.

Nora 1996 – *Nora P.* Realms of Memory: Rethinking the French Past. Volume 1: Conflicts and Divisions, transl. Arthur Goldhammer. New York, Chichester, West Surrey: Columbia University Press, 1996.

Novick 1999 – *Novick P.* The Holocaust in American Life. Boston: Houghton Mifflin, 1999.

Olick 1998 – *Olick J.* ‘What Does It Mean to Normalize the Past?’ // *Social Science History*. 1998. № 22/4. P. 547–570.

Taskforce – Taskforce. URL: taskforce.ushmm.org/about/index.php?content_stockholm (last visited 27 May 2009).

Tobler 2002 – *Tobler S.* ‘Zur Emergenz transnationaler Öffentlichkeiten: Konfliktinduzierter Kampf um Definitionsmacht und transnationale Kommunikationsverdichtungen im Politikprozess

“Internationale Steuerpolitik im EU- und OECD-Raum” // Imhof K., Jarren O., Blum R. (eds) *Integration und Medien*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. P. 260–284.

Traverso 2009 – *Traverso E.* ‘Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung’ // Flierl T., Müller E. (eds) *Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung*. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2009. P. 27–46.

Zürn 2002 – *Zürn M.* ‘Zu den Merkmalen postnationaler Politik’ // Jachten-Fuchs M., Knodt M. (eds.) *Regieren in internationalen Institutionen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002. P. 134–215.

Zuroff 2002 – *Zuroff E.* ‘Sweden’s Refusal to Prosecute Nazi War Criminals 1986–2002’ // *Jewish Political Studies Review*. 2002. № 14/3–4.

DOES A GLOBAL MEMORY OF THE HOLOCAUST EXIST? EXPANSION AND BOUNDARIES OF THE NEW COMMUNITY OF MEMORY

Assmann Aleida – professor of English literature at the University of Konstanz (Germany)

Key words: trauma, perpetrators, victims, rescuers, bystanders, survivors, history versus memory, sites of memory, media, universals

The Holocaust today stands out as the paradigmatic genocide in world consciousness. It took four decades after the Second World War to surface as its key event and the central crime against humanity that has broken up the container of the nation-state and emerged as a global memory. The essay investigates the institutions and infrastructure of this growing memory community and discusses different qualities of its dispersion. Due to the irreducible difference of historical perspectives, global extension never implies sameness of memory. The quality, status and impact of this memory differ greatly, depending on whether it is framed as a historical trauma, as part of a political agenda, as a cosmopolitan reference, as a universal norm or as a global icon. Accordingly, the extension of the commemorating community will be smaller or larger, limited or open.

REFERENCES

Alexander J.C. ‘On the Social Construction of Moral Universals: The “Holocaust”

from Mass Murder to Trauma Drama’. *European Journal of Social Theory*, 2002, no. 5 (1), p. 5–86.

- Alexander J.C. (2004), 'Toward a Theory of Cultural Trauma' in Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 196–263.
- Bayer G. 'Der Holocaust als Metapher in postmodernen und postkolonialen Romanen' in Bayer G., Freiburg R. (eds). *Holocaust und Literatur*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2008. P. 267–290.
- Benjamin W. *Arcades Project*. Transl. by Howard Eiland & Kevin McLaughlin. Cambridge/MA: Harvard University Press, 1999.
- Brumlick M. *Aus Katastrophen lernen? Grundlagen zeitgeschichtlicher Bildung in menschenrechtlicher Absicht*. München: Philo, 2004.
- Diner D. *Gegenläufige Gedächtnisse. Über Geltung und Wirkung des Holocaust, Toldot 7*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. URL: eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri_OJ:C:2005:253E:0037:0039:DE:PDF (last visited 27 May 2009).
- Fechler B., Köbler G., Liebertz-Gross T. (eds). *'Erziehung nach Auschwitz' in der multikulturellen Gesellschaft. Pädagogische und soziologische Annäherungen*. Weinheim: Beltz, 2000.
- Flacke M. (ed.) *Mythen der Nationen. 1945 – Arena der Erinnerungen*. Exhibition catalogue. Mainz: Deutsches Historisches Museum, 2004.
- Flanzbaum H. (ed.) *The Americanization of the Holocaust*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
- Friedrich J. *Der Brand, Deutschland im Bombenkrieg 1940–1945*. Munich: Propyläen Verlag, 2002.
- Halbwachs M. *On Collective Memory*. Ed. and transl. by Lewis A. Coser. Chicago: University Press, 1992.
- Holocaustforum*. URL: www.holocaustforum.gov.se/pdfandforms/deklarat.pdf (last visited 27 May 2009).
- Jordan J.A. *Structures of Memory: Understanding Urban Change in Berlin and Beyond*. Stanford: Stanford University Press, 2006.
- Kaiser W. 'Eine Europäische Didaktik des Holocaust? Möglichkeiten und Grenzen der Übertragung Pädagogischer Konzepte'. *Z' ydzi oraz ich sa, siedzi na Pomorzu Zachodnim w XIX i XX wieku*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. P. 345–353.
- Knigge V., Frei N. *Verbrechen erinnern: Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord*. München: Beck, 2002.
- Koselleck R. 'Formen und Traditionen des negativen Gedächtnisses' in Knigge V., Frei N. (eds.) *Verbrechen erinnern: Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord*. München: Beck, 2002. P. 21–32.
- Kroh J. *Transnationale Erinnerung: Der Holocaust im Fokus geschichtspolitischer Initiativen*. Frankfurt: Campus, 2008.
- Leggewie C., Meyer E. 'Ein Ort, an den man gerne geht'. *Das Holocaust-Mahnmahl und die deutsche Geschichtspolitik nach 1989*. München/Wien: Hanser, 2005.
- Levi P. *Survival in Auschwitz*. New York: Touchstone, 1996.
- Levy D., Sznajder N. *Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Marchart O., Öhner V., Uhl H. 'Holocaust revisited – Lesarten eines Medienereignisses zwischen globaler Erinnerungskultur und nationaler Vergangenheitsbewältigung' in Zuckermann M. (ed.) *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte Medien – Politik – Geschichte*. Göttingen: Wallstein, 2003. P. 307–334.
- Morrison T. *Beloved*. New York: Knopf, 1987.
- Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Volume 1: Conflicts and Divisions, transl. Arthur Goldhammer. New York, Chichester, West Surrey: Columbia University Press, 1996.
- Novick P. *The Holocaust in American Life*. Boston: Houghton Mifflin, 1999.

Olick J. 'What Does It Mean to Normalize the Past?' *Social Science History*, 1998, no. 22/4, p. 547–570.

Taskforce. URL: taskforce.ushmm.org/about/index.php?content_stockholm (last visited 27 May 2009).

Tobler S. 'Zur Emergenz transnationaler Öffentlichkeiten: Konfliktinduzierter Kampf um Definitionsmacht und transnationale Kommunikationsverdichtungen im Politikprozess "Internationale Steuerpolitik im EU- und OECD-Raum"' in Imhof K., Jarren O., Blum R. (eds) *Integration*

und Medien. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. P. 260–284.

Traverso E. 'Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung' in Flierl T., Müller E. (eds). *Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung*. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2009. P. 27–46.

Zürn M. 'Zu den Merkmalen postnationaler Politik' in Jachten-Fuchs M., Knodt M. (eds.) *Regieren in internationalen Institutionen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002. P. 134–215.

Zuroff E. 'Sweden's Refusal to Prosecute Nazi War Criminals 1986–2002'. *Jewish Political Studies Review*, 2002, no. 14/3–4.

ПАМЯТЬ, ВРЕМЯ, МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В РАБОТАХ АЛЕЙДЫ АССМАН

Сквозной темой книг немецкого историка и культуролога Алейды Ассман, переведенных на русский язык и вышедших в свет в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2014–2016 гг., является культура памяти и восприятия прошлого в современном мире. «Длинная тень прошлого» и «Новое недовольство мемориальной культурой» представляют собой только часть обширного блока работ Алейды Ассман, посвященных темам памяти (Ассман 2014; 2016). Специалистам хорошо известны также работы ее мужа, египтолога и культуролога Яна Ассмана, одного из ведущих теоретиков в этой области: предложенное им разграничение коммуникативной и культурной памяти (Ассман 2004) ныне активно используется многими исследователями. Третья переведенная на русский язык работа Алейды Ассман, «Распалась связь времен?», посвящена изменениям концепции времени («темпорального режима») в европейской культуре (Ассман 2017).

Публикация трудов Алейды Ассман в России вызвала резонанс не только в сообществе гуманитариев — отметим ряд рецензий на немецкое и русское издание «Длинной тени прошлого» (Марков 2013; Тесля 2014; Давыдов 2015; Ивлева 2015; Ваньке 2016), — но и за пределами академической среды. «14 часов в самолете из Москвы в Магадан и обратно я читал и черкал книжку немки Алейды Ассман о “мемориальной культуре”, — пишет журналист Леонид Никитинский, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, в своем репортаже о поездке на Колыму. — ...Немцы об этом поставили множество вопросов, например: существует ли коллективная память или она лишь метафора? Если существует, то какую роль здесь играет государственная политика? Что надо помнить? Как надо помнить? Кто имеет право забыть?.. Немцам ведь удалось покаяние, хотя далеко не сразу» (Никитинский 2017).

Книги Алейды Ассман, посвященные становлению мемориальной культуры в послевоенной Западной Германии и трансформациям этой культуры в современной объединенной Европе, очевидно, затронули темы и струны, близкие

© Леонтьева О. Б., 2017

Леонтьева Ольга Борисовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара); oleontieva@yandex.ru

отечественному читателю и, возможно, даже болезненным для него. Насколько ее работы могут быть полезны для понимания российской мемориальной культуры и в какой мере предложенные ею подходы к анализу коллективной памяти могут быть спроецированы на современную российскую ситуацию — ключевой вопрос, ответ на который мы и постараемся здесь предложить.

«Мемориальная культура» — центральное понятие рассматриваемых здесь трудов. Под ней Алейда Ассман понимает новую культуру отношения к прошлому («освоения прошлого»), сложившуюся на рубеже XX–XXI вв. и связанную с глубинной сменой ценностей современного мира. Критический анализ мемориальной культуры, который она предпринимает, носит междисциплинарный характер, поскольку, как неоднократно подчеркивает Алейда Ассман, сама мемориальная культура охватывает самые разные сферы общественной, политической и культурной жизни. В качестве «событий памяти» — событий и явлений, формирующих наше отношение к прошлому, — в ее книгах фигурируют произведения художественной литературы (например, роман Гюнтера Грасса «Траектория краба», вышедший в 2002 г. и посвященный сложным взаимоотношениям трех поколений немецкого общества и их памяти о Второй мировой войне); художественное и документальное кино (Алейда Ассман подробно характеризует воздействие на немецкую аудиторию американского телесериала «Холокост», показанного в Германии в 1978 г., и немецкого сериала

«Наши матери, наши отцы», вышедшего на экраны в 2013 г.); выставки и музейные экспозиции (например, знаменитая передвижная выставка «Преступления вермахта», организованная в 1990-е гг. и возобновленная в 2000-е); мемориальные комплексы (от «Нойе Вахе» до мемориала жертвам Холокоста в Берлине); инсталляции (работа «Длинная тень прошлого» начинается с рассказа об инсталляции Хорста Хоайзеля, организованной в 1997 г., когда на Бранденбургские ворота была спроецирована гигантская фотография ворот концлагеря Аушвиц); а также публичные акции, демонстрации, речи политиков и т. д.

Научные исторические труды в таком случае — только часть тех «кирпичиков», из которых складывается мемориальная культура. К высказываниям историков Алейда Ассман обращается в тех случаях, когда эти высказывания сыграли важную роль в общественной жизни: так, она неоднократно возвращается к «спору историков», развернувшемуся в Западной Германии в середине 1980-х гг., — о том, надо ли немецкому обществу «проститься с прошлым» или оно должно постоянно ощущать свою вину и ответственность, может ли быть «нормализовано» нацистское прошлое, сопоставимы ли нацизм и коммунизм, есть ли моральные различия между преступлениями немцев и преступлениями союзников против немцев в годы Второй мировой и т. д.

Профессиональный историк, Алейда Ассман считает способность к пересечению границ научных дисциплин

плин одним из важнейших качеств современного ученого. Благодаря такому подходу текст ее книг — достаточно «плотный» и интеллектуально насыщенный — сочетает теоретические и практические аспекты; философские размышления о природе индивидуальной и коллективной памяти зачастую построены как полемика или конструктивный диалог с другими авторами и перемежаются анализом конкретных социальных и культурных явлений, событий, казусов.

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ

Теоретические разделы, с которых начинаются работы «Длинная тень прошлого» и «Новое недовольство мемориальной культурой», посвящены проблеме соотношения индивидуальной и коллективной памяти — иными словами, поиску ответа на вопрос «*Кто помнит?*», без которого трудно дать ответы на другие вопросы мемориальной культуры: «*О ком следует помнить?*», «*Что следует помнить?*» и «*Как следует помнить?*» Алейда Ассман вступает в дискуссию по, казалось бы, чисто умозрительной проблеме — существует ли коллективная память и как она возможна, если у коллектива нет мистической «общей души» (так, с критикой понятия «коллективная память» выступал патриарх немецкой историографии Райнхарт Козеллек, которого Алейда Ассман признает своим наставником и памяти которого посвящена «Длинная тень прошлого»). Решение этой теоретической проблемы, с точки зрения немецкой исследовательницы, необходимо для

рассмотрения вопроса о том, как возможно осознание общей вины и общей ответственности.

Алейде Ассман удается предложить решение, заключающееся в следующем. Социум, коллектив не может «помнить» в прямом значении этого слова, но может задавать социальные рамки для воспоминаний, может определять их востребованность и актуальность, благоприятствовать воспоминаниям или забвению. Отклоняя понятие «коллективная память» как чересчур расплывчатое, она предлагает разграничивать социальную память (память трех-четырех поколений, находящихся в коммуникативном взаимодействии), политическую память (закрепленную политическими институтами, коллективными ритуалами и нацеленную на формирование общей идентичности) и, наконец, культурную память (отличающуюся многообразием смыслов и развивающуюся по принципу «музея с запасником»: то, что вчера было значимым и выставлялось в экспозиционном зале, завтра может переместиться в запасник — и наоборот). Политическая память обращена к коллективу, тяготеет к однозначным толкованиям и прагматическому использованию прошлого; в отличие от нее, культурная память всегда требует индивидуального восприятия и интерпретации, без которых невозможно ее живое развитие.

Теоретический диспут приобретает этическое измерение, когда исследовательница вводит понятия «память победителей и побежденных», «память жертв и память

преступников». Память победителей и память побежденных, с ее точки зрения, зеркально подобны друг другу, и дело тут не только в том, что в ходе истории победители и побежденные часто меняются ролями, но и в том, что идентичность тех и других строится вокруг ценностей национальной гордости и чести — и с легкостью находит свое воплощение в героическом или мученическом нарративе. Целительным средством для примирения победителей и побежденных может служить взаимное забвение обид, нанесенных друг другу (как это произошло, например, в Испании после гражданской войны и диктатуры Франко). Напротив, память жертв и память преступников, как доказывает Алейда Ассман, принципиально асимметричны, и молчание жертв и палачей — это очень разное молчание. Молчание жертв об их травматическом опыте выражает их бессилие, и это молчание должно быть нарушено ради самих жертв — травма может быть исцелена только с помощью рассказа о ней, общественного резонанса и социальной реабилитации жертв. Преступники же кровно заинтересованы в молчании о совершенных ими преступлениях, и даже если прямое отрицание вины невозможно — используют разнообразные стратегии вытеснения «неудобных воспоминаний»: взаимный зачет вины («они тоже виноваты перед нами»), экстернализацию («виноват не я, а другие, я всего лишь выполнял приказ»), пробелы («я этого не помню, следовательно, этого не было»), замалчивание и, наконец, фальсификацию. В этой ситуации ключевую роль приобретает третья фигура — свидетеля (ко-

торый зачастую сам является одной из выживших жертв): он нарушает заговор молчания, и свидетельство становится его моральной обязанностью. Кроме того, необходимо еще и сообщество, своего рода хор в античной трагедии, которому свидетель адресует свой рассказ и которое готово вынести моральное суждение; деятельное участие «морального сообщества» требуется, чтобы реабилитировать жертву и вынудить преступника признать свою вину.

Таким образом, концепция памяти, разработанная Алейдой Ассман, строится вокруг этических категорий, в первую очередь — вокруг категории вины, ее признания или отрицания. Этот теоретический подход применяется ею при анализе мемориальной культуры современного мира и, прежде всего, памяти немецкого общества.

II. НЕМЕЦКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ

Обращаясь к теме формирования немецкой идентичности после 1945 г., Алейда Ассман выделяет три поколения: «отцов», «детей» и «внуков», для каждого из которых характерна своя стратегия по отношению к памяти (аналогичный подход мы встречаем, например, у Йорна Рюзена) (*Ретина* 2005: 163–164). Следует сделать важную оговорку: большей частью в ее работах идет речь о Западной Германии, проблема того, как формировалась культура памяти в ГДР, в условиях социалистического строя, затрагивается лишь фрагментарно.

Стратегией поколения «отцов», переживших войну взрослыми людьми и испытавших шок поражения, стало молчание о своем недавнем прошлом и о бывшей восторженной поддержке нацистского режима; стратегия молчания, вокруг которой сложился своего рода общественный договор, оказалась полезной с прагматической точки зрения — для эффективного строительства новой Германии, — но не способствовала моральному оздоровлению общества.

«Поколение 1968-го» (к нему принадлежит сама Алейда Ассман, родившаяся в 1947 г.) заявило о себе конфликтом с отцами, задавая вопросы, обвиняя и разоблачая; «дети» видели вину отцов не только в их нацистском прошлом, но и в самом факте умолчания о нем. Именно представители этого поколения позже, в 1980-е гг., и создали «новую мемориальную культуру», основанную на эмпатии к жертвам Холокоста и на признании вины немецкого общества. Ключевые постулаты «новой мемориальной культуры» заключаются в том, что от ответственности за преступления национал-социализма невозможно избавиться; проработка этой вины не может быть завершена, и ответственность за нее, как «эстафету памяти», придется передать следующим поколениям. С середины 1990-х гг. эта мемориальная культура обрела в Германии официальный государственный статус, став основой «политики памяти».

Наконец, память поколения «внуков», родившихся в 1970–1980-е, сложна и неоднородна. С одной сто-

роны, для деятелей культуры третьего поколения характерен интерес к своим предкам и семейной истории, желание связать порванные нити и возобновить межпоколенческий диалог. С другой стороны, «внуки», в свой черед, встают против «интерпретативной власти» своих отцов, поколения 1968 г. Для поколения «внуков» характерно сознательное восстановление памяти о жертвах Второй мировой войны с немецкой стороны — о беженцах, жертвах бомбардировок, насильственных депортаций и т. д. Вследствие этого общество втягивается в небезобидную «конкуренцию жертв», когда, например, память о Дрездене противопоставляется памяти о Холокосте (потенциальной опасности такой «конкуренции» и посвящен роман Гюнтера Грасса «Траектория краба»). В связи с этим одним из важных вопросов книг Алейды Ассман становится вопрос о том, как изменится память немецкого общества, когда на историческую арену выйдет четвертое послевоенное поколение и одновременно уйдут последние живые свидетели, какие трансформации претерпит при этом «мемориальная культура» — и сохранится ли она?

Одним из важных концептуальных положений работ Алейды Ассман является вывод о том, что национальное сообщество само по себе не может справиться с «проработкой» трудных вопросов памяти; для такой «работы над прошлым» необходимы определенные рамочные условия — влияние транснационального сообщества, мировой общности, которая становится

своего рода апелляционной инстанцией по отношению к жертвам, преступникам и свидетелям.

III. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Работы Алейды Ассман имеют как национальное, так и транснациональное измерение: анализ состояния памяти немецкого общества переплетается с характеристикой международной, прежде всего европейской «мемориальной культуры». В своих концептуальных построениях она исходит из того, что, когда объединение Европы стало политической реальностью, новому геополитическому образованию стала нужна новая коллективная идентичность, общие «места памяти». Механическое суммирование национальных нарративов и «мест памяти» не могло стать удовлетворительным решением задачи; и в этой ситуации новая коллективная идентичность европейского сообщества сложилась вокруг памяти о Холокосте. На вопрос о том, почему именно Холокост стал центральным событием европейской памяти, Алейда Ассман дает такой ответ: потому что это было самое радикальное отрицание прав человека; память о нем является в то же самое время моральным императивом, требованием не допустить подобного впредь («Никогда больше!»); сохранение памяти необходимо для утверждения прав человека в качестве высшей ценности.

С превращением Холокоста в центральное событие общеевропейской памяти, продолжает исследовательница, изменился сам тип ме-

мориальной культуры: если обычно в центре национального нарратива находятся фигуры героев-победителей и героев-мучеников, погибших сражаясь, то отныне ключевыми фигурами мемориальной культуры становятся не герои, а жертвы, безвинные страдальцы. Вырастает общественная значимость морального свидетельства о жертвах. Память о Холокосте приобретает универсальное значение, не сводимое к трагической истории еврейского народа: она становится своего рода матрицей для рассказа о жертвенном опыте других этнических и социальных групп – жертв геноцида, депортаций, работорговли и т. д.

Тема памяти жертв, как подчеркивает Алейда Ассман, оказалась востребованной в постколониальном мире, когда перед обществом встали задачи преодоления расизма и апартеида. Тем самым «новая мемориальная культура» перешагнула европейские рамки. Процессы глобализации ведут к тому, что моральное сообщество становится универсальным, всемирным; ценности, на которых оно строится, – права человека – также носят универсалистский характер. Расширяется и содержание понятия «права человека»: теперь оно включает в себя право жертвы на то, чтобы быть услышанной, получить моральную компенсацию и гарантии необходимых общественных перемен. Частью современной «исторической политики» стала практика публичных извинений глав государств и церквей за совершенные преступления: с точки зрения Алейды Ассман, это важный знак, свидетельствующий о коренной смене

приоритетов, — ради ценности прав человека стало возможным поступиться честью государства.

Зачастую как в европейском, так и в мировом масштабе новая мемориальная культура порождает явление «конкуренции жертв»; между соседними государствами разворачиваются «войны памяти» по вопросу о том, кто понес больший урон и кто перед кем в большей мере несет историческую вину. Но, как настойчиво утверждает Алейда Ассман, ловушки «конкуренции жертв» можно избежать, если строить мемориальную культуру не по принципу «или — или» (когда память о «наших» жертвах исключает память о жертвах соседей), а по принципу «и — и», когда память о собственных страданиях способствует сопереживанию и признанию чужих страданий.

Таким образом, ключевыми особенностями «новой мемориальной культуры» Алейда Ассман считает, во-первых, «этический поворот» — критическое осмысление истории с точки зрения жертв, с помощью категорий вины и ответственности; во-вторых, «глобализацию памяти», благодаря которой возникло транснациональное моральное сообщество, выступающее в качестве «апелляционной инстанции» и объединенное признанием универсальной ценности прав человека.

IV. ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа «Новое недовольство мемориальной культурой» была написана через несколько лет после

«Длинной тени прошлого»; если в первой по хронологии книге Алейда Ассман выстраивает перед читателем стройную концепцию развития мемориальной культуры в современном мире, то вторая книга носит скорее полемичный характер: в ней эта концепция проверяется реальным опытом развития немецкой и европейской культуры, вскрываются те проблемы мемориальной культуры, которые стали заметны за последние годы.

Часть этих проблем связана с немецкой культурой памяти и немецкой идентичностью. В течение трех последних десятилетий они формировались вокруг темы вины и ответственности немецкого народа за Вторую мировую войну и Холокост; но как в таком случае передать эту идентичность мигрантам, массово прибывающим в Германию и вливающимся в немецкое общество? Зачем им эта память и почему они должны брать на себя бремя этой ответственности? Способно ли само немецкое общество признать выходцев из стран третьего мира своей неотъемлемой органической частью, или их удел — так и оставаться «чужаками»? Насколько велика опасность возрождения в новых исторических условиях экстремистских движений, основанных на идее расизма?

Другой важный для немецкого общества вопрос заключается в том, как уравновесить память «бывшей ФРГ» и «бывшей ГДР». Для бывших граждан ГДР важна память о репрессиях коммунистического режима (Алейда Ассман использует по отношению к нему термин «сталинизм»)

и «проработка» именно этой памяти; но какое место эти воспоминания могут занять в общегерманской культуре? Могут ли память о Холокосте и память о сталинизме сосуществовать в рамках одной мемориальной культуры, не аннигилируя друг друга?

Эта проблема, подчеркивает Алейда Ассман, актуальна и для всей объединенной Европы. Применительно к Западной Европе стержнем новой коллективной идентичности стала память о Холокосте, но для Восточной Европы актуальнее оказалась память о коммунистическом режиме: в Будапеште, Риге, Таллине, Вильнюсе и других восточноевропейских столицах возникли «музеи советской оккупации». Объединившаяся Европа вновь оказалась расколотой — на этот раз по линиям памяти; и вновь эти незримые линии делят ее на Восточную и Западную. Как преодолеть этот разрыв и воссоединить расколотую память? При попытке решения этого вопроса сразу же встает в полный рост проблема, сформулированная еще в 1980-е гг. в ходе «спора историков»: какой из тоталитарных режимов «хуже» и можно ли их вообще сравнивать друг с другом — как в теоретическом, так и в моральном плане?

Наконец, новым явлением не только немецкого или европейского, но и мирового социокультурного ландшафта становится феномен «недовольства мемориальной культурой», давший название одной из книг Алейды Ассман, — недовольства, которое высказывают политики, историки, деятели куль-

туры в самых разных странах мира. Смысл этого недовольства можно выразить примерно таким образом: хватит уже вспоминать прошлое, чувство вины становится болезненной навязчивой идеей, идентичность не может быть построена на негативной памяти... Не продуктивнее ли все забыть — ведь память заставляет постоянно беречь старые раны, а забвение может выполнить терапевтическую функцию?

В задачу данной рецензии не входит подробный пересказ тех ответов на эти трудные вопросы, которые предлагает Алейда Ассман. Отметим лишь наиболее существенное. Алейда Ассман исходит из того, что поиск ответа на каждый из них является делом не горстки политиков и политтехнологов, а самого общества (точно так же как ответственность за нацизм ложится не на одних только лидеров государственных, военных и партийных структур, но на все население, с готовностью отказавшееся от индивидуальной совести и подчинившееся авторитарным структурам). Именно поэтому в работе «Новое недовольство мемориальной культурой» столь важное место занимает обзор общественных инициатив в деле памяти, идущих «снизу», с муниципального уровня. Алейда Ассман настаивает, что гражданское общество невозможно создать раз и навсегда — оно должно вновь и вновь доказывать свою состоятельность перед лицом все новых вызовов. Добавим к этому, что, по мнению немецкой исследовательницы, «новая мемориальная культура» может и должна выдержать те испытания на прочность, которым подверга-

ет ее современный мир: память, с ее точки зрения, продуктивнее забвения, поскольку память служит грозным предостережением и указывает на возможную глубину человеческого падения; если же травматическое прошлое вытеснить из памяти, оно может возвратиться.

V. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ

Одним из важных, но не сразу проявляющихся следствий формирования «новой мемориальной культуры» Алейда Ассман считает ключевые мировоззренческие изменения в европейской и – шире – мировой культуре. Эти перемены связаны с восприятием времени и истории; для их характеристики исследовательница вводит термин «темпоральный режим культуры», понимая под ним «комплекс культурных постулатов, ценностей и установок, которые, даже не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» (Ассман 2017: 15).

В XIX и в XX вв., как подчеркивает Алейда Ассман, европейская культура строилась вокруг идеи модернизации; концепция времени была основана на вере в светлое будущее и на убеждении в том, что ради скорейшего наступления этого будущего необходимо решительно расстаться с прошлым. Однако в течение XX в. эта темпоральная культура все более расшатывалась в своих основах: мировые войны, преступления против человечности, надвигающаяся экологическая катастрофа шаг за ша-

гом разрушали оптимистический образ будущего, веру в прогресс и в благотворность любых новаций. События 1989–1991 г. – падение Берлинской стены, череда «бархатных революций», крушение социалистического проекта в Советском Союзе – стали «точкой невозврата»: человечество осталось без внятного образа будущего.

Но «по мере того как меркнет свет будущего, в нашем сознании все больше места занимает прошлое» (Ассман 2017: 11) – формируется новый «темпоральный режим», основанный на признании ценности памяти и прошлого. Формирование «новой мемориальной культуры» связано с осознанием того, что события прошлого не «проходят», а «возвращаются» в настоящее, определяя нашу идентичность и наше восприятие мира. Более того, прошлое определяет и наше будущее, если память о нем приобретает характер коммеморативного императива («мы должны это помнить, чтобы это не повторилось»). Центральными категориями новой парадигмы становятся культура, идентичность и память – сама культура воспринимается как коллективная память, необходимая для становления коллективной идентичности.

С точки зрения Алейды Ассман, изменение восприятия времени – смещение фокуса интереса от будущего к прошлому – свидетельствует о том, что завершилась целая эпоха в истории европейской культуры, начавшаяся еще в XVII в.; а это, в свою очередь, повлекло за собой целый ряд других важных социокультурных перемен.

В частности, как это неоднократно подчеркивается во всех рассматриваемых книгах Алейды Ассман, формирование «новой мемориальной культуры» привело к изменению роли исторической науки в обществе. Мемориальное движение в демократическом обществе не насаждается «сверху», а складывается из множества общественных инициатив, субъектами которых являются самые разные социальные группы, стремящиеся помнить свое прошлое и донести важность своего опыта для других. По своей сути мемориальная культура — «растение, которое выросло вне поля компетенции профессиональных историков» (Ассман 2016: 108); это означает, что историки потеряли монополию на реконструкцию, толкование и репрезентацию прошлого. Возник «мемориальный дискурс», представляющий собой нечто третье между памятью и исторической наукой.

В рамках этого дискурса, продолжает Алейда Ассман, столкнулись друг с другом две разные стратегии освоения прошлого — историзация и морализация. Они представляют собой разнонаправленные векторы: морализация подразумевает «суд над прошлым» с позиций универсалистской морали, парадигмы прав человека и ценности человеческой жизни, а историзация, в свою очередь, предполагает возможность свободного изучения события и суждения о нем. В современном мире уже возникают ситуации, когда две эти стратегии входят в противоречие друг с другом: одним из проявлений этого стали «мемориальные законы», принимающиеся в разных

странах мира и ограничивающие свободу изучения знаковых исторических событий и высказывания о них.

Другие важные изменения, затронувшие историческую науку, по мнению Алейды Ассман, связаны с возрастанием роли свидетельств в мемориальной культуре. С одной стороны, обращение к живым человеческим воспоминаниям обогатило историческую науку эмоциональным компонентом, эмпатической составляющей, этической ориентацией. С другой стороны, изыскания психологов и других специалистов в области изучения памяти показывают, что любые воспоминания неточны и изменчивы в силу многих причин как индивидуального, так и социального характера. Не ведут ли эти открытия к кризису исторического знания и подрыву самих основ историописания — ведь «у истоков любого исторического опыта всегда находится очевидец» (Ассман 2014: 143) и ненадежность воспоминаний означает, что наука не располагает достоверными источниками?..

Наконец, культурологические исследования о роли мифа в человеческой культуре — в том числе в культуре современной — позволили понять, что между «критической историографией» и «идеологией» или «мифом» нет столь уж строгой дихотомии, поскольку историк, как и любой человек, сам находится в плену мифов и идеологий. Таким образом, оборотной стороной становления мемориальной культуры становятся сомнения в том, достижимы ли историческая истина

и объективность, — и, следовательно, девальвация общественного авторитета исторической науки.

Способна ли историческая наука пережить этот кризис? Здесь, как и в случае с мемориальной культурой в целом, Алейда Ассман склонна, несмотря на все сомнения, дать утвердительный ответ. Неточность и ненадежность человеческой памяти не означает, что все наши знания о прошлом следует считать «ложными» или «сконструированными»; но в силу этой неточности мы должны подвергать источники проверке, сопровождаемой дискурсивной рефлексией. Понимание того, что историческое знание несет в себе мифологический и идеологический компонент, не отменяет идеала исторической объективности, но требует от историка большей профессиональной и гражданской ответственности: «идеал исторической объективности... не в последнюю очередь состоит в том, чтобы сознать, насколько труден подобный идеал, не позволяющий потворствовать своим предубеждениям, а заставляющий распознавать и преодолевать их» (Ассман 2014: 46). Не надо думать, предостерегает Алейда Ассман, что история «однажды... станет нам ясной до конца... будто прочитанный до последней страницы детективный роман» (Ассман 2016: 39); «вся правда истории недостижима, и она останется таковой, именно поэтому мы вынуждены искать все новые подходы к ней» (Ассман 2014: 259). Смысл развития исторической науки состоит в самом этом поиске, а не в окончательном устранении всех возможных сомнений.

Алейда Ассман стремится найти подход, при котором историзирующая и морализирующая стратегии освоения прошлого смогли бы ужиться, не мешая друг другу. Одной из задач научных исследований, с ее точки зрения, должна быть аналитическая рефлексия в отношении государственной и общественной мемориальной активности; решение этой задачи может стать профессиональной и социальной миссией историка. Поэтому исследовательница решительно высказывается против законов, ограничивающих свободу изучения и публичной полемики.

Книги, посвященные мемориальной культуре в современном мире, Алейда Ассман заканчивает рекомендациями, обращенными к гражданскому и научному сообществу, — она стремится ввести своеобразные правила цивилизованного обращения с памятью. Отвечая тем авторам, которые считают, что забвение целительно и что оно продуктивнее постоянных и навязчивых напоминаний об исторической вине, Ассман настаивает, что в случае взаимоотношений жертв и преступников забвение означает не исцеление общества, а оправдание зла; что память о жертвах надо сохранять как предостережение будущим поколениям и что в общую модель мемориальной культуры может органично вплестаться память о травматическом опыте разных групп, не порождая при этом «войн памяти». Формирование «мемориальной культуры» и «этический поворот» в историческом знании предстают в ее работах не как сюжетообразующие явления, а как

а как фундамент мировоззрения и идентичности современного человека.

VI. МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РОССИЯ

По ходу чтения книг Алейды Ассман постоянно встает вопрос, поставленный в начале этой статьи: насколько ее наблюдения, размышления и выводы проецируются на российский опыт? Может ли концепция мемориальной культуры быть полезна для понимания современной социокультурной ситуации в нашей стране?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос достаточно очевиден: да, может, поскольку у нас — своя собственная травматическая память. Показательно, что практически одновременно с работой Алейды Ассман о мемориальной культуре в том же издательстве и в рамках той же книжной серии вышла в свет монография Александра Эткинда «Кривое горе: память о непогребенных», посвященная «культурным механизмам памяти и скорби» по жертвам советских репрессий. Как и Алейда Ассман, Эткинд выделяет и сопоставляет память трех «посткатастрофических» поколений — отцов, детей и внуков. Но при параллельном чтении этих книг становится ясно, что различий в немецких и российских стратегиях «работы с прошлым» значительно больше, чем сходства. В финале «Кривого горя» Эткинд констатирует, что перед германским и российским обществом стоят принципиально разные проблемы в области памяти: германская память о преступлениях

нацизма сложилась и кристаллизовалась, и теперь в немецкой культуре идут дискуссии о том, как спасти память от «окаменения», вдохнуть в нее новую жизнь; в российском же обществе до сих пор не сложился консенсус в отношении к прошлому, и память о сталинских репрессиях в художественной культуре и публичном пространстве принимает причудливые макабрические формы (Эткинд 2016: 309–310).

Отечественная культура памяти о прошлом существует сейчас в принципиально иных рамочных условиях, нежели, например, германская. Прежде всего, российское общество и государство не соотносит себя явным образом ни с какой транснациональной идентичностью. Во времена СССР в качестве такой транснациональной идентичности выступала идея социализма, задача построения «светлого будущего» — общества социальной справедливости; после распада Советского Союза актуальной стала задача создания национальной идентичности — о «поисках национальной идеи» для России активно говорили и писали еще с 1990-х гг. Таким образом, наш случай зеркально противоположен германскому, где приблизительно с 1945 до 1989 г. шло строительство новой национальной идентичности, а с 1989 г. — ее встраивание в идентичность общеевропейскую. Если, согласно концепции Алейды Ассман, именно транснациональное «моральное сообщество» является носителем универсальных ценностей и арбитром в делах памяти, то нам не приходится рассчитывать на помощь внешних инстанций в деле

«проработки прошлого»; и работа над формированием национальной идентичности, и ее рефлексивный анализ ложатся исключительно на наши плечи.

При этом мы, как и европейское сообщество, тоже живем в мире, где произошел «мемориальный поворот» — поворот общественного сознания от будущего к прошлому; в мире, где ведутся «войны памяти» и принимаются «мемориальные законы». В условиях, когда осязаемого проекта общего будущего больше нет, общественную и медийную повестку дня все чаще определяют проблемы «общего прошлого», исторические события и фигуры — от Ивана Грозного до Сталина, от Владимира Святого до Матильды Кшесинской. При этом, безусловно, сам накал дебатов свидетельствует, что споры ведутся не только об оценке конкретных деятелей и событий, но и — прежде всего — о тех ценностях, вокруг которых должно строиться современное российское общество (в частности, о проблеме человека и власти, о том, оправдывает ли цель средства, и т. д.).

Как и на всем пространстве, где формируется мемориальный дискурс, историческая наука в России утратила монополию на истолкование прошлого: инициативу у нее активно перехватывают политики и публицисты, СМИ и блогосфера. Феномен популярности «альтернативной истории» красноречиво свидетельствует и о потребности читательской аудитории в связанном историческом нарративе, с помощью которого можно построить

национальную идентичность, и об утрате доверия массового читателя к классической исторической науке, о неверии в ее способность справиться с этой задачей. При этом обсуждение ключевых проблем «ремесла историка» уже вышло далеко за рамки академического дискурса. В результате публичного конфликта между историком С. В. Мироненко и министром культуры В. Р. Мединским по вопросу о достоверности истории о 28 панфиловцах, а затем другого конфликта — уже вокруг докторской диссертации самого Мединского, — в центре общественных дискуссий оказались вопросы об историческом мифе и исторической истине, о том, является ли история строгой наукой или ее удел — продуцирование мифов, достижимо ли достоверное знание о прошлом и должны ли существовать в современном обществе «святые легенды», которых не может касаться историческая критика. Профессиональные историки фактически стоят перед необходимостью вынести на суд общественности основы своего «ремесла» и заново завоевывать общественный авторитет; от способности историков-профессионалов дать ответ на вызовы современности зависит то, чем станет научное знание и какую роль будет оно играть в эпоху мемориальной культуры.

Таким образом, публикация работ Алейды Ассман в России стала ответом не только на запрос профессионального сообщества, но и на актуальную общественную потребность. Определить контуры той мемориальной культуры, которая формируется на наших глазах и при нашем

непосредственном участии; отыскать методологический инструментарий для ее критического анализа; попытаться (сколь бы трудным это ни казалось) достичь общественного консенсуса по вопросу о принципах цивилизованного обращения с исторической памятью — во всем этом труды немецкой исследовательницы могут быть нам полезны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Ассман 2016 — Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

Ассман 2017 — Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).

Ваньке 2016 — Ваньке А.В. Диалоги памяти. Рецензия на книгу: Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Перевод с немецкого Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014 // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №2. С. 240–245. URL: sociologica.hse.ru/data/2016/06/30/1115736616/

SocOboz_15_2_240-245_Vanke.pdf (дата обращения: 22.08.2017).

Давыдов 2015 — Давыдов И.П. Архетип коллективной памяти (Рецензия на книгу: Ассман Алейда. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. №2. С. 377–387.

Ивлева 2015 — Ивлева И.В. К проблеме памяти, воспоминания и забвения в культуре. Рецензия на книгу: Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014 // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVII. №2. С. 209–214. URL: jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_2/Ivleva_2015_2.pdf (дата обращения: 22.08.2017).

Марков 2013 — Марков А. [Рец. на:] Assmann Aleida. Der Lange Schattender Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Muenchen: C. H. Beck, 2006. 320 s. // Новое литературное обозрение. 2013. №123. С. 380–383. URL: magazines.russ.ru/nlo/2013/123/k32.html (дата обращения: 22.08.2017).

Никитинский 2017 — Никитинский Л. Скрепка Колыма: Репортаж с переднего края покаяния, где народная память — это память, а не проект // Новая газета. №75 от 14 июля 2017. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/14/73112-skrepa-kolyma (дата обращения: 22.08.2017).

Репина 2005 — Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169.

Тесля 2014 — Тесля А. Неудобная теория. Растущие ставки исторической памяти перед лицом теоретического знания // Гефтер: Интернет-журнал. 28.04.2014.

URL: gefter.ru/archive/12159 (дата обращения: 22.08.2017).

Эткнд 2016 — Эткнд А. Кривое горе: Память о непогребенных / авториз.

пер. с англ. В.Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

MEMORY, TIME, MEMORIAL CULTURE IN THE WORKS BY ALEIDA ASSMANN

Leontyeva Olga B. — doctor of historical sciences, associate professor, professor, Department of Russian history of the Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara)

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* / per. s nem. Borisa Khlebnikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.

Assman Ia. *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* / per. s nem. M. M. Sokol'skoi. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 368 p. (Studia historica).

Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* / per. s nem. Borisa Khlebnikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (Библиотека журнала "Неприкосновенный запас").

Assman A. *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* / per. s nem. Borisa Khlebnikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 272 p. (Библиотека журнала "Неприкосновенный запас").

Davydov I. P. Arkhetip kollektivnoi pamiatii (Retsenziia na knigu: Assman Aleida. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* / per. s nem. Moscow: N. L. O., 2014. 328 s.) // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2015, no. 2, p. 377–387.

Etkind A. *Krivoie gore: Pamiat' o nepogrebennykh* / avtoriz. per. s angl. V. Makarova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie,

2016. 328 p.: il. (Библиотека журнала "Неприкосновенный запас").

Ivleva I. V. K probleme pamiatii, vospominaniiia i zabveniiia v kul'ture. Retsenziia na knigu: Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Moscow: NLO, 2014 // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2015, vol. XVII, no. 2, p. 209–214. URL: jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_2/Ivleva_2015_2.pdf (data obrashcheniia: 22.08.2017).

Markov A. [Rev.:] Assmann Aleida. Der Lange Schattender Vergangenheit: Erienerungskultur und Geschichtspolitik. Muenchen: C. H. Beck, 2006. 320 s. // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 123, p. 380–383. URL: magazines.russ.ru/nlo/2013/123/k32.html (data obrashcheniia: 22.08.2017).

Nikitinskii L. Skrepa Kolyma: Reportazh s perednego kraia pokaianiia, gde narodnaia pamiat' — eto pamiat', a ne proekt // *Novaia gazeta*, no. 75 ot 14 iulia 2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/14/73112-skrepa-kolyma> (data obrashcheniia: 22.08.2017).

Repina L. P. Kontseptsii sotsial'noi i kul'turnoi pamiatii v sovremennoi istoriografii // *Fenomen proshlogo* / otv. red. I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShE, 2005. P. 122–169.

Teslia A. Neudobnaia teoriia. Rastushchie stavki istoricheskoi pamiatii pred

litsom teoreticheskogo znaniia // *Gefter: Internet-zhurnal*. 28.04.2014. URL: gefter.ru/archive/12159 (data obrashcheniia: 22.08.2017).

Van'ke A.V. Dialogi pamiati. Retenziia na knigu: Aleida Assman. Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i isto-

richeskaia politika. Perevod s nemetskogo Borisa Khlebnikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2016, vol. 15, no. 2, p. 240–245. URL: sociologica.hse.ru/data/2016/06/30/1115736616/SocOboz_15_2_240-245_Vanke.pdf (data obrashcheniia: 22.08.2017).

Т. В. Волокитина

КРУГЛЫЙ СТОЛ «1956 год. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НА ПЕРЕЛОМЕ»

Ключевые слова: 1956 год, «социалистический лагерь», реформаторские настроения общества, политические лидеры Восточной Европы, Москва и проблема обновления социализма.

Публикуемый обзор докладов, заслушанных на круглом столе в Институте славяноведения РАН 25 октября 2016 г., посвящен знаковым событиям 1956 г. Участники заседания, привлекая широкий круг разнообразных источников, анализируют нарастание кризисной ситуации в Восточной Европе, усиление центробежных тенденций в социалистическом лагере, рассматривают «познаньский июнь» в Польше и «прерванную революцию» в Венгрии в контексте попыток либерализации политических режимов в странах советского блока, отношение к ним властных структур, настроения населения, последствия этих событий для блока и крупных компартий Западной Европы — французской и итальянской.

25 октября 2016 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол на тему «1956 год. Восточная Европа на переломе».

Открывая заседание, зав. отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны д.и.н. *Т. В. Волокитина* отметила, что 60 лет назад произошли события, оказавшие огромное влияние на историческое развитие всего континента, но особенно той его части, которая по итогам Второй мировой войны оказалась в сфере влияния Советского Союза. XX съезд, волнения

в Польше, «прерванная революция» в Венгрии явились, без преувеличения, знаковыми, открыв новый этап в общественно-политической жизни региона.

Бурный 1956 г., безусловно, имел свои истоки. В странах социалистического лагеря в условиях холодной войны наблюдалось определенное ускорение коренных общественно-политических преобразований. Начавшаяся в 1949 г. сталинизация восточноевропейского региона характеризовалась прямым копированием советской модели социализма и методов управления. Негативы, связанные с тоталитарными методами руководства и хозяйствования, перевешивали в глазах населения положительные стороны неоднозначного процесса

© Волокитина Т. В., 2017

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, зав. отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва); tanyaaslav@rambler.ru

внутриполитического и экономического развития стран советского блока, став главной причиной открытых выступлений против социальной политики режима в Чехословакии и ГДР в 1953 г. Попытки же скорректировать хозяйственные планы в Югославии, ГДР, Польше, Чехословакии в целях улучшения экономического положения народа, предпринятые по рекомендации советского руководства, оказались малоудачными, способствуя накоплению критического потенциала в обществе и возникновению кризисных ситуаций.

Изучение влияния этих событий на взаимоотношения власти и общества, попыток трансформировать политические режимы и их последствий является одним из основных направлений работы отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны. Оценки исторического опыта переходных процессов в странах «реального социализма» отразились, в частности, в проведенных отделом научных мероприятиях и издании сборников статей и материалов¹. Сегодняшний круглый стол – продолжение работы в рамках указанного исследовательского направления. Т. В. Волокитина выразила уверенность, что представленные доклады отразят современное состояние

¹ 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сб. статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., РОССПЭН, 2010; В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М., ИСл РАН, 2011; Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сб. статей / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., ИСл РАН, 2013.

историографии, познакомят слушателей с новыми источниками и их оригинальной авторской интерпретацией и станут предметом заинтересованного обсуждения.

* * *

Высокий информативно-аналитический уровень был задан уже в первом докладе, вызвавшем большой интерес собравшихся. А. С. Стыкалин проанализировал реакцию на XX съезд КПСС и венгерские события осени 1956 г. двух самых крупных и авторитетных компартий в некоммунистическом мире – французской и итальянской. В первые послевоенные годы они входили в правящие коалиции в своих странах и в дальнейшем продолжали оказывать серьезное влияние на их внутриполитическую обстановку. Заметную роль они играли и в Коминформбюро, представляя западное коммунистическое движение.

А. С. Стыкалин отметил, что теоретические положения XX съезда КПСС о многообразии форм перехода и возможностях мирного пути к социализму явились стимулом к возрождению идеи народных фронтов 1930-х гг. В новой обстановке она получила и новую направленность: не противостояние фашизму, а борьба за мир, за проведение миролюбивой антиимпериалистической политики, отвечающей интересам широких масс. Определенный отклик идея народного фронта нашла не только среди коммунистов: в Италии левые социалисты во главе с П. Ненни в то время проявляли готовность

к сотрудничеству с компартией во внутривластной жизни, что вызвало позитивный отклик в Москве. Вместе с тем, указал докладчик, в мировых социал-демократических кругах проявилось довольно скептическое отношение к идеологемам отчетного доклада XX съезда. Так, в материалах сессии Социнетерна, состоявшейся в начале марта 1956 г., отмечалось, что заявление о коллективном руководстве не меняет сути коммунистической диктатуры, ибо речь идет о коллективном руководстве диктатурой, тезис же о мирном переходе к социализму с апелляцией к чехословацкому опыту февраля 1948 г. означает не более чем приглашение социал-демократов к участию в собственном уничтожении.

По мнению А.С. Стыкалина, острая критика сталинской политической практики, содержащаяся в закрытом докладе Н.С. Хрущева, не стала неожиданной для лидеров ФКП и ИКП. К тому моменту уже витала в воздухе идея роспуска Коминформбюро, обсуждались планы создания ряда региональных объединений компартий, вызвавшие, впрочем, неприятие лидера итальянских коммунистов П. Тольятти — решительного противника любой централизации коммунистического движения. Значительный резонанс, в том числе и в кругах западных аналитиков, получило опубликованное в «Правде» выступление на XX съезде А.И. Микояна, ставшее своего рода пробным камнем и симптомом грядущей перестройки. На слухи о «секретном докладе», распространявшиеся среди зарубежных коммунистов, Тольятти публично

отреагировал внешне спокойно, заметив, что русские изо всего делают секреты Полишинеля и что каких-либо серьезных последствий ожидать не стоит. Однако на самом деле, подчеркнул А.С. Стыкалин, опытный коммунистический политик сразу понял, какая мина замедленного действия заложена в докладе, который рано или поздно будет предан гласности и станет не только достоянием многих миллионов людей во всем мире, но и мощнейшим орудием антикоммунистической пропаганды. В отличие от французских коммунистов, оказавшихся в незавидной роли догоняющих Москву, Тольятти сразу взял курс на опережение официальной линии руководства КПСС в осуждении сталинской политики. Весной 1956 г. он публикует ряд теоретических статей, в которых, наряду с завуалированной критикой политической практики сталинской эпохи, разрабатывал вопрос о более полном раскрытии демократического потенциала, заложенного в идее социализма. О намерении осудить сталинское наследие в коммунистическом движении свидетельствовали и попытки сближения ИКП с Союзом коммунистов Югославии, в частности поездка Тольятти в Белград в конце мая 1956 г. в интересах примирения двух партий, преодоления негативных напластований и установления более тесных связей. (Начиная с 1948 г. ИКП не только подключилась к антиюгославским кампаниям, инициированным советским руководством, но и в условиях значительного обострения итало-югославских отношений из-за триестского вопроса активно разыгрывала антиюгославскую

карту в интересах укрепления своих позиций внутри страны.)

О готовности Тольятти к смене курса свидетельствовало, считает А. С. Стыкалин, и интервью теоретическому изданию ИКП «Нуови аргументи», (затем перепечатанном в официозе ИКП «Унита») после публикации 4 июня 1956 г. в американской прессе доклада Хрущева о культе личности. Критику сталинской политической практики, согласно Тольятти, нельзя было сводить к осуждению извращений и злоупотреблений одного политика, долгие годы стоявшего во главе СССР: неверной, подчеркнул итальянский лидер, была вся система методов построения социализма при Сталине. По сути, Тольятти в осторожной форме затронул вопрос о происходившем в последние десятилетия в Советском Союзе бюрократическом перерождении социализма. Это интервью вызвало значительный отклик среди реформаторски настроенных коммунистов в странах советской сферы влияния, включая Венгрию. Так, по информации посольства СССР в Будапеште, когда на одном из крупных столичных заводов было обнаружено восемь экземпляров газеты «Унита», то «газеты зачитывались буквально до дырок» (среди рабочих нашлись знавшие итальянский язык). На фоне бурных событий тех недель в странах Восточной Европы (дискуссии Кружка Петёфи в Венгрии, волнения в Польше) такое внимание к «еретическому» выступлению одного из авторитетнейших лидеров мирового коммунистического движения не могло не вызвать озабоченность в Москве.

Элемент полемики с Тольятти, якобы неправоммерно поставившим вопрос о культе личности как системе методов, содержался даже в известном постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. В июле Хрущев принял делегацию руководства ИКП, в ходе обстоятельной беседы развернуто изложив свое отношение к Сталину и культу личности. Советский лидер при этом исходил из того, что любой, тем более публичной, полемики между КПСС и ИКП следует избежать.

Большое внимание А. С. Стыкалин уделил реакции итальянских коммунистов на венгерские события осени 1956 г. Поначалу руководство ИКП воздерживалось от каких-либо официальных заявлений, ожидая дальнейшего развития событий. Но 30 октября Тольятти в письме в Президиум ЦК КПСС выразил опасения в связи с реально обозначившейся перспективой утраты коммунистами власти в Венгрии, перехода их в оппозицию. Это, по сути, и определило его отношение к советскому военному вмешательству в интересах недопущения такого развития событий. Насколько можно судить по введенным в научный оборот материалам Президиума ЦК КПСС, Москва не только запросила мнение наиболее влиятельного западного коммунистического политика, но и учла его, принимая 31 октября решение о силовом варианте урегулирования венгерского кризиса и начале подготовки смены власти в стране.

В докладе были приведены факты, подтверждающие, что часть ру-

ководства и актива ИКП не согласилась с позицией своего лидера. Так, председатель прокоммунистической Всемирной федерации профсоюзов Дж. Ди Витторио призвал при оценке событий в Венгрии в первую очередь принимать во внимание позицию венгерского пролетариата, не только выступившего против сложившейся порочной системы, но и сформировавшего в ноябре 1956 г. альтернативные официальной власти независимые рабочие советы. Однако несмотря на выраженные разноречивые мнения, VIII съезд ИКП (декабрь 1956 г.) осудил не только «контрреволюцию» в Венгрии, но и сочувствующих ей в рядах ИКП. Тольятти на съезде продолжил критику сталинских политических методов, усматривая в них важнейшую предпосылку венгерского восстания. Вместе с тем истоки драматических событий он увязал с ущемлением национальных чувств венгров прежним лидером Матяшем Ракоши. Таким образом, обновительная риторика у Тольятти доминировала и после венгерских событий, когда в КПСС и большинстве других компартий произошел откат в критике политической практики предшествующей эпохи. Во многом благодаря гибким взглядам Тольятти, кризис в ИКП, вызванный событиями 1956 г., оказался слабее, нежели в некоторых других партиях.

Этот вывод нашел подтверждение при анализе докладчиком настроений французских коммунистов: пережившая венгерские события гораздо более болезненно, ФКП в конце 1956 г. лишилась немало левых интеллектуалов, прежде ее

поддерживавших. Безусловно, негативную роль сыграла безоговорочная поддержка руководством ФКП советской позиции. Так, главный редактор «Юманите» А. Стиль, посетив Венгрию в середине ноября, в разгар событий, опубликовал статью «Улыбка Будапешта», в которой утверждал, что в Венгрии ничего серьезного не произошло, поскольку Советский Союз вмешался вовремя. Эта статья вызвала настолько сильное возмущение во французском обществе, что на следующий день после ее публикации разъяренная толпа выбила стекла в здании редакции. Волна антисоветизма во Франции в целом была в то время сильнее, чем в Италии. Объяснение этому А.С. Стыкалин видит в первую очередь в том, что Франция была втянута в Суэцкий кризис на стороне Запада, ее участие в боевых действиях против дружественного Советскому Союзу Египта привело к временному, но при этом довольно резкому обострению отношений с Москвой; советское правительство, как известно, не только жестко выступило против политики европейских держав на Ближнем Востоке, но и фактически пригрозило Великобритании и Франции применением оружия массового поражения (знаменитое «атомное послание» в ночь с 5 на 6 ноября 1956 г.).

Кризис международного коммунистического движения, вызванный XX съездом КПСС и венгерскими событиями, был преодолен к концу осени 1957 г. Прошедшие в ноябре 1957 г. под знаком единства московские совещания компартий свидетельствовали о том, что

к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России движение преодолело временные трудности, сплотившись на общей платформе, от которой до известной степени дистанцировался лишь СКЮ. Впрочем, на большом московском совещании и Тольятти по ряду вопросов (но не по венгерскому) демонстрировал особую позицию: так, в развитие идей XX съезда о мирном переходе к социализму он, балансируя на грани дозволенного коммунистической догматикой того времени, изложил свои представления о возможностях структурной реорганизации капитализма в направлении социализма.

В заключение А. С. Стыкалин остановился на весьма болезненно воспринятом в западном коммунистическом движении событии — казни Имре Надя в июне 1958 г. Газета британской компартии «Дейли уоркер» в редакционной статье 19 июня выразила сожаление в связи с вынесенным венгерскому реформатору смертным приговором. Эту позицию председатель компартии Великобритании Г. Поллит в беседе с советским дипломатом объяснил следующим образом: «Выступить со статьей другого содержания — означало бы совершить самоубийство английской компартии, а мы на это никогда и ни при каких условиях не пойдем». Поллит напомнил также, что поддержка руководством в ноябре 1956 г. советской военной акции в Венгрии стоила компартии 20 % членского состава. Что касается ФКП, то она была в это время слишком озабочена внутривосточной ситуацией (кризисом и крахом Четвертой Республики).

Именно по этой причине, считает А. С. Стыкалин, драматическое событие в Венгрии получило более слабый резонанс, нежели это могло бы случиться в других условиях.

В заключение докладчик подчеркнул, что в целом, несмотря на определенные политические и моральные потери, понесенные в результате действий советского руководства: сначала публичного разоблачения сталинизма, а затем и возрождения сталинистских методов применительно к Венгрии — к концу 1958 г. итальянские и французские компартии сохраняли свое влияние во внутривосточной жизни своих стран на прежнем уровне.

Обратившись к кризису 1956 г. в Польше, А. Ф. Носкова избрала необычный ракурс — рассмотрение влияния профессионального фактора, отраженного в конфликте интересов руководства ПОРП и польской римско-католической церкви. Докладчик констатировала, что в конце 1940-х и первой половине 1950-х гг. в Польше послевоенный социально-политический порядок с лежащим в его основе общественным компромиссом претерпел кардинальные изменения. С помощью принуждения и убеждения, «кнута и пряника» в стране активно внедрялась советская модель. Свои отношения государства и церкви в первые послевоенные годы политика взаимных уступок, толерантность уходили в прошлое. На повестку дня власти выдвинули новую задачу: ограничив деятельность церковнослужителей лишь религиозными запросами верую-

щих, полностью отнять у костела его традиционный привилегированный статус хранителя вековых ценностей народа. В этих условиях конфликт глубинных интересов руководящей партии и церкви был неизбежен, а широкое применение к священнослужителям репрессивных мер по надуманным обвинениям прорисовывало неблагоприятную для костела перспективу пересмотра некоторых прежних позиций. Развернувшиеся репрессии, в том числе арест католической «верхушки» — примаса Стефана Вышинского, восьми епископов, пяти апостольских администраторов, а также десятков рядовых священников, вынудили епископат в конце 1953 г. пойти на уступки партийному государству, признать новый строй, монопольное правление исповедовавшей атеизм ПОРП и осудить антиправительственное подполье. Поражение католической церкви в противостоянии с новым государством стало фактом истории.

А.Ф. Носкова привела примеры принципиальных изменений внутрикостельной жизни, вызванных нажимом властных структур: из расписаний занятий 80 % начальных и 90 % средних школ исчезли уроки религии, резко ограничилась подготовка церковных кадров, епископат был лишен права проводить кадровые назначения и перемещения без предварительного согласования и утверждения властью. Однако, заметила докладчик, это не вызывало открытого протеста верующих, ибо немалая часть поляков тогда принимала ценности нового строя, поверила обещаниям правящей партии проявить терпимость в духовной

сфере. Вместе с тем сохранявшееся в середине 1950-х гг. в Польше единство епископата, абсолютного большинства священнослужителей и прихожан создавало объективные предпосылки для восстановления церковью утраченных позиций в случае роста недовольства и изменения политической атмосферы в стране.

Так и произошло под влиянием XX съезда КПСС, пробудившего в польском обществе настроения перемен и массовое недовольство. Об этом свидетельствовали события в Познани в июне 1956 г., где звучали требования как материального, так и духовного характера (не только хлеба, но и Бога). В возникшей кризисной обстановке епископат взял курс на отмену ранее принятых «неправильных решений», в том числе и на возвращение костелу свободы организационной деятельности. Однако в ЦК ПОРП считали невозможным пересмотреть прежнюю политику в сторону ее «смягчения». Данное решение оказалось неразумным. Ответ епископата последовал в августе 1956 г., когда церковь и паства превратили традиционные религиозные торжества в честь Ченстоховской Божьей Матери в массовое «народное голосование верности католицизму», прозвучавшее как политический протест епископата и сотен тысяч верующих. Это оказало определенное воздействие на ускоренное развитие и разрешение в пользу партийных реформаторов политического кризиса в стране осенью 1956 г. Возвращение на партийный Олимп репрессированного В. Гомулки, имевшего в глазах общества

имидж борца за независимость Польши от СССР, и его курс на контакт с церковью были поддержаны большинством верующего населения и епископатом католической церкви. В октябре 1956 г. из-под стражи был освобожден и вернулся к исполнению своих обязанностей примас Вышинский, в ноябре-декабре прошли переговоры с руководством костела, в результате которых были урегулированы многие разногласия в отношениях с католиками. Результаты отступления партии с прежде непримиримых позиций оказались значимыми: костел не перешел в оппозицию, но, напротив, поддержал партию, получившую на парламентских выборах большинство мандатов. Как писала 16 мая 1957 г. миланская газета «Джорио», кардинал Вышинский «понял, что единственным путем, следуя по которому, можно было вернуть католикам их религиозную свободу, был путь компромисса, конечно, такого компромисса, который не противоречил бы доктрине церкви». Однако борьба светских и духовных сил за сознание поляков была лишь приостановлена. Коммунисты, пойдя на крупные уступки епископату, сохранили фактически монопольную политическую власть в стране.

А. Ф. Носкова привела изученный ею конкретный материал о церковной политике ПОРП, который тщательно собирали и анализировали сотрудники советского посольства в Варшаве на протяжении 1956–1957 гг. В поле зрения советских дипломатов неизменно оказывались «хорошо и тщательно организованные по всей стране» мероприятия

епископата. В одной из аналитических записок, подготовленной в декабре 1957 г. первым секретарем посольства СССР И. А. Степановым, указывалось, что взятый правительством в 1956 г. курс на удовлетворение требований костела в целях стабилизации политической обстановки в стране и консолидации народных масс вокруг партии «дал возможность одержать победу на выборах». Однако уступки костелу со стороны власти Степанов признал «чрезвычайно далеко идущими»: «создалась атмосфера нетерпимости к атеистам», наступление на них приобрело «невообразимые формы травли и террора», ушла в тень необходимость отделения церкви от школы. Отмечая противоречивые итоги политики компромисса с католической церковью, дипломат во многом объяснял их позицией Гомулки. Польский лидер, считал Степанов, демонстрировал понимание конкретной ситуации, пределов возможностей коммунистов в одной из самых религиозных стран Европы. Отсюда он делал вывод, что в Польше «долго рядом будут.. костел и социализм», что нельзя допустить «политическую войну между ними».

Почти одновременно с запиской Степанова, 22 января 1958 г. в ЦК КПСС поступила записка председателя Совета по делам религиозных культов А. А. Пузина. Опираясь на материалы IV Европейского отдела МИД СССР, в доверительном порядке поступавшие от воеводских секретарей ПОРП, советский высокопоставленный чиновник констатировал: «Польская католическая церковь имеет широкую

свободу действий... вмешивается в политическую жизнь польского государства... является в настоящее время главной, самой мощной и самой организованной силой в стране». Прежний курс власти на компромиссы с костелом, однако, был подвергнут резкой критике. Пузин утверждал, что «нельзя уступками церкви добиться ее лояльного отношения к народной власти и социализму». По мнению А.Ф. Носковой, подобная категоричность и жесткая тональность документа отражала перемены в церковной политике как в СССР, где развертывалась хрущевская антирелигиозная кампания, так и в Польше. Подтверждением тому докладчик посчитала поступившую 30 января 1958 г. в Москву из Варшавы информацию о беседе Гомулки с прима-сом Вышинским, которая содержала новые акценты, принципиально отличные от заявлений польского лидера, сделанных годом ранее. Гомулка резко отреагировал на требования кардинала распустить все атеистические организации в стране, более того, подчеркнул необходимость, «чтобы их было больше». Каждый поляк, заявил Гомулка, «волен верить или не верить в Бога и иметь соответствующие институты». И требования кардинала, и ответ Гомулки свидетельствовали, что время компромиссов в отношениях государства и церкви истекло. Власть брала курс на решительную борьбу против «антинародной и незаконной деятельности костела». Начинался новый виток ограничений его присутствия в школе и поворот к поддержке светских католиков, сотрудничавших с властью.

В 1959 г. государственно-церковные отношения обострились. 27 мая Гомулка резко оспорил заявленное прима-сом право выступать от имени «всего польского народа» и констатировал: «Ни одна общественная организация в нашей стране не находится в конфликте с государственной властью. В постоянном конфликте с государством находится только костельная иерархия», которая «обладает всеми атрибутами борющейся политической оппозиции».

Иными словами, от былого взаимодействия двух мощных систем — государства и церкви, наблюдавшегося в 1956–1957 гг., не осталось и следа. Советское посольство, как свидетельствуют приведенные в докладе документы, поддержало курс ПОРП на ограничение костела «чисто религиозной деятельностью».

В докладе Л. С. Лыкошиной «1956 год в общественном дискурсе современной Польши» отмечалось, что шестидесятилетие познаньских волнений не осталось без внимания как историков и политиков, так и значительной части польского общества, не безразличной к прошлому своего народа. Причем оценка 1956 г., интерпретация произошедших тогда событий в полной мере отражают особенности общественного сознания нынешнего поколения поляков, расколотого польского общества. Разделительная линия, подчеркнула докладчик, проходит в том числе и в сфере исторического сознания.

Л. С. Лыкошина констатировала наличие, при известном упрощении,

двух принципиально разных подходов в оценке событий 1956 г. в современной Польше. Первый заключается в отрицании значения 1956 г. как поворотного момента в новейшей польской истории, приведшего к качественным переменам в функционировании режима, его либерализации. Сторонники такого подхода исходят из того, что на протяжении всего периода социализма в Польше существовала тоталитарная система, не претерпевшая никакой существенной эволюции. «Коммуна» оставалась неизменной, и борьба с ней составляла смысл и содержание деятельности демократической оппозиции. Июньское восстание в Познани рассматривается как героическое событие, как проявление борьбы за независимость. Демократические же перемены, последовавшие за восстанием, трактуются как нечто несущественное. Именно такая позиция характерна, прежде всего, для политиков, в частности для нынешней правящей элиты, акцентирующей в своих высказываниях главным образом мотив борьбы за независимость, воспринимающей июньское восстание как национально-освободительное.

Второй подход демонстрируют историки, выступившие со своими мнениями и оценками в связи с 60-летием событий 1956 г. В профессиональной среде преобладает позиция, констатирующая серьезную эволюцию системы после 1956 г. Например, авторитетный польский историк А. Валицкий считает, что события 1956 г. и деятельность Гюмулки явились не только переходом от тоталитаризма к авторитаризму, но и фактически на-

чалом (задолго до возникновения «Солидарности») демонтажа общественно-политической системы.

Л. С. Лыкошина указала на несомненный интерес исследователей к событиям 60-летней давности: известные авторы П. Махцевич, А. Фришке, Д. Столя, А. Дудек опубликовали статьи в периодической печати, выступали по радио и телевидению. В рамках Дней польской науки прошла дискуссия, которая транслировалась по телевидению.

Особенностью заявленных позиций, по мнению докладчика, явилось различие в акцентах. Так, П. Махцевич подчеркивал, что преодоление сталинизма было связано с борьбой против русификации и советизации, с открытостью Западу и приобщением к его культуре. А. Фришке отмечал важность отказа от коллективизации и обретения католической церковью относительной свободы, что, по мысли исследователя, определило специфику польского социализма. А. Дуда в радиопередаче, посвященной 1956 г., говорил об эволюции восстания в Познани, которое вначале носило экономический характер, но впоследствии приобрело черты антисистемного движения с явно антисоветской окраской. Д. Столя обратил внимание на еврейский вопрос в Польше, констатируя, что начавшийся именно в 1956 г. процесс эмиграции евреев приобрел массовый характер: по своим масштабам он в несколько раз превосходил аналогичный процесс 1968 г.

Л. С. Лыкошина особенно отметила, насколько властно представле-

ния дня сегодняшнего вторгаются в интерпретацию прошлого. В частности, это проявилось во время визита польского президента А. Дуды в Будапешт: он оказался единственным главой иностранного государства, приглашенным на торжественные мероприятия в память о венгерском восстании 1956 г. Однако выступление А. Дуды, заметившего, что именно события познаньского июня послужили импульсом к венгерскому восстанию, вызвало недовольство специально приехавших в Будапешт сторонников польского Комитета защиты демократии (КОД). Выражая недовольство нынешними польскими властями, посланцы КОД публично называли Дуду диктатором, потрясали книжечками с текстом польской конституции, всячески подчеркивая неправомерность попыток Дуды показать свою причастность к делу борьбы за свободу и демократию.

В самой Познани празднование годовщины восстания также прошло не гладко. Принявшие в нем участие лидеры легендарной «Солидарности» 1980-х гг. Я. Литыньский, Я. Рулевский, Л. Валенса не только вспоминали славное прошлое, но и пытались критиковать нынешнюю власть, по их мнению, далеко отошедшую от идеалов «Солидарности». Но единодушия среди участников митинга не было. Особое неприятие вызвало выступление Л. Валенсы, авторитет которого изрядно подорвали обнародованные в последнее время документы о его связях с органами польской госбезопасности. В целом атмосфера мероприятий в Познани в 2016 г. разительно отличалась от празднеств

десятилетней давности: в 2006 г. все прошло без эксцессов, и тот же Валенса был встречен участниками вполне доброжелательно.

Таким образом, заключила Л. С. Лыкошина, интерпретация событий 1956 г. в общественном дискурсе современной Польши в полной мере отражает как сложные процессы противостояния акторов политической сцены, так и нынешние тенденции формирования исторического сознания польского общества.

С докладом «Венгерская осень 1956 года в зеркале литературы» выступила Н. М. Куренная. Констатируя значительный интерес историков, политологов, публицистов и рядовых граждан к драматическим событиям венгерской революции, докладчик указала, что особенно зримо он проявляется в юбилейные даты и по ходу какой-либо очередной «цветной» революции. Стремление современного общества выявить и объяснить глубинные причины новых общественных катаклизмов диктует обращение к венгерским событиям, к поискам исторических параллелей. Однако создается впечатление, что, несмотря на обилие статей, публикаций документов и воспоминаний, предлагаемое в них объяснение причин и целей венгерской революции не удовлетворяет тех, кто интересуется ими не мимолетно, а с намерением полнее представить разные стороны этого знакового для истории Венгрии явления, рождает новые вопросы.

Обратившись к предыстории венгерской революции, Н. М. Куренная

отметила многослойность и неоднозначность событийной канвы рубежа 1940–1950-х гг.: радостное ожидание демократических перемен соседствовало с карательной политикой властей и репрессиями, оптимизм и надежды людей на лучшее — с разочарованием, привлекательные лозунги и обещания «светлого завтра» — с не отвечающей им трудной повседневностью, ложью и цинизмом властей предрекающих...

Отталкиваясь от принадлежащего известному венгерскому писателю и драматургу Иштвану Эркенью определения октябрьских событий 1956 г. как революции «безысходности», докладчик предложила свое понимание причин последней. Венгры, потерпевшие жестокое поражение во Второй мировой войне, считает Н. М. Куренная, в большинстве своем испытывали (даже не всегда аналитически-осознанно) неудовлетворенность своим кардинально изменившимся положением — союзными отношениями с СССР и новой ролью его фактического сателлита. Следует учитывать, что после окончания Второй мировой войны прошло всего 11 лет. Те венгры, которым к маю 1945-го было 20, 30 и даже 40 лет и которые пережили в то время кто отчаяние, кто позор, кто ненависть, кто равнодушное безразличие, были в 1956-м вполне дееспособными гражданами нового венгерского государства. Но независимого ли? Сомнения на этот счет стали для многих основанием для поддержки звучавших на демонстрациях и митингах протеста главных лозунгов свободы, независимости, необходимости полити-

ческих и экономических перемен. Однако абстрактность и неконкретность этих требований, по мнению докладчика, мешали объединению и сплочению нации. Поражению революции способствовала и «аморфность» ее организаторов, в число которых входили студенчество и творческая интеллигенция. Отсутствие ясного, последовательного плана действий, контактов с широкими слоями населения по всей стране, слабое внимание к разъяснительной работе в массах во имя объединения их усилий для решения поставленных задач привели к тому, что основная цель — завоевание подлинной независимости и свободы — в национальном массовом сознании не обрела необходимого смыслополагания. Отношение к революционным событиям 1956 г. и их оценки на долгие годы раскололи венгерское общество, в первую очередь потому, что изменения, которые за ними последовали, были обоснованы и проведены в жизнь людьми, находившимися у власти и до октябрьских событий.

Докладчик указала, что, вопреки имеющимся стереотипам, согласно которым в дни революционных выступлений венгерское население массово было охвачено небывалым подъемом, реальная картина состояния общества была не столь однозначной: многие испытывали сильную растерянность. Среди этих «многих» были и хорошо сформированные интеллектуалы в лице творческой интеллигенции, и студенчество, и так называемые простые граждане. Их настроения хорошо передал И. Эркень в «Записках из блокнота 1956 года»: «Го-

лова у меня раскалывается от боли, взбудораженный мечусь по квартире. Нервная система человека реагирует тоньше, чем разум. Я и сам не знаю, отчего так взвинчен, что не только не способен говорить, но даже в действиях своих не отдаю себе отчета».

Наиболее остро ощущавшие накаленную атмосферу литераторы первыми откликнулись и на предшествующие восстанию всплохи общественного недовольства, и вслед за этим на акции, в первую очередь в Будапеште, народного протеста. Их чувства, эмоциональная реакция на происходившее в венгерском социуме в октябре-ноябре 1956 г. мгновенно переплавились в реакцию эстетическую — в стихи и репортажи. Их создателями стали известные венгерские поэты — Ласло Беньямин, Лайош Кашшак и др.

Н.М. Куренная напомнила об известных психологам и культурологам двух типах творческой реакции на судьбоносные события. Первый тип представляет собой почти сиюминутный, непосредственно-актуальный, как правило, поэтический или разножанровый публицистический отклик, второй — характеризуется появлением широких прозаических полотен, которые создаются по прошествии определенного, иногда очень значительного времени. В таких масштабных произведениях поворотные события отрефлексированы, творчески переосмыслены и проанализированы через собственное глубоко индивидуальное восприятие (возможно, непосредственного участника или свидетеля драматических

событий), обогащены накопленными за годы не известными ранее фактами, включая новую информацию о внутренних механизмах общественных и индивидуальных взаимосвязей. Все это в конечном итоге представляет собой своеобразный историко-документальный «конвой», без которого невозможно рождение значительного художественного произведения, посвященного какому-либо крупному историческому событию.

По мнению известного венгерского литературоведа Б. Помогача, национальная проза первых после революционных лет не отразила сколь-либо правдиво и убедительно подлинный духовный подъем венгерского общества того времени, более того, исследователь считает, что власти предержавшие после «наведения порядка» различными способами ограничивали даже упоминание о кардинальных сдвигах в настроениях населения. Развивая эту мысль, Помогач прозаические произведения таких талантливых авторов, как Лайош Мештерхази («Хождение в ад») (1959), Имре Добози («Вчера и сегодня» (1958)), оценивает только как пропагандистские и заказные, которые якобы не вызвали даже слабого читательского отклика. Оставляя за венгерским ученым право на подобные оценки, Н.М. Куренная отметила, что, по всей видимости, не случайно Помогач почти обошел своим вниманием роман Йозефа Дарваша «Пьяный дождь» (1963), хотя он пользовался популярностью в широких читательских кругах и вызвал острые дискуссии в литературной среде. Возможно,

подчеркнула докладчик, «невнимание» Помогача объяснялось тем, что Дарваш в течение нескольких лет был государственным функционером (в 1951–1953 гг. — министром образования, в 1953–1956 гг. — министром культуры, а ко времени публикации «Пьяного дождя» уже несколько лет занимал выборную должность председателя Союза венгерских писателей) и по определению должен был выражать «правильные», устойчивые позиции. Однако все было сложнее.

Докладчик отметила, что, испытывая, как и большинство венгров, растерянность и боль, писатель, будучи государственным деятелем, чувствовал свою ответственность за происходящее. При этом официальная версия событий, предлагавшаяся средствами массовой информации, согласно которой «враг» в лице «немногочисленной группы агентов империалистических держав» сумел завлечь своей идеологией «некоторую часть студентов», не удовлетворяла писателя. В поисках истины Дарваш по горячим следам едет в провинцию, пытается прочувствовать и осмыслить поведение крестьянства в революционные дни. Результатом многочисленных встреч стал очерк «Поездка по Тисантульскому краю весной 1957 года», в котором впервые писатель признал свою личную вину и ответственность за разыгравшиеся драматические события. Это признание еще не раз будет звучать в его произведениях. В 1959 г. Дарваш создает драму «Небо в копоты», проецирующую общественно-политический кризис в Венгрии на ее малую частицу — семью известного

писателя. Он исследует отношение к революции творческой интеллигенции — важного участника событий. Фундаментальная художественно-публицистическая подготовка автора, накопленный личный опыт способствовали созданию хроники исповеди.

Этот эмоциональный посыл сохранился и в романе «Пьяный дождь». При этом Дарваш, подобно Б. Окуджаве, «из собственной судьбы выдергивал по нитке». Посему и образ одного из главных героев во многом автобиографичен. Правда жизни и вполне объяснимая, в силу официального статуса, партийно-идеологическая позиция писателя вступили в противоречие. Это объясняет некоторую нелогичность нравственного выбора и поступков отдельных персонажей романа в описываемых трагических реалиях.

Естественно, что в начале 1960-х гг. Дарваш не мог открыто говорить о роли советского руководства в поражении революции, да он и не мог о ней знать, т. к. большая часть документов, касавшаяся многих политических решений на высшем уровне, была засекречена. Отсюда проистекают незавершенность отдельных сюжетных линий романа, беспричинно и неожиданно оборванных, явная недосказанность.

Однако свою основную творческую задачу, подчеркнула Н. М. Куренная, писатель выполнил. В романе «Пьяный дождь» Дарваш воссоздал психологические коллизии времени потрясений и испытаний, представил читателю художественное полотно

реальных событий и обстоятельств, в которых существуют *живые* люди — растерянные, мечущиеся и мужественные, активные и беспомощные, волевые и подавленные. И все они, такие разные, — современники писателя. И если историки имеют возможность пополнять свои исследования новыми ранее не известными фактами и документами, то опубликованное художественное произведение *конечно*: его нельзя переписать, дополнить новыми страницами. Но в этой «невозможности что-либо исправить» заключена особая ценность: художник оставляет нам своеобразный слепок времени. Роман Й. Дарваша «Пьяный дождь», вышедший из-под пера очевидца и участника венгерской революции, — яркий тому пример.

В докладе *Т. В. Волокитиной* рассматривалось влияние событий 1956 г. в Болгарии. Было отмечено, что в современной историографии позднего сталинизма и XX съезд КПСС, и волнения в Польше, и незавершенная революция в Венгрии рассматриваются в контексте процесса либерализации политических режимов, начавшегося, как и в других странах «социалистического лагеря», в результате прямых посылов из Москвы. При этом либерализация в Болгарии протекала медленно и непоследовательно, с чередовавшимися «приливами» и «отливами». София не имела собственной концепции «десталинизации», исходила из советских «советов» и рекомендаций.

В докладе указывалось, что последовавший за XX съездом КПСС Апрельский пленум ЦК БКП стал

инструментом по легитимации личной власти Т. Живкова, фактически определил вектор дальнейшего развития в стране — переход от тоталитарного «чистого сталинизма» периода правления В. Червенкова к авторитарному режиму единоличной власти, получившему впоследствии название «живковизм». Материалы пленума с критикой культа личности Червенкова не публиковались, информация о нем в партийной печати была минимальная, и в этих условиях объявленное обязательным для болгарских коммунистов изучение документов XX съезда временно сняло преграды в обсуждении недостатков функционирования системы у себя дома. Это подтверждала информация, регулярно поступающая в Москву из советского посольства в Софии. Особую обеспокоенность вызывали сообщения о том, что в кругах научной и творческой интеллигенции критика распространялась на всю социалистическую систему. Пытаясь блокировать подобные настроения, болгарское руководство взяло курс на подавление любых проявлений инакомыслия, «разгула мелкобуржуазной стихии» и «оживления гнилых элементов в партии». В результате немалых усилий ситуацию удалось выправить. Очевидно, подчеркнула докладчик, что болгарское руководство действовало по примеру СССР, где весной 1956 г. иностранные наблюдатели единодушно фиксировали «откат», связанный с началом нового пересмотра оценок личности и деятельности Сталина.

Подробно Т. В. Волокитина остановилась на отзывах, которые

получили в Болгарии первые системные кризисы в «социалистическом лагере». Волнения 1956 г. в Познани, однако, вывали не столь острый резонанс и среди населения, и в болгарском руководстве, как позднее события в Венгрии. Представленные в докладе материалы свидетельствовали о том, что власти отреагировали на выступления в Польше, прежде всего, в связи с передачами вещавшей с территории Греции радиостанции болгарского сопротивления «Горянин». Радиостанция призывала «повторить Познань» во время международной ярмарки в Пловдиве, традиционно открывавшейся 1 сентября. Местная милиция перешла на усиленный режим работы, были проведены военные маневры, что вызвало, кстати, недоумение советской стороны. Зафиксированные открытые проявления недовольства имели локальный характер и были незначительными. Но в советском посольстве посчитали, что болгарское руководство не сделало нужных выводов из польских событий, проявило самоуспокоенность, особенно на местах. Действуя в традиционной идеолого-пропагандистской парадигме, советские дипломаты советовали болгарам усилить бдительность и извлечь уроки из «нездоровых проявлений в других странах народной демократии».

Как подчеркивалось в докладе, совет был принят во внимание во время венгерских событий: усилена охрана предприятий, введено ночное патрулирование в городах, в повышенную боеготовность приведены милиция и внутренние войска МВД, приостановлена вы-

дача загранпаспортов, закрыта государственная граница, в том числе и для въезда болгар, оказавшихся за пределами страны. Секретарям парторганизаций и членам партии, вступившим в ее ряды до 9 сентября 1944 г., было роздано оружие. Позднее созданы рабочие отряды, с которыми проводились учения по отработке «нападения извне». С 24 октября установлено усиленное наблюдение силовых структур за «вражеским контингентом» в стране. Благодаря активно действующей сети информаторов, соответствующие органы были осведомлены о настроениях подозрительных лиц, особенно творческой интеллигенции и молодежи. Службами госбезопасности фиксировались высказывания о «рабском духе болгарского народа», о слепом подражании Советскому Союзу, о том, что болгары всегда «плетутся в хвосте», и пр. Отмечался рост числа нелегальных групп. Случаи угроз расправы с коммунистами, например появление на дверях домов меток «БЖ» — «будущая жертва», были нечастыми, но они усиленно использовались в официальной пропаганде для оправдания репрессивных мер властей и консолидации партийной массы. К наиболее опасным, враждебно настроенным к режиму лицам были отнесены члены бывшего оппозиционного БЗНС (Никола Петков), офицеры, полицейские, «капиталисты», деятели буржуазных партий, анархисты, духовенство, кулаки и прочие «антинародные элементы». Т. В. Волокитина обратила внимание на сходство этого перечня с теми «бывшими людьми», уличенными в антигосударственной

деятельности, о которых говорил Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г.

Докладчик привела конкретные примеры, свидетельствовавшие о значении слухов как замещающей информации в закрытом обществе. Их диапазон был значительным и касался как внутри-, так и внешнеполитической сфер. Говорилось о предстоящем роспуске ТКЗХ, об опасной активизации старого офицерства, высадке советского танкового десанта в Варне и его рассредоточении по Черноморскому побережью, о нажиме югославов на болгарских руководителей, выразившемся, в частности, в переименовании г. Сталина в Варну, и пр.

31 октября 1956 г. пленум ЦК БКП специально обсудил события в Польше и Венгрии. Хотя в качестве главной была поставлена задача «вооружить» партактив информацией и перейти к активной разъяснительной работе, немало участников пленума высказалось за «вооружение» в прямом смысле: был поставлен вопрос о возврате личного оружия «старым активистам, партизанам, политзаключенным и др.», прозвучало предложение вернуться к былой традиции ношения оружия офицерами, которые прежде «никогда не ходили по улицам с голыми руками». Позднее, в ноябре, на местах зазвучали требования вооружить «руководящих товарищей» в деревне. Хотя конкретного решения принято не было, но с повестки дня этот вопрос снят не был: к нему предлагалось вернуться позднее.

Участники пленума единодушно высказались за подавление «нездоровых партийных элементов», питающих «контрреволюцию» и стремящихся апеллировать к «улице». При этом критические выступления были приравнены к государственной измене. Подобный подход, отметила Т.В. Волокитина, слабо сопрягался с прозвучавшими призывами Живкова действовать «тактично», «по-товарищески».

Докладчик привела оценки ситуации в Болгарии и прогноз на будущее, дававшиеся западными наблюдателями. Собкор британской газеты «Таймс» в Софии Халов предвещал: «События в Польше и Венгрии не сильно отразятся в Болгарии. ЦК принял меры предосторожности, а авторитет СССР в народе большой... Болгары не хотят повторения венгерских событий, но предпочли бы заставить правительство принять более быстрые меры по улучшению материальных условий жизни и устранению непопулярных проявлений коммунистического управления... События в Венгрии дадут возможность с большей силой показать, что ЦК прав в своей политике по отношению к “мелкобуржуазной распушенности”». Этот прогноз вскоре подтвердился. Уже 6 ноября «Таймс» констатировала: «Надежды и ожидания перемен многих болгар исчезли. Голоса протеста превратились в шепот. Режим укрепляется. Снова пропагандируется бескорыстная помощь СССР, необходимость болгаро-советской дружбы. Это возвращение к “сталинской эре”». К аналогичным по своей сути выводам пришел и советский посол

в Софии Ю. К. Приходов: в политписьме от 26 октября 1956 г. он указал, что именно под влиянием венгерских событий Живкову удалось консолидировать Политбюро, добиться согласия в оценках ситуации, заглушить критические голоса.

На основе проведенного анализа поступавших в болгарские партийные инстанции писем (большинство их было анонимными) Т. В. Волокитина пришла к выводу, что значительная часть болгарского общества восприняла официальные пропагандистские установки, выражала желание оказать помощь «здоровым силам венгерского народа», остановить «наступление фашизма в Венгрии», предлагая действовать как мирными средствами (сбор средств, одежды, медикаментов), так и военными. Звучавшие в письмах советы венгерским товарищам показать «крепкую руку», «железный кулак народной власти» сочетались с требованиями к болгарскому руководству не допустить кризисной ситуации в собственной стране, обратить внимание на острые внутренние проблемы, укреплять авторитет партии, бороться с бюрократией, бездушием чиновников, роскошью «начальства» и пр.

Примечательно, что венгерские события обусловили появление новых подходов к методам укрепления «социалистического лагеря». 12 ноября 1956 г. группа софийских коммунистов обратилась в ЦК КПСС (копия была направлена в ЦК БКП) с требованием сделать «решительные выводы» из выступления контрреволюции в Венгрии. Авторы утверждали, что «народно-

демократические страны должны стать республиками СССР» и что события в Венгрии дают сейчас «прекрасный повод для такого объединения соцлагеря». В конце декабря 1956 г. группа бывших политэмигрантов в СССР предложила, обратившись в Политбюро и Президиум Народного собрания, провести в стране референдум о присоединении Болгарии к СССР как 17-й республики и о превращении болгар в советских граждан.

В докладе отмечалось, что венгерские события вызвали волну «ретронастроений». В партийной массе высказывалось мнение, что установки XX съезда о возможности мирного перехода к социализму и об ошибочности сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в переходный период не подтвердились, о чем свидетельствуют события в Венгрии, что решения съезда «питали ревизионизм», что события в Польше и Венгрии породила «грубая критика Сталина». Полученная в ЦК БКП информация, что новое польское правительство и правительство Венгрии, пришедшее к власти в результате восстания, находились под сильным югославским влиянием, усилила неприязнь к югославам. На партсобраниях звучали вопросы типа: «Не поспешили ли Хрущев и Булганин, объявив в 1955 г. Тито марксистом-ленинцем?», «Не следует ли вернуться к оценкам Тито, данным Сталиным в 1948 г., которые оказались абсолютно правильными?» «Ретронастроения» коснулись и Отечественного фронта. Активисты из числа членов БКП настаивали на массовой чистке его рядов и воз-

вращении к практике народно-демократического этапа 1944–1948 гг., когда едва ли не главным документом гражданина являлась справка ОФ о благонадежности.

Т.В. Волокитина отметила, что венгерская революция стимулировала решение болгарским руководством наиболее злободневных социальных проблем, причем ускоренными темпами. Показательно, что Москва поддержала болгар, помогла, в частности, решить острейшую проблему снабжения населения хлебом, что позволило 1 ноября 1956 г. отменить карточную систему. В ноябре-декабре последовали постановления об увеличении низких зарплат и пенсий, предоставлении пособий на детей, о введении пенсионного обеспечения сельским кооператорам, о принятии на себя государством накладных расходов с рабочих столовых, в результате чего цены снизились на 25 %, отменена подписка на внутренний государственный заем 1957 г. и пр. Для решения острого жилищного вопроса были предоставлены преимущества кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, началась денационализация жилья, проведенного в 1948 г. В ряду этих мероприятий стояли снижение цен на лекарства, выплата пособий зарегистрированным на бирже труда безработным и др.

Наметилось некоторое отступление и в других сферах общественной жизни: вернулись в аудитории исключенные по политическим причинам студенты, начался пересмотр дел арестованных, внесен в Политбюро вопрос о расформировании

внутренних войск, специально созданных для борьбы с антиправительственными выступлениями. Начал реализовываться дифференцированный подход к разным группам творческой интеллигенции, предполагавший сочетание давления и терпимости.

Таким образом, подчеркнула докладчик, результаты влияния венгерских событий на болгарское руководство нельзя считать однозначными. Налицо были как определенная корректировка функционирования режима, так и установление ее предела. Властям удалось консолидировать существенную часть партийной массы вокруг ЦК и активизировать ее в «правильном» направлении, фактически «заморозив» процесс либерализации, хотя полного возвращения к прошлому быть уже не могло.

Доклад Т.А. Покивайловой был посвящен советско-румынским отношениям после XX съезда КПСС и, в частности, такому важному их аспекту, как вопрос о возвращении Румынии национальных сокровищ, вывезенных в Россию в годы Первой мировой войны.

Отметив, что решения XX съезда КПСС оказали существенное влияние на обстановку внутри восточного блока, докладчик подчеркнула и значительные отличия в развитии общественно-политических процессов в отдельных социалистических странах. Так, если в Венгрии, Польше, Чехословакии широкие слои населения выступили против режима сталинского образца, за демократизацию общества,

то в Румынии перемены затронули в первую очередь высший эшелон Румынской рабочей партии. После XX съезда члены Политбюро РРП с довоенным стажем М. Константинеску и Й. Кишиневский, опираясь на своих сторонников из числа промосковски настроенных коммунистов-ветеранов и взяв на вооружение лозунг борьбы против культа личности, предприняли попытку устранить Г. Георгиу-Дежа от руководства партией. Трудно сказать, отметила докладчик, поступил ли соответствующий импульс из Москвы или указанные функционеры действовали по собственной инициативе. Итог острейшей борьбы в руководстве партии известен: победа Георгиу-Дежа, укрепление его личной власти. Последовавшие за этим серьезные кадровые перестановки усилили позиции окружения Дежа. Приняв летом 1956 г. решение передать Румынии ценности, вывезенные в Россию еще в годы Первой мировой войны, Москва тем самым фактически выразила поддержку «команде» Дежа.

Т.А. Покивайлова подробно остановилась на истории румынского золота и национальных ценностей, оказавшихся в 1916–1917 гг. в России. После оккупации германскими войсками и их союзниками большей части территории Румынии, воевавшей с 1916 г. на стороне держав Антанты, золотой фонд Румынии, находившийся в Национальном банке (по некоторым данным он составлял от 70 до 95 тонн золотых слитков), драгоценности королевы Марии, историко-художественные ценности, ценные бумаги Национального и частных банков,

государственные архивы, архивы Румынской академии и пр. были по договоренности с царским правительством отправлены в Россию двумя эшелонами. Первый – в декабре 1916 г., а второй уже после свержения монархии, при Временном правительстве. Основная часть прибывшего ценного груза была размещена в кладовых Московского Кремля.

Победа большевиков в России в октябре 1917 г. на многие годы определила судьбу румынского золотого запаса и указанных ценностей. Т.А. Покивайлова привела бытующие в наши дни версии, якобы проливающие свет на судьбу румынского золота, но, к сожалению, не поддающиеся верификации. Согласно одной из них, в декабре 1917 г. представителям британских спецслужб по просьбе румынского посла К. Диаманди удалось вывезти в Румынию с разрешения советских властей часть золотого запаса. По другой версии – часть его вместе с российским золотым запасом в годы Гражданской войны была эвакуирована из Москвы и оказалась у адмирала Колчака. Следы румынского золота вели якобы и к атаману Семенову, и к чешскому экспедиционному корпусу... Отбитое, хотя и не полностью, частями Красной Армии золото было возвращено сначала в Нижний Новгород, а затем в Москву. После оккупации Румынией в январе 1918 г. Бессарабии, входившей в состав Российской империи, и разрыва в связи с этим дипломатических отношений с Румынией советское правительство заявило, что «хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется

неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранение этого фонда и передаст его в руки румынского народа».

Докладчик подчеркнула, что данная формулировка впоследствии, в период обострения советско-румынских отношений в середине 1960-х гг., явилась основанием для настойчивых требований румынской стороны вернуть золото, поскольку с образованием в 1948 г. Румынской Народной республики власть официально перешла в руки народа. Однако анализ советских правительственных документов, относящихся к 1918 г., как было показано в докладе, свидетельствовал о намерении советской стороны любыми средствами вернуть Бессарабию, образовать там советское румыно-бессарабское правительство и передать ему «в полное его распоряжение весь наличный золотой фонд и все имущество бывшего румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов». Т.А. Покивайлова констатировала, что основной золотой запас, хотя и в несколько уменьшенном виде, существовал до начала 1922 г., а местом хранения ценностей по-прежнему, вплоть до 1956 г., продолжал оставаться Московский Кремль. Только раз они меняли место «прописки»: в годы Великой Отечественной войны вместе с советскими архивами и государственными ценностями были эвакуированы в далекую от фронта Самару. Отдельные исследователи высказывают предположение, что в 1930-е гг. румынское золото было «обезли-

чено», т.е. переплавлено, и пошло на нужды индустриализации, но документального подтверждения этому нет.

Что касается историко-культурных ценностей, то их судьба, считает Т.А. Покивайлова, сложилась для румынской стороны более удачно. В 1935 г. после восстановления дипломатических отношений между СССР и Румынией румынскому правительству были переданы архивы, в том числе королевской семьи, частных лиц, Румынской Академии, и некоторые уникальные вещи, например платиновые эталоны мер веса и длины.

В августе 1955 г., как считают некоторые румынские историки, руководство РРП, опираясь на возникший прецедент – передачу ГДР картин Дрезденской художественной галереи, инициировало вопрос о возвращении национального золотого запаса и остальных ценностей. Произошло это в неформальной обстановке во время пребывания Н.С. Хрущева в Бухаресте на праздновании 11-й годовщины освобождения Румынии от фашизма. Переговоры проходили до мая-июня 1956 г. Советская сторона приняла положительное решение, но речь в нем шла не о румынском золотом запасе, а об «исторических ценностях румынского прикладного, декоративного и изобразительного искусства». Об этом сообщил румынским «товарищам» Н.С. Хрущев в письме, сохраняемом ныне в Национальном архиве Румынии. (Впервые этот документ был опубликован только в 2003 г. в журнале «Dozarele istoriei».) Указав

на намерение укреплять дружбу между советским и румынским народами как на главную причину положительного решения, Хрущев сообщал: «К настоящему времени советские ученые и специалисты завершили работу по изучению и систематизации ранее эвакуированных фондов. Разобраны, полностью выявлены и систематизированы также и румынские исторические и художественные ценности, хранящиеся в СССР... Мы придаем этому акту передачи РНР художественных ценностей важное политическое значение». Отpravку музейных экспонатов намечалось приурочить к национальному празднику Румынии — 23 августа, а для приемки ценностей предлагалось прислать в Москву наделенную соответствующими полномочиями официальную делегацию. 28 июля делегация во главе с директором Института дружественных связей с заграницей академиком М. Ралей прибыла в советскую столицу. В программе визита значились встреча с первым заместителем министра культуры СССР С. В. Кафтановым, посещение Московского Кремля для осмотра передававшихся румынской стороне ценностей. 6 августа 1956 г. стороны подписали протокол, по которому Румынии были переданы 39 320 произведений румынского искусства, в том числе 1 350 картин, гравюр и рисунков кисти известных западноевропейских мастеров, а также полотна румынских художников — последователя барбизонской школы Николае Григореску, основателя Школы изящных искусств в Бухаресте известного живописца и графика Теодора Амана, художника-импрессиониста Ште-

фана Лучиана. В протоколе также значились 156 икон, 418 изделий из тканей, шитых золотом, 495 предметов светской и церковной утвари, 33 068 редких монет, 2 465 медалей, 1 370 предметов прикладного искусства. Нумизматические коллекции содержали золотые и серебряные монеты греческого и римского происхождения. Среди археологических находок, возвратившихся в Румынию, была знаменитая золотая «наседка с цыплятами» из сокровища Пьетроасель начала V в., а также золотой тритон, датируемый III–IV вв. Общий вес золота, содержащегося в предметах художественно-исторического значения, составлял 33 кг, серебра — 690 кг. Кроме того, в изделиях имелось немало драгоценных и полудрагоценных камней: бриллиантов, сапфиров, рубинов, изумрудов, жемчуга. Российская сторона неоднократно подчеркивала, что в Румынию были переданы все предметы, сохранившиеся в России. Однако до настоящего времени Румынии не было возвращено само золото, и эта проблема остается до сих пор не решенной. Румынская сторона претендует на возвращение не менее 93 тонн золота. Российская сторона выдвигает свои контрпретензии, указывая на задолженность Румынии за поставки и разграбленное имущество русских армий, действовавших на Румынском фронте в годы Первой мировой войны, и ущерб, нанесенный румынами СССР, когда союзница гитлеровской Германии Румыния вела бои на Восточном фронте и участвовала в оккупации советских территорий. К сожалению, проблема золота по-прежнему остается весьма болезненной в дву-

сторонних отношениях, и перспективы ее разрешения нельзя считать благоприятными.

Задачу проанализировать реакцию румынской политической элиты на решения XX съезда КПСС и его последствия для Румынии поставила в своем выступлении А. С. Гладышева. Закрытый доклад Н. С. Хрущева о преступлениях сталинской эпохи, ознаменовавший собой начало десталинизации, явился важной вехой в двусторонних отношениях. В сфере внешней политики Румыния безоговорочно поддержала действия СССР в Венгрии и Польше, а также советскую позицию в Суэцком кризисе. Вместе с тем, борясь с отголосками событий 1956 г. в собственной стране, румынское руководство начинает продумывать новую стратегию взаимоотношений с СССР.

Опираясь на мемуары и интервью румынских партийно-государственных и административных деятелей Г. Апостола, А. Бырлэдяну, С. Томы и П. Сфетку, докладчик рассмотрела влияние XX съезда на отношения в высшем партийном эшелоне.

Для румынского лидера Г. Георгиу-Дежа выступление Хрущева стало неприятным сюрпризом. Параллели между советскими реалиями сталинского периода и проявлениями «культы личности» в Румынии объективно становились опасными для Дежа, могли привести к его смещению как лидера, тесно связанного со сталинской политикой. Основания для опасений имелись: по приведенным А. С. Гладышевой сведениям, соратники Дежа

М. Константинеску и Й. Кишиневский действительно решили воспользоваться ситуацией и провести смену руководителя на основе обвинения его в «антипартийной деятельности».

Первоначально, согласно установке Москвы, «секретный доклад» не планировалось обсуждать публично, однако после утечки на Запад информации о выступлении Хрущева пришел черед «братских партий» дать свою оценку этому документу. Основные дискуссии по данному вопросу в Румынии разворачивались на мартовском пленуме ЦК РРП и апрельском заседании Политбюро.

Докладчик сообщила, что по ходу пленума Константинеску и Кишиневский попытались привлечь на свою сторону некоторых членов Политбюро, в частности А. Могиороша и К. Пырвулеску. Оба отказались, а Могиорош еще и сообщил о намерениях Константинеску и Кишиневского Дежу. Вероятно, полученная Дежем информация оказала влияние на трактовку вопроса о румынском «культе личности» на пленуме ЦК РРП. В выступлении Дежа констатировалось, что в Румынии культ личности Сталина имел широкое распространение, проявившись в нерегулярном проведении пленумов и съездов партии, отказе от обсуждения на партийных форумах злободневных вопросов, волновавших общество (эти пункты повторяли положения хрущевского доклада). Вместе с тем Деж подчеркнул, что отклонения от ленинских принципов имели место лишь на местах, что последствия культа

личности проявились в деятельности раскритикованных «правых уклонистов» Паукер, Луки и Джорджеску и что отстранение последних от власти в 1952 г. уже явилось началом критики «культовых» проявлений. Таким образом, Деж выводил румынское руководство из-под огня возможной критики, подводил слушателей к выводу о том, что ошибки, о которых говорил Хрущев, относились к советской действительности и не имели прямой связи с румынской.

В развернувшейся на пленуме дискуссии был поднят острый вопрос о репрессиях 1950–1954 гг. Но когда министр внутренних дел А. Дрэгич заявил, что все приговоры утверждались руководством партии, то Деж прервал обсуждение, предложив перенести его на заседание Политбюро.

Сразу после пленума началась работа по разъяснению решений XX съезда на местах. В партийных организациях зачитывали сокращенный вариант «секретного доклада» Хрущева. Но даже в таком виде этот документ вызывал шок. Обсуждений, как правило, не было: люди испытывали потрясение, не могли сориентироваться, не были готовы к откровенному разговору. Лишь постепенно коммунисты начинали осознавать, что «настало время широко распахнуть окна, впустить в партию свежий воздух свободных демократических дискуссий». На страницах партийного официоза «Скынтейя» регулярно сообщалось о проходивших партактивах, участники которых, в нарушение традиции единодушия и бесконеч-

ных оваций, стали более-менее свободно критиковать политику режима. Однако, подчеркнула докладчик, власти допускали только дозированную критику: Георгиу-Деж лично знакомился с каждой статьей «Скынтейи» для рубрики «Партийная жизнь», определяя возможность публикации.

На апрельском заседании Политбюро обсуждение было построено вокруг выдвинутых Кишиневским и Константинеску обвинений в адрес Дежа как «маленького» Сталина. Центральными были три проблемы: злоупотребления госбезопасности (Секуритате), культ личности, отсутствие внутрипартийной демократии. Несмотря на все старания, Константинеску и Кишиневский не смогли найти поддержки среди членов Политбюро. Особую позицию занял Э. Боднэраш, который, дистанцировавшись от прозвучавших в адрес Дежа обвинений, ограничился заявлением о существовании в стране его культа личности. Он предложил противопоставить культу принцип коллективного руководства, свободное выражение мнений в Политбюро, отказ от обязательного единомыслия, а также переподчинить Секуритате непосредственно Политбюро и изъять из ведения МВД вопросы, связанные с управлением народным хозяйством.

Докладчик обратила особое внимание на попытки Дежа переложить вину за все перегибы в партии на А. Паукер, В. Луку и Т. Джорджеску, обеспечив себе поддержку старых коммунистов. С этой целью он встречался с ветераном компар-

тии, участником войны в Испании В. Романом. Реализовать задуманное Дежу удалось в полной мере. 12 апреля на заседании Политбюро он обвинил «группу» Паукер-Лука-Джорджеску в сталинских методах руководства (в дальнейшем это обвинение стало постоянным атрибутом пленумов, собраний партактивов, установочных статей в печати). Отдельно Деж затронул проблему внутрипартийных репрессий, заявив о допущенных преступных перегибах. Вместе с тем «справедливыми» он объявил репрессии против Л. Пэтрэшкану и группы «правых уклонистов» (Паукер, Лука, Джорджеску). Свою вину Деж самокритично усмотрел в том, что не принял мер против насаждения культа личности, не препятствовал проведению заседаний Политбюро в здании Совета министров, который он возглавлял (это, по его словам, приуменьшало роль партии). Деж, однако, категорически отверг обвинения своих оппонентов, переведя стрелку критики в их адрес и инкриминируя соратникам вклад в пропаганду культа личности, оппортунизм, отсутствие гражданского мужества и т. п.

А.С. Гладышева подчеркнула, что предпринятый Дежем ход был успешным: на заседании Политбюро смены политического руководства не произошло. Кишиневский и Константинеску отказались от обвинений, выдвинутых ими против Дежа. Однако сказались и новые веяния: не прошло предложение Дрэгица о причислении Кишиневского и Константинеску к «правым уклонистам», участники заседания отвергли попытку наклеить на них

политические ярлыки. Политбюро признало также, что единодушие при принятии решений в Политбюро является порождением культа личности, как и поднятый в 1955 г. вопрос о выводе советских войск из Румынии.

Судьбу Кишиневского и Константинеску решил пленум ЦК РРП, состоявшийся 28 июня – 3 июля 1957 г. Они были обвинены в поддержке сталинистского режима в Румынии, выведены из состава Политбюро и переведены на государственную службу. А. Бырлэдяну и П. Сфетку в своих воспоминаниях пишут, что на фоне событий 1956–1957 гг. свои позиции в партийном руководстве укрепил Н. Чаушеску. Хорошо подготовившись к пленуму, Чаушеску проявил завидное понимание обстановки и сделал беспроегрешный ход: обвинения против Константинеску построил на выдержках из его старых, в сталинском духе, выступлений и сочинений. Другими быть они попросту не могли, но его соратников это не волновало.

В докладе было обращено внимание на конъюнктурные оценки «случая» с Кишиневским и Константинеску, появившиеся позднее, в период обострения советско-румынских отношений, в румынской литературе. Объявленные «агентами Кремля», они якобы планировали по указанию Москвы сместить Дежа. Подобные утверждения, подчеркнула А.С. Гладышева, требуют документальных свидетельств. В специальном изучении нуждается, считает докладчик, и возможная связь «дела» бывших соратников Дежа по партии с разгромом

«антипартийной группы» Молотова, Маленкова и Кагановича, которые якобы являлись московскими покровителями Константинеску и Кишиневского.

Характеризуя процесс десталинизации в Румынии, А. С. Гладышева отметила влияние на него советского фактора, воздействие которого определялось установками Москвы относительно масштабов и основных направлений политики развенчания культа личности Сталина. В Румынии десталинизация, хотя и затронула социальную сферу, внешнюю политику, а также отчасти и культурную политику, характеризовалась ограниченными масштабами: вместо полновесного «извлечения уроков» из решений XX съезда развернулась борьба против «фракционернов», иначе — несогласных с позицией лидера партии. Члены Политбюро, как показала практика, более всего опасались дестабилизации обстановки в РРП и, как следствие, возможной потери ими власти. Такие настроения, подчеркивалось в докладе, блокировали возможные перемены, несмотря на недовольство политикой Георгиу-Дежа.

Как указывалось в докладе, авторов некоторых мемуаров, вышедших из-под пера современников событий, отличала известная двойственность оценок. Например, Г. Апостол в целом весьма тенденциозно характеризовал деятельность Дежа, снимая с него непосредственную вину за преступления режима, но при этом отмечал, что на нем, как и на всех других, кто входил тогда в партийное руководство, лежит «мо-

ральная вина... так как они ничего не предприняли». В этих условиях, подчеркнула А. С. Гладышева, члены Политбюро предпочли действовать по принципу «круговой поруки», консолидироваться вокруг старого лидера, обеспечив тем самым стабильность политического режима. Это предотвратило повторение в Румынии польского и венгерского вариантов развития событий.

Советско-югославские отношения рассматривались в двух докладах. Б. С. Новосельцев сосредоточился на переломном 1956 г., когда стороны после короткого периода нормализации вновь поменяли вектор развития двусторонних отношений, взяв курс, чреватый новым обострением. Докладчик проанализировал позицию советского и югославского руководства по вопросам двустороннего сотрудничества и выявил основные разногласия сторон, приведшие в 1958 г. к новому конфликту.

Основываясь на материалах сербских (Архив Югославии, Дипломатический архив министерства иностранных дел Сербии) и российских (Российский государственный архив новейшей истории) архивов, периодике (публикации газеты «Правда»), опубликованных источниках (трехтомник Президиум ЦК КПСС (1954–1964 гг.); воспоминания В. Мичуновича; документы из сборника «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года»), а также на статьях и монографиях отечественных и зарубежных историков (А. Б. Едемского, А. С. Стыкалина, А. С. Аникеева, Д. Богетича), Б. С. Новосельцев

рассмотрел основные этапные моменты в советско-югославских отношениях весной – осенью 1956 г. К ним в докладе отнесены XX съезд КПСС, сформулировавший тезис о многообразии путей строительства социализма, закрытый доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях»; роспуск Коминформбюро и влияние югославского фактора на принятие этого решения; неофициальная поездка советского руководителя на отдых в Югославию в сентябре 1956 г.; нарастание напряженности в Венгрии летом-осенью 1956 г. и роль Югославии в этих событиях.

Б.С. Новосельцев особо остановился на поездке в СССР югославской делегации во главе с Й.Б. Тито и подписании сторонами Московской декларации. По мнению докладчика, несмотря на большое внимание, которое уделили Москва и Белград подготовке визита, и возлагавшиеся на него надежды, переговоры окончились неудачно. Это показало сторонам, что они по-разному понимают цели нормализации отношений. Задачей Москвы в конечном итоге было возвращение Югославии в восточный блок при сохранении безусловного советского доминирования в международном рабочем движении. Белград стремился к признанию социалистическими государствами своей особой позиции в мире, предполагавшей равноправное сотрудничество с Советским Союзом, США и странами третьего мира, к уважению суверенитета и невмешательству в свои внутренние дела. Но при этом в экономических отношениях с СССР югославы претендовали на те же особые условия, что

и страны социалистического лагеря. Продолжение уступок со стороны Москвы было чревато ростом притягательности «югославского пути», что показывали донесения из Венгрии и в меньшей степени Польши. Советская позиция на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий стран «социалистического лагеря», состоявшемся 22–23 июня в Москве, постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г., а также «Информация о результатах советско-югославских переговоров, прошедших в июне 1956 г.», разосланная лидерам коммунистических партий социалистических стран, не оставляли сомнений: речи об углублении десталинизации и демократизации отношений внутри соцлагеря быть не может, а Московская декларация – «дипломатический жест», а не платформа для взаимоотношений социалистических государств, которые, по мнению советского руководства, должны быть частями «единого фронта».

Таким образом, подчеркнул Б.С. Новосельцев, именно после неуспеха переговоров в Москве возникла тенденция к новому охлаждению в советско-югославских отношениях, укрепившаяся затем во время венгерского кризиса (ноябрь 1956 г.) и приведшая в конечном счете к новому конфликту сторон в 1958 г.

Начальному этапу обострения советско-югославских отношений, пришедшемуся на ноябрь 1956 – февраль 1957 г., посвятил свой доклад А.Б. Едемский. Отметив, что

секретные консультации советских и югославских представителей по поводу урегулирования кризиса в Венгрии, состоявшиеся на Брионских островах в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г., отразили озабоченность сторон положением в Венгрии, докладчик указал на спокойное восприятие югославами сообщения Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова о неизбежности новой, второй интервенции в Венгрию. Югославы проинформировали, что из окружения И. Нады поступил запрос о предоставлении ему убежища в югославском представительстве в Будапеште, и обещали оказать влияние на венгерского руководителя. В свою очередь советские представители приняли предложение югославам, чтобы новое правительство возглавил Я. Кадар (а не Ф. Мюнхих, как того хотел Хрущев).

События раннего утра 4 ноября, когда Надь, перед тем как укрыться в югославской дипмиссии, по сути, призвал сограждан к сопротивлению советской интервенции, внесли серьезный диссонанс в ранее согласованные позиции. Советское руководство пришло к убеждению, что Надь является «пособником контрреволюции», «перерожденцем» и должен быть наказан. Ситуацию осложнила 5 ноября трагическая смерть 30-летнего югославского дипломата от пулеметной очереди, выпущенной из советского танка по зданию югославской дипмиссии. Обмен посланиями 7–8 ноября и беседа югославского посла в Москве с советским министром иностранных дел Д. Т. Шепиловым стали прологом будущего кризиса в отношениях.

А. Б. Едемский заметил, что пусковым механизмом последующего движения к обострению советско-югославских отношений стало предложение югославам позволить Нады выехать в ФНРЮ или разрешить ему остаться в Венгрии, полностью отойдя от дел, на которое советская сторона ответила отказом. Выступление Тито на партактиве в хорватском городе Пуле 11 ноября, указал докладчик, явилось следующим важным моментом в эскалации напряженности. Решив сыграть на опережение, Тито рассказал о секретной брионской встрече, не дожидаясь, когда о советско-югославской договоренности по фактическому свержению венгерского правительства сообщит общественности Москва. Югославский лидер стремился тем самым не допустить удара по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства. Кроме того, Тито фактически назвал причиной венгерского кризиса советскую политику, закреплявшую неравноправные отношения в «социалистическом лагере» и вызывавшую антисоветские настроения.

Основная часть доклада А. Б. Едемского и была посвящена анализу речи Тито в Пуле и причин его публикации через несколько дней, 16 ноября 1956 г. Охарактеризовав бытующие в отечественной и зарубежной историографии оценки, докладчик подчеркнул, насколько важно учесть весь комплекс факторов и событий, повлиявших на решение Тито выступить 11 ноября, а затем опубликовать речь. Впоследствии югославский лидер не раз говорил, что к выступлению в Пуле специально не готовился, указав тем самым

на его спонтанный характер. Это подтверждает отсутствие конспектов и иных подготовительных материалов в Архиве Югославии.

Публикация, подчеркнул А. Б. Едемский, стимулировала обострение советско-югославских отношений. В Москве особенно остро восприняли заявление Тито, что именно советская система породила сталинизм.

В докладе отмечалось, что изучение материалов заседания Президиума ЦК КПСС 20 ноября позволяет выявить особенности советской реакции на выступление Тито в Пуле. Так, эмоциональное предложение Хрущева отказать югославам в предоставлении кредитов, как было обещано ранее, стало прямым следствием речи Тито. Этот вопрос был поставлен первым на заседании 20 ноября неожиданно (материалы, свидетельствующие о его предварительной подготовке, не обнаружены). Вместе с тем, как следует из протокольной записи обсуждения, высказывания Хрущева («тактично составить письмо. Вернуться к этому вопросу») не производят впечатления агрессивно-непримиримых.

Осенью 1956 г. почва для повторения советско-югославского конфликта 1948 г. имелась, однако новые условия и обстоятельства последних месяцев того года не допустили его повторения. Немалую роль в этом сыграло и поведение Тито. В отличие от весны 1948 г., когда Москва черпала информацию о происходящем в югославском руководстве исключительно из со-

общений собственного источника в Политбюро ЦК КПЮ (С. Жуйовича), Тито демонстрировал готовность лично информировать Москву о собственной позиции. Сделав еще в июле 1953 г., а затем и в июле 1954 г. ставку на поддержку тех сил в советской верхушке, которые предвещали демонтаж сталинского наследия, и рассматривая фигуру Хрущева как ключевую в процессе демократизации режима в СССР, югославский лидер последовательно придерживался этого выбора. Его уверенность в правильности данной позиции еще больше укрепилась после визита советской делегации в Югославию в конце мая 1955 г. и двух докладов Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. В отличие от 1948 г., Тито стремился как можно чаще встречаться с советским послом. Во время каждой из встреч с Н. П. Фирюбиным югославский лидер разными способами демонстрировал свою веру в сохранение дружественных отношений между Белградом и Москвой, проявлял готовность к новым контактам с советскими руководителями. Именно так были расценены в Москве письмо советским руководителям от 3 декабря и последующая встреча Тито и А. Ранковича с Фирюбиным (между 4 и 7 декабря). Советская сторона правильно поняла знаки, подаваемые Тито, и участники заседания Президиума ЦК 8 декабря согласились на встречу, намереваясь запросить через совпосла мнение Тито о месте ее проведения. Однако выступление Э. Карделя 7 декабря в Скупщине (парламенте) ФНРЮ с заранее запланированным пространственным докладом по итогам года, в котором

повторялись тезисы, прозвучавшие в Пуле, поставило под вопрос встречу на высшем уровне.

Опираясь на архивные материалы, А. Б. Едемский констатировал, что ответ на письмо Тито от 3 декабря, который по поручению Президиума ЦК КПСС готовили М. А. Сулов, Д. Т. Шепилов и Б. Н. Пономарев, претерпел существенную эволюцию. Руку к этому приложили также Г. М. Маленков и А. И. Микоян. Письмо, после дополнительного обсуждения с руководителями близких к КПСС компартий, было направлено в Белград 10 января. Несколько ранее, 30 декабря в адрес ЦК СКЮ ушло письмо о невозможности предоставить югославам кредиты на строительство мощностей по производству алюминия. С момента принятия 20 ноября решения о подготовке данного послания прошло более пяти недель. Этот документ уже никак нельзя считать спонтанным ответом на выступление Тито в Пуле: он явился результатом влияния значительного числа иных факторов. В условиях полемики в СМИ в связи с выступлением Карделя данное письмо можно считать попыткой оказать давление на югославское руководство. Атмосфера, сложившаяся в начале года вокруг приезда в Москву югославской правительственной делегации во главе с Н. Минчевым, отчасти напоминала начало 1948 г. Однако и на сей раз именно Тито взял на себя роль буфера, сдерживающего разрастание выявившихся противоречий до конфликтного уровня. Во время двух его встреч с советским послом (11 и 27 января) Тито намеренно вел себя так,

чтобы не вызвать дополнительной критики Москвы. В соответствии с советскими версиями этих встреч, 11 января югославский лидер вновь высказал сожаление в отношении использования им в выступлении в Пуле высказывания о советском внутреннем устройстве, заметив, что «не собирался критиковать советскую систему». Он также заверил собеседника, что ему удалось убедить тех лиц в югославском руководстве, кто посчитал сообщение о переносе срока предоставления советских кредитов «санкцией» в ответ на возникшие дискуссии. При этом он заверил посла в том, что «мы нигде и никогда не позволим толковать неправильно то, что предложено ЦК КПСС и с чем мы согласны». В разговоре с Фирюбиным 27 января, по словам посла, Тито «намекал» на необходимость новой встречи на высшем уровне, а также просил передать в Москву, что «он и его товарищи» выступают за прекращение дискуссии.

Докладчик указал, что набиравший силу советско-югославский конфликт был временно приостановлен к началу весны 1957 г. Зримым проявлением этого явились подписание 26 февраля протокола о товарообороте между двумя странами на 1957 г. и заключение 8 марта Соглашения о товарообороте на 1958–1960 гг. Вместе с тем именно в это время формировались предпосылки для очередного витка конфликта, разыгравшегося весной 1958 г. в связи с опубликованием проекта новой программы СКЮ. Само намерение югославам подготовить и принять партийную программу раньше, чем это сделает советская

сторона, содержало в себе семена неизбежного будущего конфликта. Югославское руководство планировало подготовить текст в форсированном порядке и принять его на съезде СКЮ осенью того же года. Последующие события отложили проведение съезда на весну 1958 г. Тем самым до весны 1958 г. был отложен и новый конфликт.

Г. П. Мурашко представила на заседании доклад, призванный ответить на вопрос, что помешало «Пражской весне» начаться в стране в 1956 г.² Проанализировав обстановку в Чехословакии в середине 1950-х гг., докладчик констатировала, что публичное проявление общественных настроений, отличных от генеральной линии правящей партии, было практически невозможным. Только воздействие извне могло рассеять застывшую атмосферу «единства мнений», сложившуюся, с одной стороны, в результате внедрения в массовое сознание лозунга «Советский Союз — наш пример», а с другой — массовых репрессий и политических судебных процессов рубежа 1940–1950-х гг. Хотя, как отметила Г. П. Мурашко, сигналы из Москвы о необходимости корректировки политического курса стали поступать раньше, возмутителем спокойствия, разбудившим чехословацкое общество и вызвавшим тягу к переменам, стал XX съезд КПСС с докладом Н. С. Хрущева о культе личности Сталина. Однако этот процесс шел в стране не гладко: обсуждение проблемы культа личности на состоявшемся в марте-апреле 1956 г. пленуме ЦК КПЧ показало, что высшее руководство партии в лице А. Новотного, А. Запотоцкого и В. Широкого

намеревалось «спустить на тормозах» борьбу с культовскими проявлениями и реализовать предложенную Москвой новую стратегическую линию с наименьшими кадровыми издержками. В частности, отнюдь не предполагалось, как показали материалы пленума, посягать на авторитет вождя партии К. Готвальда. Не случайно в докладе Новотного акцент делался на признании коллективной вины за возникновение культа личности в стране. «Носителями культа личности были иногда члены Политбюро, члены ЦК и руководители правительства, — говорил Новотный, — распространяли же его все активисты партии. Так культ личности проник во всю нашу жизнь, и трудно представить себе все его вредные последствия». Он призвал относиться к культу «как к болезни, которую следует изгнать из тела партии», одновременно начав борьбу за укрепление коллективности в руководстве партии сверху донизу. Но поскольку не назвать конкретных виновников было нельзя, то своего рода «козлом отпущения» за все грехи прошлого «был назначен» зять Готвальда — А. Чепичка, сосредоточивший в своих руках немалую власть. Такой поход, подчеркнула докладчик, позволял руководящему триумvirату сохранить в своих руках властные рычаги и избежать политической ответственности за массовые внутривнутрипартийные репрессии 1949–1952 гг. Кроме того, он приобретал в глазах общества имидж антисталинистов и, что немаловажно, обеспечил себе поддержку Москвы.

Однако в ходе внутривнутрипартийной дискуссии по ключевым вопросам

развития страны выявился достаточно широкий спектр общественных настроений, не втискивавшихся в прокрустово ложе провозглашенного официального курса. На основе изучения документов российских архивов Г. П. Мурашко выявила четыре центра оппозиционных настроений.

Первый центр представляла творческая интеллигенция и ее союзы, прежде всего Союз чехословацких писателей. Состоявшийся 22–29 апреля 1956 г. съезд организации показал, что она фактически оказалась вне контроля ЦК КПЧ. Министр культуры Л. Штолл в беседе с сотрудником советского посольства П. Г. Кречотенем сообщил о намерении писателей-коммунистов потребовать роспуска Политбюро ЦК КПЧ и созыва чрезвычайного съезда партии. Попытки А. Запотоцкого и заместителя министра культуры поэта и критика И. Тауфера повлиять на писателей не увенчались успехом. Не менее тревожной, как считали в советском посольстве в Праге, была обстановка и в Союзе художников, где тон стали задавать «поклонники Запада». В целом среди творческой интеллигенции участились случаи подачи заявлений о выходе из КПЧ.

Второй центр объединял студенческую молодежь, поддержанную частью преподавательского состава Карлова университета, Университета Братиславы и некоторых других учебных заведений. Именно в этой среде, около 40 % которой составляли выходцы из семей рабочих и трудовых слоев крестьянства, критика проводимой в стране поли-

тики была наиболее радикальной. Студенчество требовало расширения демократических свобод, отмены глушения западных «голосов», протестовало против обязательного исполнения советского гимна во время проведения мероприятий, не связанных с чехословацко-советскими отношениями, настаивало на исключении из программ вузов курса марксизма-ленинизма, а также на факультативном изучении русского языка. Именно в студенческой среде впервые прозвучало требование ликвидировать институт советских советников.

Третий центр, по мнению докладчика, сформировали первичные парторганизации с преобладающей прослойкой интеллигенции. В этой среде открыто высказывалось недоверие руководству, выдвигались требования отставки Новотного и созыва нового съезда партии в связи с тем, что ЦК КПЧ «все еще механически руководствуется решениями ЦК КПСС и... не проявляет достаточной способности диалектически, самостоятельно рассмотреть наши проблемы по примеру КПСС». В «первичках» прозвучали и такие принципиально важные предложения, как обеспечение гласности в работе комиссии по пересмотру дел осужденных по процессу Сланского; перестройка системы цензуры; отказ от механического приложения советского опыта; пересмотр проведенной в 1953 г. школьной реформы; проведение внутрипартийной дискуссии; введение тайного голосования при избрании партийных органов и делегатов съездов; отмена в стране смертной казни.

Г.П. Мурашко отметила также, что наиболее остро оппозиционные настроения проявлялись в Словакии. Нерешенный словацкий национальный вопрос, арест и исключение из политической и общественной жизни «буржуазных националистов» Г. Гусака, Л. Новомеского, Д. Окали и др. превращали эту часть страны в четвертый центр протестных проявлений. Но, как и в чешских землях, там наиболее активно действовала интеллигенция. В ходе дискуссий по итогам пленума оппозиция требовала отделить культуру, науку, печать, литературу от политики, ликвидировать цензуру и дать народу право открыто высказывать свое мнение. Предлагалось также «покончить с лозунгом и разговорами о том, что СССР — наш пример, а учиться не на достижениях СССР, а на его ошибках». На собрании партактива Братиславы, где присутствовало более 2 тысяч человек, констатировалось, что словацкие национальные органы не имеют никаких прав, по каждому мелкому вопросу «бегают в Прагу», что в стране ширится небывалый бюрократизм, что растет пропасть между руководством и рабочими. Выражалась надежда, что созыв нового съезда позволит избавиться от «негодных руководителей», и пр.

В докладе отмечалось, что оппозиционные настроения в Чехословакии в 1956 г. выражали, прежде всего, так называемые средние слои — научная и творческая интеллигенция, военные, служащие госаппарата, студенчество. Рабочий класс и крестьянство не выражали сколь-нибудь четко свою позицию. По всей вероятности, предпо-

жила Г.П. Мурашко, эта часть общества в своей основной массе или поддерживала проводимую политику, или была безразлична к тем настроениям, которыми жили «средние слои». Этим, по-видимому, и отличалась ситуация в чехословацком обществе, где жизненный уровень в рассматриваемый период был в два раза выше, чем в Польше и Венгрии, от указанных стран.

Другой весьма существенной особенностью, как было отмечено в докладе, являлось отсутствие в Праге и Братиславе лидеров, сравнимых по масштабам личности и популярности с И. Надем или В. Гомулкой. Американские аналитики, характеризуя политическое положение в Чехословакии в середине 1956 г., писали: «Процесс над Сланским остается “страшным сном” чехословацких коммунистов, и его последствия очень глубоки. Популярность коллективного руководства укреплялась, прежде всего, позицией тех, кто этот “страшный сон” пережил, и кто ни в коем случае не хотел бы оказаться на месте, которое сулило бы подобную судьбу. Это, безусловно, объясняет стабильность руководства чехословацкого режима в последние три года. Пока еще не появился никто, кто бы по значимости сравнился с Готвальдом или Сланским и мог бы занять пост президента или секретаря... Так что в последние три года острой и открытой борьбы в высших кругах руководства КПЧ не наблюдается».

Руководство ЦК КПЧ, официально осудившее сталинизм, но по своему мышлению остававшееся

сталинистским, предприняло ряд мер по блокированию требований оппозиции, причем в первую очередь тех, что считались наиболее опасными. К числу таковых, безусловно, относилось «троцкистское» требование созыва чрезвычайного съезда. Центральному руководству удалось добиться отзыва соответствующих резолюций с мест и ликвидировать опасность «раскола». На подавление активности последовательных сторонников десталинизации были направлены конкретные меры, предложенные Новотным на заседании Политбюро ЦК КПЧ 11 мая 1956 г. Особое внимание при этом было обращено на силовые структуры – армию и госбезопасность, а также на преподавательские кадры в вузах и партийно-государственный аппарат. Внимание к положению в Словакии, отметила Г. П. Мурашко, выразилось в подтверждении прежнего курса на борьбу «против глинковских сепаратистов и буржуазных националистов» и намерении ограничить возможности критики деятельности властей со стороны некоммунистических партий. Новотный инициировал необходимость такого подхода, согласно которому право критики недостатков могло принадлежать только КПЧ.

Таким образом, весной 1956 г. власти разработали достаточно жесткий план действий, однако приступили к его реализации лишь в 1958 г. Причины этого докладчик усматривает в роли внешних факторов, и прежде всего той реальной обстановки, которая стала к лету 1956 г. обрисовываться в Польше и Венгрии.

Г. П. Мурашко указала, что польские события оказали прямое и непосредственное влияние на состояние общественных настроений в Чехословакии. Так, например, в рабочих и инженерно-технических кругах протестные выступления рассматривались «как проявление истинного мнения [польского] народа, который иначе не мог выразить своего взгляда... То, что было в Польше, должно прийти и к нам...». С энтузиазмом было воспринято возвращение в политику Гомулки. Обсуждение актуального «польского примера» приобрело особую популярность среди интеллигенции, особенно в Словакии. Подобные настроения подогревали и мнения авторитетных лиц. Так, по сообщению из советского консульства в Братиславе, побывавший в СССР и Польше президент Словацкой Академии наук О. Павлик в своем окружении констатировал: в СССР «господствует страшная бюрократия, жизненный уровень очень низкий... Советскому Союзу люди уже не доверяют и обращают взоры на Польшу, где происходит действительно прекрасный очистительный процесс. Там господствует энтузиазм, о каком нам только снится. Там идет действительно чистка от сталинизма по всей стране, и весь народ поддерживает это».

По-иному, достаточно сдержанно, как отмечалось в докладе, воспринимались революционные события в Венгрии. В приграничных с Венгрией территориях в Кошицком, Банско-Быстрицком и Нитранском краях, где в 1945–1946 гг. прошло массовое выселение этнических венгров с передачей их земель сло-

вакам, в 1956 г. среди населения проявились страх и нервозность: «придут назад мадьяры и будут с нами расправляться». В политической оценке венгерских событий населением ЧСР сыграло свою роль и выступление кардинала Й. Миндсенти, требовавшего возвращения земель, конфискованных в ходе аграрной реформы 1945 г., а также появление в Венгрии графа Эстерхази и других бывших крупных землевладельцев, претендовавших на возвращение собственности.

Эти обстоятельства существенно деформировали восприятие чехами и словаками происходивших в Венгрии событий. Показательно, что большинство словацких писателей официально выступили с осуждением венгерской «контрреволюции» и позиции Надя, а некоторые дали понять властям, что, не отказываясь от прежних критических позиций, в настоящее время свои требования выдвигать не будут из-за событий в Венгрии. Часть интеллигенции склонялась к югославской точке зрения, ставя вопрос о пороках самой системы, в том числе и о вселили непомерно разросшегося бюрократического партийного и государственного аппарата.

Таким образом, констатировала Г.П. Мурашко, начавшийся в Венгрии и Польше процесс десталинизации, принявший в 1956 г. разные по степени интенсивности формы, воспринимался в чехословацком обществе как два разнопорядковых явления: как контрреволюция (Венгрия) и как процесс демократизации (Польша). Может показаться парадоксальным, но именно это

обстоятельство в определенной мере способствовало сохранению относительной устойчивости политической ситуации в ЧСР на рубеже 1956–1957 гг. Не случайно западные обозреватели, оценивая ситуацию в регионе, настойчиво подчеркивали, что «перемены в Польше и антисоветское восстание в Венгрии фактически прервали небольшую тенденцию к либерализации в Чехословакии... после XX съезда КПСС».

Докладчик заметила, что выбору такой линии способствовала корректировка советским руководством некоторых принципов своей внешней политики в восточно-европейском регионе. Применительно к Чехословакии уже на рубеже 1956–1957 гг. советская сторона заговорила о возможностях сокращения масштабов своего присутствия в ЧСР, в частности института советских советников и специалистов, а также об изменении и совершенствовании форм экономического сотрудничества. Очевидно, что советские предложения были направлены на ослабление напряженности в отношениях власти с наиболее активной частью чехословацкого общества, но также и на укрепление позиций правящей элиты.

Последнее обстоятельство подтверждает роль советского фактора и в трансформации самой властной вертикали. После смерти в ноябре 1957 г. президента страны А. Запотоцкого в чехословацких верхах не было единства в вопросе о судьбе института президентства. Часть членов Политбюро считала возможным его ликвидировать, заменив

постом председателя Национального собрания. Другие выступали против отмены, но расходились в выборе конкретных кандидатур. Непростую ситуацию «разрушила» в июле 1957 г. Москва, посоветовав объединить посты первого секретаря ЦК КПЧ и президента республики. Это обстоятельство сыграло решающую роль в укреплении позиций Новотного внутри правящей группировки, по существу сняв какие-либо дискуссии вокруг кандидатуры нового президента ЧСР.

Состоявшиеся в ноябре 1957 г. президентские выборы фактически завершили юридическое оформление партийно-государственной диктатуры: все политические и государственные рычаги управления обществом оказались в руках Новотного. Получив новый статус, он решил на проведение масштабной акции по очистке госаппарата от инакомыслия и неконформизма, о которой говорил еще в мае 1956 г.

* * *

В ходе обсуждения заслушанных докладов участники круглого стола выразили единодушное мнение, что

поставленную задачу — попытаться осмыслить события 60-летней давности с позиций сегодняшнего дня и современного уровня знаний — удалось решить. Несмотря на значительные различия в восприятии событий 1956 г., выявились и общие существенные черты, серьезно повлиявшие на особенности процесса либерализации, его векторы и темпы. Интерпретация новых архивных материалов и привлечение источников личного происхождения, прежде всего мемуаристики, подводят к заключению, что 1956 г. с точки зрения исторической ретроспективы сигнализировал о будущей стагнации политических режимов «реального социализма», усилении кризисных тенденций в социалистическом мире.

Участники круглого стола надеются, что проделанная ими работа позволит воссоздать объективную картину состояния общества стран Восточной Европы и представить значительный диапазон настроений в нем, противостоять антинаучным попыткам «модернизации» общественного сознания в угоду новой политической конъюнктуры и новым «социальным заказам».

ROUND TABLE "1956. EASTERN EUROPE AT THE TURN"

Volokitina Tatyana V. — doctor of historical sciences, head of the Department of the Eastern Europe history after World War II, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: The socialist camp, the reformist mood of the communist society, political leaders of Eastern Europe, Moscow and the problem of the renewal of socialism.

The review of the reports of the round table at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on October 25, 2016 is published. The subject of the round table was the principal events of 1956. The participants of the meeting, using a wide range of diverse sources, analyze the growth of the crisis situation in Eastern Europe, the strengthening of centrifugal tendencies in the «socialist camp», place the «Poznań June» in Poland and the «interrupted revolution» in Hungary in the context of attempts to liberalize political regimes in the countries of the Soviet bloc, of the attitude to them of power structures, the mood of the population, the consequences of these events for the bloc and the major communist parties of Western Europe – French and Italian.

А. С. Тулбуре

БЕССАРАБСКАЯ ИСТОРИЯ

Ключевые слова: семейная история, Бессарабия, политические репрессии советской власти, Молдавская Советская Социалистическая Республика, ссылка в Сибирь, массовые депортации 1941 г. из МССР.

«Бессарабская история» — это история советских репрессий в отношении семьи Бырду (глава — Бырду Василе), начавшихся в Молдавской ССР (Бессарабия) в 1940–1941 гг. и прекратившихся только в середине 50-х гг. прошлого столетия. Единственная вина Василе Бырду заключалась в том, что в период нахождения Бессарабии в составе Румынии он был членом национал-либеральной партии Румынии, которая в межвоенный период была одной из самых демократических партий соседнего государства. Никакого активного сопротивления советской власти Василе Бырду и члены его семьи не оказывали. Семья была депортирована из МССР в 1941 г. Глава семьи погиб в лагере в 1942 г., остальные члены семьи отправлены в ссылку в отдаленные районы Российской Федерации. Жизнь этой семьи была превращена в ад. История написана по архивным материалам.

Я рос в семье, в которой тема сталинских репрессий не было табу. Однако об этом говорили не часто, и я не помню, чтобы говорили в трагических тонах. Наверное, щадили детей. Щадили и защищали, потому что мы, я и мои братья, могли об этом неправильно «распространяться» на улице и в школе, и это могло иметь плачевные последствия для нас и для наших близких¹.

В 70-е уже никто не боялся депортаций, однако ни о каком открытом обсуждении репрессий и тем, с этим связанных, не могло быть и речи. Не говорить об этом было элементом «тактики выживания» в условиях развитого социализма.

Поскольку о депортации и ссылке мне рассказывали мама и бабушка Евдокия, то у меня сложилось представление, что в Сибирь были посланы только они. У меня не было и приблизительного представления о масштабе советских репрессий в отношении нашей многочисленной семьи.

© Тулбуре А. С., 2017

Тулбуре Алексей Сергеевич — магистр истории, директор Института устной истории Молдовы (Молдова); tulbure@gmail.com

Как это обычно происходит, осознание того, что надо расспросить о прошлой жизни, в т. ч. о репрессиях, всех моих старших родственников — дедушек, бабушек и пр., — пришло только после того, как уже некое было спрашивать. Сегодня я собираю свидетельства чужих людей, а надо было начинать со своих. Урок другим.

Изучение архивных материалов помогло мне в какой-то степени исправить «ошибку молодости» и воссоздать ход и масштабы репрессий, которым подверглись члены моей семьи в 40-е и 50-е гг. XX в. Однако я потерял эмоции, личное отношение моих прадедов и дедов, прабабушек и бабушек к тому, что с ними произошло. Я зафиксировал подробные воспоминания о ссылке только моей мамы, Тулбуре Марии Васильевны (интервью было опубликовано), однако это воспоминания ребенка. Может быть поэтому мама, рассказывая мне о Сибири, не плакала.

Так сложилось, что по линии матери у меня, «благодаря» репрессиям советской власти, образовалось три комплекта прадедушек, прабабушек, дедушек и бабушек. Все они были репрессированы. В истории репрессий семьи Бырду, представляющих один из составов моих предков, которую я предлагаю вашему вниманию, много сюжетов, могущих войти в сценарий как триллеров, так и мелодрам. Много там событий абсурдных. Абсурдных не только с точки зрения современности, но и противоречащих логике того времени. Например, депортация детей и инвалидов, не замешанных ни в каких преступле-

ниях против советской власти и не представляющих никакого для этой власти экономического интереса (дешевая рабочая сила и т. д.).

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ БЫРДУ

Моего прадедушку звали Василе Бырду. Родился он в 1890 г. Прабабушку звали Мария. Родилась она то ли в 1886, то ли в 1893 г.¹ У них было четыре сына: Ион, 1910 г.р., Василий, 1917 г.р., Григорий, 1924 г.р. и Леон, 1930 г.р. Жили они в с. Пашканы, Лэпушнянского уезда (до 1925 г. — Кишиневского уезда).

Занимался Василий Бырду и его семья сельским хозяйством. В сезон нанимали до 12–14 работников. Часть продукции, полагаю, продавали. В доме постоянно жил и помогал по хозяйству один человек. Сыновья помогали отцу по хозяйству. В 1940 г. семья Василия Бырду владела двумя домами², одним сараем и 18 га земли. В хозяйстве также имелись 2 лошади, бык, 2 коровы, 2 вола, три свиньи и 26 овец.

С 1923 по 1938 г. мой прадед был членом Национал-Либеральной партии Румынии. В 1934 г., как утверждают материалы следствия НКВД³, даже избирался от этой партии примаром

¹ Архив МВД Республики Молдова. Ф. R-3401. Оп. 1. Ед. хр. 5865. Д. 04589 на имя Василия Дмитриевича Бырду. С. 1. В этом «деле» год рождения прабабушки 1893-й. В другом, уже ее «деле» — год рождения Бырду Марии Васильевны 1886-й.

² Один дом, полагаю, принадлежал старшему сыну Иону, который был женат и жил отдельно от родителей.

³ Архив МВД Республики Молдова. Ф. R-3401. Оп. 1. Ед. хр. 5865. Д. 04589. С. 5.

(мэром. — А. Т.) села Пашканы. Я, откровенно говоря, был рад узнать о либеральном (а не о каком-либо другом) политическом прошлом моего прадеда. Позже, на допросах в НКВД, прадед Василий свое мэрство отрицал, но не членство в Национал-Либеральной партии.

Василий Бырду получил «низшее» (так в документах. — А. Т.) образование, посему писать и читать умел. В русской армии, при Николае Кровавом, служил рядовым. А вот в румынской служить не довелось. В жандармах — не ходил. С последними, однако, «взаимодействовал». Взаимодействие заключалось в совместном (не частом) потреблении вина. Пить даже с любым местным начальством — не только привилегия, но и один из непреходящих элементов «тактики выживания» любого бессарабского крестьянина, а уж тем более зажиточного — того, кому было что терять.

Так было до июня 1940 г.

Осенью 1940 г. по решению президиума Лэпушнянского РИК⁴ от земельного надела Бырду Василия были «отрезаны» (конфискованы. — А. Т.) и розданы малоземельным жителям села Пашканы 8,56 га земли. После конфискации части земли занятия прадеда Василия и его семьи не изменились — продолжали заниматься хлеборобством⁵.

13 июня 1941 г. прадед Василий и вся его семья были советской вла-

стью высланы из МССР. Прадед — в Ивдельлаг НКВД⁶. Прабабушка Мария и трое их сыновей (Василий, Григорий и Леон) — в Тюменскую область, Сургутский район, пос. Банный⁷. Иона, как женатого и живущего отдельным хозяйством, оставили в Пашканах, не депортировали.

Из материалов дела следует, что первый допрос Бырду Василия (Дмитриевича) имел место 19 декабря 1941 г., через полгода после ареста и депортации. Василий отрицал все (мэрство, винопитие с жандармами и т. п.), кроме членства и агитации за Национальную Либеральную партию Румынии.

В «либерализме» его и обвинили: «Бырду Василий Дмитриевич обвиняется в том, что... являясь активным членом партии “Либералов”, вел активную борьбу, направленную на укрепление буржуазно-фашистского режима и ослабление революционного движения в Молдавии...». Прадеду было выдвинуто обвинение по ст. 58-4 УК РСФСР: «Оказание помощи “международной буржуазии”, которая не признает равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть ее,

⁶ Ивдельлаг НКВД, Ивдельский исправительно-трудовой лагерь НКВД. Существовал с августа 1937 г. В 1941–1946 гг. подчинялся Управлению лагерей лесной промышленности НКВД СССР. Располагался в с. Никито-Ивдель (с 1943 г. — г. Ивдель) Свердловской обл.

⁷ Банный — поселок в России, находится в Сургутском районе, сегодня Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Климат резко континентальный, зима суровая, с сильными ветрами и метелями, продолжающаяся семь месяцев. Лето относительно теплое, но быстротечное.

⁴ Районный исполнительный комитет.

⁵ В анкетах НКВД в разделе «занятие» прадед обозначался как «хлебороб».

238

май 1939

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

С. С. С. Р.

Народный Комиссариат Внутренних Дел

Управление

Отдел

УЧТЕНО в 1952 ГОД

ДЕЛО № 04598.

По обвинению Биргу Василий
Дмитриевича по ст. 534 УК РСФСР

Начато 13. мая 1941 г.
Окончено 27. марта 1942 г.

В 1 томах
Том № 1

После судебного рассмотрения и вступления приговора в силу, настоящее дело подлежит немедленному возвращению в 1-й Специальный Отдел УНКВД СО (гор. Свердловск. К делу должна быть приобщена копия приговора.

Передача находящихся в производстве следственных дел, а также взятых из архива дел в другие отделы или органы НКВД, хотя бы и временно, производится исключительно через 1-й Специальный Отдел НКВД.

ОСНОВАНИЕ: Приказ НКВД, Прокуратуры и НКЮ Союза ССР № 00359 от 10/IV 1939 года.

Передача следственного дела оформляется постановлением, утверждаемым начальником соответствующего управления НКВД и его заместителем.

~~39451~~

Архив №

Сдано в архив 07899 194 г.

15893
38100
1942

R-3401
1
5865

а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазии общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности».

Мне почему-то кажется, что мой прадед Василий так и не понял, в чем его вина и каким образом ему, обрабатывающему землю, выпивающему с жандармами и односельчанами, растящему детей и агитирующему за самую демократическую партию межвоенной Румынии, удавалось еще и «оказывать помощь международной буржуазии, которая не признает равноправия коммунистической системы»? Думаю, он до конца не понимал, почему его вообще в чем-то обвиняют.

Не дождавшись приговора от Особого Сопещения при НКВД СССР, куда для окончательного решения следственные органы Ивдельлага отправили его дело, мой прадед Василий в лагере умер.

В справке о смерти указано, что Бырду Василий умер в Ивдельлаге 18 апреля 1942 г.⁸ Причина смерти: «Пеллагра — стенокардия». Верю, хотя до сих пор считал, что его расстреляли⁹. В марте 1942 г., за месяц до смерти, его признали инвалидом

⁸ Дело на Бырду Василия Дмитриевича открыто 12 июня 1941 г. и закрыто 27 марта 1942 г., за три недели до официальной даты его смерти, 18 апреля 1942 г. Что это, бюрократическая оплошность? Или другое?

⁹ Не слышал и не читал про вернувшихся из лагерей глав семей, депортированных в июне 1940 г. из Бессарабии. Это давало повод думать, что эти люди были казнены в лагерях. Они фактически и были убиты условиями содержания.

второй группы. Высылали здоровым. С июня 1941-го по март 1942-го здорового пятидесятилетнего мужчину превратили в инвалида. Пеллагра¹⁰. Василий Дмитриевич Бырду, член Либеральной партии Румынии с 1923 по 1938 г., зажиточный крестьянин, уважаемый в селе человек, отец четырех сыновей умер от голода, холода, истощения, от нечеловеческих условий содержания в Ивдельлаге.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА БЫРДУ, ЕЕ СЫНОВЬЯ ЛЕОН И ГРИГОРИЙ

Мария вместе с сыновьями была отправлена в пос. Банный Сургутского района Тюменской области¹¹. Если правда то, что она родилась в 1893 г., то ей не было и пятидесяти (была моложе меня, пишущего эти строки).

У меня не было возможности спросить у прабабушки Марии и у ее сыновей, что из себя представлял в 1940 г. поселок Банный. Мои собственные исследования многого в этом смысле не дали. Год основания нигде не указан. Скорее всего, поселок был основан ссыльными или для ссыльных. Вероятно, в поселке была баня, в которой проходящие через него (ссыльные, арестанты, путники и т.д.) могли помыться. Однако это всего лишь

¹⁰ Один из авитаминозов, который является следствием длительного неполноценного питания.

¹¹ Мария произносит название как «Бана», именно так название поселка пишется в различных заявлениях Марии на имя властей (так, видимо, слышал писарь, писавший заявления вместо неграмотной Марии).

УТВЕРЖДАЮ
НАЧАЛЬНИК ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
СТ. НАЧ. ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

22

№ 101/99
21 августа 1942

04598

21

Секретно
Всели

А К У

Составлен НКВД с. Индаль 21 августа 1942 года

составлен в том, что следственный заключенный Василий Дмитриевич

года рождения, национальность слондован уроженец Панькан

1942 в станице-марше отделения ОЛПта.

Лешинга Лешинга Лешинга

Начальник отделения

Начальник УРЧ:

Дежурный врач:

Верно: Начальник 1 отделения: 2 отдела

Составлено в соответствии с...
21 августа 1942 года, у и е р. и повелению руководителем
ст: 4 п. 1 УНК РСФСР

ПОСТАНОВИЛИ:

Уголовное преследование в отношении Бурду
Василия Дмитриевича ПРЕКРАТИТЬ.

Следственное дело № 04598 сдать для хранения в
архив 1-го Спецотдела УНКВД по Свердловской области.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СВЕРГРУППЫ УНКВД ПО СО

СОГЛАСЕН: ДАК СВЕРГРУППЫ УНКВД ПО СО
СТ. НАЧ. ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Виталий
/КАРЛОС/

гипотеза. Сегодня в Банном проживает два десятка человек¹², а сам он находится на т. н. межселенной, ничьей, как говорится, территории. Территории, не включенной в состав ни одного городского или сельского поселения. Еще то место.

Одно ясно, в Банном в 1940-м альтернативы тяжелому физическому труду — валка, сплав, обработка леса и сельхозработы¹³ — не было. «На выселках», как называли ссыльные поселок, очевидно, никакой социальной инфраструктуры — магазин, фельдшерский пункт, школа и пр. — тоже не было. Может быть, как указано выше, была баня. Из документов следует, что Леон, которому в 1941 г. было 11 лет, и Мария не работали — находились, как указано в деле, на иждивении Григория (в 1941 г. — 17 лет). То, через что прошли депортированные в пос. Банный молдаване и другие ссыльные, сложно назвать жизнью. Это было выживанием.

В 1946 г. **Леон** совершает побег из места спецпоселения, но не скрывается, а открыто возвращается в родное село Пашканы. Из документов мы узнаем, что Леон появился в селе в октябре 1946 г. без каких-либо документов, подтверждающих освобождение¹⁴. Леон женится, в его семье появляется ребе-

нок, а сам он в Пашканах работает трактористом в местном колхозе (колхоз им. Кирова). Никаких репрессивных мер в его отношении больше не было предпринято — из Молдавии Леон больше не выселялся и за побег никакого наказания не понес¹⁵.

Совершает побег из зоны спецпоселения и Мария, но чуть позже своего сына Леона. Сама она в одном из своих заявлений на имя властей пишет, что покинула поселок Банный¹⁶ через шесть лет после депортации, т. е. в 1947 г.¹⁷ Из доноса агента по кличке «Охотник» от 18 февраля 1948 г. мы узнаем, что Мария появляется в Пашканах в январе 1947 г., через три месяца после своего младшего сына¹⁸. В селе она живет в семье Леона. Полтора года у советской власти к Марии Бырду нет никаких вопросов и претензий.

В марте 1949 г.¹⁹ Марию арестовывают. 15 сентября того же года Особое Собрание при МВД СССР приговаривает ее «за побег с места обязательного поселения с зачетом в наказание срока предварительного

¹² Согласно Всероссийской переписи 2010 г.

¹³ Из одного из заявлений Бырду Марии выясняется, что в п. Банном была сельхозартель местного колхоза, в котором работали ссыльные.

¹⁴ Архив Министерства внутренних дел Республики Молдова. Д. 13427 о выселении Бырду Марии Васильевны. С. 9 (54). Из донесения спец. агента по кличке «Охотник».

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ В деле есть автобиография Марии Васильевны Бырду, в которой она пишет, что получила в 1947 г. паспорт.

¹⁷ Ссыльные находились на спецпоселении, что предусматривало периодическую регистрацию в спецкомендатуре и запрет покидать место ссылки без разрешения коменданта.

¹⁸ Архив Министерства внутренних дел Республики Молдова. Д. 13427 о выселении Бырду Марии Васильевны. С. 9 (54).

¹⁹ 6 июля 1949 г., когда Мария Бырду сидела в Кишиневской тюрьме, в Сибирь «на вечное поселение» депортируют ее свата Самсон Штефана, невестку, жену сына Василия, Евдокию Бырду и внучку Марию.

заклучения к водворению к месту обязательного поселения». После года содержания в Кишиневской тюрьме, Марию этапируют (через сеть пересыльных тюрем, включая Одесскую, Куйбышевскую, Челябинскую (здесь з/к Бырду лечили от острой простуды) и Тюменскую тюрьму № 1) в Ново-Заимкинский район Тюменской области РСФСР в распоряжение местного Отделения МВД для определения места спецпоселения. Там ее, признав инвалидом II группы²⁰, помещают в местный дом инвалидов. Летом 1950 г. Марию отправляют не к сыну Григорию в Сургутский район, а в дом инвалидов в пос. Октябрьский Тобольского района Тюменской области. Там «нетрудоспособная»²¹ Мария находилась до середины 1956 г. Летом 1956 г. Марию отпускают умирать в Молдавию²². В момент освобождения двое ее сыновей, самый старший — Ион (не репрессированный) и самый младший Леон, совершивший побег из ссылки, — жили в Молдове. Двое остальных,

²⁰ После ареста в марте 1949 г. сначала в СИЗО Карпининского РОВД, потом в тюрьме № 1 г. Кишинева Мария проходит медицинское освидетельствование и ее признают здоровой.

²¹ Ее нетрудоспособность, т.е. бесполезность для ГУЛАГ, признает специальная медицинская комиссия в 1951 г.

²² До освобождения сын Марии Леон послал на имя властей ходатайства об освобождении матери со спецпоселения, выражая готовность взять мать на иждивение. Это, надо полагать, было одним из условий освобождения спецпоселенца-инвалида. Недепортированный сын Ион, проживший все это время в селе Пашканы, взять мать на иждивение категорически отказался (Архив МВД. Дело Бырду М. В. С. 52). Надо отметить, что и Мария неоднократно писала прошения о своем освобождении, а также об освобождении своих сыновей Григория и Василия.

Василий и Григорий, оставались в Сибири в режиме спецпоселения. Марии «повезло», она вернулась на родину на пять лет раньше определенного срока ссылки — 20 лет. Свободу Мария и ее семья должны были обрести в июне 1961 г.²³

Третий сын Марии и Василия **Григорий** все годы депортации находился по месту изначальной ссылки — пос. Банный (потом в пос. Островной) Сургутского района Тюменской области. Нам также известно, что с 1941 по 1946 г. работал в местной сельхозартели только Григорий, а мать и младший брат Леон находились на его иждивении. С 1950 г. Григория переводят на работу на лесозаготовительный участок Сургутского леспромхоза, находящегося в пос. Островной, где он работает до освобождения.

За все время ссылки у советской власти к Григорию больше не было замечаний. На работе «нормы выработки» выполнял и перевыполнял, за что не раз, в т.ч. к празднику 1 мая, получал почетные грамоты. «За время пребывания в ссылке фактов нарушения установленного режима спецпоселения за Бырду не наблюдалось. По отношению к существующему строю, мероприятиям партии и советской власти настроен лояльно, связей с антисоветскими и уголовно-бандитскими

²³ О сроке ссылки мы узнаем из упомянутого дела Бырду М. В., которой после побега с места ссылки и повторной депортации в 1949 г. «под роспись» довели до сведения, что раньше июня 1961 г. она без разрешения спецкомендатуры не имеет права покидать место обязательного поселения. Срок исчислялся с момента первой депортации в июне 1941 г.

элементами не установлено»²⁴. В случае Григория мы наблюдаем другой элемент из «тактики выживания» — лояльность, попытки приспособиться к условиям, изменить которые ты не можешь.

Несмотря на отсутствие замечаний, почетные грамоты и лояльность к мероприятиям советской власти, режим спецпоселения с Григория Бырду сняли только в июне 1957 г. В Молдавию он сразу не поехал по причине отсутствия денег — остался зарабатывать на дорогу и на первое время проживания после возвращения. На родину Григорий вернулся в 1961 г. и сразу же столкнулся проблемой — не смог получить прописки. В доме родного брата²⁵. В том же году Григорий вынужден уехать с семьей (первая информация о наличии у Григория семьи) в г. Кучурган Одесской области УССР. И только в январе 1962 г. Григорий получает от официальных властей МССР разрешение на прописку в Молдавии на общих основаниях²⁶.

К моменту освобождения Григорию было 33 года, из которых 16 он прожил в режиме спецпоселения. В Молдову он вернулся через 20 лет после депортации, пробыв в Сибири полный срок ссылки, определенный на момент депортации в июне 1941 г. В 1961 г. ему было 37 лет.

²⁴ Архив МВД РМ. Дело Бырду М.В., в нем Личное учетное дело № 779 на Бырду Григория Васильевича. Арх. № 40972. С. 7.

²⁵ Его брат Василий Бырду, который выжил в лагере и в ссылке, вернулся в Молдавию в 1958 г. и поселился в пос. Ниспорены.

²⁶ Архив МВД. Дело Бырду М.В. Жалоба Григория Бырду по поводу прописки была написана на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева.

ДЕД ВАСИЛИЙ БЫРДУ

Депортировали из МССР пять членов семьи Бырду — главу семьи Василия, его жену Марию и их трех сыновей: Василия, Григория и Леона. До места назначения (главы семьи — в лагерь, остальных — в ссылку) были доставлены все, кроме Василия (сын, 1917-го г.р.). Василий совершил побег из эшелона, вернулся в Молдавию, где прятался до прихода румынских войск. По данным НКВД, в Пашканах Василий Бырду встречает румынские войска «с вином». При помощи новой румынской администрации он возвращает конфискованное советской властью имущество, в т. ч. уже засеянную другими землю, и в последующие годы работает в своем хозяйстве. В августе 1941 г. дает в суде показания на бывшего председателя пашканского сельского совета. К слову, этот человек выжил — был осужден, но не казнен румынской администрацией. С 1942 по 1944 г. он также служит в румынской армии по охране складов и боеприпасов. Надо полагать, служба проходила в родном селе или неподалеку от него²⁷. В материалах дела есть свидетельства Василия Бырду, в которых он отрицает службу в румынской армии и вообще все, кроме работы в своем хозяйстве²⁸.

В 1942 г. (точной даты нет) Василий женился на Евдокии Самсон, девушке из села Болцун Ниспоренского района. 25 января 1943 г. у них рождается дочь Мария — моя мама.

²⁷ Архив МВД РМ. Дело № 1263 о выселении кулака Самсон Степана Григорьевича. С. 21.

²⁸ Там же. С. 38.

В 1944 г., после восстановления советской власти, Василия призывают в Красную армию, однако по состоянию здоровья комиссуют. 23 мая 1945 г. Василий Бырду арестован органами НКВД и в ноябре осужден Особым Совещанием при НКВД СССР за «измену родине» на восемь лет заключения в исправительно-трудовом лагере. «Измена родине», надо полагать, заключалась в том, что 24-летний паренек бежал из эшелона, везущего его в сибирскую ссылку. Сидел он в лагере в Архангельской области.

23 мая 1953 г., после истечения срока наказания, Бырду Василия отпускают «на свободу», паспорт не выдают и под конвоем отправляют по «месту жительства семьи». Семья Василия Бырду — это его тесть Самсон Степан Григорьевич, его жена Бырду Евдокия Степановна и его дочь Бырду Мария Васильевна. Все они 6 июля 1949 г., когда Василий

Бырду отбывал наказание в лагере, были депортированы как «кулацкая семья» в Сибирь — станция Тупик, 115 км, пос. Парчум Чунский район Иркутской области РСФСР.

Проблема в том, что его тесть от болезни и истощения умер в ссылке еще в 1950 г., а его жена Евдокия, которой Василий писал из лагеря, что не выйдет оттуда живым, в том же году стала вести совместное хозяйство²⁹ с Димитриу Яковом (1926 г.р.), который был сослан в те же места из с. Болдурешть Ниспоренского района МССР. В 1953 г. у Евдокии с Яковом был уже общий ребенок. После лагеря дед Василий

²⁹ Необходимо отметить, что тяжелее всего в ссылке приходилось семьям без сильных физически мужчин, которые могли работать и зарабатывать деньги, строить жилье для своих семей и т.д. Мужчина повышал шансы на выживание. Семьи без мужчин зачастую весь период ссылки жили в помещениях (часто барачного типа), изначально предоставленных местными властями.

был сослан по «месту жительства семьи», членом которой он уже не был.

«По месту жительства семьи», в Сибири дед Василий женился на ссыльной девушке и, несмотря на многочисленные прошения об освобождении (абсурдность ситуации, что он был выслан на спецпоселение к семье, к которой больше не имеет отношение, он приводил в качестве аргумента в каждом письме) был снят с режима спецпоселения только в 1958 г.

Василий Бырду с новой женой возвращается в Молдавию, в Ниспорены, где покупает дом недалеко от дома, в котором поселяется семья Якова и Евдокии Димитриу. Так у меня «образовались» по линии матери два деда и две бабушки. Я очень любил бабушку Евдокию и дедушку Василия, которые родили мою маму. Вместе они прожили всего три года, и те во время войны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Бырду Василий Дмитриевич, 1890 г.р., умер от истощения в апреле 1942 г. в Ивдельлаге.

Бырду Мария Васильевна, 1886 г.р., провела в сибирской ссылке (с полугодовым перерывом) 15 лет.

Бырду Василий Васильевич, 1917 г.р., 8 лет исправительно-трудового лагеря и пять лет ссылки в Сибирь.

Бырду Григорий Васильевич, 1924 г.р., 16 лет сибирской ссылки.

Бырду Леон Васильевич, 1930 г.р., 5 лет сибирской ссылки.

Все члены семьи Бырду, высланной в Сибирь в 1941 г., — Бырду Василий Дмитриевич, Бырду Мария Васильевна, сыновья — Василий, Григорий и Леон — в 1991 г. прокуратурой СССР реабилитированы, поскольку никакого преступления против советского государства не совершили³⁰.

P.S. Мой другой прадед по материнской линии Самсон Штефан (Григорьевич), 1886 г.р., депортирован 6 июля 1949 г. из села Болцун, МССР — умер в 1950 г. на станции Турик Чунского района Иркутской области РСФСР. Не выдержал условий первого года ссылки.

Его жене, моей прабабушке Самсон Кристине Федоровне, 1883 г.р., «повезло» — она умерла до депортации.

Моя бабушка Бырду (Самсон в девичестве) Евдокия Степановна, 1922 г.р., депортирована 6 июля 1949 г. из села Болцун, МССР. Провела 8 лет в сибирской ссылке. В Сибири вышла вторично замуж (первый муж, Бырду Василий, прислал письмо из лагеря, в котором просил его не ждать) за Якова Димитриу.

Мой дед Димитриу Яков Васильевич, 1926 г.р., депортирован 6 июля 1949 г. из села Болдурешты, МССР. Провел 8 лет в сибирской ссылке. С ним был депортирован его брат Георгий, которому на момент депортации было 17 лет, и его сестра Нина, 1936 г.р. Их отец, Димитриу Василий (мой прадед)

был по время войны почтальоном в Болдурештах и после восстановления советской власти был осужден «за измену родине». После войны осуждена была и жена Василия, Димитриу Ефросинья (по молд. Фрэсына. — А.Т.). В 1949 г. фактически депортировали детей

семьи Димитриу — родители находились в заключении.

Моя мама Тулбуре (Бырду в девичестве) Мария Васильевна, 1943 г.р., депортирована 6 июля 1949 г. в возрасте 6 лет вместе с матерью и дедом. Провела в ссылке 8 лет.

BESSARABIAN STORY

Tulbure Alexey S. — master of history, Director of the Institute for oral history of Moldova (Moldova)

Key words: family history, Bessarabia, the political repressions of the Soviet Power, the Moldavian Soviet Socialist Republic, the exiles to Siberia, the mass deportations of 1941 from the Soviet Moldavia.

The subject of the article — the reconstruction of the family history. The author examines the life of a Bessarabian family in the years of the political repressions launched in Bessarabia in 1940 after the incorporation of the region into the USSR. The only fault of Vasile Birdu was that before 1940 in the interwar Bessarabia he was a member of the National Liberal Party (whose program really was one of the most democratic in the interwar Romania). Family did not resist the actions of the Soviet power. Nevertheless it was deported from the Soviet Moldavia to one of the far regions of the Russian Federation. Vasile Birdu died in GULAG in 1942. The life of this family was turned into hell. The history is based on archival documents.

«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО» ПО-БРИТАНСКИ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В АНГЛИИ И ШОТЛАНДИИ

Ключевые слова: Англия, Шотландия, история, историческая политика, политика памяти, национализм.

Автор анализирует проблемы, связанные с отсутствием в Великобритании исторической политики и политики памяти в их классических формах. Предполагается, что историографии Англии и Шотландии политизированы, но степень их идеологизации несравнима с аналогичными характеристиками и особенностями историографий национализирующихся государств Восточной Европы. Автор полагает, что историографические англо-шотландские противоречия сравнимы только с аналогичными украинско-российскими противоречиями. Английские и шотландские интеллектуалы имеют набор взаимных исторических претензий и стремятся оспорить права своих оппонентов самостоятельно писать, воображать, изобретать и конструировать историю. Английская историография, как российская националистическая историография Украины, воображает Шотландию частью британского политического пространства и отрицает независимый статус шотландского языка. Шотландская историография, как и украинская, в свою очередь склонна воображать историю Шотландии как проявление независимой исторической и политической традиции, подчеркивая изначальные языковые и этнические особенности и различия шотландцев и англичан. Несмотря на значительное число взаимных претензий, национальные историографии в Великобритании не трансформировались в историческую политику. Автор полагает, что такие трансформации, как и обострение взаимных исторических претензий, возможны, если процессы регионализации в Великобритании и рост внутренних противоречий позволят шотландским националистам радикально пересмотреть статус Шотландии. Этот сценарий предусматривает появление нескольких национализирующихся государств, где политические элиты начнут активно манипулировать историей и практиковать различные формы исторической политики, что активно делают восточно-европейские страны, где исторические манипуляции и спекуляции стали нормой.

© Кирчанов М. В., 2017

Кирчанов Максим Валерьевич — доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж); maksymkyrchanoff@gmail.com

*Norman saw on English oak.
On English neck a Norman yoke;
Norman spoon to English dish,
And England ruled as Normans wish.*

Sir Walter Scott

НАЦИОНАЛИЗМЫ, ИСТОРИИ, ПАМЯТИ

Национализм всегда имел непростые и противоречивые отношения с историей. В силу целого ряда причин сторонники политического и этнического национализма, с одной стороны, и представители академических историографических сообществ — с другой, не всегда могут достичь между собой компромисса. Профессиональные историки воспринимают тексты практикующих националистов весьма скептически и если используют их, то только и исключительно как источники для академических штудий. С другой стороны, националистически мыслящие интеллектуалы нередко упрекают и попрекают академических историков в отсутствии патриотизма.

В XIX и XX вв. национализм стал важным фактором, который существенно повлиял на развитие наций, привел к формированию их национальных историй и наделил их определенными политическими традициями. Жители Европы XIX и XX вв. могли не понимать той роли, которую национализм играет в формировании их исторических памятей и коллективных политических представлений о прошлом. Триумф постмодернистских подходов в историографии, которые воспринимают историю как воображенные и изобретенные интеллектуальные, социальные и культур-

ные конструкты, лишил историю как ее прежней позитивистской «сакральности», так и ее особого, священного статуса в развитии и существовании наций. Распад сложных по составу социалистических (недемократических) государств вдохновил несколько волн национализации и идеологизации исторической и политической памяти в национализирующихся государствах, в которых происходил болезненный процесс формирования новых институтов и коллективных представлений о своем прошлом, поскольку политические и интеллектуальные элиты пытались примирить взаимоисключающие мифы нации, класса и либеральных ценностей.

НАЦИОНАЛИЗМ — НЕ ТОЛЬКО ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Российская историография, когда историки берутся за описание подобных процессов, традиционно предпочитает анализировать их прежде всего в восточноевропейском контексте. Конечно, Украина или Польша принадлежат к числу хороших, а может быть даже и лучших кандидатов для академического анализа тех интеллектуальных практик и стратегий, которые стали действенными механизмами исторической политики. Количественное доминирование восточно- и центральноевропейских сюжетов в современной историографии исторической политики, как и в изучении процессов трансформации национальных памятей, стало негативным последствием того, что интеллектуалы в своих штудиях зачастую предпочитали отдавать дань

политической и идеологической конъюнктуре.

Однако пределы того мира, в рамках которого интеллектуалы активно используют сугубо инструменталистское предназначение исторической науки, не ограничиваются западной границей Польши с Германией. История Европейского Запада обеспечивает историков национализма многочисленными примерами того, как националистически мыслящие интеллектуалы инициировали процессы «национализации» и идеологизации собственной истории, используя ее для достижения политических целей. Национальные истории стран, которые формируют сегодня Европейский союз, отнюдь не являются упорядоченными и каталогизированными коллекциями сознательно подобранных исторических фактов, свидетельствующих о триумфе ценностей либеральной демократии, прав и свобод человека. История западных стран представляет историку национализма значительное число ситуаций, когда националисты активно использовали историю для легитимации угнетения и подавления периферийных национальных регионов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: БРИТАНСКИЙ СЛУЧАЙ

Политическая история Великобритании удачно иллюстрирует процессы национального угнетения и националистических по сути дебатов между интеллектуалами, которые принадлежали к различным этническим, языковым и религиозным группам. Противоречия между

ирландскими и британскими националистами принадлежат к числу хорошо проанализированных в английской и международной историографии проблем. Дискуссии между шотландскими и английскими националистами изучены в историографии меньше, чем ирландско-британские дебаты, и это несмотря на то, что они актуализируют те же общие тенденции исторической политики и формы манипуляций с исторической памятью, которые националисты в Центральной и Восточной Европе столь успешно использовали для изобретения и дальнейшего продвижения своих исторических и политических мифов.

БРИТАНО-ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Историки национализма в Восточной Европе хорошо знакомы с политическими и идейными спорами и противоречиями между русскими и украинскими националистами, поскольку политическая мифология и идеологемы этих национализмов детально и подробно изучены в историографии. Известно, что русские националисты никогда не признавали украинцев как отдельную нацию, отрицали самостоятельный статус украинского языка, интегрировали украинские исторические сюжеты и события в российский историографический канон, воспринимали украинские попытки создания независимой государственности как сепаратизм. Этот набор мифов продолжает и сегодня доминировать в российской националистической историографии, однако он не является уникальным.

История англо-шотландских противоречий также полна примерами подобных дискуссий: английские националисты весьма скептически оценивали и воспринимали попытки шотландских элит вообразить шотландцев как отдельную нацию со своим языком, который стимулировал только британские насмешки, а их стремления восстановить свой собственный парламент и создать независимое государство воображались как политически опасные желания разрушить единое политическое тело британской государственной нации. Эти взаимоисключающие политические концепции и связанные с ними историографические подходы сформировали основания исторической политики в Англии и Шотландии в контексте английских попыток вообразить шотландское как локальную версию и частный случай развития английскости и, соответственно, усилий шотландских националистов противостоять английским идеологическим устремлениям и практикам, направленным на принудительную интеграцию в английский историографический и политический каноны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: АНГЛИЯ VS ШОТЛАНДИЯ

Несколько факторов определили основные особенности и направления взаимоисключающих исторических политик в Шотландии и Англии в контексте воображения и «изобретения» истории в национальных историографиях. Исторические политики Англии и Шотландии мало отличаются от аналогич-

ных процессов в континентальной Европе. Более того, тактики и стратегии поведения националистов, их подходы к политически мотивированному использованию прошлого имеют здесь много общего с аналогичными действиями вдохновителей исторической политики в Центральной и Восточной Европе. Историческая политика Англии и Шотландии изначально была конфликтогенна, потому что интеллектуалы этих стран развивали взаимоисключающие версии истории. Английский исторический нарратив о Шотландии имеет много общего с аналогичными русскими нарративами об Украине.

Английские националисты неохотно признают, что в прошлом Шотландия была независимой, но чрезвычайно активно любят вспоминать о том, что «дикие» шотландцы были источником постоянных проблем и периодически нападали на приграничные регионы цивилизованной Англии. Националисты и некоторые английские лингвисты отрицают существование шотландского языка и воспринимают его как диалект английского. Конечно, британский национализм не переполняется энтузиазмом, когда шотландские националисты начинают активно обсуждать перспективы отделения от Великобритании. Все эти проблемы важны для исторической политики, но они представляют собой только частные случаи исторических упражнений английских и шотландских националистов.

Проблемы разделения истории Великобритании на английскую и шотландскую представляются

более значимыми в контексте существующих и сосуществующих различий в исторической и политической памяти. Утрата Шотландией государственной и политической независимости с ее институтами — очень болезненная и неприятная тема для шотландских националистов, но эта же тема крайне важна для британских националистов, поскольку актуализирует опыт создания единого политического тела имперской нации. Поэтому попытки разделить политическую историю государства и подкрепить ее новыми разделительными линиями в контексте истории языка и культуры важны для шотландских националистов и в то же время крайне неприятны для их английских коллег.

РАЗДЕЛИТЬ ИСТОРИЮ: СЕПАРАТИЗМ КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ШОТЛАНДИИ

Если история шотландской государственности зафиксирована во множественных исторических источниках, включая договоры королей Шотландии и Англии, то исторический статус шотландского языка более сложен, несмотря на то, что Шотландия имеет развитые традиции национальной литературы. Шотландские националисты и связанные с ними лингвисты стремятся доказать, что шотландцы и англичане никогда не были единым народом и оказались в одном общем государстве случайно. Историческая политика Шотландии в этом контексте коренится в стремлении радикально и решительно развесть и разделить исторические процессы в Шотландии и Англии. При

этом шотландские националисты не ограничивают себя формальными академическими правилами и предлагают мифологизированную национальную историю, написанную и воображенную в этноцентричной системе координат.

Интеллектуальная активность и усилия шотландских националистов привели к формированию шотландского исторического мифа. Как шотландские, так и английские националисты, исходя из того, что речь идет о народах германского происхождения, далеки от идеи объявлять их автохтонными этническими группами. Интеллектуалы Шотландии и Англии смогли избежать соблазнов этнической автохтонности, хотя их русские и украинские коллеги не смогли этого сделать, что стимулирует продолжающиеся сомнительные дебаты о национальном первородстве. Шотландские и английские националисты солидарны в том, что их предки достигли современных Британских островов в V в. и постепенно заселили их значительные пространства, кроме тех отдаленных регионов, которые остались под контролем кельтских этнических групп.

1066 Г. КАК ВООБРАЖАЕМАЯ ГРАНИЦА: УНИВЕРСАЛИЗМ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Обитатели Британских островов германского англосаксонского происхождения говорили на различных, хотя и родственных диалектах, и эта ситуация сохранялась до середины XI в., пока Вильгельм Завоеватель не захватил Англию.

Норманнское завоевание Англии, как настаивают шотландские националисты, стало водоразделом в истории региона, потому что спровоцировало радикальные перемены в Англии, которые не затронули Шотландию. Британские историки также много писали о политических трансформациях после 1066 г. и не забывали при этом упомянуть опасных зловередных шотландцев, которые напали на английские территории (*Sadler 2006; MacDonald Fraser 2015; Campbell Paterson 1997; Phillips 1999*) и оспаривали превосходство английских монархов. Шотландские националисты, в свою очередь, активно культивировали нарратив о самостоятельном историческом и культурном развитии Шотландии и настаивали на том, что шотландский и английский языки, хотя и имели общего предка, но развивались отдельно.

Шотландские националисты настаивают на том, что англосаксонский язык был предком Early Middle English, который разделился на северный и южный. Первый стал предком современного шотландского (Scots) (*Aitken 1971; Aitken 1985; Aitken, Macafee 2002; Aitken 1979; Eagle 2016*), а второй развился в современный стандартный английский (*Colin Wilson 2014; The Essential Scots Dictionary 2005; The Concise Scots Dictionary 1999; Scots Thesaurus 2001; Kay 2006*). Английские националисты отрицают независимый языковой статус Scots (*Harvie 2004; Devine 2001; Hanham 1969; Pittock 2001; Davidson 2000; Mitchell 2014*) и воспринимают многочисленные памятники шотландской литера-

туры (*Scobbie et al. 2007; Wright 2000; Gorlach 1997; Abercrombie 1979*) пренебрежительно, как тексты, написанные на неграмотном и неправильном английском языке (*Donaldson 1989; Jones 1995; Andrews 2004; Corbett 1997; McCordick 1996*). Если шотландские националисты в своих версиях исторической политики последовательно настаивают на разделении историй Англии и Шотландии, то британские националисты, наоборот, полагают, что шотландская история была только частным случаем английского исторического процесса в политическом, государственном и лингвистическом контекстах. Эти историографические дискуссии и противостояния английской и шотландской версий исторической политики актуализируют альтернативные уровни исторической памяти в Англии.

1066 Г. И ПРОБУЖДЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Шотландские интеллектуалы в своей полемике со своими британскими оппонентами активно используют средневековую историю Англии, когда она была англосаксонской, в своих попытках доказать, что англичане и шотландцы уже тогда развивались различными путями. Нельзя в то же время утверждать, что только и исключительно шотландские интеллектуальные стимулы пробудили интересы английских националистов к ранней истории до норманнского завоевания. Шотландские манипуляции с историей Англии до XI в. продемонстрировали английским

националистам значительный мобилизационный потенциал медиевализма и возможности спекуляций с этнической и лингвистической историями для укрепления современных национальных идентичностей.

Если шотландские националисты активно используют историю до XI в., чтобы доказывать, что Англия и Шотландия развивались различными путями и норманнское завоевание было тем фактором, который еще больше актуализировал региональные политические, социальные и языковые различия Англии и Шотландии, то английские этнические националисты так же используют 1066 г., но преследуя абсолютно иные цели, чем шотландские интеллектуалы. Шотландские и английские националисты воспринимают и воображают 1066 г. по-разному. Английские националисты, конечно, сожалеют о гибели старой англосаксонской Англии, которая имела больше общего с Шотландией, чем та Англия, которую создали Вильгельм Завоеватель и его политические наследники. Завоевание 1066 г. важно для шотландских националистов, потому что оно не затронуло Шотландию, но сделало Англию другой. 1066 г. важен и для английских националистов, потому что он радикально изменил и фактически уничтожил старую англосаксонскую Англию, которую они предпочитают идеализировать. Поэтому шотландский националистический миф в исторической политике Великобритании сосуществует с англосаксонским мифом английских националистов.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАК ОПЛОТ ТРАДИЦИИ, ИЛИ ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИКИ... НАДОЛГО ЛИ?

Националистические дебаты о 1066 г. еще не стали полноценной и полнокровной исторической политикой. Дискуссии о 1066 г. – это прежде всего интеллектуальные споры и различные историографические подходы, которые вписываются в академический дискурс. Несколько поколений английских интеллектуалов и историков обслуживали, продвигали и поддерживали патриотический этноцентричный принцип в написании истории англосаксонской Англии.

Эти историки сформировали националистический английский дискурс. Академические англосаксонские штудии (*Hall 2009; Brown 2010; Snook 2015; Coatsworth, Pinder 2002; Martin 2015; Thompson 2012; Hooke 2013; Clarke 2012; Karkov 2004*), которые крайне разнообразны, принадлежат частично к этому дискурсу, а специализированные академические журналы и университетские программы воспроизводят академические версии этого мифа. Академические англосаксонские штудии воображают и изобретают донорманнскую Англию в различных измерениях, включая ее политические, культурные, интеллектуальные, социальные и религиозные истории. Несмотря на гетерогенный характер и академическую природу университетской историографии, англосаксонские штудии стимулируют общественный интерес к Англии до 1066 г., который националисты активно используют, но в целом историо-

графические дискуссии продолжают развиваться как составные элементы академической историографии, а тенденции их мутации в историческую политику крайне незначительны.

Эта ситуация стала следствием того, что академическая историография в Англии инерционно пытается воспроизводить формально научное знание, степень политизации и идеологизации которого остается незначительной в сравнении с аналогичными показателями центрально- и восточноевропейских историографий, когда те пытаются сформировать и предложить нарративы о ранней этнической и государственной истории, отягощенной последующим завоеванием, радикально изменившим основные векторы и траектории развития. Поэтому идеологически, политически и национально маркированную нишу в разделении интеллектуального труда, которую отказалась занять академическая историография, захватили политические националисты, культивирующие этноцентричные версии англосаксонского мифа.

ИСТОРИЯ В РУКАХ ЭТНИЧЕСКИХ АНТРЕПРЕНЕРОВ

Сторонники этнического английского национализма, которые культивируют английскость как альтернативу британскости, с одной стороны, идеализируют англосаксонскую Англию, и с другой — крайне негативно воспринимают 1066 г. и его последствия. Теоретики и идеологи английского этни-

ческого национализма настаивают на том, что англосаксонская Англия развивалась самостоятельно и самобытно политически, социально, экономически и религиозно. Вильгельм Завоеватель, как утверждают националисты, уничтожил основы английской национальной государственности, убив последнего истинного английского короля, уничтожив большинство представителей английской феодальной аристократии, фактически упразднив английскую церковь, потому что выходцы из Нормандии начали получать церковные должности.

Эти нововведения и изменения раздражают английских националистов, но они гораздо более эмоциональны, когда оценивают роль норманнского завоевания в истории английского языка. Английские националисты, с одной стороны, очень неприятно и болезненно воспринимают то, что агрессия и завоевание 1066 г. существенно изменили статус и роль языка, лишив его государственного значения и административных функций, превратив в способ общения крестьянства. Поэтому 1066 г. в националистическом воображении английских интеллектуалов стал постоянным поводом для различных пространственных размышлений о том, как бы мог развиваться английский язык без негативного французского влияния.

Интеллектуальные упражнения английских националистов не стали классической исторической политикой в ее центрально- или восточноевропейском понимании. Английские националисты предпочитают

лингвистическую политику (Cser 2009: 36–40) и воображают идеализированные образы англосаксонской донорманнской Англии. Националисты предпочитают описывать эту Англию на том английском языке, как он мог развиваться без норманнского влияния. Поэтому националисты предлагают использовать ряд национально и идеологически маркированных и мотивированных словосочетаний, включая «the Anglo-Saxon Eldom» вместо «the Anglo-Saxon Age», «if England had stayed unoverwon in 1066» вместо «if England had stayed unconquered in 1066», «Forthspell for the Eftnewing of English» вместо «Declaration for the Restoration of English», «the English Witanmoot» вместо «the English Parliament», «a thedish insetness» вместо «a national institution», «Selfdom for England!» вместо «Independence for England!», «a thede's needs» вместо «a nation's needs» (Cowley 1999; 2009; 2011)...

С другой стороны, националисты полагают, что норманнское завоевание существенно изменило векторы и траектории развития английского языка, буквально переполнив его латинизмами. Эта лингвистическая травма и политическая обида стимулируют языковой пуризм английских националистов (Anderson 1989: 132–135) и их попытки восстановить слова, которые английский язык утратил после 1066 г. Подобные интеллектуальные практики и стратегии не достигли уровня институционального оформления в форме исторической политики, как это произошло в Центральной и Восточной Европе.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

Историческое воображение в Англии и Шотландии продолжает развиваться как преимущественно интеллектуальная полемика между представителями различных национальных историографий. Дискуссии между шотландскими и английскими националистами имеют много общего с классическими историографическими спорами, когда историография становится объектом политической идеологии, но еще не мутировала в одну из форм контроля за прошлым, в воображение и изобретение национальной истории. Автор полагает, что сохранение именно этой историографической ситуации в современной Англии и Шотландии стимулируется несколькими причинами и факторами.

Национальные историографии в этих регионах развиваются и существуют как преимущественно академические, нормы академической этики и историографической традиции продолжают определять основные векторы и траектории развития исторических исследований. История как наука и национализм как форма политической активности в Англии и Шотландии развиваются отдельно, хотя и параллельно, но этот неформальный компромисс между академическими сообществами и националистическими политическими группами имеет временный характер. Автор полагает, что английская и шотландская историография могут утратить свой исключительно академический характер, потому что история и коллективные представления об исто-

рическом прошлом способны стать факторами политической борьбы и идеологического противостояния между английскими и шотландскими националистами.

Различные внутренние и внешние факторы, включая политические изменения в Европе, выход Великобритании из Европейского союза, активизацию региональных национализмов в Англии, Шотландии и Уэльсе, возрождение альтернативных форм исторической и политической памяти, могут содействовать внутренним трансформациям английской и шотландской историографий, вдохновив их политизацию, идеологизацию и превратив прошлое и историю в объекты политической борьбы и идеологического противостояния. Гипотетический кризис и вероятная децентрализация Великобритании, восстановление государственной и политической независимости Шотландии и Уэльса реанимируют старые исторические противоречия и превращают историю в фактор политической конфронтации — в контексте защиты и доказывания своих прав на свободу и независимость в шотландском и валлийском случаях или контроль над этими территориями в английской исторической памяти.

Вероятный распад Великобритании реанимирует старые взаимные обиды, исторические травмы и коллективные политические комплексы. Этот сценарий актуализирует параллели с развитием динамично национализирующихся памятней Восточной Европы. Английские и шотландские историки, как их

украинские и российские коллеги, будут с упоением перечислять взаимные исторические претензии, включая войны, оккупации, лишение политической и государственной независимости. Национализация и политизация исторических памятней могут стать стимулами для трансформации историографий, размывания их академической ортодоксальности и превращения в один из факторов исторической политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Abercrombie 1979 — *Abercrombie D.* The accents of Standard English in Scotland // *Languages of Scotland* / eds. *A.J. Aitken, T. McArthur.* Edinburgh: Chambers, 1979. P. 65–84.

Aitken 1971 — *Aitken A.* *Edinburgh Studies in English and Scots.* Edinburgh: Prentice Hall Press, 1971. 260 p.

Aitken 1985 — *Aitken A.* Is Scots a Language? // *English Today.* 1985. Vol. 1. No 3. P. 41–45.

Aitken 1979 — *Aitken A.J.* Scottish speech: a historical view with special reference to the Standard English of Scotland // *Languages of Scotland* / eds. *A.J. Aitken, T. McArthur.* Edinburgh: Chambers, 1979. P. 85–118.

Aitken, Macafee 2002 — *Aitken A., Macafee C.* *The Older Scots Vowels: A History of the Stressed Vowels of Older Scots from the Beginnings to the Eighteenth Century.* Edinburgh: Boydell & Brewer, 2002. 256 p.

Anderson 1989 — *Anderson P.* Uncleftish Beholding // *Analog Science Fiction. Science Fact.* 1989. vol. 109. no 13. pp. 132–135.

Andrews 2004 — *Andrews C.* *Literary Nationalism in Eighteenth-Century Scottish Club Poetry.* L.: Edwin Mellen Press, 2004. 377 p.

- Brown* 2010 — *Brown G. H.* A Companion to Bede. L.: Boydell Press, 2010. 180 p.
- Campbell Paterson* 1997 — *Campbell Paterson R.* My Wound Is Deep: History of the Anglo-Scottish Wars, 1380–1560. L.: John Donald Publishers Ltd, 1997. 220 p.
- Clarke* 2012 — *Clarke C.* Writing Power in Anglo-Saxon England. Texts, Hierarchies, Economies. L.: Boydell Press, 2012. 206 p.
- Coatsworth, Pinder* 2002 — *Coatsworth E., Pinder M.* The Art of the Anglo-Saxon Goldsmith. Fine Metalwork in Anglo-Saxon England: its Practice and Practitioners. L.: Boydell Press, 2002. 318 p.
- Colin Wilson* 2014 — *Colin Wilson L.* Luath Scots Language Learner: An Introduction to Contemporary Spoken Scots. Edinburgh: Luath Press Ltd, 2014.
- Corbett* 1997 — *Corbett J.* Language and Scottish Literature. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997. 228 p.
- Cowley* 1999 — *Cowley D.* Eldsay English: New Life for Old English Words. L.: Joseph Biddulph Press, 1999. 36 p.
- Cowley* 2011 — *Cowley D.* Hastings, 1066 — Words We'd Wield If We'd Won. L.: New Generation Publishing, 2011. 52 p.
- Cowley* 2009 — *Cowley D.* How We'd Talk If the English Had Won in 1066. L.: New Generation Publishing, 2009. 288 p.
- Cser* 2009 — *Cser A.* English Purist Tendencies in a Comparative Perspective // Selected Proceedings of the 2008 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL — LEX 2) / eds. R. W. McConchie, Alpo Honkapohja, and Jukka Tyrkkö. Somerville, 2009. P. 36–40.
- Davidson* 2000 — *Davidson N.* The Origins of Scottish Nationhood. L.: Pluto Press, 2000. 144 p.
- Devine* 2001 — *Devine T.M.* The Scottish Nation: A History, 1700–2000. L.: Penguin Books, 2001. 720 p.
- Donaldson* 1989 — *Donaldson W.* The Language of the People: Scots Prose from the Victorian Revival. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989. 256 p.
- Eagle* 2016 — *Eagle A.* An Introduction to Modern Scots. Edinburgh: Scots Online, 2016. 264 p.
- Gorlach* 1997 — *Gorlach M.* The Linguistic History of English. Basingstoke: Macmillan, 1997. 354 p.
- Hall* 2009 — *Hall A.* Elves in Anglo-Saxon England. Matters of Belief, Health, Gender and Identity. L.: Boydell Press, 2009. 238 p.
- Hanham* 1969 — *Hanham H.J.* Scottish Nationalism. L.: Faber & Faber, 1969. 252 p.
- Harvie* 2004 — *Harvie Ch.* Scotland and nationalism: Scottish society and politics, 1707 to the present. L.: Psychology Press, 2004. 278 p.
- Hooke* 2013 — *Hooke D.* Trees in Anglo-Saxon England. Literature, Lore and Landscape. L.: Boydell Press, 2013. 322 p.
- Jones* 1995 — *Jones Ch.* A Language Suppressed: The Pronunciation of the Scots Language in the 18th Century. Edinburgh: John Donald, 1995. 278 p.
- Karkov* 2004 — *Karkov C.* The Ruler Portraits of Anglo-Saxon England. L.: Boydell Press, 2004. 240 p.
- Kay* 2006 — *Kay B.* Scots: The Mither Tongue. Edinburgh: Mainstream Publishing, 2006. 288 p.
- MacDonald Fraser* 2015 — *MacDonald Fraser G.* The Steel Bonnets: The Story of the Anglo-Scottish Border Reivers. L.: Skyhorse Publishing, 2015. 432 p.
- Martin* 2015 — *Martin T.F.* The Cruciform Brooch and Anglo-Saxon England. L.: Boydell Press, 2015. 406 p.
- Mitchell* 2014 — *Mitchell J.* The Scottish Question. Oxford: Oxford University Press, 2014. 320 p.
- Phillips* 1999 — *Phillips G.* The Anglo-Scots Wars, 1513–1550: A Military History (Warfare in History). L.: Boydell Press, 1999. 312 p.

Pittock 2001 — *Pittock M.* Scottish Nationality. L.: Palgrave, 2001. 187 p.

Sadler 2006 — *Sadler J.* Border Fury: England and Scotland at War 1296–1568. L.: Routledge, 2006. 634 p.

Scobbie et al. 2007 — *Scobbie J.M., Gordeeva O.B., Matthews B.* Scottish English Speech Acquisition // The International Guide to Speech Acquisition / ed. *Sharynne McLeod*. Clifton Park: Thomson Delmar Learning, 2007. P. 221–240.

Scots Thesaurus 2001 — Scots Thesaurus. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 536 p.

McCordick 1996 — Scottish Literature / ed. *David D. McCordick*. L.: Peter Lang Publishing, 1996. 1256 p.

Snook 2015 — *Snook B.* The Anglo-Saxon Chancery. The History, Language and Pro-

duction of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar. L.: Boydell Press, 2015. 252 P.

The Concise Scots Dictionary 1999 — The Concise Scots Dictionary. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 820 p.

The Essential Scots Dictionary 2005 — The Essential Scots Dictionary: Essential Scots Dictionary: Scots/English — English/Scots. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. 392 p.

Thompson 2012 — *Thompson V.* Dying and Death in Later Anglo-Saxon England. L.: Boydell Press, 2012. 246 p.

Wright 2000 — *Wright L.* The Development of Standard English, 1300–1800: Theories, descriptions, conflicts. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 332 p.

DEFUNCT POLITICS OF MEMORY IN ENGLAND AND SCOTLAND: BRITISH-EASTERN EUROPEAN PARALLELS AND DEFERRED HISTORICAL POLITICS

Kyrchanoff Maksym V. — doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and Economics of foreign countries, Faculty of international relations, Voronezh State University (Voronezh)

Key words: England, Scotland, history, historical politics, politics of memory, nationalism.

The author analyses the problems of the un-development of historical politics and politics of memory in their classical forms in the UK. It is assumed that historiographies in England and Scotland are politicised, but degrees of their ideologisation are incomparable with the same characteristics and peculiarities of the historiographies in the nationalizing states of Eastern Europe. The author presumes that the historiographical English-Scottish contradictions are comparable with Ukrainian-Russian debates. English and Scottish intellectuals have some mutual historical claims and seek to challenge the rights of their opponents to write, imagine, invent and construct history independently. English historiography, as Russian nationalist historiography of Ukraine, imagines Scotland as part of the British political space and denies the independent status of the Scottish language. Scottish historiography, as the Ukrainian one, tends to imagine the history of Scotland as an independent historical and political tradition, emphasising the linguistic and ethnic differences between the Scots and the English. Despite a significant number of mutual claims, national historiographies in the UK did not transform into

historical politics. The author states that these transformations and aggravations of mutual historical claims are possible if the processes of regionalisation in the UK and the rise of internal contradictions will allow Scottish nationalists to revise the status of Scotland radically. This scenario provides the emergence of several nationalising states, where political elites will begin to manipulate history and practice various forms of historical politics, which is actively used by Eastern European countries, where historical manipulations and speculations became the norm.

REFERENCES

- Abercrombie D. The accents of Standard English in Scotland. *Languages of Scotland*, eds. A.J. Aitken. T. McArthur. Edinburgh: Chambers, 1979, p. 65–84.
- Aitken A. *Edinburgh Studies in English and Scots*. Edinburgh: Prentice Hall Press, 1971, 260 p.
- Aitken A. Is Scots a Language? *English Today*, 1985, vol. 1, no 3, p. 41–45.
- Aitken A.J. Scottish speech: a historical view with special reference to the Standard English of Scotland. *Languages of Scotland*, eds. A.J. Aitken. T. McArthur. Edinburgh: Chambers, 1979, p. 85–118.
- Aitken A., Macafee C. *The Older Scots Vowels: A History of the Stressed Vowels of Older Scots from the Beginnings to the Eighteenth Century*. Edinburgh: Boydell & Brewer, 2002, 256 p.
- Anderson P. Uncleftish Beholding. *Analog Science Fiction*. Science Fact, 1989, vol. 109, no 13, p. 132–135.
- Andrews C. *Literary Nationalism in Eighteenth-Century Scottish Club Poetry*. L.: Edwin Mellen Press, 2004, 377 p.
- Brown G.H. *A Companion to Bede*. L.: Boydell Press, 2010, 180 p.
- Campbell Paterson R. *My Wound Is Deep: History of the Anglo-Scottish Wars, 1380–1560*. L.: John Donald Publishers Ltd, 1997, 220 p.
- Clarke C. *Writing Power in Anglo-Saxon England. Texts, Hierarchies, Economies*. L.: Boydell Press, 2012, 206 p.
- Coatsworth E., Pinder M. *The Art of the Anglo-Saxon Goldsmith. Fine Metalwork in Anglo-Saxon England: its Practice and Practitioners*. L.: Boydell Press, 2002, 318 p.
- Colin Wilson L. *Luath Scots Language Learner: An Introduction to Contemporary Spoken Scots*. Edinburgh: Luath Press Ltd, 2014.
- Corbett J. *Language and Scottish Literature*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997, 228 p.
- Cowley D. *Eldsay English: New Life for Old English Words*. L.: Joseph Biddulph Press, 1999, 36 p.
- Cowley D. *Hastings, 1066 – Words We'd Wield If We'd Won*. L.: New Generation Publishing, 2011, 52 p.
- Cowley D. *How We'd Talk If the English Had Won in 1066*. L.: New Generation Publishing, 2009, 288 p.
- Cser A. English Purist Tendencies in a Comparative Perspective. *Selected Proceedings of the 2008 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL – LEX 2)*, eds. R.W. McConchie, Alpo Honkapohja, and Jukka Tyrkkö. Somerville, 2009, p. 36–40.
- Davidson N. *The Origins of Scottish Nationhood*. L.: Pluto Press, 2000, 144 p.
- Devine T.M. *The Scottish Nation: A History, 1700–2000*. L.: Penguin Books, 2001, 720 p.
- Donaldson W. *The Language of the People: Scots Prose from the Victorian Revival*. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989, 256 p.
- Eagle A. *An Introduction to Modern Scots*. Edinburgh: Scots Online, 2016, 264 p.
- Gorlach M. *The Linguistic History of English*. Basingstoke: Macmillan, 1997, 354 p.

- Hall A. *Elves in Anglo-Saxon England. Matters of Belief, Health, Gender and Identity*. L.: Boydell Press, 2009, 238 p.
- Hanham H.J. *Scottish Nationalism*. L.: Faber & Faber, 1969, 252 p.
- Harvie Ch. *Scotland and nationalism: Scottish society and politics, 1707 to the present*. L.: Psychology Press, 2004, 278 p.
- Hooke D. *Trees in Anglo-Saxon England. Literature, Love and Landscape*. L.: Boydell Press, 2013, 322 p.
- Jones Ch. *A Language Suppressed: The Pronunciation of the Scots Language in the 18th Century*. Edinburgh: John Donald, 1995, 278 p.
- Karkov C. *The Ruler Portraits of Anglo-Saxon England*. L.: Boydell Press, 2004, 240 p.
- Kay B. *Scots: The Mither Tongue*. Edinburgh: Mainstream Publishing, 2006, 288 p.
- MacDonald Fraser G. *The Steel Bonnets: The Story of the Anglo-Scottish Border Reivers*. L.: Skyhorse Publishing, 2015, 432 p.
- Martin T.F. *The Cruciform Brooch and Anglo-Saxon England*. L.: Boydell Press, 2015, 406 p.
- Mitchell J. *The Scottish Question*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 320 p.
- Phillips G. *The Anglo-Scots Wars, 1513–1550: A Military History (Warfare in History)*. L.: Boydell Press, 1999, 312 p.
- Pittock M. *Scottish Nationality*. L.: Palgrave, 2001, 187 p.
- Sadler J. *Border Fury: England and Scotland at War 1296–1568*. L.: Routledge, 2006, 634 p.
- Scobbie J.M., Gordeeva O.B., Matthews B. *Scottish English Speech Acquisition. The International Guide to Speech Acquisition*, ed. Sharynne McLeod. Clifton Park: Thomson Delmar Learning, 2007, p. 221–240.
- Scots Thesaurus*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001, 536 p.
- Scottish Literature*, ed. David D. McCordick. L.: Peter Lang Publishing, 1996, 1256 p.
- Snook B. *The Anglo-Saxon Chancery. The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar*. L.: Boydell Press, 2015, 252 p.
- The Concise Scots Dictionary*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999, 820 p.
- The Essential Scots Dictionary: Essential Scots Dictionary: Scots/English – English/Scots*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005, 392 p.
- Thompson V. *Dying and Death in Later Anglo-Saxon England*. L.: Boydell Press, 2012, 246 p.
- Wright L. *The Development of Standard English, 1300–1800: Theories, descriptions, conflicts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 332 p.

«ВО ФРАНЦИИ ВООБЩЕ МАЛО ПРОСЛАВЛЯЮТ АРМИЮ, ВОИНСКУЮ СЛАВУ...»

Интервью с В. Жобер (Франция)

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Давайте начнем разговор о том, как французы помнят Вторую мировую войну, с событий Мюнхена 1938 года. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, выступая в Парламенте Чехии после развала социалистического лагеря, принесла свои извинения за Мюнхенское соглашение. Она признала, что тогда англичане предали чехов. Как во Франции звучит тема 1938 года? Есть ли книги, фильмы, которые рассказывают об этом событии, или эта тема не присутствует в современном общественном сознании?

© Историческая Экспертиза, 2017
Жобер Вероника — заслуженный профессор университета Париж-Сорбонна, доктор славянских наук, главный редактор журнала *La Revue russe* (Франция); veronique.jobert@gmail.com

В.Ж. Эта тема в истории звучит как «Пражские события». Честно говоря, мне ничего не известно о фильмах про 1938 год. Из истории понятно, что Франция пошла на опасные уступки. Этот эпизод вспоминают скорее в связи с нынешним российско-украинским конфликтом, проводят аналогии между Крымом и Судетами.

Я не думаю, что французы чувствуют себя ответственными за начало Второй мировой войны. Скорее они сожалеют о том, что они так легко сдались. И они чувствуют себя ответственными за это, поскольку Франция была оккупирована врагом. Думаю, что тут еще замешана роль личности в истории. Маршал Анри Петен был очень популярной фигурой, он сыграл огромную роль во время Первой мировой войны, а тут оказалось, что, в общем-то, он

предал страну и пошел навстречу врагу.

Не так давно велись дискуссии о том, что на самом деле таким образом правительство Петена и сам Петен спасли Францию от многих разрушений, а если бы они сопротивлялись до конца, участь населения Франции было бы гораздо печальнее. Но об этом можно долго говорить.

Но я думаю, что есть фильмы на тему «Изменник — не изменник, сопротивленец и т.д.». Помню, был такой психологический фильм, правда, сейчас я не помню его названия, где утверждалось, что нельзя судить по-манихейски, то есть что одни только хорошие, а другие только плохие. В истории отнюдь не просто кого-нибудь полностью оправдать либо обвинить.

Я всегда стараюсь сравнивать с Россией. Сравнения бывают очень разными. Тут я всегда вспоминаю фильм «В тумане» режиссера Сергея Лозницы, который был снят по одноименной повести Василя Быкова. События фильма разворачиваются в Белоруссии. Это 1942 год, когда Беларусь была оккупирована немецкими войсками. На мой взгляд, фильм очень интересный.

Одно время во Франции часто звучала тема по поводу ее поведения во время войны. Сразу после войны об этом никто не смел даже заикаться. Сейчас всем понятно, что сопротивление началось довольно поздно. Одно дело, что Шарль де Голль вещал из Лондона. Он обратился ко всем, но настоящее сопротив-

ление, за исключением маленьких групп, все же было незначительным. Французская коммунистическая партия сумела оправдать свое существование тем, что она участвовала в сопротивлении и на этом фоне все забыли о пакте Молотова — Риббентропа, который лидеры этой партии, как члены Коминтерна, поддержали.

Помню, у нас был большой спор, когда Саркози захотел открыть музей истории. Все воспротивились, поскольку решили, что это обязательно будет что-то идеологическое, навязанное либо правящей партией, либо правительством. Спор был о том, что не нужно навязывать никакие шаблоны, поскольку такие сложные исторические вопросы познаются исключительно посредством более сложных форм, например, изданием книг. Книги в данном случае играют большую роль. Вспомним исторический роман американского автора Джонатана Литтелла «Благоволительницы», написанный на французском языке. Об этой книге очень много говорили... И это как-то разбудило память о Второй мировой войне.

С. Э. Как современные французы объясняют легкую победу Германии над Францией? Ведь французская армия была хорошо вооружена. Не думаю, что она в чем-то уступала немецкой по вооружению и численности. Силы были примерно равны.

В. Ж. Франция не оказалась способной отразить нападение немецкой армии, и перемирие, подписанное Петеном в июне 1940 года, отчасти

объясняется полным поражением французской армии.

Во Франции вообще мало прославляют армию, воинскую славу. В отличие от англичан, например, которые с помпой в 2005 году праздновали 200-летие битвы при Трафальгаре, Франция не отмечает исторические даты, связанные с Наполеоном, будь это победы или поражения.

С.Э. Когда Франция капитулировала, в колониях признали режим Виши?

В.Ж. Я знаю, что в Алжире признали, и, по-моему, во всех других колониях также. Знаю, что в Алжире разоружилась целая эскадра и англичане их потопили в июле 1940 года, поскольку боялись, что она попадет в руки немцев. Для французов — уроженцев Алжира это очень печальная дата. Они обижаются на англичан за это, поскольку это было предательством, ведь сама эскадра была разоружена.

С.Э. В Индокитае, где Вы родились, признали этот режим?

В.Ж. Да, признали. Армия, которая находилась там в 1940 году, естественно, была на стороне Виши. Они обязаны были повиноваться. Это был законный, легитимный режим.

С.Э. Во Франции осуждается послевоенная расправа с женщинами, которые дружили с немецкими солдатами?

В.Ж. Сейчас считают, что это был перегиб.

Совсем недавно я закончила читать биографию известного французского писателя, прозаика Андре Жида. В ней рассказывается, что Жид, хотя он считался человеком левых политических взглядов и даже в какой-то мере (до выхода его книги «Возвращение из СССР») «попутчиком» коммунистов, тогда встал на защиту многих людей, не только женщин. Он считал, что это совершенно недопустимые расправы.

С.Э. Какова сегодня память о французском Алжире?

В.Ж. Алжир был не столько французской колонией, сколько территорией Франции. Там было три департамента. Более того, если я не ошибаюсь, там проживало около 2 млн французов.

Мой муж по чистой случайности родился в Париже в 1943 году, но все его предки похоронены в Алжире. Его дед был мэром города Мостаганем. Одна из улиц города носила его имя.

Французское население Алжира было представлено переселенцами и даже ссыльными. Последними были те, кто не захотели стать немецкими подданными и эмигрировали сюда из Эльзаса. Среди них были и те, кто приехали после революции 1848 года, поскольку боялись преследования. Изначально там было очень много поселенцев, которым давали возможность заново построить жизнь, выдавали участки очень плохой земли, и они постепенно становились на ноги. Так они там обосновывались. Нужно сказать, что в Алжире было много тех,

кого презрительно называют le petit blanc («маленькие белые»). По существу, это был обычный люд — мелкие торговцы, фермеры и т.д. Наряду с этим там проживали богатые латифундисты, которые создали огромные поместья, где выращивали виноград, апельсины. В 1962 году, когда Алжир стал независимым, местные французы поняли, что там больше нельзя оставаться. Там было очень много терактов. Бунт Освободительной французской армии, путч генералов. Ситуация накалялась. Алжирские события приобрели определенный политический колорит. Все левые во Франции были против алжирских французов, и выступали за независимость Алжира. Им было абсолютно наплевать на судьбу людей, для которых Алжир стал родиной, которые там родились и жили. Они почти не знали Францию. Они считались ультраправыми, фашистами. Это плачевно отразилось на благосостоянии этих людей. Им пришлось оттуда просто бежать. Когда они приехали, грузчики в порту Марселя стали бастовать, сбрасывали их багаж в воду, не давали репатриантам сойти на берег. Они оказались в отчаянном положении, оттуда их выгоняли, а здесь не принимали.

Разумеется, им выдавали какое-то пособие, компенсации на возмещение убытков. Правда, все это длилось годами. Выходцы из Алжира, сохраняя память о прожитом, сумели создать на юге Франции музеев, в котором они собираются раз в год (я не помню по случаю какого праздника). Но это всегда выглядит довольно ностальгически. К сожалению, политики порой воскреша-

ют у них негативные воспоминания о том, как их плохо приняли во Франции, как от них тогда отказывались. Так, нынешний президент Франции Эмманюэль Макрон во время своей президентской кампании посетил один из регионов Франции, где было много выходцев из Алжира. Он произнес речь о том, что надо помнить грехи колониализма и мы должны просить прощения за те огромные преступления, которые мы совершили как колонизаторы. Это ему стоило очень много голосов, так как довольно большая часть присутствующих там была возмущена такой речью. Но если сравнить колониализм в Алжире с тем, что происходило в Южной Африке, то это совершенно несопоставимо.

Мой муж рассказывал о своей жизни в Алжире, он вспоминал, что ходил в общую школу, в которой учились и французы, и испанцы, и евреи, и мусульмане. Да, мусульман было немного, но тем не менее у них была возможность получить хорошее образование. Колонизация в Алжире все же внесла свою лепту в просвещение и способствовала поднятию экономики. Поэтому нельзя все это вычеркнуть и назвать преступлением. Тогда как, например, в Южной Африке считалось, что учить черных детей математике не стоит, поскольку они не способны это понять.

С.Э. Когда Алжир был частью Франции, арабы, проживающие там, были гражданами Франции?

В.Ж. Нет, конечно. Им не предоставляли гражданства. И это было

проблемой. Возможно, если бы им было предоставлено гражданство, удалось бы избежать восстания. Но была допущена эта ошибка. В Алжире избавление от оккупантов не привело к счастливой жизни. Туда никто не стремится, даже в туристических целях. Есть очень хороший алжирский писатель Камель Дауд. Он написал прекрасную книгу, в которой рассказывает о том, что дало ему знание французского языка, которому он выучился у своего деда. Он говорит о том, что нельзя резко противопоставлять две страны. Правда, все это выглядит ностальгически. Это говорит о том, что в целом эта рана зажила.

С.Э. Когда Шарль де Голль баллотировался на выборах, он говорил, что «мы Алжир не отдадим».

В.Ж. Да, именно так все и было. Де Голль выступал с этой речью в Мостаганеме, где жил мой будущий муж, и он с террасы видел как ему аплодировали де Голлю. В первые дни после своего прихода к власти 4 июня 1958 года генерал посетил Алжир и произнес ключевую фразу: «Je vous ai compris» («Я вас понял»). Это звучало очень обнадеживающе. Люди поверили, что он их не бросит, что Алжир останется частью Франции. В итоге, чтобы покончить с войной, разразившейся в Алжире, он в марте 1962 года подписал мирные соглашения в Эвиане и дал независимость Алжиру. Многие не простили ему этого, посчитав, что он их обманул. Многие говорят, что все было не так однозначно, что это не был обман в чистом виде. Де Голль якобы сочувствовал этим французам, понимал, что им хочет-

ся остаться в Алжире, что они равноправные французские граждане, но ситуация заставила его, как главу государства, пойти на эти шаги, он понимал, что иначе будет катастрофа. То есть нужно было знать, когда нужно вовремя уходить. Там была еще одна страшная страница. Речь идет об harkis – мусульманах из вспомогательной французской армии. Они служили Франции, были настроены профранцузски и сражались за Францию против своих сородичей. Некоторые из них успели уехать во Францию вместе с беженцами, потому что они знали, что их, а также членов их семей ждет верная смерть, ведь они Армия независимости Алжира считала их предателями, так как они воевали на стороне французов. Того, кто не успел убежать, ждала страшная участь. Сейчас во Франции периодически вспоминают о том, что беженцев harkis плохо приняли во Франции, что им не была оказана должная признательность за то, что они сделали ради Франции. Обычные французы принимают их за арабов, не понимая, что это не простые арабы, не новое поколение мигрантов, а жители бывшего французского Алжира, которые помогли Франции.

В последние десятилетия стали очень много говорить о том, как неправильно и несправедливо поступили с бывшими солдатами, которые сражались в рядах французской армии во Второй мировой войне, где было очень много марокканцев, тунисцев, алжирцев и т.д.

Не так давно был принят закон о том, чтобы увеличить им пенсию,

а главное, приравнять ее к пенсиям французов. В общем, поднялся вопрос о том, с какой стати они должны получать меньше, чем французы.

В Париже, на Порт-Доре, находится музей иммиграции, где пытаются отдать дань признательности народам, которые жили во французских колониях. Сейчас это независимые страны, но все они обогатили историю и культуру Франции. В этом большом здании в 1931 году прошла международная выставка колониализма, которую посетила Марина Цветаева со своим сыном Муром. Их сфотографировали, и сейчас эта фотография хранится в РГАКФД.

С. Э. Перейдем к событиям Красного мая 1968 года.

В. Ж. В 1968 году Сорбонна стала важным центром студенческих выступлений под идеями «новых левых», которые вошли в историю как «Красный май».

Я очень хорошо помню эти события. Я тогда была студенткой. Я не была ни троцкисткой, ни сталинисткой, ни анархисткой, ни коммунисткой. Это была вспышка левацких настроений. Это движение нашло поддержку у писателей левого толка, таких как Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар.

Насчет Симоны де Бовуар, я не могу удержаться, чтобы не рассказать одну историю, о которой я читала. Когда она отдыхала, кажется в 1944 году, во французских Альпах, где отдыхали очень многие, чтобы отойти от немцев и прочей суеты,

Симона де Бовуар в самый разгар войны пишет открытку следующего содержания: «Все было бы хорошо, но, к сожалению, здесь мало снега». Существует большая разница между заявлениями и поведением подобных людей.

Думаю, что многие еще очень долго задавались вопросом: «Почему 1968 год имел место в истории нашей страны?» Ведь у нас тогда был высокий уровень жизни, казалось, что этих протестов не должно было быть. Был беспрецедентный экономический рост. В экономике это время было отмечено апогеем «Славного тридцатилетия». Уровень жизни в стране в то время был одним из самых высоких в мире. Как говорят русские, может быть, просто «с жиру бесятся»? Я, например, очень часто слышала такие реакции от советских людей, посещающих Францию в 1970-е годы.

Порой я возвращаюсь назад, смотрю документальные фильмы того времени и сравниваю. Совсем недавно я смотрела фильм о событиях в Латинском квартале, в частности, о том, как мятежники оккупировали главный амфитеатр Сорбонны. Все эти мальчишки были при галстукке. На них были пиджаки и галстуки! Сейчас это просто немыслимо! Современная молодежь будет считать их какими-то зажавшимися буржуями, а это были абсолютно левые ребята. Все изменилось в жизни! О некоторых вещах нельзя судить однозначно. Страшным было то, что это охватило жизнь всей страны целиком, ведь началась всеобщая забастовка, которая охватила миллионы. И она длилась очень долго.

Было тяжело смотреть на то, что происходит в Латинском квартале. Все вокруг было расписано бунтарскими граффити. Люди строили баррикады. С тех пор у нас в Париже нигде нет булыжника, все, за редкими исключениями, асфальтировано.

Я не была в первом ряду демонстрантов. Интересно смотреть за тем, как сложилась жизнь некоторых участников этих движений. Один из лидеров студенческих волнений, Даниэль Кон-Бэндит, стал видным европейским деятелем. Он был очень умным мальчиком, сейчас он искусный политик, занимает интересные позиции в политике, выступая в политической жизни сразу двух стран: и Франции, и Германии. Нельзя даже подумать, что он был таким анархистом.

Важно, по-моему, подчеркнуть, что все эти троцкисты, анархисты, маоисты и т.д. изменяют свои политические взгляды через несколько лет. Демонстрантов просветил «Архипелаг ГУЛАГ», который вышел спустя 6 лет после майских событий. В 1974 году вышла в свет эта книга, и тогда они «пришли с повинной». Тогда появилось много статей по этому поводу. «Новые философы», такие как Андре Глюксманн и другие, каялись в том, что они поверили в китайскую культурную революцию.

Лично для меня важным итогом этих событий стало то, что университет Парижа поделили на 13 разных университетов, которые стали «отростками» Сорбонны, ведь старой Сорбонны как таковой уже нет. Велись большие споры по этому во-

просу. 3 главных центральных университета получили разрешение сохранить слово «Сорбонна». Есть Университет Париж-Сорбонна (Париж IV), где я училась, а потом преподавала. Это единственный университет, который имеет право называть себя просто «Сорбонна». Он частично находится в старом университетском здании. До событий Мая, мы были разбросаны по всему Парижу, ведь тогда пришли учиться дети послевоенного «бэби-бума», нам не хватало мест. По существу, пришлось строить новые помещения. В административном плане университеты назывались Париж-Сорбонна. В настоящее время есть Университет Париж I Пантеон-Сорбонна (Университет Париж I), который специализируется в юриспруденции, экономике, менеджменте, истории, искусстве и др. Также есть Университет Париж III Новая Сорбонна, который был основан на базе факультета литературы Сорбонны в результате реорганизации Парижского университета.

За названиями университетов прикрепляется дополнительное название. Например, знаменитый Университет Париж X – Нантер, расположенный в одном из пригородов Парижа. Сейчас его просто не узнать. В 1968 году это было ужасное зрелище, там все стены были расписаны граффити, сейчас там прекрасный кампус, великолепные здания.

С. Э. В советской литературе писали, что одной из причин протеста 1968 года были плохие условия для студентов. Так ли это было, или это преувеличение?

В. Ж. Возможно, они и были плохими. Но я не знаю, насколько они стали лучше. После событий 1968 года мы ощутили, что дисциплины стало существенно меньше. Мы стали более свободными. Не было прежнего пиетета в отношении к профессорам. Отныне профессор был не только тем, кто вещал с трибуны лекции, но и тем, с кем студенты могли свободно вступать в спор, дискутировать. Правда, этот момент имел свои негативные последствия, поскольку это стало плохо сказываться на дисциплине. Мне это немного напоминает Февральскую революцию 1917 года в России и Приказ № 1 по армии.

Есть еще одна история, которая меня сильно поразила, когда я стала преподавать. Я тогда выдержала знаменитый конкурс *agrégation de grusse* и стала полноправным штатным преподавателем русского языка в средней школе. Мое первое назначение было в город Понтуаз. Мне тогда было 23 года. Я преподавала в группе, в которой учились старшеклассники, им было 16–18 лет, то есть они были почти моими ровесниками. И вот я помню, как на одном из уроков русского языка один ученик сказал: «Да, но Карл Радек...». А я не знала, кто такой Карл Радек. Помимо Карла Радека он называл еще Зиновьева и других. И вот тогда я стала подверстывать свою политическую и историческую грамотность.

Если говорить о других изменениях, которые произошли после 1968 года, то я бы отметила появление общих классов для мальчиков и девочек. До 1968 года были отдельные

классы для мальчиков и отдельные для девочек. Но это разделение отменили, и мальчики и девочки стали учиться вместе. Еще отменили халаты как предмет школьной формы. Сейчас же, напротив, к ним хотят вернуться, считая, что школьная форма уравнивает всех учеников, независимо от доходов родителей. Тогда школьная форма была двух цветов: две недели мы ходили в форме голубого цвета, а потом переходили на форму серого цвета. И все это было по команде. Потом это все отменили. Далее, произошли изменения в правилах школьной дисциплины: когда учитель входил в класс, ученики больше не вставали. Потом это стало нормой. Произошла своего рода «демократизация» отношений между поколениями.

Помню, в какой шок меня поверг один случай, когда я впервые оказалась в суде. Это был суд города Понтуаз. Однажды, добираясь на работу на машине, я превысила скорость и меня остановили жандармы. Они составили протокол, а потом меня вызвали повесткой в суд. В тот день я должна была принимать экзамены в другом конце Парижа, но, поскольку у меня была повестка, это снимало с меня обязанность принимать экзамены, и я пошла в суд. Мне было очень любопытно, поскольку прежде я никогда не была в суде. Сидя в зале, где все ждали начала суда, я увидела своими глазами, как после слов «Встать! Суд идет» все встали. Тогда я подумала: «Боже мой, было бы так в школе». Но в школе было уже не так.

С. Э. Среди Ваших знакомых были те, кто активно участвовал

в событиях 1968 года? Чем они это объясняли?

В.Ж. Скорее это можно объяснить солидарностью. Все же это был порыв. Спустя две недели после начала событий были отменены все занятия, экзамены.

Когда был референдум, который заставил де Голля отказаться от власти, мы с мужем уехали в Грецию. Де Голль тогда выступил с инициативой внедрить новый законопроект и заявил, что выносит его на референдум, и, если народ отвергнет его, он уйдет в отставку. Так и случилось. Мы с мужем не ходили на демонстрации.

С.Э. Инициаторами демонстраций были дети из обеспеченных семей?

В.Ж. Да, конечно. Я думаю, что они были движимы желанием что-то изменить. Возможно, в самом начале этот порыв был благородным. Все же это был молодежный порыв. Другое дело, что все это потом вылилось в полную анархию, поскольку к движению присоединились политические партии, и главное — профсоюзы, которые были настроены чрезмерно политически.

С.Э. Присутствуют ли события 1968 года в современной французской памяти?

В.Ж. Для Франции не характерно отмечать исторические даты такого формата. Мы не празднуем семидесятилетия, столетия и т.д. Все же это не такая

памятная дата, как День Великой французской революции. Более того, для Франции нетрадиционно собирать информацию о великом человеке, как это делают в России, например. У нас очень мало музеев, посвященных какому-то одному писателю. В Париже есть только музей Виктора Гюго и Бальзака. В отличие от России, очень редки музеи, где бы отдельно хранился футляр, очки либо гусиное перо отдельно взятой исторической личности.

Помню, как в мае 2017 года меня пригласила коллега выступить с докладом в университете Безансона. Это место, где родился Виктор Гюго. И она рассказывала мне, что, когда ее коллеги из Барнаула (город-побратим, кажется) посетили Безансон, они сильно удивились, что в Безансоне нет музея Виктора Гюго. Они не могли в это поверить.

С.Э. Поговорим о Великой французской революции, о том, как ее видят современные французы. Есть ли во Франции, условно говоря, те, кто считает, что монархия — это хорошо, что на самом деле короля свергли зря?

В.Ж. Вряд ли ведутся такие разговоры. У нас не принято поднимать эту тему на медийном уровне, эти события относятся к далекому прошлому. У нас уже давно республиканский строй.

С.Э. Если провести параллель между казнью Людовика XVI и расстрелом семьи императора Николая II, Вы видите сходство?

Большевики все же действовали по канону Французской революции.

В.Ж. Нет, нет! Ни о каком сходстве может быть и речи. Гильотина — это ужасно. Но во Франции наказание было исполнено открыто. А царскую семью, включая слуг, расстреляли в подвале. Их очень жестоко и зверски убили. Безусловно, результат двух событий жестокий, но манера исполнения совершенно разная. Не забывайте, что во Франции был суд, Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта были преданы суду Конвента и только после этого казнены.

С.Э. Во Франции также откровенно жалеют о казни Людовика XVI и королевы Франции, как, например, об этом говорят в России по поводу расстрела царской семьи? Вспомним снятый недавно фильм «Матильда».

В.Ж. У нас об этом не вспоминают. Все это в очень далеком прошлом.

С.Э. Как во Франции воспринимается Наполеон?

В.Ж. Он как раз воспринимается как великий правитель. За время своего правления он сумел завоевать очень много стран и территорий. Но мы считаем, что основная его заслуга состоит в том, что он разработал и принял Гражданский кодекс, который вошел в историю как «Кодекс Наполеона».

Французы гордятся Наполеоном. Тот факт, что он является выходцем

из народа, как раз играет существенную роль. Во Франции есть чувство равенства. И оно ощущается даже в материальном плане.

Вспомним бурные ельцинские годы... В то время смекалистые, с предпринимательской жилкой люди стали накапливать свое состояние. И они это делали стремительно, поскольку прекрасно понимали, что, условно говоря, завтра такой возможности не представится. Во Франции, в свою очередь, и на Западе в целом совершенно другие традиции и отношение к состоянию. У нас издавна существует средний класс, который постепенно, копейку за копейкой, смог накопить свое состояние. Во Франции есть очень состоятельные люди, и в отличие от русских богачей они не будут выставлять это на всеобщее обозрение и, грубо говоря, устраивать «показуху». Они могут быть владельцами ресторана, других доходных заведений, но вы это никогда не увидите. Немного иначе ведут себя футболисты и некоторые эстрадные исполнители.

С.Э. Смерть значительного количества французских мужчин в ходе наполеоновских войн не отражается на памяти о Наполеоне?

В.Ж. Нет. В этом его никто не упрекает. Не забывайте, о каком времени мы говорим. Это период сражений, захвата территорий. Все было охвачено духом войны. Умереть в ходе сражений считалось доблестью. Это было благородно. Не сравнить с тем, что происходило в двадцатом веке, когда сжигали, душили газом, рвали на части.

С.Э. Во Франции принято говорить о Парижской коммуне в газетах, книгах, фильмах?

В.Ж. Нет, эта тема не присутствует. Об этом могут говорить те французы, к которым приезжали советские друзья. Как правило, они посещали кладбище Пер-Лашез, где находится Стена коммунаров. Сейчас русские больше посещают на этом кладбище склеп княгини Демидовой. Еще они любят ходить на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где похоронены многие представители русской эмиграции.

С.Э. Не только во Франции, но и почти во всей Европе, в каждой маленькой деревне обязательно есть памятник Первой мировой войны.

В.Ж. Это так. В каждой маленькой деревне установлен небольшой, скромный памятник с указанием списка погибших. Это очень впечатляет, поскольку можно увидеть, сколько людей погибло в одной маленькой деревне, городке. Иногда это целые семьи.

47 номер журнала «La revue Russe» посвящен 1914 году. На обложке этого номера изображен памятник в маленьком городке Жантью, в департаменте Крез. Это самый центр Франции, преимущественно сельскохозяйственный регион. Известно, что в Первую мировую войну здесь было наибольшее количество жертв. Это единственный памятник во Франции, где перед памятником стоит мальчик, который держит в руках ранец, и поднятый вверх кулак, на памятнике надпись: «Да

проклята будет война». Это не милитаристский памятник. В Крез был знаменитый лагерь Ла-Куртин, куда свезли всех русских из Экспедиционного корпуса, которые после революции стали митинговать. Боялись, что они будут оказывать плохое влияние на солдат и заразят других мятежным духом.

В продолжение темы о памятниках, хочу сказать, что недавно на востоке Франции, где велись сражения в ходе Первой мировой войны, был открыт новый музей, выполненный по новым принципам музеологии.

Совсем недавно я посетила Еврейский музей и центр толерантности в Москве. Хочу сказать, что присутствие слова «толерантность» в названии музея — это несусветная чушь. Во-первых, это не русское слово. Во-вторых, в России никогда не было толерантности. Но помимо этого, нужно отметить, что это исключительный музей. Я была просто потрясена тем, как там все устроено, как нетрадиционно представлена информация. Это так разносторонне, красиво, занимательно. Я впервые увидела карту всех регионов Российской империи, где были совершены погромы. Это очень показательно, поскольку можно увидеть, как это все было сконцентрировано. И все это было в черте оседлости.

С.Э. Во Франции после окончания войны была огромная русская эмиграция...

В.Ж. Русских во Франции проживало много, порядка полумиллиона. Но их процент постепенно сни-

жается. Хочу сказать, что еще есть внуки, правнуки этих эмигрантов, которые знают русский язык.

Вокруг церквей есть немало русских общин. Я думаю, что центром объединения и сохранения таких традиций являются приходы. Например, такие как на Рю Дарю. В настоящее время правительство России прилагает огромные усилия по организации курсов для изучения русского языка за рубежом. Совсем недавно был открыт русский духовный центр и построен собор, об этом много писали, возникло много споров.

Недавно я прочитала одну биографическую статью о художнике-не-

формале, который потом оказался во Франции. И там в довольно ироничной форме было сказано: «Это было то время, когда эмигранты не обязательно считались соотечественниками». Лично я отказываюсь от этого слова «соотечественник». Оно меня просто раздражает. Я — не соотечественница, я наполовину русская, но я гражданка Франции. Я люблю Россию, мне не безразлична ее судьба, меня интересуют русский язык и русская история, и это определило мою профессию, но давайте не заниматься прозелитизмом!

С. Э. Благодарю Вас за интересное интервью.

«IN FRANCE ONE DOES NOT GLORIFY THE ARMY, MILITARY GLORY A LOT...» INTERVIEW WITH V. JOBERT (FRANCE)

Jobert Veronique — merited professor of the University of Paris-Sorbonne, doctor of slavic sciences, editor-in-chief of La Revue russe (France)

«ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫМ НЕ НРАВИТСЯ, КОГДА В УЧЕБНИКАХ ЧТО-ТО ГОВОРИТСЯ О ТЕМНЫХ СТРАНИЦАХ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ»

Интервью с К. Смит (США)

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. В прошлый раз мы разговаривали о проблемах русской памяти: ГУЛАГе, сталинизме, десталинизации. Давайте поговорим о проблемных точках коллективной памяти американцев. Начнем с того, что у вас обсуждается в последнее время. Может быть, поговорим о памятниках конфедератам, которые сейчас демонтируют?

К. С. Я думаю, здесь есть два момента. Есть большой общественный отклик по поводу того, что в некоторых штатах на юге Америки сносят памятники, относящиеся к так называемым героям гражданской войны — тем, которые боролись за то, чтобы южные штаты вышли из состава Соединенных Штатов Америки. Но эта тема связана с темой истории расизма и истории рабства в Америке: нельзя думать о гражданской войне, не затрагивая темы судьбы афроамериканцев, их жизненного опыта. Так что за проблемой памятников стоит большой

спор по поводу того, какой должна быть память о рабстве, о дискриминации по отношению к афроамериканцам. С одной стороны, говорят, что была жестокая война, что надо чтить память тех, которые погибли; с другой стороны, возникает вопрос, почему есть много памятников солдатам (военным), но нет памятников, напоминающих нам о тех, кто в то время очень страдал.

С. Э. Афроамериканцам памятников нет, а генералам-южанам — есть...

К. С. Да. И есть идея о том, что лучше не сносить один тип памятников, но добавить второй, чтобы в историческом поле присутствовало и то, и другое. Естественно, это только усложняет вопрос о том, как это все надо вспоминать. Но я считаю, что так оно и должно быть, потому что речь идет, действительно, об очень сложном времени и сложных проблемах.

Тема рабства в Америке сейчас также привлекает очень большое внимание. Колледж, где я преподаю

© Историческая Экспертиза, 2017
Смит Кэтлин — профессор Джорджтаунского университета (США); kes8@georgetown.edu

(Университет Джорджтауна) — это колледж, который выпускал представителей католической церкви, иезуитов, его выпускники потом проявляли себя в самых разных странах. У них был не только этот университет, они владели плантациями поблизости, в штате Мэриленд. И недавно открылась такая история: было время, когда университет страдал от долгов. И вот в этот момент бывший президент университета Томас Маллэди (Thomas Mulledy) и сменивший его на этом посту Уильям Мак-Шерри (William McSherry) решили, что они продадут рабов, которые работали на этих плантациях, чтобы на эти деньги спасти университет. Они написали письмо к высшему церковному руководству, испрашивая разрешения. Им разрешили, но с рядом условий: нельзя было разрывать семьи, посылать людей в места, где существовали особенно тяжелые условия. Кроме того, надо было гарантировать, что рабы, уже принявшие католическую веру, смогут и дальше ее исповедовать. Однако местные иезуиты не выполнили этих условий: семьи были разорваны, рабов продавали поодиночке... Всего было продано 272 человека. И вот сейчас, последние два-три года, наш университет пытается как-то примириться с этой историей... Была создана целая программа, в рамках которой университет начал поиски родственников этих людей, чтобы завести с ними диалог. Пока, конечно, речь идет о символической компенсации. Например, если у потомков тех людей есть дети, которые хотели бы поступать в университет, для них создаются определенные квоты, объявляются внеконкурсные места.

С.Э. Ну, это далеко не символическая вещь, это реальная помощь. Ведь образование у вас стоит очень дорого, особенно в хороших университетах...

К.С. Да. Но в основном, как оказалось, речь может идти о людях не такого возраста, в котором они стали бы поступать в университет. И потом, зачем им именно Джорджтаун? Может быть, в силу понятных причин, им было бы все-таки обидно или малопривлекательно поступать именно в наш университет, может быть, они бы выбрали что-то другое, то, что они хотели.

С.Э. А были случаи, чтобы кто-то поступил?

К.С. Пока нет, потому что это совсем новая программа. Кроме того, у нас переименовали здания в кампусе, названные в честь этих иезуитов-рабовладельцев. Я тоже считаю, что несправедливо чтить память людей, которые, будучи руководителями, совершали безнравственные поступки. Но тут возникла иная проблема. Всегда есть люди, которые являются спонсорами, донорами — и им не очень нравится этот прецедент: если когда-нибудь решат, что тот или иной человек не заслуживает того, чтобы в честь него было что-то названо, это может коснуться потом и других, их имена тоже легко могут убрать, выкинуть... Так что возникло много ранее непредвиденных сложностей.

С.Э. Ну, это тоже, наверное, неправильно, убирать имена тех, кто создавал университет.

К. С. Да, и даже спасал университет! Но по современным стандартам называть что-то в честь рабовладельцев позорно, ведь они разрушили жизнь многих людей... Все это показывает, насколько непростая дилемма возникла. Даже слово *slaves* (рабы) сейчас часто заменяют на другой оборот: *enslaved persons* (люди порабощенные, т. е. те, которых заставили быть рабами). Идея в том, что они в первую очередь люди, личности, а не собственность.

С. Э. То есть, слово *slave* сейчас уже не употребляется, его запретили?

К. С. Ну, конечно, не запретили, но те, кто занимается этой темой, стараются его по возможности не использовать. Наверное, на уровне школьной учительницы можно говорить *slaves*, однако в научной среде, где больше чувствительности к этим проблемам, это слово стараются не использовать.

С. Э. Как это связано с современной политикой?

К. С. Действительно, существует боязнь среди либералов, что избрание Дональда Трампа президентом оказалось выгодным людям из движения «белых националистов» (*white supremacy movements*). Из-за этого символика конфедератов и гражданской войны стала еще более политизированной, чем раньше. К тому же произошел трагический случай, года два тому назад, когда в афроамериканскую церковь в городе Чарлстон зашел молодой человек, близкий по взглядам к движению «белых националистов» (*white supremacy*), и расстрелял людей,

которые там обсуждали Библию. Именно в этот момент дискуссия вокруг памятников конфедератам вышла на новый уровень.

С. Э. После этого случая решили такие памятники демонтировать?

К. С. Да, демонтаж памятников стал реакцией на это событие. Если молодой человек совершает такой поступок, наверное, он не понимает настоящей истории своей страны, видит только этот «военный патриотизм», не осознавая тех несправедливостей, которые были. Так что из всех тем, касающихся народной памяти, это, наверное, самая больная точка.

С. Э. Еще хотел затронуть один момент по поводу гражданской войны. Я слышал, есть предложение снять памятники Вашингтону, потому что он был рабовладельцем. Эта тема серьезно обсуждается, или это курьез?

К. С. Я думаю, это курьез. Но в Принстонском университете есть люди с довольно резкими взглядами. Не знаю насчет Джорджа Вашингтона, но была идея убрать имя Вудро Вильсона из названия Школы (в Принстоне есть Школа публичной политики его имени), потому что Вильсон был связан с сегрегацией в американских вооруженных силах и вообще он был сторонником сегрегации. И был вопрос также по поводу Томаса Джефферсона — мы знаем, что он был не только владельцем рабов, но и что у него были отношения с чернокожей женщиной, которая была его рабыней, и у него были дети от нее. У не-

го была возможность освободить эту женщину и ее детей, но он этого не сделал.

С.Э. То есть не признал их своими детьми?

К.С. Да.

С.Э. Кстати, тут можно было бы провести аналогию: наш великий поэт, Александр Пушкин, который имеет африканские корни, он был вовсе не *enslaved person*, а, напротив, «рабовладельцем». У него были связи с крестьянскими девушками, но, в отличие от многих других помещиков, которые этих детей если не признавали официально, то воспитывали, Пушкин этих детей не признавал. Так что у нас тоже есть сходные проблемы «матримониальной политики» деятелей прошлого. Но пока Пушкину никто такой претензии не предъявляет.

К.С. Ну, надо найти потомков этих внебрачных детей, чтобы они (смеется) требовали своей доли доходов от продажи сочинений Пушкина...

С.Э. Еще один вопрос по гражданской войне. У нас популярно движение исторической реконструкции — кто-то играет во Вторую мировую войну, кто-то в Гражданскую войну. Небезызвестный по событиям на Донбассе Гиркин (Стрелков) — участник этого движения, занимался реконструированием Белой гвардии. А тот молодой человек, который совершил убийство в церкви, он тоже был из этой среды? То есть многие ли из современных американцев так

или иначе идентифицируют себя с конфедератами?

К.С. Реконструкторы и у нас тоже очень популярны. Есть даже академические книги о них. Но тот человек, который стрелял в церкви, был очень молодым, он не был связан с реконструкторами, не участвовал ни в каких организациях. Все, что он знал, он знал из Интернета. Может быть, если бы он был связан с движением реконструкции, он бы лучше понимал историю своей страны, но он был человеком необразованным. Реконструкторам надо отдать должное, они проводят исследования, связанные не только с историей своих семей, но и с историей разных полков, битв, которые происходили. Хотя лично мне не близка идея жить по стандартам другого века, жить в палатке или стрелять из винтовки, но я понимаю, что это может быть очень интересно для некоторых. Кстати, когда я была в Москве, прямо на Пушкинской площади происходила реконструкция исторических событий. Там были люди в мундирах, в форме времен нашей гражданской войны. Я побеседовала с ними. Они объяснили мне, что они представляют какой-то особый ирландский полк из штата Джорджия...

С.Э. Они были «северяне» или «конфедераты»?

К.С. «Конфедераты».

С.Э. То есть русские выбрали сторонников рабовладения. А насколько сильна в южных штатах ностальгия по старым временам, когда существовало рабство? Есть

ли что-то подобное настроениям героев «Унесенных ветром»?

К. С. Ну, я не южанка, и я прежде всего специалист по России, поэтому мне трудно судить. Но могу сказать, что сейчас это ощущается сильнее, чем лет двадцать назад. Это связано и с представлениями об односторонности оценок гражданской войны в учебниках истории. Я, правда, не согласна с тем, что они односторонни. Но есть люди на Юге, которые так считают, и в основном это люди, которым не нравится то, что в учебниках что-то говорится о темных страницах американской истории.

С. Э. А эти люди, которые в душе идентифицируют себя с конфедератами, они и являются электоратом Трампа?

К. С. Думаю, они часть его электората.

С. Э. Можно сравнить это с нашими «белогвардейцами».

К. С. Да, только у нас это более географически сконцентрировано.

С. Э. Давайте перейдем к Уотергейту, который стал популярным после избрания Трампа.

К. С. Да, люди стали этим интересоваться. Молодые люди его, естественно, не помнят, но они что-то слышали. У нас эта тема связана еще и с прессой. Чувствуется, что Трамп ведет себя очень развязно по отношению к журналистам, не любит их, все время оскорбляет. И говорят, что, может быть, он

боится, что журналисты найдут свидетельства каких-то незаконных вещей в его избирательной кампании и случится что-то похожее на Уотергейт. Журналисты все время что-то копают, копают, и, кажется, что действительно они найдут какие-то подробности того, как Трамп пытался использовать все возможные меры, чтобы очернить Клинтон. Но я бы сказала, эта тема только начинается. Раньше тема Уотергейта была связана с идеей о том, что у американской демократии есть слабости, что систему надо совершенствовать.

Другая историческая тема, которая стала очень актуальна именно во время предвыборной кампании, — это тема интернирования американских граждан японского происхождения в годы Второй мировой войны. Это связано с новыми представлениями о том, как следует относиться к иммигрантам, носителям разных культур, выходцам из Азии, в том числе мусульманам.

С. Э. Эта тема тоже возникла в связи с Трампом?

К. С. Да. Потому что во время своей кампании он очень много говорил о мусульманах, что, вот, приезжают мусульмане из разных стран, и не видно, лояльны ли они к Америке, а может быть они террористы, и вообще пока не ясно, кто эти новые мигранты, лучше бы остановить это движение и во всяком случае поставить под контроль их приток в Америку. И те, кто занимается правами человека, сразу вспомнили, что было время, когда из соображений безопасности такие меры приняли

по отношению к японцам. Некоторые местные (региональные) политики в Америке говорят сейчас, что это было неплохой, оправдавшей себя идеей. Вспоминая опыт японцев в Америке, кто-то стал говорить, что да, так делали, но это было во время войны, а тогда действительно существовала угроза для Америки, так что, наверное, это было правильно. Конечно, это оскорбляет потомков тех японцев. А кроме того, не было ни одного реального случая, когда эмигрант из Японии что-то бы совершал против Америки.

С.Э. То есть никто из них не был «агентом японского империализма»?

К.С. Не был. Причем в штате Гавайи, где началось наше участие во Второй мировой войне, было очень много японцев. Ведь это самое близкое место к Японии. Но, как это ни смешно, тех, кто был на Гавайях, в лагеря не отправили, а вот тех, кто жил в континентальной части Америки, — отправили. И когда их депортировали в Калифорнии, то местные власти забрали их собственность, фермы, магазины, дома

С.Э. Предлог был тот, что они шпионы, а мотивом послужило то, чтобы забрать их собственность?

К.С. Было и то, и другое. Была некая паника, но когда эти события начались, то они стали еще и предлогом, чтобы этих людей ограбить.

С.Э. А когда их выпустили после войны, им вернули их собственность?

К.С. В основном нет. Кроме того, эти люди боялись возвращаться в те места, где они жили, они перебрались в другие штаты. Я знаю об этом, потому что семья мужа моей сестры пострадала в этом лагере. Некоторые возвращались в Калифорнию, а некоторые решили найти другое место для жизни, тем более что их бизнес в старом месте уже был разрушен.

С.Э. Я знаю, что американское правительство в семидесятые или восьмидесятые годы выплачивало компенсацию тем японцам, которые были в лагерях.

К.С. Да. Так что сейчас идет обратная волна. Если тогда приносили извинения, то теперь некоторые политики говорят, что «может, это не было такой уж плохой идеей».

С.Э. А кто это сказал, сенатор, конгрессмен?

К.С. Насколько я помню, мэр одного из городов штата Вирджиния. А Трамп заметил в этой связи, что не уверен в том, что возражал бы против этой идеи.

С.Э. Мы знаем, что в Голливуде было сделано несколько фильмов на тему Холокоста. А на тему интернирования японцев снимались какие-то фильмы?

К.С. Не помню фильмов, но знаю, что есть некоторые книги. Была книга, похожая на «Дневник Анны Франк», — о девочке, которая выжила в одном из этих лагерей. Во времена моего детства она была популярна. Она называлась «*Farewell to Manzanar*» («Прощай, Манзанар!»). Манзанар —

Плакат, призывающий американских женщин на работу в оборонной промышленности (художник Miller, J. Howard, 1942)

один из этих лагерей. А сейчас организована выставка в Музее американской истории в Вашингтоне.

С.Э. То есть в связи с избранием Трампа актуализировались две темы в национальной памяти — Уотергейт и интернирование этнических японцев — американских граждан. Это то, что называется «инструментальным подходом к памяти» — когда в политических целях начинают извлекаться из памяти и использоваться те или иные моменты?

К.С. Да.

С.Э. А что еще есть злободневное в воскрешении памяти?

К.С. Если использовать слово «злободневное», то именно эти две темы

наиболее острые. Кроме того, еще в предыдущие десятилетия стали более популярны темы, связанные с женскими историями (феминизмом) и с борьбой за права гомосексуалистов. У нас есть целая система мест национальной исторической значимости (*national parks, national monuments*), и среди них есть одно место в Калифорнии, где женщины работали во время Второй мировой войны и строили военный корабль. В Советском Союзе то, что женщины работали, не было удивительным или неординарным, но для нас это стало прецедентом, когда большое количество женщин начали работать на тяжелых производствах.

С.Э. Но они добровольно туда шли?

К.С. Да, конечно, добровольно! Плакатными средствами создавался образ стильной женщины в рабочей одежде, которая заявляет: «We can do it!» В народе ее звали Розиклепальщица (*Rosie the Riveter*).

С.Э. Это как во время Гражданской войны в России был плакат «Ты записался добровольцем?»...

К.С. Ну да, только здесь была именно женщина, работающая в тылу (у нас это называется *home-front*). Сейчас это место внесли в число исторически важных мест, стали собирать устные истории женщин, которые участвовали в этом, я считаю, это правильно и интересно. Еще есть место в городе Нью-Йорке, связанное с движением за права гомосексуалистов. Это пивная, бар Стоунволл Инн, где однажды произошло столкновение с полицией, после чего кли-

енты этого бара начали защищаться. Это было как бы первым открытым столкновением, началом борьбы против дискриминации.

С.Э. В Англии и Уэльсе гомосексуализм был декриминализован в 1967, в Шотландии в 1980, в Северной Ирландии в 1982. А когда это произошло в США?

К.С. Дело в том, что в США такие вещи регулируются не федеральным законодательством, а законами отдельных штатов. В разных штатах такие законы принимались в разное время. Символом сопротивления гомофобии стало одно событие: *Stonewall riots* – Стоунволлские бунты. И сейчас на том месте, где произошли столкновения, поставлен памятный знак.

С.Э. А в каком году это было?

К.С. Само столкновение было в 1969 году, а признание этого места как объекта национальной памяти – совсем недавно, в 2016 году. Есть национальные парки, а это место относится к категории национальных памятников (*national monument*), хотя понятно, что это не памятник в прямом смысле этого слова, но это место с особым статусом.

С.Э. Вернемся от нетрадиционных тем к традиционным. Как обстоит дело с памятью о геноциде индейцев? Я читал книжку Майкла Манна «Темная сторона демократии» (*The dark side of democracy*). Он там говорит о том, что геноциды были связаны не с «традиционалистскими» монархическими,

а с демократическими режимами. Он приводит пример: в Латинской Америке, где были испанские колонизаторы, индейцы сохранились, тогда как в Северной Америке их практически не осталось. Как эта тема сейчас осмысливается в учебниках, в прессе?

К.С. Действительно, школьники могут узнать из учебников о том, как переселенцы заставляли индейцев покидать свои места, о том, как для индейцев создавались резервации не на лучших землях. Это важная сторона того, как формировалась Америка. Это было несправедливо, и школьники сейчас об этом могут узнать. Но все-таки, если говорить о массовой культуре (*popular culture*), то люди и сейчас любят так называемые вестерны, а в вестернах герой, как правило, ковбой, а не индеец, и я не вижу, чтобы было движение в противоположную сторону, чтобы индейцы стали героями массовой культуры.

С.Э. А вестерны снимаются и сейчас?

К.С. Ну, время от времени. Не так, как в 1950–1960-е годы, когда они были одним из самых популярных жанров, но их еще делают.

С.Э. И индейцы там не являются героями?

К.С. Естественно. Иногда они выступают как помощники, которые знают местность. Но они, конечно, не герои.

С.Э. Это интересное наблюдение. Не знаю, в курсе ли Вы, что в ГДР

снимали фильмы, где индейцы были как раз положительными героями. То есть там совсем другая версия была представлена. А сейчас индейцы, как я понимаю, получают большие компенсации от правительства?

К. С. Не думаю. Управляющие на землях, в которые входят резервации, — это, как я понимаю, самая неэффективная часть американского государства. Индейцы не получают больших компенсаций за то, что их землю используют для разных целей. Недавно было большое столкновение по поводу трубопровода, который идет через одно важное для индейцев историческое место в Северной Дакоте, которое называется Standing Rock. Собралось много народа из разных племен, они старались бороться за свои права. Был момент, когда показалось, что эта борьба принесет успех. А сейчас, с приходом Трампа, опять говорят, что трубопровод будет идти через их землю. Так что ничего не достигнуто. К сожалению, резервации — это очень бедные места, там плохие школы, очень мало возможностей для хорошей работы. И индейцы там не находятся в таком положении, чтобы что-то организовать и чего-то требовать.

С. Э. А на туризме там не зарабатывают?

К. С. В основном резервации — это удаленные места, куда не добираются туристы. Ну, есть, правда, некоторые хорошие места, где создавались казино. Во многих штатах казино не разрешены, и было решение суда, по которому резерваций этот

закон не касается, там можно устроить место для азартных игр.

С. Э. Но в целом они живут хуже, чем средние американцы?

К. С. Да, те, кто остается в резервациях — намного хуже. Конечно, они могут перебраться в другие места, ведь это не тюрьма. Но тогда они оставят свою культуру, свой язык, что для них тоже плохо.

С. Э. Они держатся за свою культуру, стараются ее сохранить?

К. С. Некоторые — да.

С. Э. Вопрос о Хиросиме. Я читал статью, причем не американского исследователя, а английского, там сравнивалось то, что пишут в американских и в японских учебниках по поводу Хиросимы. В большинстве американских учебников атомная бомбардировка оправдывается тем, что нужно было сохранить жизни американских солдат — но и японцев тоже, потому что их больше бы погибло, если бы была высадка американских солдат. Не так давно Обама ездил в Хиросиму, и в американской прессе его многие критиковали из-за того, что он не извинился перед японцами за истребление мирного населения. Как Хиросима оценивается в современном американском обществе?

К. С. Многие историки, особенно военные, ссылаются на слова японского императора о том, что они, японцы, никогда и ни за что не сдадутся, что это будет войной до самого конца, до последнего человека.

Только с помощью атомной бомбы американцы смогли показать, насколько сильна их военная техника. И только после этого император готов был сдаться, не прибегая к войне до последней капли крови, до последнего человека. В Америке был хорошо известен образ самурая. Естественно, существовало представление о том, что придется бороться за каждый остров, за каждый кусок земли и это будет стоить очень больших потерь. Поэтому многие считали, что атомная бомба — это наилучший способ закончить войну и сохранить жизнь солдат. В 1995 году была организована выставка, посвященная этому самолету и пилоту, который бросал эту бомбу, и тогда прошла большая полемика относительно того, какие слова надо использовать, чтобы не очернить прошлое, но, с другой стороны, признать, что результаты атомной бомбардировки были ужасными. Нужно было найти баланс в оценках.

С.Э. Я читал статью про эту выставку, там было сказано, что баланс так и не удалось найти и в итоге выставку закрыли, а директор Смитсоновского института был вынужден подать в отставку. Но в целом в сегодняшней Америке есть консенсус, что атомные бомбардировки были необходимы? Насколько можно судить по публикациям так называемой «качественной прессы», в интеллигентной американской среде есть и другая точка зрения. Насколько она популярна?

К.С. Да, на уровне учебников, да и среди средних американцев, кото-

рых у нас именуют «John Doe», считается, что это было нужное и правильное решение.

С.Э. Голливудский фильм про Перл-Харбор мы уже увидели, но фильм про Хиросиму, судя по всему, мы увидим нескоро...

К.С. Естественно, я думаю, очень нескоро.

С.Э. Еще хотелось бы задать вопрос по поводу маккартизма. Я смотрел недавно голливудский фильм о судьбе Далтона Трамбо, автора сценария «Римских каникул». Он ведь был осужден за антиамериканскую деятельность и действительно провел около года в тюрьме, поскольку отказался признавать свою вину. По времени этот процесс совпадает с борьбой с космополитизмом в Советском Союзе при Сталине, и это тоже была борьба с инакомыслием. Этот сюжет как-то отражается в современной памяти? Об этом сейчас помнят?

К.С. Я думаю, об этом помнят именно в Голливуде, потому что прежде всего Голливуд оказался в фокусе этой борьбы против коммунистов. Среди тех, кто работал в сфере кино, было много людей левых взглядов, много эмигрантов. Возникла паника по поводу того, что они якобы через кино распространяют коммунистические идеи. Поэтому да, в Голливуде это помнят — например, помнят, как комиссия Маккарти способствовала тому, чтобы люди доносили друг на друга, чтобы они рассказывали о том, кто участвовал в коммунистическом движении.

В отличие от сталинских репрессий, где тоже приветствовалось доносительство, но доносительство тайное, в здании НКВД, здесь это происходило на слушаниях комиссии, которые были открыты для прессы. Это были даже не доносы, а разоблачения, поскольку они были открытыми.

С.Э. То есть память об этом сохраняется в первую очередь благодаря Голливуду, поскольку пострадали в основном люди из мира кино?

К.С. Да. Страдали не только люди из Голливуда, но именно они сохраняют эту память — киношники, сценаристы, люди этого круга.

С.Э. А в учебниках что-то есть про это?

К.С. Да, естественно. Там тоже говорится, что это было нечто вроде паники, истерии, тогда как в реальности коммунисты не представляли собой большой угрозы внутри Америки.

С.Э. Мы, наверное, не можем обойти тему Вьетнама...

К.С. Тема тоже очень трудная. Есть разные мнения, насколько война во Вьетнаме была легитимной, насколько она была ошибочной... Еще один вопрос — как американские солдаты вели себя во время этой войны. Там тоже есть скандалы, противоречия. Я думаю, войну во Вьетнаме можно сравнить с тем, чем стала для России война в Афганистане. То есть это тоже далекое место, оттуда не было прямой угрозы для Америки. Кроме того,

эта проблема имеет и свое классовое, социальное измерение — кто служил во Вьетнаме, кто там погиб. Люди из богатых семей старались избежать призыва в армию.

С.Э. Богатые уваливали, а бедных отправляли, и они там погибали?

К.С. Естественно. Даже сейчас при встрече людей того поколения иногда возникает вопрос: «Где вы были во время войны во Вьетнаме?» — то есть вы нашли способ служить в безопасном месте или вообще избежать призыва или нет.

С.Э. А что в учебниках пишут о войне во Вьетнаме?

К.С. Скорее осуждают. Да, была холодная война, была угроза коммунизма, была реальная опасность. Но то, что мы так охотно стали там воевать, было неразумно. Не столько нелегитимно, сколько неразумно. Когда идут дебаты о нашем участии в Ираке, Афганистане, конечно, проводят аналогию с Вьетнамом.

С.Э. Эта тема поднимается в связи с современными интервенциями США?

К.С. Да. Но сейчас у нас нет призыва, те, кто там воюет, — это добровольцы. Поэтому часть этого вопроса отпала. Но причины, по которым мы туда вмешиваемся — они остаются дискуссионным, спорным вопросом. Я всем, у кого есть возможность приехать в Вашингтон, рекомендую посмотреть памятник погибшим во Вьетнаме. Это очень спорный памятник, но, я думаю,

очень удачный. В отличие от традиционных скульптур, это не фигура бравых солдат, это черный шрам, рана (*wound*). И интересно, что архитектором, выигравшим конкурс на этот памятник, стала очень молодая студентка китайского происхождения Майя Лин, которая в ходе

работы общалась со многими ветеранами вьетнамской войны.

С. Э. То есть этот памятник не поддерживает героический миф, его тема — сочувствие жертвам. Это очень важно. Спасибо большое за содержательное интервью.

"THERE ARE PEOPLE WHO DON'T LIKE IT WHEN TEXTBOOKS SAY SOMETHING ABOUT THE DARK PAGES OF AMERICAN HISTORY"
Interview with K. Smith (USA)

Smith Kathleen — professor of Georgetown University (USA)

Журнал «Историческая экспертиза» открывает рубрику «Мониторинг исторической политики». В ней будут анализироваться высказывания современных политических и общественных деятелей на тему истории, а также их интерпретации среди историков, журналистов. Если у вас есть материалы, которые могут, как вам кажется, быть в этой рубрике, а также ссылки, поправки, дополнения — предлагайте их, мы будем их учитывать в ходе дальнейшей работы. Фейсбук в данном случае является отличным полем для сотрудничества!

К. Ю. Морев

СТАЛИН И СТАЛИНИЗМ В РЕПЛИКАХ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

В данной публикации предпринята попытка собрать все высказывания Путина по теме сталинизма. Это только первый шаг мониторинга риторики президента РФ по этой болезненной теме. Будем признательны, если коллеги пришлют ссылки на высказывания, которые нам не удалось обнаружить. Узнать «как это было на самом деле» особенно важно, потому что этот «факт» памяти активно используется в политических целях, как сторонниками, так и оппонентами Кремля.

В недавнем интервью Оливеру Стоуну президент Владимир Путин высказался о Сталине и сталинизме — в том духе, что излишняя демонизация Сталина может быть частью атаки на Россию и Советский Союз, а сам диктатор был «продуктом эпохи». Это не первое высказывание Путина на эту тему. Мы сделали подборку из нескольких наиболее известных реплик Путина

по поводу Сталина и событий сталинской эпохи за 2007–2017 гг.

Не вдаваясь в глубокий анализ, можно отметить в них две важные черты. Во-первых, президент практически во всех случаях избегает однозначности в подобных высказываниях, предпочитая строить их по принципу «с одной стороны — с другой стороны». С одной стороны, «при всем уродстве сталинского режима, при всех репрессиях, даже при всех ссылках целых

© Морев К. Ю., 2017

Морев Константин Юрьевич — кандидат филологических наук (Москва); portulak13@yandex.ru

народов все-таки цели уничтожения народов никогда сталинский режим перед собой не ставил». С другой — «после Второй мировой войны мы пытались навязать многим восточноевропейским странам свою модель развития — и делали это силой, и в этом ничего нет хорошего». С одной стороны, страна «из аграрной превратилась в индустриальную... Мы выиграли Великую Отечественную войну». Тем не менее «репрессии имели место быть. Это факт. От них пострадали миллионы наших сограждан. И такой способ управления государством, достижения результата — неприемлем».

Но и высказывания, которые кажутся однозначными, могут «уравновешиваться» другими — иногда спустя годы. Так, в 2009 г. Путин, выступая в Гданьске на мероприятиях, связанных с 70-летием начала Второй мировой войны, говорит о пакте Молотова — Риббентропа как о «сговоре с целью решить свои проблемы за счет других», полагая, что все попытки умиротворить нацистов в 1934–1939 гг. были неприемлемыми с моральной точки зрения и вредными — с политической. В мае 2015 г., делая заявление для прессы после встречи с Ангелой Меркель, он «уравновешивает» предыдущее высказывание: «смысл для обеспечения безопасности Советского Союза в этом пакте был». Пакт Путин предлагает рассматривать не как отдельное соглашение, а как часть системы международных отношений, где любой маневр не может быть истолкован как однозначное добро или зло — ведь и «сама Польша предприняла действия,

направленные на то, чтобы аннексировать часть чешской территории».

Вторая черта, которую можно отметить, — это то, что в большинстве случаев Путин затрагивает тему сталинизма не по собственной воле, а в ответ на конкретные вопросы. Три высказывания такого рода были сделаны во время «Прямых линий» — в 2013 и 2015 гг., когда Путин был президентом, и в 2009 г., когда он возглавлял правительство. Существуют, однако, и вполне определенные символические действия президента, связанные с темой Сталина, например посещение Бутовского полигона в день памяти жертв репрессий в 2007 г. — после которого также имела место небольшая реплика на эту тему (в данном случае лишенная двусмысленности).

Выразить отношение Путина к Сталину и сталинизму (по крайней мере публичное, проговариваемое отношение) можно, как представляется, его же собственной фразой: «Любые исторические события нужно анализировать во всей их совокупности». Однозначные и тем более эмоциональные оценки редки и иногда апокрифичны. Так, Владимир Кара-Мурза писал, что на следующий день после парламентских выборов, состоявшихся 19 декабря 1999 г., на встрече с лидерами думских партий Путин якобы произнес «тост за Иосифа Сталина» (оригинал публикации недоступен. См.: www.compromat.ru/page_28677.htm). О подобном же тосте, правда «в мае 1999», упоминал в интервью Лев Гудков (echo.msk.ru/programs/sorokina/

1525502-echo/). Одна из сторонниц конспирологии заявила, что этот пост был поднят в Кремле 23 февраля 2003 г. во время банкета по случаю Дня армии (www.youtube.com/watch?v=DMMwb5nVcig). Впрочем, повторим, этот эпизод (или эпизоды) носит характер апокрифа.

Историк Иван Курилла в недавней статье «Путин и Сталин: в чем проблема “демонизации” истории» (www.rbc.ru/opinions/politics/19/06/2017/5947a0bf9a79471cbbd8ec4f) отмечает, что Путин — не сталинист, и волна «народного сталинизма» не помешала ему в 2015 г. подписать «давно подготовленный, но лежавший до того момента без движения закон об увековечении памяти жертв незаконных репрессий» — что снизило градус возвеличивания Сталина. Путину, по мнению Куриллы, ближе «нормализация», т. е. приравнивание диктатора к ряду других выдающихся лиц, которые не воспринимаются как однозначно негативные (отсюда отсылки к Наполеону и Кромвелю). Однако в случае со Сталиным эта нормализация не может в должной степени сработать, поскольку прошло слишком мало времени с момента тех событий, которые требуется этой нормализации подвергнуть. Общество не готово воспринимать события истории XX в. отрешенно — да и политики, постоянно апеллируя к прошлому в своей риторике (прежде всего, к теме Великой Отечественной войны), заставляют людей быть скорее вовлеченными в споры на тему исторической памяти (того или иного рода), чем беспристрастными.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА О СТАЛИНЕ И СТАЛИНИЗМЕ (2007–2017)

2017 г., июнь

Путин о Сталине в интервью Оливеру Стоуну

«Сталин был продуктом своей эпохи. Можно сколько угодно его демонизировать и сколько угодно, с другой стороны, говорить о его заслугах в победе над нацизмом. Что касается его демонизации. Вот в английской истории был такой деятель, как Кромвель. Он был кровавый человек, пришел на волне революционных преобразований, превратился в диктатора и тирана. И его памятники до сих пор стоят везде в Великобритании. Наполеона вообще боготворят. Что он сделал? На волне революции пришел к власти и не только восстановил монархию, но и объявил себя императором. И привел Францию к национальной катастрофе, полному поражению. Таких персонажей, таких ситуаций в мировой истории больше чем достаточно.

Мне кажется, что излишняя демонизация Сталина — это один из способов, один из путей атаки на Советский Союз и Россию. Показать, что сегодняшняя Россия несет на себе какие-то родимые пятна сталинизма. Мы все несем какие-то родимые пятна, ну и что. Конечно, в сознании что-то остается, но это не значит, что мы должны забыть все ужасы сталинизма, связанные с концлагерями и уничтожением миллионов своих соотечественников».

Источник: tass.ru/politika/4341427

16 апреля 2015 г.

Прямая линия с Владимиром Путиным

«Невозможно ставить на одну доску нацизм и сталинизм, потому что нацисты прямо, открыто, публично объявили одну из целей своей политики — уничтожение целых этносов: евреев, цыган, славян.

При всем уродстве сталинского режима, при всех репрессиях, даже при всех ссылках целых народов все-таки цели уничтожения народов никогда сталинский режим перед собой не ставил, и попытка поставить на одну доску одних и других абсолютно не имеет под собой никакой почвы. Это первое.

Второе и, может быть, не очень приятное для нас. Все-таки мы, не мы, а наши предшественники дали определенный повод для этого. Почему? Потому что после Второй мировой войны мы пытались навязать многим восточноевропейским странам свою модель развития — и делали это силой, надо это признать, и в этом ничего нет хорошего, и это нам аукается сегодня. Кстати говоря, примерно так же ведут себя сегодня американцы, пытаясь навязывать свою модель практически по всему миру, и их тоже ждет неудача».

Источник: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/49261; tass.ru/obschestvo/1908732

10 мая 2015 г.

Заявление для прессы по итогам встречи с А. Меркель (о пакте Молотова — Риббентропа)

Вопрос: Господин Президент, в конце прошлого года на встрече с историками Вы задали риторический вопрос: «Что было плохого в пакте Риббентропа — Молотова?» И недавно Министр культуры господин Мединский назвал этот пакт колоссальным успехом сталинской дипломатии с точки зрения государственных интересов Советского Союза.

Такие слова вызывают страх в Польше и странах Балтии. Вчера во время парада Вы говорили о том, что необходима новая система безопасности. Как можно ее построить так, чтобы учитывать интересы Польши, стран Балтии, Молдовы, Грузии, Украины? И что могут сделать Россия и Германия для того, чтобы избавить эти страны от страха?

В. Путин: Такой, знаете, вопрос — о нем можно дискутировать до утра. Но что касается избавления от страха, это еще и внутреннее состояние тех, кто боится. Нужно все-таки перешагнуть, сделать какой-то шаг вперед, не жить фобиями прошлого, а смотреть в будущее.

По поводу пакта Молотова — Риббентропа. Обращаю ваше внимание на ход исторических событий, когда Советский Союз... Неважно даже, кто там руководил дипломатией. Ясно, что руководил там Сталин, но он был не единственный человек, который думал на эту тему, на тему обеспечения безопасности Советского Союза. Так вот, Советский Союз предпринял массу усилий, чтобы создать условия для коллективного противостояния

нацизму в Германии, сделал многократные попытки создать антифашистский блок в Европе.

Все эти попытки успехом не увенчались. Более того, после 1938 г., когда в Мюнхене была заключена известная договоренность о том, что были сданы некоторые области Чехословакии, допустим, некоторые политики считали, что война неизбежна. Черчилль, например, после того как его коллега приехал в Лондон с этой бумажкой и сказал, что я вам привез мир, Черчилль на это ответил: теперь война неизбежна.

И когда Советский Союз понял, что его оставляют один на один с гитлеровской Германией, он предпринял шаги, направленные на то, чтобы не допустить прямого столкновения, и был подписан этот пакт Молотова – Риббентропа. В этом смысле я разделяю мнение нашего министра культуры о том, что смысл для обеспечения безопасности Советского Союза в этом пакте был. Это первое.

Теперь второе. Я напомним, что после подписания соответствующего Мюнхенского соглашения сама Польша предприняла действия, направленные на то, чтобы аннексировать часть чешской территории. И получилось так, что после пакта Молотова – Риббентропа и раздела Польши она сама оказалась жертвой той политики, которую и пыталась вести в Европе.

Нам нужно это все иметь в виду, ничего не забывая. И если вы обратили внимание на то, что я вчера гово-

рил, то я сказал, что по-настоящему эффективная система безопасности может быть построена на внеблоковой основе, на основе равного подхода к обеспечению безопасности всех участников международного общения. Вот если мы сможем выстроить работу именно таким образом на базе Организации Объединенных Наций, то мне кажется, что мы добились бы успеха.

А. Меркель: С моей точки зрения, пакт Молотова – Риббентропа сложно понять, если не учитывать дополнительный секретный протокол. И с этой точки зрения, я считаю, что это было неправильно, это было сделано на противоправной основе.

Тем не менее, конечно, Вторая мировая война исходила от национал-социалистической Германии, и мы, Германия, несем на себе за это ответственность. Это наша историческая ответственность, и мы постоянно будем об этом напоминать, о том, что по нашей вине потеряли жизни миллионы людей, и что Красная армия сыграла решающую роль в освобождении Германии.

Источник: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49455

25 апреля 2013 г.

О Сталине и выселении народов (во время «Прямой линии», отвечая на вопрос о том, что «после теракта в Бостоне многие американцы ополчились на Россию, т. к. террористы оказались выходцами с Кавказа»)

«Я хочу обратиться и к нашим гражданам, и к гражданам Соединенных Штатов, да и ко всем людям,

которые следят за этими проблемами международного характера, и сказать следующее: Россия сама является жертвой международного терроризма, одна из первых таких жертв.

Меня всегда возмущало, когда наши западные партнеры, да и ваши коллеги из средств массовой информации Запада наших террористов, которые совершали зверские, кровавые, омерзительные преступления на территории нашей страны, называли не иначе как “повстанцы”. И никогда почти их не называли террористами. Им же оказывали помощь, информационную поддержку, финансовую, политическую — когда-то напрямую, а когда-то косвенно, но она всегда сопровождала их деятельность на территории Российской Федерации. А мы всегда говорили о том, что нужно не декларациями заниматься по поводу того, что это общая угроза — терроризм, а делом нужно заниматься, сотрудничать нужно более тесно друг с другом. Но вот сейчас эти два преступника лучшим образом подтвердили правильность нашего тезиса.

Можно бесконечно спекулировать на трагедии чеченского народа в период выселения их из Чечни сталинским режимом. Но разве только чеченцы были жертвами этих репрессий? Да первой, самой крупной жертвой этих репрессий был русский народ, больше всего пострадал от этого. Это наша общая история.

Сталинизм связан с культом личности и с массовыми нарушениями закона, с репрессиями и лагерями.

Ничего подобного в России нет и, надеюсь, уже больше никогда не будет. Общество просто у нас другое и никогда этого не допустит. Но это не значит, что у нас не должно быть порядка и дисциплины».

Источник: www.kremlin.ru/events/president/news/17976

3 декабря 2009 г. Во время «Прямой линии»

«Очевидно, что с 1924 по 1953 г. страна, а страной тогда руководил Сталин, изменилась коренным образом. Она из аграрной превратилась в индустриальную. Правда, крестьянства не осталось... Мы все прекрасно помним, особенно в завершающий период, проблемы, очереди за продуктами питания и т. д. Все, что происходило в этой сфере, на село это не имело никакого позитивного влияния. Но индустриализация действительно состоялась. Мы выиграли Великую Отечественную войну. И кто бы и что бы ни говорил, победа была достигнута. Даже если мы будем возвращаться к потерям, вы знаете, никто сейчас не может бросить камень в тех, кто организовывал и стоял в главе этой победы, потому что если бы мы проиграли эту войну, последствия для нашей страны были бы гораздо более катастрофическими, даже трудно себе представить.

Но весь тот позитив, который, безусловно, был, достигнут был неприемлемой ценой. Репрессии тем не менее имели место быть. Это факт. От них пострадали миллионы наших сограждан. И такой способ управления государством, достижения

результата — неприемлем, это невозможно. Безусловно, в этот период мы столкнулись не только с культом личности, а с массовыми преступлениями против собственного народа. Это тоже факт. И об этом мы тоже не должны забывать.

Любые исторические события нужно анализировать во всей их совокупности, вот о чем я хотел сказать».

Источник : iz.ru/news/463011 — «Ивестия»; regnum.ru/news/1231560.html

1 сентября 2009 г., на церемонии, посвященной 70-летию с момента начала Второй мировой войны (о пакте Молотова — Риббентропа)

«Важно понять, что любое сотрудничество с экстремистами, а применительно ко Второй мировой войне — с нацистами и их приспешниками, чем бы это сотрудничество ни мотивировалось, ведет к трагедии. По сути, это и не сотрудничество вовсе, а сговор с целью решить свои проблемы за счет других. Значит, надо признать, что все предпринимавшиеся с 1934 по 1939 г. попытки умиротворить нацистов, заключая с ними различного рода соглашения и пакты, были с моральной точки зрения — неприемлемы, а с практической, политической точки зрения — бессмысленными, вредными и опасными. Именно совокупность всех этих действий и привела к этой трагедии, к началу Второй мировой войны. Конечно, нужно признать эти ошибки. Наша страна сделала это. Госдума Российской Федерации, парламент страны осудил пакт Молотова — Риббентропа».

Источник: regnum.ru/news/polit/1201654.html (ссылается на пресс-службу правительства России)

30 октября 2007 г.

Подход к прессе после посещения Бутовского мемориального комплекса

Вопрос: Вы впервые посещаете это трагическое место. Скажите, пожалуйста, что Вы почувствовали, находясь здесь? И скажите, как Вы считаете, все ли делается сегодня для людей, которые пострадали в то страшное время, чтобы они почувствовали, что о них помнят и что время вот это страшное навсегда осталось позади?

В. Путин: Мы собрались действительно для того, чтобы почтить память жертв политических репрессий 30–50-х гг. прошлого века. Но все мы хорошо знаем, что 1937 г. считается пиком репрессий, но он (этот 1937 г.) был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости. Достаточно вспомнить расстрелы заложников во время Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьянства, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случилось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку идеалы ставились выше основной ценности — ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия. Потому что масштаб колоссальный. Ведь уничтожены были, сосланы в лагерь, расстреляны, замучены сотни

тысяч, миллионы человек. Причем это, как правило, люди со своим собственным мнением. Это люди, которые не боялись его высказывать. Это наиболее эффективные люди. Это цвет нации. И, конечно, мы долгие годы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Многого нужно сделать для того, чтобы это никогда не забывалось. Для того чтобы мы всегда помнили об этой трагедии. Но эта память нужна не сама по себе. Эта память нужна для того, чтобы мы понимали: для развития страны, для выбора наиболее эффективных путей решения проблем, перед которыми стоит страна сегодня, будет стоять в будущем, конечно, нуж-

ны политические споры и баталии, нужна борьба мнений; но для того, чтобы этот процесс был не разрушительным, для того, чтобы он был созидательным, — эти споры, эта политическая борьба не должны проходить вне рамок культурного, образовательного пространства. И, храня память о трагедиях прошлого, мы должны опираться на все самое лучшее, что есть у нашего народа. И мы должны объединять свои усилия для развития страны. У нас для этого все есть.

Источник: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24627

STALIN AND STALINISM IN VLADIMIR PUTIN'S REMARKS

Morev Konstantin Yu. — candidate of philosophical sciences (Moscow)

In this publication, an attempt is made to collect all Vladimir Putin's statements on the topic of Stalinism. This is only the first step in monitoring the rhetoric of the Russian president on this painful topic. To learn "how it was in reality" is especially important, because this "fact" of memory is actively used for political purposes, both by supporters and opponents of the Kremlin.

ПРЕЗИДЕНТ В. В. ПУТИН ОБ «ИЗВРАЩЕНИЯХ» НАШЕЙ ИСТОРИИ

Президент России В. В. Путин уже не первый раз высказывается относительно различных сюжетов отечественной истории. Месяц назад он заявил в интервью режиссеру Оливеру Стоуну, что «излишняя демонизация Сталина — это один из способов, один из путей атаки на Советский Союз и на Россию».

Заявление своеобразное, поскольку, следуя этой логике, получается, умеренная «демонизация Сталина» вполне приемлема.

Далее Путин назвал Сталина «сложной исторической фигурой» и «продуктом своей эпохи», вспомнил Кромвеля и Наполеона, а под конец сказал: «Конечно, наверное, в сознании что-то остается, но это не значит, что мы должны забыть все ужасы сталинизма, связанные с концлагерями и уничтожением миллионов своих соотечественников».

Поводом для нового высказывания (14 июля) стал вопрос рабочего Лебединского горно-обогатительного

комбината И. Лапченко, озабоченного спасением отечественной истории от некоторых «заинтересованных людей», которые «коверкают нашу историю, оказывают огромное давление». Кого конкретно рабочий имел в виду, он не сказал. Как и не привел примеры давления. Зато поинтересовался: «Будет ли государство до конца бороться за эту историю?»

Президент, однако, вопрос рабочего И. Лапченко понял и ответил так:

«Что касается различных извращений нашей истории... Вы знаете, это было почти всегда, на протяжении всей нашей истории. Почему? Потому что, как Александр III когда-то сказал, нашей огромности бояться все. И поэтому у нас только два союзника — армия и флот, но этот способ борьбы с Россией, он всегда использовался.

Возьмите известную легенду о том, что Ivan the Terrible — Иван Грозный — убил своего сына. Это еще неизвестно, убивал он своего сына или нет. Многие исследователи считают, что никого он не убивал вообще, а придумал это все папский нунций, который приехал к нему на переговоры и пытался Русь православную превратить в Русь католическую.

© Шокарев С. Ю., 1917

Шокарев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ (Москва); shokarevs@yandex.ru

И когда Иван Васильевич ему отказал и послал его по известному адресу, возникли всякие легенды и прочее и прочее. Из него сделали Ивана Грозного, такого супержестокого человека. Хотя если посмотреть в тот период времени на другие страны, все то же самое было везде. Время было такое, достаточно жестокое. И я сейчас не хочу говорить, что он был такой весь белый и пушистый, Иван Грозный, наверное, он был человеком жестким, наверное».

Как можно видеть, логика высказываний такая же. «Извращениями» отечественной истории занимаются враги России, которые ее боятся. В качестве примера президент назвал «известную легенду» о том, что Иван Грозный убил своего сына. Ссылаясь на «многих исследователей» (интересно, каких?), Путин объяснил происхождение этой и других легенд о «супержестоком» Иване Грозном тем, что их создал обиженный папский нунций, которому не удалось превратить «Русь православную» в «Русь католическую». А на самом деле Иван Грозный был всего лишь «жестоким» (наверное) и то потому, что «время было такое». И тут опять ссылка на мировой опыт, мол, и в других странах творилось такое же безобразие — что требовать от царя Ивана?

Аргументацию В. В. Путина разобрал А. Илларионов (echo.msk.ru/blog/aillar/2019016-echo/), указавший на фактические ошибки в этом небольшом высказывании: 1) А. Поссевино, который сообщает о смерти царевича, был не нунцием, а легатом; 2) он приехал не на переговоры к Ивану Грозному, а на

переговоры между русскими и поляками с целью заключения мира; 3) царь не «послал» легата «по известному адресу», а с почетом его принимал и провожал и т. д.

С чем, действительно, не поспоришь: попытка А. Поссевино привести Православную церковь в унию с Католической оказалась безуспешной. Однако царь лично вел с ним диспуты о вере, завершившиеся вполне мирно, хотя и безуспешно. В итоге Поссевино написал трактат «Московия» в какой-то степени для будущей прозелитской деятельности католиков в России и потому стремился объективно описывать реальность.

Мной написано на эту тему две статьи: сокращенный вариант в № 1 за 2017 г. журнала «Историк» и расширенный в № 1 за 2017 г. журнала «Центр и периферия». Обе опубликованы на сайте Academia.edu (www.academia.edu/30836940/Убил_ли_Иван_Грозный_своего_сына и www.academia.edu/32970383/Убил_ли_Иван_Грозный_своего_сына), поэтому я не стану подробно рассматривать заблуждения относительно смерти царевича Ивана Ивановича и создания соответствующей «легенды». Скажу лишь, что помимо Поссевино, который наиболее подробно (и с достоверными подробностями) излагает версию о непреднамеренном смертельном ранении во время ссоры, известие о сыноубийстве содержится в четырех русских летописях XVII в. (3-я Псковская летопись, «Хронограф 1617 г.», «Мазуринский летописец» и «Латухинская степенная книга»), сочинении И. Тимофеева «Временник», составленном вскоре после Смуты,

четырёх сочинениях иностранцев, бывавших в России во второй половине XVI – начале XVII в. (Д. Горсей, Д. Флетчер, И. Масса, П. Петрей). Никто из русских авторов, писавших о сыноубийстве, не читал книгу Поссевино, изданную в 1586 г. на латыни. Скорее всего, не читали ее и иностранные авторы, писавшие о России. О смертельном ударе посохом сообщает донесение польского военачальника Г. Фаренсбека от 10 мая 1582 г. из-под Пскова. Уникальной является запись Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря 1583 г., сообщающая о тяжком покаянии и слезах царя Ивана Грозного, заказавшего старцам особое поминовение по сыну Ивану. Академик Н. П. Лихачев справедливо отмечает: «В этой драматической записи только чувствуется, что кончина царевича сопровождалась какими-то необычайными и страшными обстоятельствами».

Таким образом, известие о сыноубийстве вовсе не восходит к рассказу папского легата, а существует в независимых друг от друга источ-

никах XVI–XVII вв. различного характера и происхождения.

Однако вместо того, чтобы разбираться в этих тонкостях или хотя бы оставить их специалистам, гораздо проще объявить, что враги России покушаются на нашу историю и извращают ее. В чистом виде это выражено в работах В. Р. Мединского, и высказывание президента показывает, что диссовет Белгородского университета не зря высоко оценил его «докторскую диссертацию», которую специалисты по Русскому Средневековью обвинили в лженаучности. Возвращается и становится мейнстримом идея М. Н. Покровского о том, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое» (1928 г.), что, конечно, ничего хорошего не сулит ни историческому просвещению, ни науке. Забавно в этой ситуации лишь то, что за рубежом прошлое России интересно только узкому кругу славистов, которые не только не «извращают» нашу историю, но добиваются очень интересных и значимых результатов в ее изучении.

PRESIDENT VLADIMIR PUTIN ABOUT THE "PERVERSIONS" OF OUR HISTORY

Shokarev Sergey Yu. – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of regional history and local history of Russian state university for the humanities (Moscow)

The “Historical Expertise” magazine opens the section “Monitoring of Historical Policy”. It will analyze the statements of contemporary political and public figures on the topic of history, as well as their interpretation by historians and journalists. If you have any materials that as you think may be included here, all Your comments, corrections, amendments, additions — You may offer them us and we will take them into account in the course of our further work. Facebook in this case is an excellent field for cooperation!

А. Р. Дюков

ОТКУДА В КУРОПАТСКИХ МОГИЛАХ ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ РАССТРЕЛЯННЫХ?

Ключевые слова: НКВД, Куропаты, Большая чистка 1937–1938, смертная казнь.

В статье рассматривается процедура приведения в исполнение смертных приговоров в ходе «массовых операций» НКВД 1937–1938 гг. Основываясь на показаниях осужденных за нарушения «социалистической законности» сотрудников НКВД и материалы археологических раскопок, автор показывает, что, вопреки популярному заблуждению, наличие в местах захоронений личных вещей расстрелянных не является аргументом в пользу не причастности к расстрелам органов НКВД.

В июне 1988 г. в Куропатах — лесном урочище на окраине Минска — были обнаружены массовые захоронения людей, расстрелянных НКВД в 1937–1941 гг. Эта страшная находка, широко освещавшаяся в республиканской и союзной прессе, практически сразу же оказалась политически инструментализирована (Ушакин 2011). Объединившиеся в Белорусский народный фронт (БНФ) националисты под руководством З. Позняка использовали Куропаты для делигитимации советской власти; при этом число захороненных в лесном урочище людей беззастенчиво завышалось

националистами до совершенно невообразимых цифр. Глава БНФ З. Позняк утверждал, что в Куропатах покоится 250 тысяч человек, тогда как реальное число расстрелянных в урочище составляло от 7 до 9 тысяч (Дюков 2017).

Ответной реакцией политических противников БНФ из числа коммунистов и пожилых, но традиционно активных ветеранов-партизан стало создание Общественной комиссии, оспаривавшей причастность органов НКВД к массовым захоронениям в Куропатах. По мнению Общественной комиссии, на самом деле в куропатских могилах покоились жертвы нацистов, расстрелянные в 1941–1942 гг.; утверждения же о причастности к расстрелам

© Дюков А. Р., 2017

Дюков Александр Решидеович — научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); a.dyukov@gmail.com

органов НКВД являются прямой фальсификацией истории (Заключение 1992; Смолянко 2011; Лазуткин 2017).

Доводы Общественной комиссии, однако, оказались неоднократно отвергнуты белорусскими правоохранительными органами. Проведенное в 1988–1989 гг. прокуратурой Белорусской ССР расследование установило, что расстрелы в Куропатах проводились органами НКВД со второй половины 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны (*Тарновский и др.* 1990). В дальнейшем эти выводы были подтверждены дополнительными расследованиями, проведенными Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. К настоящему времени в белорусском обществе в целом установился консенсус относительно ответственности НКВД за куропатские расстрелы, однако сформулированные Общественной комиссией доводы обратного по-прежнему привлекают внимание, воспроизводятся и воспринимаются как вполне основательные (*Лазуткин* 2017).

Один из наиболее впечатляющих доводов в пользу «немецкого следа» связан с наличием в куропатских захоронениях большого количестве личных вещей. По мнению членов Общественной комиссии, это прямое свидетельство в пользу того, что расстрелы не могли проводиться НКВД. В опубликованном в 1992 г. заключении Общественной комиссии отмечается: «Работавшие по уголовному делу археологи утверждают, что многие жертвы попадали в “Куропаты” прямо из дома

или дороги. Об этом свидетельствуют и обнаруженные в захоронениях множество предметов личной гигиены и вещей длительного пользования: ювелирные изделия, мыльницы, зубные щетки, полотенца, носки, ремни, опасные бритвы... У заключенных, прошедших через тюрьмы НКВД, подобные вещи, утверждает начальник архивного отдела КГБ РБ Дашковский В.Н., изымались» (Заключение 1992).

Этот же аргумент приводится и в новейшей обзорной публикации, подготовленной А. Лазуткиным: «В захоронениях найдены вещи, которые никак не могут находиться у заключенных: колюще-режущие предметы, эмалированные кружки, миски, опасные бритвы, расчески, ювелирные украшения, охотничьи боеприпасы, проч. Между тем смертников должны были отправлять на расстрел из внутренней тюрьмы НКВД, где личные вещи предварительно изымались и описывались» (*Лазуткин* 2017).

Член Общественной комиссии А. Смолянко обращал внимание еще на один факт, по его мнению, исчерпывающе свидетельствующий о непричастности НКВД к расстрелам в Куропатах: «При [проведенной в 1998 г.] эксгумации захоронения № 10, в котором погребено 373 человека, установлено, что все вещи расстрелянных (сумки, саквояжи, чемоданы и пр.) были сожжены на костре, а пепел с несгоревшими металлическими предметами был заброшен в могилу при ее засыпке. Какие еще нужны доказательства, что в могилах лежат жертвы фашистов?» (*Смолянко* 2011: 123).

На первый взгляд, процитированные доводы действительно кажутся убедительными. Однако убедительность эта — лишь кажущаяся; в основе рассуждений членов Общественной комиссии лежат ошибочные представления о процедуре исполнения смертных приговоров, практиковавшихся сотрудниками НКВД в 1937–1938 гг.

«Массовые операции» 1937–1938 гг. поставили органы НКВД перед целым рядом трудных для решения технологических задач, одной из которых была необходимость в сжатые сроки привести в исполнение по-настоящему огромное количество смертных приговоров. Сотрудникам городских и районных отделов НКВД необходимо было регулярно расстреливать десятки, а иногда и сотни людей — и проделывать это следовало без лишних эксцессов. Между тем весьма высока была вероятность, что осведомленные о вынесенном им смертном приговоре заключенные будут оказывать сопротивление — ведь терять-то им уже нечего. Не менее серьезная технологическая проблема была связана с необходимостью тайного захоронения тысяч тел расстрелянных. Традиционная схема тайного захоронения на обычных кладбищах в условиях «массовых операций» не срабатывала.

Вопрос о захоронении расстрелянных был решен путем создания т. н. «спецзон»; начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю С. Н. Миронов-Король летом 1937 г. инструктировал своих подчиненных: «Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место?

Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспировать место, где приведен приговор в исполнение — потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма» (Массовые репрессии 2010: 38). «Спецзоны» создавались не только при УНКВД, но и при подчиненных им оперсекторах. В Белоруссии, по недавнему признанию первого заместителя председателя КГБ РБ генерал-майора И. П. Сергеевко, существовало 11 мест захоронений: в Минске, Бобруйске, Борисове, Витебске, Гомеле, Могилеве, Мозыре, Орше, Полоцке, Слуцке, Червене (История должна нас объединять 2017).

Был также скорректирован механизм приведения в исполнение смертных приговоров. Практически сразу же после начала массовых операций, 8 августа 1937 г., заместитель наркома внутренних дел М. П. Фриновский разослал в региональные подразделения НКВД указание о том, что приговоренным «по 1-й категории» (т. е. к смертной казне) приговор объявлять не следует (Великий терор 2010: 118). Расстрел становился для приговоренных неожиданностью; это практически исключало возможность сопротивления. Никаких дополнительных распоряжений относительно непосредственной процедуры смертной казни руководством НКВД, однако, издано не было; решение этого вопроса

было фактически передоверено региональным подразделениям.

В последние годы в научный оборот весьма интенсивно вводятся материалы уголовных процессов, проводившихся в 1939–1941 гг. над уличенными в «нарушении социалистической законности» сотрудниками НКВД (Виола 2017; Кожин 2017). Эти материалы позволяют, помимо прочего, разобраться в том, как в 1937–1938 гг. в реальности выглядела процедура приведения в исполнение смертных приговоров, и проследить ее региональные особенности.

Начало было общим для всех регионов: поскольку объявление смертных приговоров было официально запрещено, приговоренным сообщалось о том, что они перевозятся в другое место: либо в другую тюрьму, либо в распоряжение вышестоящего органа для продолжения следствия (Wielki terror 2010. Cz. 2: 1792), либо в исправительно-трудовой лагерь для отбывания наказания (Виола 2017: 85). После этого приговоренным возвращали вещи, отобранные у них при поступлении в тюрьму.

Далее сценарии варьировались. Например, в Умани заключенных после получения ими вещей заводили в подвальную комнату для удостоверения личности, а потом проводили в следующую комнату и расстреливали. Первоначально приговоренных расстреливали в одежде; потом с санкции начальства людям стали приказывать раздеваться — якобы для бани. Трупы под брезентом вывозились в кузовах машин

на территорию местной «спецзоны» — к месту захоронения (Там же: 85–86). В других региональных подразделениях НКВД приговоренных сажали в машины и вывозили на «спецзону»; расстрел осуществлялся уже на месте (Тарновский и др. 1990: 162, 164).

Свидетельств о том, что перед расстрелами приговоренным возвращались изъятые у них личные вещи, сохранилось очень много. Вот, например, показания сотрудника комендатуры Житомирского УНКВД М.З. Глузмана: «Несколько этапов приговоренных мною было отправлено в УГБ, с которыми был произведен полный расчет. Деньги и ценности им были розданы на руки и отбирались в комендатуре перед расстрелом; большая часть из них расхищалась членами (расстрельной) бригады» (Wielki terror 2010. Cz. 2: 1792). Аналогичную картину рисует допрошенный в конце 80-х гг. вахтер комендатуры НКВД БССР С.М. Захаров: «Уходя из тюрьмы, они забирали все свое, как мы называли, “приданое”. Я сам видел в руках осужденных свертки и сумки с вещами. Они выходили с ними из машины, а назад никто ничего не возвращал» (Тарновский и др. 1990: 162). Эта информация подтверждается показаниями заведующего складом комендатуры НКВД БССР А.А. Знака: «Обычно заключенным, которых собирались расстреливать, объявляли, что их вызывают из камер с вещами. Они приходили на склад, забирали свои пальто, полушубки, все другие принадлежавшие им вещи и в сопровождении конвоира направлялись к “черному ворону”. Машина поки-

дала территорию тюрьмы, увозя людей вместе со всеми их пожитками. Те, кто исполнял приговоры, рассказывал, что вслед за расстрелянными в могилу сбрасывали и вещи. Во всяком случае мне на склад никогда ничего не возвращали» (Там же: 164).

О наличии у приговоренных в момент расстрела личных вещей свидетельствуют также показания коменданта Житомирского УНКВД М. И. Лазоркина: «Были случаи, когда пятна крови проходили на улицу, т.к. кровь с автомашины смывали во дворе, и красная от крови вода по канаве вытекала на улицу... Теперь мы приспособились, и весь двор обсыпая опилками, а машины обкладываем сперва разным барахлом с убитых же — пиджаки, кофухи — и теперь кровь не протекает» (Кожин 2017: 120). Надзиратель тюрьмы М. А. Соснов уточнил: «Ту одежду, которая идет на подстилку в автомашины, мы не учитываем, т.к. нужно побыстрее отвезти расстрелянных, а те вещи, которые остаются и не расходуются на подстилку машины, мы им ведем учет» (Там же).

Наличие у расстреливаемых личных вещей и денег провоцировало мародерство; об этом свидетельствуют показания оперуполномоченного угрозыска Куйбышевского райотдела УНКВД по Новосибирской области М. Качан: «При исполнении приговоров изымались деньги, которые затем тратились на попойки. Однажды мы нашли мало денег, так Малышев сказал, что сегодня были бедняки. Эти деньги никуда не сдавались» (Тепляков

2007: 63). В Запорожском горотделе УНКВД по Днепропетровской области имела место аналогичная практика: «Вахтер Сабанский обыскивал трупы, собирал деньги» (Там же: 70). В Умани вещи и деньги расстрелянных делились между исполнителями. Однако в конце концов эта практика была прекращена: жена одного из расстрелянных сообщила, что увидела вещи мужа на базаре. Приехавшая из Киева комиссия административно-хозяйственного отдела УНКВД приказала вернуть имущество расстрелянных. Вещи были собраны, «уничтожены и преданы земле» (Виола 2017: 86). Не вызывает особых сомнений, что вещи хоронили там же, где и их прежних хозяев — искать новое место было бы лишней тратой сил.

То, что сотрудники расстрельных команд присваивали вещи расстреливаемых, вызывалось не только алчностью. Начальник Житомирского УНКВД Г. М. Вяткин впоследствии отмечал: «Некоторые работники УНКВД... после проведения операции свои сапоги и другие вещи обменивали, так как в своих вещах прийти в квартиру не имели возможности в силу специфических условий работы» (Кожин 2017: 123–124). Об этих «специфических условиях работы» мы можем судить по откровенным показаниям заместителя начальника контрразведывательного отдела УНКВД по Иркутской области Б. П. Кульвец: «В неприспособленных районных условиях приходилось таскать (трупы) на себе, я приходил с операции обмазанный кровью» (Тепляков 2007: 68). Таким образом, присваивание вещей расстрелянных в ряде

случаев было вызвано тем, что личные вещи сотрудников НКВД в ходе расстрелов и переноски трупов оказывались безнадежно испорчены кровью. Примененное для описания этой ситуации слово «обмен» свидетельствует о том, что вещи участников расстрельной команды, скорее всего, шли на «подстилку» кузовов автомобилей и впоследствии оказывались в могилах.

Раскопки, проводимые на местах захоронений жертв массовых операций 1937–1938 гг., подтверждают признательные показания сотрудников НКВД: в могилах в больших количествах обнаруживаются личные вещи. Так, например, при раскопах на территории Бутовского полигона под Москвой было обнаружено: «Значительную часть поверхности исследованного погребения занимала бесформенная груда осенне-зимней одежды и обуви, в основном хорошей сохранности: пальто, брезентовая ткань, кожаные куртки (среди них женская, европейского происхождения), шерстяные женские платки, кепки, сапоги, валенки, туфли, галоши... В этой части погребения человеческие останки лишь угадывались под слоем одежды и обуви» (*Каледя и др.* 1999: 11). Аналогичные находки обнаруживаются и при раскопке других захоронений (*Тепляков* 2007: 68).

Как видим, и данные в разное время показания чекистов, и археологические раскопки показывают, что абсолютно ничего странного в наличии в захоронениях жертв «массовых операций» НКВД личных вещей нет.

Практиковавшаяся в 1937–1938 гг. процедура исполнения смертных приговоров предполагала возвращение приговоренным их личных вещей. В случае, если расстрелы осуществлялись на «спецзонах», в захоронении оказывались практически все личные вещи. В случае, если расстрелы осуществлялись в тюрьме или здании УНКВД, часть личных вещей могла расхищаться мародерами или снова передаваться на склад; однако и в этом случае вместе с телами расстрелянных на места захоронения доставлялось немало личных вещей, использовавшихся для «подстилки» кузовов машин.

Не является удивительным и описанный А. Смолянко случай уничтожения на «спецзоне» личных вещей расстрелянных: подобные методы применялись для предотвращения мародерства и сохранения секретности.

Таким образом, утверждение о том, что наличие в куропатских захоронениях личных вещей расстрелянных прямо указывает на «немецкий след» — является ложным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Великий терор 2010 — Великий терор в Україні. "Куркульська операція" 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнге. Київ, 2010. Ч. 1.

Виола 2017 — Виола Л. Дело Уманского районного отдела УНКВД по Киевской области // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей. М., 2017.

Дюков 2017 — Дюков А.Р. К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7.

Заключение 1992 — Заключение общественной Комиссии по расследованию преступлений, совершенных на холме возле деревень Цна-Йодково — Зеленый Луг, который известен сегодня под названием «Куропаты». 1 июня 1992 г. URL: katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=487 (дата обращения: 10.08.2017).

История должна нас объединять 2017 — История должна нас объединять. URL: www.sb.by/articles/istoriya-dolzha-nas-obedinyat.html (дата обращения: 06.06.2017).

Каледа и др. 1999 — Каледа К., Алексеев С., Разумов А., Головова Л. Исследования последних лет на Бутовском полигоне // Бутовский полигон, 1937–1938. Книга памяти жертв политический репрессий. М., 1999. Вып. 3.

Кокин 2017 — Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей. М., 2017.

Лазуткин 2017 — Лазуткин А. Кто расстреливал Куропаты: НКВД или СС? URL: imhoclub.by/ru/material/kto_gasstrelival_kuropati_nkvd_ili_ss (дата обращения: 10.08.2017).

Массовые репрессии 2010 — Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.

Смолянко 2011 — Смолянко А. Куропаты: гибель фальшивки. Документы и факты. Минск, 2011.

Тарновский и др. 1990 — Тарновский Г. С., Соболев В. В., Гурелик Е. Г. Куропаты: следствие продолжается... М., 1990.

Тепляков 2007 — Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М., 2007.

Ушакин 2011 — Ушакин С. В поисках места между Сталиным и Гитлером: О постколониальных историях социализма // *Ab Imperio*. 2011. № 1.

Wielki terror 2010 — *Wielki terror: Operacja Polska 1937–1938*. Warszawa; Kijów 2010. Cz. 1–2.

WHERE DO THE PERSONAL THINGS OF EXECUTED IN THE KUROPATY GRAVES COME FROM?

Dyukov Alexander R. — research fellow of the Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Kew words: NKVD, Kuropaty, the Great Purge of 1937–1938, death penalty.

The article inquires into the death penalty procedures practiced as part of the 1937–1938 NKVD «mass operations». Based on the evidence from those NKVD officers who were convicted of «Socialist legality» violations, as well as archeological findings, it shows that, contrary to a popular misconception, the fact that personal belongings of the executed prisoners are found in their burial places cannot be considered an argument for NKVD's nonparticipation in the executions.

REFERENCES

Diukov A. R. K voprosu o chislennosti rastreliannykh organami NKVD v Kuropatakh. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2017, no. 7.

Istoriia dolzhna nas ob"ediniat'. URL: www.sb.by/articles/istoriya-dolzha-nas-obedinyat.html (data obrashcheniia: 06.06.2017).

- Kaleda K., Alekseev S., Razumov A., Golovkova L. Issledovaniia poslednikh let na Butovskom poligone. *Butovskii poligon, 1937–1938. Kniga pamiati zhertv politicheskii repressii*. Moscow, 1999. Vyp. 3.
- Kokin S. Rasplata. Sotrudniki UNKVD po Zhitomirskoi oblasti – ispolniteli Bol'shogo terrora. *Chekisty na skam'e podsudimyykh*: Sbornik statei. Moscow, 2017.
- Lazutkin A. *Kto rasstreival Kuropaty: NKVD ili SS?* URL: imhoclub.by/ru/material/kto_rasstreival_kuropati_nkvd_ili_ss (data obrashcheniia: 10.08.2017).
- Massovye repressii v Altaiskom krae, 1937–1938 gg. Prikaz no. 00447*. Moscow, 2010.
- Smolianko A. *Kuropaty: gibel' fal'shivki. Dokumenty i fakty*. Minsk, 2011.
- Tarnovskii G.S., Sobolev V.V., Gorelik E.G. *Kuropaty: sledstvie prodolzhaetsia...* Moscow, 1990.
- Tepliakov A.G. *Protседura: ispolnenie smertnykh prigovorov v 1920–1930-kh godakh*. Moscow, 2007.
- Ushakin S. V poiskakh mesta mezhdru Stalinym i Gitlerom: O postkolonial'nykh istoriiakh sotsializma. *Ab Imperio*, 2011, no. 1.
- Velikii teror v Ukraini. "Kurkul's'ka operatsiia" 1937–1938 rr.* Ed. Upor. S. Kokin, Moscow Iunge. Kiiv, 2010. Ch. 1.
- Viola L. Delo Umanskogo raionnogo otдела UNKVD po Kievskoi oblasti. *Chekisty na skam'e podsudimyykh*: Sbornik statei. Moscow, 2017.
- Wielki terror: Operacja Polska 1937–1938*. Warszawa; Kijów 2010. Cz. 1–2.
- Zakliuchenie obshchestvennoi Komissii po rassledovaniiu prestuplenii, sovershennykh na kholme vozle dereven' Tsna-Iodkovo – Zelenyi Lug, kotoryi izvesten segodnia pod nazvaniem "Kuropaty". 1 iyunia 1992 g.* URL: katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=487 (data obrashcheniia: 10.08.2017).

«Историческая экспертиза» обратилась к крупнейшим специалистам по российской истории эпохи войн и революций первой половины XX в. высказать свое мнение по ряду ключевых вопросов истории революции 1917 г. в России.

Вопросы задавали С. Е. Эрлих и В. В. Ведерников

«РЕВОЛЮЦИЯ, ПРИ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРИЕЙ, БЫЛА НЕИЗБЕЖНА»

Интервью с В. Б. Аксеновым

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

1. Существуют две полярных точки зрения на причины революционных потрясений 1917 года. Одни считают, что свержение царизма было закономерным следствием «системного кризиса» Российской империи. Другие полагают, что в стране происходила успешная модернизация. Революция произошла благодаря уникальному сочетанию неблагоприятных обстоятельств: мировой войне и активности различных политических сил, оппозицион-

ных царизму. Каковы, по Вашему мнению, были причины Февраля 1917?

В.А. Попытка подойти к познанию прошлого с позиции жестко заданной антитезы (например, «модернизация или кризис») подразумевает сильное упрощение исторических реалий и, как правило, приводит к ложному выводу. Лишь на первый, достаточно поверхностный взгляд кажется, что успешная модернизация России в экономической или социально-политической сфере противоречит выводам об аккумуляции в начале XX века системных противоречий. В действительности общественные конфликты могут накапливаться как в застойные

© Историческая Экспертиза, 2017

Аксенов Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); vlaks@mail.ru

времена, так и в периоды прогресса. Россия в начале XX века была одним из мировых лидеров по темпам (но не уровню) экономического развития. Макроэкономические показатели выглядят впечатляюще. Вместе с тем нельзя забывать, что залогом успешной индустриализации стала высокая концентрация рабочей силы, другими словами, рост валовых показателей происходил за счет эксплуатации дешевой рабочей силы, экономии на условиях труда рабочих, социальных гарантиях и пр. Но начало XX века отличалось не только экономическими процессами: вследствие урбанизации менялась социальная структура общества, происходил пересмотр традиционных, патриархальных отношений (между мужчинами и женщинами, крестьянами и дворянами), что требовало изменений в правовой сфере. Однако последнее наталкивалось на препятствие со стороны верховной власти, опиравшейся на традиционализм (патерналистскую психологию) части российского общества. Искусственная конструкция уваровской теории, претендовавшей на место некой национальной доктрины, в начале прошлого века выглядела уродливым атавизмом. Так, о сущности православия не было единства мнений даже в среде духовенства, часть которого требовала церковного обновления, выступала за необходимость церковного Собора; в церковной печати обсуждались причины массового расцерковления прихожан (причем ряд священников усматривали в этом следствие проникновения в Россию западной культуры, идей индивидуализма, якобы противоречащих исконному коллективизму россиян, другими

словами — столкновение модерна и традиции); православные священники посещали философские собрания, увлекались революционными социалистическими течениями. С «народностью» также все было непросто: изменение демографической структуры российского общества требовало развития демократических институтов, новых форм взаимоотношений власти и общества. Ну а после появления в России Государственной думы оставшийся в основных законах термин «самодержавие» требовал нового прочтения. С этих позиций глобальная перестройка основных сфер жизни общества была неизбежной, а учитывая личные качества Николая II, не обладавшего умением просчитывать ситуацию наперед, мыслившего в понятиях XIX века, очевидно, что она могла осуществиться не сверху, а только снизу. Таким образом, предпосылки революции сложились задолго до вступления России в Первую мировую войну. Но война наложила определенный отпечаток на формы и особенности течения революции в 1917 году, сделав ее центральным персонажем «человека с ружьем». Именно последний, выработавший на полях сражений иммунитет к страху перед смертью, девальвировавший в то же время ценность жизни, уставший от войны и пришедший творить революцию в город и деревню, определил вектор революционизации российского общества, который так и не смогли нащупать политические элиты в 1917 году.

2. Были ли революции 1917 года естественным продолжением революции 1905–1907? В чем они,

на Ваш взгляд, совпадают и чем различаются? Февраль и Октябрь 1917 года — это два разнонаправленных события (революция и контрреволюция) либо два этапа единого революционного процесса? Был ли Октябрь неизбежным следствием Февраля.

В.А. Революция 1917 года (или 1917–1922) имеет общие предпосылки с революцией 1905–1907 годов. Однако если у верховной власти в первую революцию оставались пространство для маневра, ресурсы реформирования политической системы общества, то к 1917 году эти ресурсы были исчерпаны. Для предотвращения революции 1917 года требовались такие преобразования, на которые Николай II не мог пойти в условиях мировой войны. Вероятно, точка невозврата Россией была пройдена в сентябре 1915 года, когда царь распустил Государственную думу, предложившую выход из создавшегося кризиса — создание «правительства доверия». С этого момента революция становится лишь вопросом времени. Подобные настроения охватывают практически все слои общества к осени 1916 года: члены императорской семьи (так называемая «великокняжеская фронда») требуют подчинения правительства Государственной думе (ответственное министерство), депутаты-социалисты, либералы и монархисты в открытую обвиняют царя в неспособности управлять страной, усиливается поток дезертиров с фронта, генералы царской армии подозревают царицу в измене. Власти в этой ситуации продолжают демонстрировать удивительное непонимание ситуации, считая

источником всех бед парламент. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов, наивно считавший, что революция может вспыхнуть лишь по отмашке Государственной думы и при непосредственном участии рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, 27 января арестовывает рабочую группу ЦВПК и приказывает окружить Таврический дворец пулеметами в день открытия очередной сессии 14 февраля 1917 года. Когда же никаких эксцессов не происходит, пулеметы убирают, а успокоившийся царь 20 февраля покидает Петроград. Но улица остается во власти слухов, аккумулировавших ненависть к правительству: помимо слухов политических (об измене царя с царицей) в условиях продовольственного кризиса панику провоцировали слухи экономического рода, порой совершенно абсурдные (так, например, дефицит хлеба объясняли тем, что извозчики весь его скормили лошадям ввиду вздорожания овса). В конце концов слух о намерении властей временно прекратить продажу хлеба с тем, чтобы подсчитать оставшиеся запасы, в столице становится той искрой, от которой происходит революционный взрыв 23 февраля. С самых первых дней революции эмоциональная стихия народного бунташества подавляет рациональное восприятие событий, и Петросовет, и Временное правительство оказываются неспособными взять под контроль революционную стихию, выливавшуюся в формы дезорганизации армии, валовой рост уголовных преступлений в тылу, активизацию националистических движений, разрывающих империю на части,

и пр. Вероятно, очередной точкой невозврата становится провокация А. Ф. Керенского, обвинившего Л. Г. Корнилова в мятеже на основании подписанного самим председателем Временного правительства приказа о переброске Дикой дивизии в столицу и непроверенных показаний В. Н. Львова. Расправившись, как ему казалось, с «черной гвардией», Керенский остается один на один с гвардией «красной». Попытки сплочения демократических сил вокруг Предпарламента терпят крах по тем же причинам, по которым в начале 1917 года политические элиты были не способны противостоять революционной энергии: потеряв контроль, они отпустили течение событий на волю стихии, случая. Таким «случаем» оказалась во многом авантюрная затея Военно-революционного комитета большевиков и левых эсеров захватить власть. Ее авантюризм впоследствии подтверждал В. И. Ленин, высказывавший неуверенность относительно того, смогут ли большевики удержать власть до конца 1917 года. Именно по этой причине созданное правительство называют «Временным рабоче-крестьянским правительством», подтверждая генеральный курс революции 1917 года на созыв Учредительного собрания — «Хозяина земли русской», — в качестве Декрета о земле публикуют программу партии эсеров, знакомую крестьянам, а из Декрета о мире исключают давнишнее свое требование о переводе войны империалистической в войну гражданскую. С учетом вышеназванного октябрьский переворот не был ни революцией, ни даже контрреволюцией. Значительная часть обы-

вателей отнеслась к нему равнодушно, полагая, что Учредительное собрание расставит все точки над «i». Однако разгон Учредительного собрания 6 января 1917 года по всем формальным критериям может считаться контрреволюционным переворотом, воплотившим в жизнь пессимистические прогнозы современников о том, что приход большевиков к власти ознаменует начало гражданской войны.

3. Какую роль в революциях 1917 года сыграли внешние воздействия, в частности, стремление стран Четверного союза вывести Россию из войны, а стран Антанты сохранить Россию в числе союзников?

В. А. К сожалению, в юбилейные для исторических событий годы, когда средства массовой информации начинают активно «просвещать» население относительно исторического прошлого, голоса профессионалов тонут в общем информационном шуме, из которого чаще всего выделяются псевдонаучные, претендующие на сенсационность теории. Одна из самых распространенных форм подобных теорий — конспирология, уходящая корнями в известный вопрос «Кто виноват?» и при этом не подразумевающая проведение даже беглого самоанализа. Набор современных конспирологических теорий, «объясняющих» революцию 1917 года, огромен. Обыкновению предлагается широчайший ассортимент «виновников» практически на любой вкус: каждый, в зависимости от личных комплексов и фобий, без труда подберет себе наиболее подходящую концепцию

на прилавках «исторического базара». Спрос рождает предложение. Долгое время лидером рынка была теория «жидо-масонского заговора». Однако в последнее время позиции юдофобов в истории 1917 года слегка пошатнулись под давлением внешнеполитических факторов: актуальным стал поиск внешних врагов, и если концепция о том, что в революции 1917 года виноваты немцы, хотя бы имеет логические и некоторые фактические основания (Германия была заинтересована в выведении России из мировой войны и потому пыталась оказывать финансовую помощь антивоенным партиям, влияние которой на политическую ситуацию в России была тем не менее нулевой), то концепция о революции 1917 года как заговора союзников по Антанте, в первую очередь Англии, кажется верхом абсурда. Основываясь на том, что английская разведка собирала данные о внутривнутриполитических настроениях в России, она делает необоснованный вывод не только об участии Англии в устранении Распутина, известного своими антивоенными взглядами, но и в свержении с престола Николая II. Впрочем, было бы странным предъявлять конспирологам претензии в логических противоречиях, равно как и в неспособности мыслить системно, так как эти «рыночные» концепции не имеют никакого отношения к науке.

4. Какова была роль национального вопроса в распаде империи? Была ли альтернатива большевистской диктатуре (правая диктатура, либеральная демократия и др.) в восстановлении территориальной целостности страны?

В.А. Несмотря на то, что штамп советской историографии о Российской империи как «тюрьме народов» уже опровергнут в недавних исследованиях, национальные противоречия были заметным дестабилизирующим фактором на протяжении последних веков имперской истории. Как ни странно, но Первая мировая война, которая, как многим казалось, началась с национального патриотического подъема, сплотившего все народы России, усугубила национальный вопрос. Уже с первых дней войны в обществе стала расти германофобия. Начавшаяся с агрессии в адрес застрявших в России германских и австро-венгерских подданных, она очень быстро переключилась на «своих немцев» — под подозрения попадали все люди с немецкими фамилиями, вне зависимости от их подданства и времени проживания в России. Подогреваемая военными властями, которые пытались винить за собственные военные неудачи перенести на «внутреннего врага», германофобия в конце концов в качестве жертвы определила императрицу Александру Федоровну, бывшую этнической немкой. Однако не менее остро война поставила «польский вопрос». Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич имел неосторожность намекнуть полякам о возможности предоставления автономии после войны, что вызвало неоднозначную реакцию в кругах русской общности. Император Николай II, решивший «отмолчаться» по этому вопросу, только усугубил ситуацию. Ориентируясь на ситуацию с Польшей, надеждами наполнились сердца прибалтийских

и финских националистов. Но хуже всего, что конфликты на национальной почве назревали в глубоком тылу России — в Средней Азии. В 1916 году там вспыхнуло мощное восстание. Хотя формальным поводом стало привлечение к тыловым работам народов, освобожденных от воинской повинности, течение восстания выявило куда более глубокие этнические конфликты между русскими и коренными народами. По-новому зазвучал и еврейский вопрос. Военные власти, обвинившие евреев наравне с немцами в шпионаже в пользу Германии, начинают принудительную депортацию евреев за пределы черты оседлости — в Поволжье, Сибирь. В то время, как еврей-мужчины сражаются в царской армии, становятся Георгиевскими кавалерами, тысячи их семей оказываются депортированными по подозрениям в измене. Вместе с ними, но по собственной воле, бегут, спасаясь от наступающей немецкой армии, русские, украинцы, белорусы и др. Однако оказывается, что тыловые губернии не готовы принять толпы беженцев, обеспечить их кровом, медицинским обслуживанием, пропитанием, работой. Массовое беженство ухудшает и без того сложную социально-экономическую и политическую ситуацию. Естественно, что с началом революции 1917 года Россия оказывается перед реальной угрозой потери территориальной целостности.

5. Представим, что Россия не вступила в Первую мировую войну... Какой вариант «альтернативной истории» могли бы предложить Вы?

В. А. В советской историографии существовала концепция «отложенной революции», предполагавшая, что объективные причины для революции складываются еще до начала войны, а событие 19 июля 1914 года откладывает революцию на будущее. В этой теории есть свои сильные и слабые стороны. Прежде всего, нельзя забывать, что с 1912 года в России набирало силу рабочее забастовочное движение. За первое полугодие 1914 года в стране было больше политических забастовок, чем за весь 1913 год, а по количеству потерянных в забастовках рабочих дней первое полугодие 1914 года перегнало весь революционный 1917 год. Более того, в первых числах июля 1914 года в Петрограде начинаются уличные бои между рабочими и полицией: строятся баррикады, в городе на несколько дней прекращается трамвайное движение. Обыватели в эти дни в частных письмах проводят параллели с событиями января и декабря 1905 года. Изучая общественные настроения по источникам личного происхождения, становится ясно, что сознание обывателей было готово к революции. Однако утверждать, что если бы не война, то рабочий протест обязательно вылился бы в революцию, мы не можем, учитывая хотя бы недостаточную социальную базу восставших в отличие от тех же февральских дней 1917 года. Тем не менее революция, при сложившейся системе управления империей, была неизбежна. Однако сама по себе постановка вопроса «случилась бы в России революция, не вступи Россия в войну» некорректна хотя бы по той причине, что предполагает возможность

неучастия России в войне. Вместе с тем очевидно, что Первая мировая война становится неизбежной еще в конце XIX века. Она не обязательно должна была начаться в июле 1914 года, но для ее предотвращения у международного сообщества не хватало инструментов (прошедшие две Гаагские конференции пытались лишь смягчить нравы воюющих сторон). Таким образом, признавая закономерность Первой мировой войны, следует поставить вопрос иначе: являлась ли революция 1917 года лишь следствием мировой войны, или ее причины имели более глубокий характер? В этом случае ответом станет второй вариант.

6. Какое место события 1917 года занимают в современной исторической памяти? Является ли она исключительно «конструктом» власти и других идейных и политических сил? В какой мере память о революции транслируется

посредством «устной истории»: местных преданий, семейной памяти и т.д.?

В. А. История всегда была полем политических баталий, которые особый размах приобретают в юбилейные годы. Учитывая, что революция 1917 года является точкой отсчета советского периода отечественной истории, оценки которого в современном обществе диаметрально противоположны, соответствующий разброс мнений, высказываний неизбежен и в отношении событий столетней давности. Несмотря на то, что власти официально объявили о необходимости примирения общества в отношении революции и гражданской войны, был найден относительно нейтральный с политической точки зрения термин — Великая революция 1917–1922 годов, — вряд ли это примирение состоится в ближайшем будущем.

"REVOLUTION, UNDER THE EMPIRE'S CURRENT SYSTEM OF GOVERNANCE, WAS INEVITABLE"

Interview with V. B. Aksenov

Aksenov Vladislav B. — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Russian history, RAS (Moscow)

«ВОЙНА БЫЛА КАК МИНИМУМ КАТАЛИЗАТОРОМ РЕВОЛЮЦИИ»

Интервью с Л. И. Бородкиным

1. Существуют две полярных точки зрения на причины революционных потрясений 1917 года. Одни считают, что свержение царизма было закономерным следствием «системного кризиса» Российской империи. Другие полагают, что в стране происходила успешная модернизация. Революция произошла благодаря уникальному сочетанию неблагоприятных обстоятельств: мировой войне и активности различных политических сил, оппозиционных царизму. Каковы, по Вашему мнению, были причины Февраля 1917?

Л. Б. Никто не подвергает сомнению, что война сыграла важную роль в возникновении Февральской революции. Но, по сути, вопрос можно поставить несколько по-другому — была ли революция неизбежна в отсутствие войны? Предпосылки к возникновению революции, безусловно, были в довоенное время. Однако наличие предпосылок еще не означает, что они непременно реализуются. На мой взгляд, война была как минимум катализатором

революции. Возможно, в отсутствие войны она не произошла бы, но здесь мы вступаем в поле анализа альтернатив.

Что касается вопроса о неизбежности Февральской революции, ее ожиданиях, то давайте вспомним, что в январе 1917 года Ленин, выступая перед молодыми социалистами Швейцарии, сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». И еще о Ленине. Как только началась война, он, как известно, провозгласил лозунг «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую». В определенном смысле этот сценарий стал возможным ввиду неудачного для России хода Первой мировой войны.

Применительно к Февралю 1917 года в России сложился целый ряд взаимосвязанных обстоятельств. Практически все слои общества приветствовали Февральскую революцию, особенно горожане. В монархических кругах было, конечно, неприятие, но в целом в стране к Февралю 1917 года в широких массах доминировало революционное настроение. Сейчас, когда мы пытаемся разобраться в том, что произошло тогда, мы далеки от того, что люди моего поколения читали в школьных учебниках. Там было написано, что в 1917 году царизм

© Историческая Экспертиза, 2017

Бородкин Леонид Иосифович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ, руководитель Центра экономической истории (Москва); lborodkin@mail.ru

свергли народные массы, возглавляемые большевиками. Ясно, что сегодня такая формула не может восприниматься всерьез.

Контекст Первой мировой войны в понимании хода событий 1917 года по-разному отражается в работах наших историков. Затрону некоторые социально-экономические аспекты военного времени, фокусируя внимание на вопросе: когда материальное положение населения (особенно городского) стало критическим? Я разделяю точку зрения, согласно которой до осени 1916 года это положение не достигло критического уровня. Именно к началу зимы этого года ситуация начинает заметно ухудшаться, именно тогда усиливается рост недовольства в среде горожан, усугубляются транспортные проблемы. Зима 1916–1917 годов была очень холодной, снежной, это усугубило проблемы с транспортом, с доставкой продовольствия в города.

Поскольку сейчас много говорится о перегруженности железных дорог, их коллапсе в конце 1916 – начале 1917 года, я хотел бы отметить, что, вопреки известной пессимистической оценке состояния железнодорожных перевозок в годы Первой мировой, ситуация в первые два года войны была не такой уж плохой. Так, производство паровозов в эти годы росло. Если в 1913 году Россия произвела 650 паровозов, то в 1914 – 763, в 1915 – 917 паровозов, в 1916 – 600. Кроме того, в эти годы Россия заказывала 400 паровозов в Америке. Для сравнения: за годы Великой Отечественной войны СССР произвел 825 паровозов и око-

ло двух тысяч получил по ленд-лизу из Америки. Очевидно, что в большой стране, когда идет масштабная война, железные дороги работают в чрезвычайном режиме. Но именно зима 1916–1917 годов создала кризисную ситуацию с железнодорожными перевозками.

Отметим, что описания ухудшающихся условий жизни горожан в первые годы войны, представленные современниками, нередко слишком драматизированы. Рост цен в течение первых двух – двух с половиной лет войны в ряде случаев характеризуется как «небывалый», «бешеный», при этом исходят из предшествующего опыта жизни в условиях довольно стабильных цен предвоенного периода. Однако анализ региональных данных свидетельствует о том, что период гиперинфляции в российских городах начинается только после февраля 1917 года.

Как отмечал известный советский историк А. Л. Сидоров, первые полтора года войны Министерство земледелия легко справлялось с заготовками продовольствия для армии, в чем ему помогали местные власти – городские управы, которые пользовались правом регулировать цены. В августе 1915 года правительством было создано Особое совещание по продовольствию, устанавливавшее «твердые цены», с которыми должны были согласовываться и местные цены. На повестку дня в конце 1916 года был поставлен вопрос о разверстке хлеба. При этом ситуация со снабжением складывалась по-разному в разных городах. Так, нормы потребления в Москве,

сложившиеся к маю-июню 1916 года, дали, как отмечал Сидоров, «в общем сравнительно благоприятную картину продовольственного дела». Карточная система в Москве развивалась постепенно. Карточки для распределения сахара были введены в августе 1916 года. В марте 1917 года карточная система была распространена на хлеб, а затем — на целый ряд продуктов. Примерно в эти же месяцы вводились карточки и в других городах. Отметим, что в Германии карточная система была введена уже на первом году войны, ситуация в тылу там была гораздо хуже, чем в России.

Немаловажен и вопрос о реальной зарплате промышленных рабочих в 1914–1917 годах. Здесь существуют разные оценки, связанные, в частности, с различиями в расчете динамики индекса цен. На наш взгляд, наиболее надежным является индекс цен Кохна, построенный в 20-х годах в Институте экономической конъюнктуры, руководимом в те годы Н. Д. Кондратьевым. Исходя из этого индекса, можно заключить, что рост цен в России в годы войны был вполне сравним с ростом цен в других воюющих странах. В России индекс розничных цен, взятый за 100 в 1913 году, достиг к началу 1917 года величины 294, а индекс зарплаты рабочих — 222 (при больших различиях в региональном и отраслевом аспектах).

Катастрофический рост цен в течение 1917 года отражает индекс цен М. Кохна, значение которого в декабре 1917 года достигло отметки 1545, подскочив более чем в 15 раз в сравнении с 1913 годом.

В 1923 году Н. Я. Воробьев, исходя из данных промышленной переписи 1918 года, дал оценку динамики средней реальной зарплаты фабрично-заводских рабочих в 1913–1918 годах. С учетом роста дороговизны средняя *реальная* зарплата (в рублях 1913 года) составляла 258 руб. в 1913, 272 руб. в 1914, 281 руб. в 1915, 278 руб. в 1916, 220 руб. в 1917 и 27 руб. в 1918 году. Конечно, динамика средней реальной зарплаты в различных отраслях и регионах существенно различалась; отмеченный ее рост определялся повышенным спросом на продукцию отраслей, работавших на войну. Так, по данным промышленной переписи 1918 года, в отраслях, связанных с производством вооружения, *реальная* зарплата рабочих к концу 1916 года повысилась на 22,8%; в отраслях, не связанных с военным производством, реальная зарплата рабочих понизилась в среднем на 15,4%. Зарплата в промышленном секторе росла примерно такими же темпами, как и цены (с некоторым запаздыванием), но сам факт роста дороговизны вызывал недовольство. Заметное ухудшение положения в российских городах начинается к февралю 1917 года. Экономика большинства воюющих стран этого периода не была рассчитана на такую длительную войну. Она начала истощаться на рубеже 1916–1917 годов.

Я бы сделал такое резюме: как и в любой стране, положение населения в годы войны в целом ухудшается. И тут нет никаких сомнений. Однако по сравнению с положением населения в Германии, в России оно было существенно лучше. В этой

связи, если мы хотим связывать причины Февраля с ухудшением материального положения населения (я здесь имею в виду в основном горожан), то я думаю, что сегодняшнее обращение к источникам в целом не подтверждает критического падения уровня жизни населения России до февраля 1917 года. Здесь скорее следует обратить больше внимания на работы историков, анализирующих конфликты элит, в частности — конфликт между думой и правительством, между консервативными и либеральными элитами. И конечно, надо больше внимания уделять фактору стихийности в нарастании революционного настроения в условиях неудачного хода войны. Экономические причины сыграли свою роль в этом процессе (война есть война), но не они были главными. Настоящий транспортный коллапс и связанные с ним массовые перебои поставок продовольствия, гиперинфляция в полной мере проявились только после февраля 1917 года.

2. Были ли революции 1917 года естественным продолжением революции 1905–1907 годов? В чем они, на Ваш взгляд, совпадают и чем различаются? Февраль и Октябрь 1917 года — это два разнонаправленных события (революция и контрреволюция) либо два этапа единого революционного процесса? Был ли Октябрь неизбежным следствием Февраля?

Л. Б. Я бы не стал рассматривать эти события как единый процесс, как прямую причинно-следственную связь. Мы видим, что результаты революции 1905 года способствовали модернизационному развитию

России. Манифест 17 октября провозгласил демократические свободы, ввел многопартийную систему, заложил основы парламентаризма, народного представительства. Пусть оно было непропорциональным, но если посмотреть на состав первой Думы, то в ней самая большая сословная группа — это крестьяне. Не станем преувеличивать возможности дореволюционной Думы, однако это была реальная площадка для общественной дискуссии. Вряд ли можно было сказать тогда, что Дума — «это не место для дискуссий», как было сказано относительно недавно. Там сталкивались разные мнения. Дума была в целом оппозиционной. Она формировала возможности для дальнейшего расширения вовлеченности общества, его представителей в законодательный процесс.

Что касается Октября, то, очевидно, к 1918 году страна выходит на другой вектор развития. И это не был вектор развития гражданского общества, демократических свобод и политического плюрализма; в условиях войны это было невозможно. Связаны ли два этих процесса (1905-й и 1917-й)? Определенным образом связаны, как связаны события в истории той или иной страны, тем более когда между ними всего десятков лет. Но я не вижу прямой связи.

Говоря о факторах революционного развития, я бы хотел сформулировать такой методологический принцип: если мы хотим понимать логику революционных событий, то необходимо принимать во внимание такой важный фактор, как

нестабильность, социальный хаос, потеря управляемости. Февраль произошел во многом стихийно. Хочу сказать, что я не разделяю распространенные конспирологические версии о большой роли в этом процессе заговоров элит, зарубежных союзников или противников России. Эти версии отвергают роль фактора стихийности, массовости протестных движений. Говоря о социальной нестабильности в период революционных процессов, я хочу обратить внимание на фактор потери управляемости. Конечно, он обсуждается в историографии, но, на мой взгляд, он недооценивается. А ведь в период с весны до октября 1917 года в стране усиливается двоевластие, идет борьба между органами Временного правительства и Советами. Это вело к потере управляемости в огромной стране, ведущей в это время тяжелую войну.

Когда мы изучаем методологию анализа сложных, нестабильных систем, полезно учитывать синергетический методологический подход, ориентированный на изучение сложных нелинейных динамических систем. Эта междисциплинарная наука (синергетика) позволяет сформулировать, как происходят срывы стабильных режимов и как наступают бифуркации. И синергетика говорит о том, что, когда процесс порождает хаос, когда возникает неустойчивость, появляется развилка, бифуркация, в результате система может выйти на некоторые в принципе возможные, но отнюдь не predetermined варианты развития — под воздействием незначительных и, возможно, даже слу-

чайных причин (эффект триггера). Современная модификация теории модернизации, например, вводит фактор исторической случайности как недооцененный раньше в процессах модернизации. Историческая случайность (например, наличие того или иного исторического деятеля «в нужный момент в нужном месте») — это фактор, значение которого резко возрастает именно в периоды неустойчивости. Вполне можно согласиться с марксистским тезисом о том, что роль личности в истории невелика и характер происходящего процесса выталкивает на гребень процесса фигуру, которая соответствует смыслу и вектору этого процесса. Это так, когда речь идет о достаточно стабильных процессах, но когда процесс теряет эту устойчивость, когда происходит его хаотизация, ход событий может быть повернут течением случайных обстоятельств. Можно вспомнить историческую фразу Ленина о вооруженном перевороте 25 октября: «Вчера было рано, а завтра будет поздно». И это показывает, как колебались «весы истории» в эти решающие дни. Ленин говорит, что завтра, 26 октября, будет поздно. И это не метафора, это значит, что 26 октября действительно было бы поздно. Ленин прекрасно это понимал, он был выдающийся тактик революционного процесса. Другой показательной цитатой является фраза Троцкого, который, как мы знаем, в своих воспоминаниях написал, что если бы в октябре 1917 года его, Троцкого (председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов), и Ленина не было бы в Петрограде в эти октябрьские дни, революция

не состоялась бы. Можно по-разному относиться к этим высказываниям вождей революции, но они отражают синергетический принцип: в условиях неустойчивости, хаотизации, потери управляемости начинается непредсказуемый ход развития ситуации, появляется возможность «развилки», бифуркации, срыва процесса на одну из потенциально возможных траекторий развития.

3. Представим, что Россия не вступила в Первую мировую войну... Какой вариант «альтернативной истории» могли бы предложить Вы?

Л. Б. На мой взгляд, у России не было варианта не вступить в начинавшуюся войну. Мы не знаем ни одной европейской более или менее крупной страны, которой удалось бы избежать участия в войне. Несколько нейтральных стран (небольших) не делали погоду.

Очевидно, «выстрел в Сараево» — это не причина мировой войны, это триггер, то есть запускающий механизм, спусковой крючок, который повел к такому радикальному способу разрешения накопившихся противоречий и претензий держав друг к другу. У России вряд ли была возможность избежать войны. Теоретически это можно представить, но шансов почти не было. Однако не факт, что мировая война была неизбежной. Выстрел в Сараево запустил этот механизм, но в отсутствие него он мог бы и не запуститься. Может быть, возник бы другой повод. Правда, это уже из области допущений.

Я не считаю, что можно уверенно говорить о том, что Первая мировая война произошла бы в любом случае. Есть немало механизмов улаживания проблем между государствами. Противоречия между ними могли бы разрешиться и не таким кровавым путем.

Думаю, что Россия в мирных условиях имела реальный шанс развиваться поступательно, проходить этапы модернизации, ступив на дорогу постепенного ограничения монархии. Я не согласен с тем, что по отношению к России после 1905 года у нас часто используется термин «самодержавная монархия», а по отношению к монарху — «самодержец». Какое самодержавие, когда Дума уже имела немало полномочий, а царя очень раздражало ограничение его власти со стороны Думы, а также растущая активность формирующихся структур гражданского общества. Давайте вспомним, что в период деятельности III Государственной думы бюджетно-финансовая деятельность, формирование большей части бюджетных статей впервые стали ее функцией. А ведь именно бюджетная работа является основной в системе государственного финансового управления. Я думаю, что этот тренд продолжился бы.

Как показывают современные оценки историков экономики Российской империи, темп роста промышленности России в течение 25-летнего периода до Первой мировой был в среднем 6,5% в год — один из самых высоких (если не самый высокий) показателей в мире на начало XX века. При этом

Россия пережила два пятилетних периода промышленного бума (конец XIX века и предвоенное пятилетие), когда промышленность росла еще более высокими темпами. Сельское хозяйство развивалось также в положительных трендах. Проблема состояла в том, что рост населения происходил беспрецедентными темпами. В предвоенные годы каждый год прибавлялось по 3–4 миллиона человек. Население страны в пореформенный период увеличилось почти на 100 миллионов человек, превысив 170 миллионов. Конечно, такой рост населения не способствовал заметному росту показателей потребления в расчете на одну душу.

Я разделяю историографическую точку зрения о позитивных в целом трендах развития экономики страны в начале XX века. Многие аналитики того времени считали, что если не возникнут чрезвычайные обстоятельства, то к концу 1930-х годов Россия по валовому продукту превзойдет остальные страны Европы, включая Германию и Англию. Но это прогнозы. С ними можно соглашаться или нет, однако факт остается фактом: дистанция в промышленном развитии пореформенной России и указанных стран сокращалась. Накануне Первой мировой войны доля Российской империи в мировой экономике составляла 5%. Напомню, что сегодня доля России в мировой экономике составляет около 3%. Хотя сегодня РФ по территории уступает Российской империи, но даже с учетом всех ныне независимых стран, которые входили в состав СССР, мы не получим 5%.

Я думаю, что ожидать «гладкого пути» развития страны в отсутствие войны не стоило бы, развитие России шло неровно, с противоречиями, вспышками социальных протестов. Часто говорят о протестном рабочем движении. В России оно действительно было сильным и в основном экономическое. Но перед Первой мировой политической его компонента заметно усиливалась. Одна из проблем власти заключалась в том, что не были приняты правильные решения по отношению к организации профсоюзов. На самом деле с 1880-х годов до Первой мировой войны было принято более 20 законов в области рабочего законодательства, трудовых отношений, которые существенно изменили социальную ситуацию в промышленности. Но в странах Европы были тред-юнионы, которые играли большую роль в отношениях предпринимателей и рабочих, а в России социальное пространство между предпринимателями и рабочими заполняли радикальные левые партии, которые обостряли конфликтные ситуации в промышленности. В этой связи приведу некоторые цифры. Несколько лет назад я был на конференции в Токио и мне на книжном «развале» попался один справочник на английском языке. Он назывался «Япония в 1913 году». Из справочника я узнал, что в 1913 году в Японии средняя длительность рабочего дня в промышленности составляла 13–14 часов. Это примерно соответствовало показателю в России до 1880-х годов. Количество выходных в промышленности Японии в 1913 году составляло 30 дней. Это 2–3 выходных дня в месяц. В этом

же году в России длительность рабочего дня в промышленности составляла 9–9,5 часов, а количество выходных дней в году было в среднем 90–100 (во многом за счет религиозных праздников). При этом в Японии на тысячу рабочих приходилось в разы меньше стачечников, чем в России. Конечно, от менталитета зависит очень многое. Японский менталитет с его иерархической структурой оказывал существенное влияние на протестное движение рабочих. В общем, не всегда можно прямо связывать активность протестного движения с уровнем и условиями жизни его участников. В дореволюционной России эти условия улучшались, но, видимо, не так существенно, как мог ожидать русский рабочий. В целом я скептически отношусь к тому, когда говорят, что рабочие и без войны организовали бы революцию и свергли существовавший строй. Рабочее движение в России было довольно сильным, но вряд ли оно могло радикально изменить строй и произвести в обозримом будущем революцию. Во всяком случае, вожди Октября 1917 года перед Первой мировой войной (да и в ходе ее) не рассчитывали «дожить до решающих битв грядущей революции».

4. Какое место события 1917 года занимают в современной исторической памяти? Является ли она исключительно «конструктом» власти и других идейных и политических сил? В какой мере память о революции транслируется посредством «устной истории»: местных преданий, семейной памяти и т. д.?

Л. Б. Разобраться в том, как устроена историческая память сегодня по отношению к революционным событиям 1917 года, очень непросто, это предмет специального исследования, которое должны проводить социологи. Для этого нужна репрезентативная выборка, умно составленные вопросы, которые позволили бы выявить, как устроены общественное сознание, историческая память по отношению к 1917 году. Методы устной истории, как мне кажется, здесь не подходят, поскольку, когда мы говорим об устной истории, речь идет прежде всего о диалоге с участником событий. Ясно, что таковых сегодня нет. Но участие историков в таких исследованиях необходимо, это ведь еще и вопросы интерпретации.

Представление о революции сегодня настолько дифференцировано, что трудно говорить о нем как о целостной системе. Я думаю, что оно складывается в значительной мере под воздействием телевизионных программ, художественных фильмов, а также того моря псевдоисторической литературы, которая заполняет сегодня полки книжных магазинов.

Историческая память формируется постепенно, и вектор изменений постепенно меняется. Хорошо, что власть сегодня не задает «сверху» ориентира в оценке революционного процесса в России 1917 года. В течение 2017 года проходят даже не десятки, а сотни конференций, круглых столов, дискуссий, в рамках которых историки пытаются выработать платформу для

более достоверной реконструкции и оценки этого сложного процесса. Результаты отражаются в телепрограммах, в Интернете, научных и научно-популярных публикациях.

Важно, чтобы приоритет в трактовке революционных событий 1917 года в публичном пространстве принадлежал профессиональным историкам, специалистам.

"THE WAR WAS AT LEAST A CATALYST FOR REVOLUTION"

Interview with L. I. Borodkin

Borodkin Leonid I. — doctor of historical sciences, corresponding member of the RAS, head of the Department of historical Informatics, Moscow State University, head of the Center for economic history (Moscow)

«ПОЗИТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, КОТОРЫЕ СВЯЗЫВАЮТ С РЕВОЛЮЦИЕЙ, ПРОИЗОШЛИ БЫ И БЕЗ НЕЕ»

Интервью с О. В. Будницким

1. Существуют две полярных точки зрения на причины революционных потрясений 1917 года. Одни считают, что свержение царизма было закономерным следствием «системного кризиса» Российской империи. Другие полагают, что в стране происходила успешная модернизация. Революция произошла благодаря уникальному сочетанию неблагоприятных обстоятельств: мировой войне и активности различных политических сил, оппозиционных царизму. Каковы, по Вашему мнению, были причины Февраля 1917 года?

О.Б. Я считаю, что русская революция — это побочный продукт мировой войны, крушения старого порядка. Активность политических сил — это все производное. Когда началась война, то за исключением крайне левых, которые не пользовались серьезным влиянием в то время, основные политические силы, во всяком случае «системная оппозиция», поддержала действующий режим. Так, П.Н. Милюков высту-

пил тогда с известной речью, в которой были такие слова: «Наше дело — правое дело». Известные слова Молотова в его речи 22 июня, конечно, парафраз слов Милюкова, так же как отсылка к Отечественной войне 1812 года, что содержалась в речи премьера И.Л. Горемыкина. Обращение к опыту войны 1914 года и реакции на нее тогдашних политиков было совершенно логично, поэтому я удивляюсь, что никто до меня не обращал на это внимание.

Мы очень часто смотрим на историю России изолировано. Однако рухнула не только Российская империя. Османская, Австро-Венгерская и Германская империи тоже рухнули. По всей Европе прошла волна радикальных изменений, радикализация левых и правых сил. Россия стала частью этого европейского процесса, порожденного Первой мировой войной. Разумеется, без определенных противоречий, которые имели место в разных странах, ничего бы этого не произошло. Но без мировой войны все могло бы пойти совершенно по-другому. Я считаю, что Первая мировая война — самоубийство Европы. Безусловно, это был удар и по России. Почему Россия рухнула первой? Это довольно очевидно. Российская экономика и политическая система

© Историческая Экспертиза, 2017

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ (Москва); obudnitskiy@hse.ru

на тот момент просто не могли выдержать такого напряжения. Транспортная структура не выдерживала возросшего объема перевозок, пополнить локомотивные и вагонные парки становилось сложнее. За счет импорта из США, где стали постепенно размещаться основные российские заказы, решить эти проблемы оказалось невозможно. Не хватало тоннажа, чтобы доставить это все из-за океана. По сути, технические сложности постепенно переросли в политические проблемы.

2. Были ли революции 1917 года естественным продолжением революции 1905–1907 годов? В чем они, на Ваш взгляд, совпадают и чем различаются? Февраль и Октябрь 1917 года — это два разнонаправленных события (революция и контрреволюция) либо два этапа единого революционного процесса? Был ли Октябрь неизбежным следствием Февраля?

О. В. Я не считаю революцию 1917 года логическим следствием революции 1905–1907 годов. Исторически сложилось так, что интервал между этими событиями был небольшой, на политической сцене действовали многие из тех, кто принимал участие в событиях 1905–1907 годов. Конечно, они учли определенный опыт. Например, при создании Советов. Но я не вижу прямой связи между этими событиями.

Февраль и Октябрь 1917 года — это процесс радикализации страны, прошедший ряд этапов. Говорить о двух революциях можно лишь условно. По аналогии: когда мы го-

ворим о Великой французской революции, мы ведь не выделяем, скажем, жирондистскую и якобинскую революции, это этапы революционного процесса. В России было приблизительно то же самое. Но случилось так, что русские «якобинцы» (большевики, я их так называю по признаку радикализма) удержались у власти. И это, наверное, главная загадка русской революции. Легко объяснить, почему большевики пришли к власти. По сути, они не то чтобы повели за собой массы, они пошли за массами, за их фантастическими желаниями. Не я автор этой идеи. Об этом еще американский историк Алекс Рабинович писал. Возможно, и до него уже кто-то высказал эту мысль. Это вполне логично. Есть замечательное наблюдение Ф. А. Степуна. Когда он слушал одну из речей Ленина в 1917 году, она ему напомнила «разбойничий посвист Стеньки Разина». На мой взгляд, это очень точное наблюдение. Немедленный выход из войны, который вел к расчленению государства, передача частных предприятий в руки тех, кто работает, включая управление производством, что привело к его немедленному крушению, — это и есть утопические идеи. Но каким-то образом, несмотря на этот утопизм, казалось бы, большевистский режим должен был бы рухнуть очень быстро, но этого не произошло. Это основной вопрос.

Те процессы, которые происходили в феврале, я характеризую словами из «Горя от ума» Грибоедова — «Шел в комнату, попал в другую». Те, кто выступал за смену императора и другие изменения, думали о более эффективном ведении войны. Так, если мы

посмотрим на выступления в Думе накануне событий, то очевидно, что силы, пришедшие к власти, пытались не допустить заключения сепаратного мира (слухи, как мы теперь знаем, были беспочвенными). Люди мыслили ошибочными категориями. То, что к власти пришли в конечном счете радикалы, было вполне естественным завершением этого процесса. Загадка революции начинается с того момента, когда большевики захватили власть. Главный вопрос: почему они ее удержали?

3. Какую роль в революциях 1917 года сыграли внешние воздействия, в частности, стремление стран Четверного союза вывести Россию из войны, а стран Антанты сохранить Россию в числе союзников?

О.Б. Внешнее воздействие не сыграло никакой роли. Существенную роль на самом деле сыграла война. Естественно, что страны Антанты хотели, чтобы Россия продолжала войну. Более того, само российское правительство хотело ее продолжать. Представить себе ситуацию, что силы, пришедшие к власти, вдруг выходят из войны, было крайне маловероятно.

Касательно немецких денег и их роли в организации революции, могу сказать, что нет никаких прямых доказательств того, что большевики их получили. Известно, что деньги отпускались немцами на антивоенную пропаганду, подрывную работу, однако куда эти деньги делились и к кому они в конечном счете попали — мы точно не знаем. Даже если допустить, что какие-то день-

ги попали к большевикам, тогда можно поставить вопрос иначе: что это объясняет? Попади деньги к британским или французским левым, там что, революции бы произошли?

4. Какова была роль национального вопроса в распаде империи? Была ли альтернатива большевистской диктатуре (правая диктатура, либеральная демократия и др.) в восстановлении территориальной целостности страны?

О.Б. Безусловно, что роль национального вопроса была велика. Собственно, еще до начала большевистской революции мы видим намерения Украины стать самостоятельной. Когда большевики пришли к власти, то одной из первых реакций народов было обособиться от них.

Была ли альтернатива? Теоретически правая диктатура была возможна. Но нужно признать, что удержаться в той ситуации ей было не просто. Либеральная демократия как альтернатива была, на мой взгляд, невозможна. Все же эта форма политического устройства предполагает некоторые базовые вещи: защита прав личности, право собственности и т.д., а в России того времени это было малореально. Я думаю, что в той ситуации появление демократической альтернативы в любом ее варианте было маловероятно. Может быть, правая диктатура. В истории были такие примеры. Но в той конкретной ситуации, с теми конкретными лидерами и представлениями о том, что происходит, она имела очень мало шансов на успех.

В 1917 году мы видели, к чему привела попытка установления диктатуры Корнилова. Что бы там ни было, но Корнилова никто не поддержал. Более того, умные люди видели это изначально, когда его на руках выносили из поезда, когда Корнилов приехал на московское Государственное совещание. Тогда Василий Маклаков, мой любимый исторический персонаж и, на мой взгляд, умнейший русский человек XX века, сказал, что мы провоцируем Корнилова, а когда что-нибудь начнется, то все спрячутся. Именно так все и получилось. Выступление, которое, казалось бы, должно иметь все шансы на успех, особенно когда большевики объявили немецкими агентами, только привело к усилению влияния большевиков. Если мы говорим о 1917-м, то у правых не было никаких шансов. Впоследствии они появились, но они, как мы знаем, оказались призрачными.

5. Представим, что Россия не вступила в Первую мировую войну... Какой вариант «альтернативной истории» могли бы предложить Вы?

О.Б. Я отвечу, ссылаясь на идеи Б.А. Бахметева в его переписке с Маклаковым уже эмигрантского периода. Если сравнить Россию 1903 и 1913 годов, если бы кто-нибудь в 1903 году сказал, что в России в 1913 году будет Государственная дума, принимающая бюджет, что в ней будет социал-демократическая фракция, будут легально издаваться оппозиционные газеты, то этого человека сочли бы большим фантазером. Но тем не менее это случилось. У нас иногда говорят о самодер-

жавии вплоть до 1917 года, но при всей колоссальности власти российского императора, Россия с апреля 1906 года уже не была самодержавной монархией, это была уже другая история.

Известно, что были достаточно высокие темпы экономического роста. Я вовсе не сторонник точки зрения о том, что если бы не война, Россия, с ее ничтожным в тот момент городским населением, к тому же в значительной степени полуграмотным, с чертой еврейской оседлости, стала бы великой экономической державой, первой страной Европы и т.д. Как известно, темпы экономического роста слаборазвитых стран имеют тенденцию к снижению. По объемам промышленного производства страна существенно отставала от США, Англии, Германии и Франции. Доля России в совокупном промышленном производстве пяти ведущих держав составляла около 4%. На тот момент страна действительно была далека от того, чтобы быть на одном уровне с развитыми странами. Но нужно сказать, что движение по этому пути было, и оно было довольно быстрым. Случился бы переход в какую-то другую стадию в форме революционного катаклизма или бы это свершилось эволюционным путем, мы узнать уже не можем. Но я не вижу неизбежности большевистской революции. Большевики накануне войны были никем. Это были группы эмигрантов, ведущие довольно абстрактные дискуссии друг с другом или другими социалистами в Париже, Женеве или других традиционных местах пребывания русских радикалов, часть будущих

вождей революции находилась в ссылке. Большевиков как реальной силы не было. Рост рабочего движения совершенно не говорит о надвигающейся революции. Рост рабочего движения — это как раз нормальный процесс. Сам Ленин говорил, что из него получается профсоюзное движение. В общем, все могло бы быть иначе, но Первая мировая война определила ход истории в XX веке и в России, и в других странах.

6. Какое место события 1917 года занимают в современной исторической памяти? Является ли она исключительно «конструктом» власти и других идейных и политических сил? В какой мере память о революции транслируется посредством «устной истории»: местных преданий, семейной памяти и т.д.?

О.Б. С моей точки зрения памяти «снизу» нет. Все же прошло сто лет... Воспоминания бабушек и дедушек уже не об этом. Более того, этот процесс был замечен еще при советской власти, когда на смену мифа Октябрьской революции (не в том плане, что революции не было, а в том, как это все преподносилось) пришел миф Великой Отечественной войны.

В 1965 году пышно отпраздновали двадцатилетие победы в Великой Отечественной войне. Это стало традицией. Потом было пышное празднование 50-летия революции. Но Октябрь уже тогда был преданием старины. А сейчас для современной молодежи это как Смутное время. Для них что Октябрьская революция, что Куликовская битва — примерно одно и то же.

На мой взгляд, актуализация этой памятной даты происходит «сверху». Люди вкладывают в события 1917 года свои современные представления, тем самым «конструируют» прошлое. Нас, историков, пытающихся разобраться в том, что «на самом деле происходило», меньшинство. Если говорить о памяти в обществе, то это все относительно, поскольку пройдет еще пару лет и никакой памяти не останется. Более того, пройдет юбилейный год и все опять деактуализируется лет на 50.

В моде конспирологические версии о том, что революция «привезена» к нам из-за границы. И сейчас, дескать, враги пытаются проделать то же самое. Это имеет иногда совершенно дикие последствия. Печально известный пример, когда британскую аспирантку, изучающую историю революции 1917 года и работавшую в архиве в Нижнем Новгороде, депортировали из России, поскольку ее деятельность, по мнению «историков в штатском», представляла угрозу для российского общества! Аспирантка изучала условия труда российских рабочих и социальную среду накануне событий 1917 года и, возможно, что-то подобное хотела устроить в современной России! Похоже на бред, но на самом деле это вполне реальный случай.

Отношение общества к революции 1917 года довольно противоречивое. Мы ведь все (за исключением родившихся в поздний советский или в постсоветский период) вышли из советского общества, и попытки как-то «отменить» 70 с лишним лет истории и установить преемственность то ли с императорской Россией, то

ли с Россией «февральской», на мой взгляд, не работают. Более чем иронично выглядит, когда люди, продолжающие с гордостью именовать себя чекистами, одновременно отстаивают (или заявляют, что отстаивают) интересы РПЦ, ходят в церковь, в какой-то степени идентифицируют себя с тем институтом, который их предшественники жесточайшим образом преследовали на протяжении десятилетий. Наши коллеги из академических институтов придумали понятие «Великая российская революция». Однако внятного объяснения, в чем же заключается ее величие, не последовало. Если величие определяется степенью радикальности слома старого и разрыва с прошлым, то, наверное, да, она великая, поскольку такого радикального разрыва, пожалуй, не было в российской, да и не только российской истории. Если по количеству пролитой крови, то это тоже великое событие. По количеству людей, покинувших страну практически одновременно, что создало проблему беженства в Европе, тоже можно согласиться, что это была великая революция. Можно с разных точек зрения посмотреть на эту проблему, но вместе с тем следует учитывать процесс величайшей демократизации. В прямом смысле

слова демократия — это власть демоса, народа. Но власть демоса как-то очень быстро обратилась в диктатуру меньшинства.

Если «великая» с позиции привнесения позитива или, как принято сейчас говорить, модернизации, то в этом аспекте возникают довольно большие сложности. Поскольку, как мы хорошо понимаем, те позитивные изменения, которые связывают с революцией, произошли бы и без нее. Например, «культурная революция». Еще III Государственная дума приняла решение о достижении всеобщей грамотности населения, и в исторически сжатые сроки это должно было осуществиться. Все хорошо понимали, что нужно делать. Еще по заказу той же III Государственной думы были разработаны проекты постройки электростанции на Днепре (то, что получило потом название ДнепрогЭС), орошения Голодной степи и т. д.

Как бы то ни было, это переломное время в истории нашей страны еще долго будет привлекать внимание историков и, кто знает, возможно, более широкой публики. И, чем черт не шутит, не только по случаю юбилея.

"THE POSITIVE CHANGES THAT ARE ASSOCIATED WITH THE REVOLUTION WOULD HAVE OCCURRED EVEN WITHOUT IT".

Interview with O. V. Budnitsky

Budnitskii Oleg V. — doctor of historical sciences, professor, Director of the International Center for the history and sociology of the World War II and its consequences, NRU HSE (Moscow)

«РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ, ОТЛИЧНОЕ ОТ ТАК НАЗЫВАЕМОГО “НОРМАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ”»

Интервью с Б. И. Колоницким

1. Существуют две полярных точки зрения на причины революционных потрясений 1917 года. Одни считают, что свержение царизма было закономерным следствием «системного кризиса» Российской империи. Другие полагают, что в стране происходила успешная модернизация. Революция произошла благодаря уникальному сочетанию неблагоприятных обстоятельств: мировой войне и активности различных политических сил, оппозиционных царизму. Каковы, по Вашему мнению, были причины Февраля 1917 года?

Б.К. Я очень осторожно отношусь к построению причинно-следственных связей, когда речь идет о политической истории. Я рассматриваю революцию прежде всего как политический процесс. Правда, надо отметить, что мы мыслим причинно-следственными связями так же,

как хронологически, но не факт, что они объективно существуют. Многие интерпретации революции являют собой пример телеологических построений. Так, часть исследователей считает, что возникновение революции было неизбежным, что на тот момент исторического развития все вело к революции, другие подчеркивают ее случайный характер, связанный с последствиями прежде всего мировой войны. Но и те, и другие взгляды все равно являются вариантами телеологии. Я считаю надуманной «оппозицию успешной модернизации» и «системного кризиса», поскольку это не взаимоисключающие друг друга процессы. Более того, многие модернизационные процессы усугубляли кризис, который можно назвать системным. Для меня очень важны города. Революции нового времени — это городские явления, в первую очередь столичные. А ускоренная урбанизация в России привела к очень большим трудностям и проблемам. Первое и второе поколение горожан — это всегда сложный контингент, людям непросто приспособиться к городу. Многие механизмы, которые работали в деревне, в городе уже не работают.

© Историческая Экспертиза, 2017

Колоницкий Борис Иванович — доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург); boris_i_kol@mail.ru

Во-первых, это совсем иная религиозность, иное состояние церкви. Одно дело сельский приход, где все друг друга знают даже на уровне близлежащих деревень, и совсем другое — анонимный город, где иногда церковью совсем не хватает либо приходы просто гигантские. Во-вторых, это образование. Очень часто это почва для девиантного поведения, иногда для социально-политического радикализма. Иногда такие процессы сопровождаются «атакой» культуры города. Таким образом, я бы не противопоставлял модернизацию системному кризису, даже если это слишком быстрая либо слишком медленная модернизация. Модернизация может как решить некоторые социально-политические проблемы, так и породить новые. Модернизационные процессы, протекающие в гигантской империи, всегда проявляют себя по-разному в разных ее частях: где-то они оформляют национальное самосознание, где-то провоцируют этнические конфликты и сепаратизм.

2. Японию и Швецию вполне можно считать примером безболезненной модернизации. Например, в Швеции этот процесс не сопровождался революцией.

Б.К. Во-первых, и в Японии, и в Швеции, безусловно, была другая урбанистическая культура. Даже японские культурные традиции были совместимыми с процессом урбанизации. Но я бы не стал называть Японию удачным продуктом безболезненной модернизации, поскольку все модернизационные процессы протекали в условиях агрессивной

внешней политики и установления жесткой диктатуры, которую некоторые называют фашистской. Говорить о кризисе в Японии того времени нужно, прежде всего, с позиции гигантской империи, состоящей из разных кусков: с какого-то момента она включала Корею, еще раньше Тайвань, немалые части Китая и др. Именно такой была Япония в то время.

3. Были ли революции 1917 года естественным продолжением революции 1905–1907 годов? В чем они, на Ваш взгляд, совпадают и чем различаются? Февраль и Октябрь 1917 года — это два разнонаправленных события (революция и контрреволюция) либо два этапа единого революционного процесса?

Б.К. Была ли революция 1917 года естественным продолжением 1905 года? Ответ на этот вопрос во многом зависит от определения феномена революции. Есть давняя традиция, берущая свое начало в XVIII веке, эпохе Просвещения, Французской революции, которая связывает революцию с прогрессом. Сторонники этой точки зрения не считают резкие социальные потрясения, если они не привели к прогрессивным сдвигам, революциями. Они называют такие явления переворотами. Но прогресс — это, прежде всего, вопрос веры в прогресс, доказать его существование довольно сложно. Сопровождалась ли революция прогрессивным развитием социальных институтов, не говоря уже о культуре и морали, — вопрос спорный. Любая революция — это

многосложное и многомерное явление. Но верить можно в разные прогрессы, можно по-разному определять «прогресс». Соответственно, можно по-разному относиться к революциям. Очень важно оперировать рабочими определениями революции, которые позволяют нам понять этот многосложный феномен. Я подхожу к вопросу о революции с позиции изучения феномена власти. На мой взгляд, всякая революция — это политический процесс. Политика начинается там, где мы говорим о власти. В этой связи можно определить революцию как специфическое состояние власти, отличное от так называемого «нормального времени». Раскрыть «властное» содержание революции нам помогут известные формулы Макса Вебера. Власть, согласно определению Вебера, — это способность принимать и проводить решения с помощью законов, насилия и авторитета. Государство обладает монополией на издание законов и правоприменение, однако в условиях революции эта монополия утрачивается. Применительно к Российской революции 1917 года это Временное правительство, Петроградский Совет, который издает свои решения, Центральная рада. Иногда это может быть какой-то местный совет. Такие примеры были в Казани, когда местный крестьянский совет весной 1917 года, возглавляемый эсерами, начал аграрную реформу, игнорируя мнение лидеров своей партии. Соответственно, любой человек живет в том правовом измерении, которое ему выгодно. Обычно вопрос «кому жить, кого бить, а кого убивать» решает го-

сударство. В условиях революции появляется немало акторов, которые претендуют на это решение. Но есть еще вопрос авторитета, который является важнейшим источником власти во время революции. Революционный кризис начинается тогда, когда власть теряет немалую часть авторитета. Когда революция разворачивается, государство теряет свою монополию на использование насилия и на законотворчество. Соответственно, противоборствующие политические силы в условиях расплавленной государственности могут опираться прежде всего на авторитет. Очень часто это личный авторитет. Революция заканчивается тогда, когда на основе легитимации и посредством авторитета вновь устанавливается монополия государства на использование насилия и законотворчество. Таким образом, я бы говорил о едином революционном периоде, хронологические рамки которого, грубо говоря, охватывают 1916–1922 годы. В свою очередь, 1916 год — это время потери авторитета, революционного кризиса, а 1922 год — окончание большой Гражданской войны на большей части территории. Безусловно, можно говорить и о других рамках, но в вышеуказанном подходе есть свои аргументы.

4. В таком случае, может быть, следует говорить о Большой революции начиная с 1905 по 1921 год?

Б.К. Это несколько телеологично, поскольку это неоднозначный период. Монополия государства на использование закона и насилия была восстановлена в 1907 году.

5. Был ли Октябрь неизбежным следствием Февраля?

Б.К. Обычно историков разделяют на две группы, а я их разделяю на три: оптимисты, пессимисты и идиоты. Последние считают, что в России все было хорошо и никаких объективных условий для возникновения революции не было, а революция — это результат одного или нескольких заговоров. Консенсус существует среди основной части исторического сообщества. Согласно ему, с 1914 года та или иная революция была неизбежной. Может быть, не такая, какой она была, может быть, не во время войны, а после ее окончания. Должен сказать, что я принадлежу к пессимистам. Я не вижу бескризисного развития России в начале XX века. Мое видение основывается на сравнении. И тут нельзя не вспомнить о таком эксперименте: страна, которая из монархии хочет перейти в конституционную монархию, где для политического правления очень важен монарх, где существует камарилья, где велика роль военной элиты, где болезненно протекают процессы секуляризации, не очень определены границы светского и церковного, церковь очень хочет сохранить свою роль в жизни страны и судьбе народа, где существует яростный антиклерикализм, страна, в которой остро стоит аграрный вопрос, когда крестьяне считают, что только раздел помещичьих имений может решить их вопросы, где существует национальный и колониальный вопрос, где существует молодой и очень агрессивный рабочий класс — к вопросу об урбанизации. Все перечисленное очень

напоминает нам Россию, не так ли? Но это пример Испании, где революция была и раньше, и позже. Но Испания не участвовала в Первой мировой войне, она только выиграла от нее, поскольку выполняла военные заказы. Но все же в 1931 году началась революция, которая в 1936 году переросла в гражданскую войну. В этой связи аргумент о том, что только война ведет к революции, не следует считать верным. Я считаю, что это неправильно, когда мы смотрим на историю России, сравнивая ее лишь с другими событиями российской истории, вырывая ее из международного контекста

Проанализируем период 1905–1914 годов. На первый взгляд, это относительно мирное время. Но в 1905 году начинается конституционная революция в Персии, страна была полностью дестабилизирована. 1908 год — революция в Османской империи, 1910 год — революция в Португалии, 1911 год — революция в Китае. В Португалии победила республика. Все республиканцы и антиклерикалы Европы необычайно воодушевились. Также нужно вспомнить мексиканскую революцию 1910–1917 годов. Три из вышеперечисленных стран расположены близ границ Российской империи. Сами по себе границы не закрыты, поэтому многие жители Закавказья участвовали поочередно в трех революциях. Мы привыкли говорить о западноевропейском революционном влиянии, но это влияние надвигалось на нас с Юга. Поэтому наша логика, ограничивающаяся тезисом о том, что война породила революцию, не совсем

верная. Если смотреть глобально, то многие процессы представляются иначе. Революция в Османской империи дала толчок процессам распада империи и войны, которые можно рассматривать как интервенции: сначала война Италии с Турцией. Это запустило Первую Балканскую войну, а затем Вторую Балканскую войну. Тот факт, что революция становится очень важным элементом международных отношений, является бесспорным.

Я не вижу для России хорошего сценария. Полагаю, что это была самая жесткая революция из возможных, и она превратилась в Гражданскую войну, которую, может, можно было бы избежать. Но испанская революция тоже не была мягкой, потому она скатилась в очень жесткую гражданскую войну.

Любая революция сопровождается интервенцией и любая революция — это потенциальная гражданская война. Иногда это может быть маленькая гражданская война, но иногда это может вылиться в самый настоящий пожар национальной гражданской войны.

6. Какую роль в революциях 1917 года сыграли внешние воздействия, в частности, стремление стран Четвертого союза вывести Россию из войны, а стран Антанты сохранить Россию в числе союзников?

Б. К. Россия была полем битвы спецслужб, противников и союзников. Это невозможно отрицать. Но этот вопрос нужно изучать в первую очередь с позиции метода, поскольку

невозможно изучать влияние спецслужб, исследуя только документы спецслужб. Это методологически неверно. Во-первых, следует изучать случай России, сопоставляя его с примерами других стран. В этом контексте правомерно говорить о примере Германии, которая стремилась революционизировать не только Россию, но и другие страны. Вопрос, почему это не сработало там, а сработало в России, не совсем однозначный. По существу, Германия пыталась устроить исламскую революцию не только в России, но и в Британской, Французской империи, поднять мусульман. В итоге это не сработало. Значит, при проведении кампании финансового влияния важны не только спецоперации, но и факторы, влияющие на их эффективность. Ведь Россия была крупнейшим и наиболее профессиональным экспортером революции в XX веке. То, что сейчас делают отдельные группы американского общества, экспортируя революции, это чепуха по сравнению с тем, что делал Коминтерн и советские службы. В это вливалось очень много денег, там были задействованы очень профессиональные и очень убежденные люди. Известно, что в истории революционизирования мира из Москвы было больше провалов, чем успехов. А там, где эти успехи были, это объяснялось в первую очередь внутренними факторами, а не масштабами, поскольку помощь из Москвы иногда поступала в уже начавшийся проект.

Однако если в русской революции следует искать германский след, то и в германской революции

1918 года тоже можно искать русский след. И этот след искали. И это воздействие действительно имело место через российское посольство, деньги и революционеров. И точно так же немецкие консервативные деятели объясняли все русскими деньгами.

Во-вторых, рассматривая вопрос о роли внешнего воздействия, следует, прежде всего, смотреть на ход развития событий. Например, события 23–27 февраля по старому стилю в Петрограде являются очень важным периодом в российской революции. Если посмотреть на природу движения, то мы не увидим там роли спецслужб. Всегда можно сказать, что мы не знакомы с некоторыми документами о деятельности немецких агентов, которые были в то время в Петрограде. Но если бы спецслужбы действовали целенаправленно, то чем бы они занимались? Захватом правительственных ведомств, узловых коммуникационных точек (почта, телеграф, мосты, вокзал). Но демонстранты устремлялись на Невский проспект, площадь перед Казанским собором. Речь шла о захвате символического пространства. Это свидетельствует о том, что организационное начало было подготовлено относительно слабо, большее значение имела самоорганизация улицы. Если бы действовали какие-то явные агенты Германии или Австро-Венгрии, они бы работали иначе.

7. Какова была роль национального вопроса в распаде империи? Была ли альтернатива большевистской диктатуре (правая диктатура, либеральная демократия

и др.) в восстановлении территориальной целостности страны?

Б.К. Мы недооценивали и продолжаем недооценивать роль имперского измерения в революции и Гражданской войне. Идея восприятия Гражданской войны через оппозицию «белых» и «красных» все больше убеждает нас в том, что многие наши современники очень многого не знают о Гражданской войне. Роль антиимперских движений в межнациональных конфликтах очень велика. В этом контексте достаточно вспомнить восстание в Средней Азии, в Казахстане в 1916 году. Это событие затронуло по меньшей мере сотни тысяч судеб, его жертвами пали десятки тысяч человек. Для многих людей Гражданская война началась еще до революции. Английский историк Джонатан Смиль выпустил книгу «Гражданские войны России 1916–1926 гг.». Вокруг этой книги уже ведется немало споров, вышли рецензии на английском и русском языке. Эти события рассмотрены автором как комплексы разнообразных гражданских войн с разными участниками. С точки зрения автора, это многомерный конфликт. Источник победы большевиков заключался в том, что они были гораздо более импровизационными и гибкими. Вопреки своей собственной программе и как ответ на тактические вызовы, они выстроили федерацию, которая достаточно долго просуществовала. Это последствия Гражданской войны. Создание Советского Союза — прямое тому подтверждение. Задача большевиков состояла в том, чтобы выиграть Гражданскую войну, а они таким образом завоевывали хотя

бы на время местные элиты, получая доступ к местным ресурсам. Их оппоненты никак не были готовы к этому.

Возвращаясь к вопросу о диктатуре, хочу сказать, что у России был слабый шанс избежать Гражданской войны после революции. Причем я не делаю акцент на Февральской либо отдельно Октябрьской революции, поскольку я рассматриваю революцию как единый процесс, как скатывание, сползание к Гражданской войне. Я думаю, что шанс был, и он определялся некоторой коалицией. На чем держалось Временное правительство? Это был союз умеренных социалистов, которые заняли оборонческую позицию и позицию компромисса, с одной стороны, и традиционной элитой, в первую очередь бизнес-элитой, либералами и генералами, с другой стороны. В Германии такой компромисс был достигнут в 1918 году. Несмотря на все сложности, в 1923 году был последний кризис. В 1924 году им удалось выйти из него, избежав гражданской войны, что само по себе очень важно. Они «вляпались» в нацизм, но это другая история. В России блок стал невозможным после дела Корнилова. Я считаю, что механизм Гражданской войны после этого уже был запущен. Я думаю, что мы немного переоцениваем значение Октября, поскольку линия раскола Гражданской войны могла бы быть иной, но война все равно была бы. В ходе реальной Гражданской войны, которая произошла, линии раскола были разными в разных частях страны. Были разные конфигурации конфликтов, у «красных» бы-

ло много разных оттенков. Кстати, у «белых» тоже были свои оттенки. Возможно, это неудачная метафора, но по сути все было именно так. Я думаю, что Гражданская война могла бы быть иной, но она все равно бы была. А если была бы Гражданская война, то это ограничивало коридор возможностей. Этим я хочу сказать, что Гражданская война не самое подходящее время для строительства либерального или демократического режима. Другой вопрос, о какой диктатуре идет речь? «Белые» режимы были в значительной степени авторитарными, они пытались строить свою легитимность на использовании элементов дореволюционной законности и дореволюционной концепции патриотизма. Иногда они использовали элементы начального этапа революции, некоторые говорили о возможности Учредительного собрания с разными ограничениями. Но в любом случае это были недемократические режимы. Можно сказать, что большевики были лучше готовы к Гражданской войне, чем профессиональные военные. Известно выражение: «Война — это слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам», а гражданская война — особенно сложная задача для генералов, поскольку иногда они видели технологические военные решения и подчиняли все этому. Недавно была высказана мысль, о которой я раньше даже не думал: большевики были единственным правительством, которое держало военных под контролем. Это было политическое руководство, и все военные задачи они подчиняли именно политической цели. Это была довольно сложная задача —

одно дело контролировать разных полевых командиров, другое — военных специалистов. Именно логика свирепой Гражданской войны и породила контроль над военными, который потом станет традицией советского строя. Армию всегда держали под контролем, и это, как я считаю, тоже было порождением Гражданской войны, когда система двойного контроля через комиссаров и политотделы, с одной стороны, и через особые отделы, с другой стороны, осуществляла контроль над армией.

8. Представим, что Россия не вступила в Первую мировую войну... Какой вариант «альтернативной истории» могли бы предложить Вы?

Б.К. Советское государство было создано для победы в Гражданской войне. Использовались самые передовые технологии Первой мировой войны: мобилизация, внеэкономические принуждения, оповещение и контроль над населением, депортации, которые, кстати, не только Россия использовала. Но в других странах отказались от этого в мирное время. Эти инструменты Гражданской войны до сих пор оказывают влияние на наше развитие. Мы до сих пор находимся в поле ментальности Гражданской войны.

9. Какое место события 1917 года занимают в современной исторической памяти? Является ли она исключительно «конструктом» власти и других идейных и политических сил? В какой мере память о революции транслируется посредством «устной истории»:

местных преданий, семейной памяти и т.д.?

Б.К. Есть правительственный государственный заказ, который получил свое оформление и в послании Президента РФ Федеральному Собранию. Это заказ на национальное примирение. Я считаю, что это отвечает некоторым потребностям общественного сознания. Так, местными администрациями были воздвигнуты памятники национального примирения в Краснодаре, Новочеркасске, они не дожидались указаний из Центра. Если говорить об опросах, то хотя революцию многие оценивают положительно, все же значительная часть жителей страны считает, что любой ценой нужно избежать революции. Такое сознание является очень важным ресурсом власти. Вместе с тем я думаю, что к этому году не будет никакого примирения. Я с большой долей уверенности могу предсказать, что в этом году у нас будет очередная битва партийных версий истории. Среди них будет: консервативная, либеральная, националистическая, троцкистская, умеренно-социалистическая история, коммунистическая, а также анархистская, церковная и разные национальные истории. Думаю, они будут воспроизводить документы своих исторических предшественников. Я не жду инноваций. Вместе с тем не будет никакого консенсуса, национального примирения. Никто ни с кем не хочет примиряться, поскольку многие историки отождествляют себя с акторами 1917 года. И если они и ждут покаяния, то от политических наследников других акторов. По сути, Гражданская война жива.

Вместе с тем я смотрю на этот год с некоторым умеренным оптимизмом, поскольку в дискуссии очень часто важен не результат, а качество, то есть способность спорить, слышать, не соглашаясь. Но есть и то, что зависит от нас. Мы можем сделать что-то для рационализации исторического сознания.

10. Вы не считаете, что в нашем городе мало памятных мест, связанных с Февральской революцией? Я могу вспомнить только Марсово поле и площадь Восстания.

Б.К. Памятные места — это не всегда памятники либо знак. Например, Казанский собор, Таврический дворец. Есть корпоративно-профессио-

нальная память. Например, у МВД есть проекты коммеморации полицейских, погибших в годы Февральской революции. Это дело не только историков, это дело талантливых художников, писателей, отдельно талантливых политиков, которые работают с политикой памяти. Но между ними непременно должна быть дискуссия. Поскольку в отсутствие академической поддержки, основанной на современных исследованиях, любой коммеморативный проект, как бы он лихо ни был придуман, развалится. Мы это видели на примере Советского Союза, когда именно память очень часто взрывала дискуссии о «белых пятнах» либо «черных дырах» в истории, которые оказывались болезненными.

REVOLUTION IS A SPECIFIC STATE OF POWER,
DIFFERENT FROM THE SO-CALLED "NORMAL TIME".
Interview with B. I. Kolonitsky

Kolonitsky Boris I. — doctor of historical sciences, professor of the Department of history, European University, coordinating researcher of the St. Petersburg Institute of history, RAS (St. Petersburg)

«МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ОСТАВАТЬСЯ СОВРЕМЕННОКАМИ СОБЫТИЙ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ...»

Интервью с К. А. Соловьевым

1. Существуют две полярных точки зрения на причины революционных потрясений 1917 года. Одни считают, что свержение царизма было закономерным следствием «системного кризиса» Российской империи. Другие полагают, что в стране происходила успешная модернизация. Революция произошла благодаря уникальному сочетанию неблагоприятных обстоятельств: мировой войне и активности различных политических сил, оппозиционных царизму. Каковы, по Вашему мнению, были причины Февраля 1917?

Действительно, исследователей привычно делить на «оптимистов» и «пессимистов». Первые полагают революцию своего рода случайностью, вторые — неизбежностью. Отчасти такое деление упрощает историографическую ситуацию. Объяснительных конструкций существенно больше. Можно объяснить революцию диспропорциями развития, возникшими в результате в целом успешной модернизации. Можно вспомнить, что молодежь

составляла значительную часть населения страны начала XX в. Уместен разговор о «кривой Дэвиса» и о так называемой «частичной депривации»: в соответствии с этой точкой зрения революции происходят при сравнительно незначительном снижении благосостояния после долголетнего поступательного роста. Вполне оправданно говорить о столкновении элит...

И все же большинство историков тянутся к полюсам, подтверждая тем самым тот факт, что мы продолжаем оставаться современниками событий столетней давности и пытаемся дать им не только научную оценку. В основе такого историографического «дуализма» мифологизированное представление о кризисе. Сторонники концепции «системного кризиса» видят в нем фатальное накопление негативного, постоянное сгущение тучи, за которым следовала неминуемая гроза. При этом даже не ставится вопрос, что такое «системный кризис», что в данном случае подразумевается под системой. Чаще всего исследователи этого направления имеют в виду тотальное ухудшение всех сфер жизни на протяжении бесконечно длительного времени. Подобный строй мысли явно расходится с последними достижениями

© Историческая Экспертиза, 2017
Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва);
ksoloviev@hse.ru

историографии, но «пессимисты» пребывают в состоянии исследовательского оптимизма. Они чувствуют, что их поддерживает сама история: ведь не могла произойти революция в благополучной стране.

Впрочем, и «оптимисты» в большинстве своем не полагают Россию в полной мере благополучной. Они лишь отмечают относительный успех модернизации, приведший к качественным подвижкам в социальной и экономической сфере. Однако категорически не приемля «пессимизм», «оптимисты» чаще всего отрицают какой-либо кризис в принципе, видимо, полагая его неким подобием катастрофы или же ее преддверием.

В действительности же наличие кризиса – признак здоровья системы, ее способности болеть, а следовательно, меняться и совершенствоваться. Такие кризисы переживала и Россия. В феврале 1917 года сказались последствия политического кризиса. Это как раз пример того, что некоторые кризисы действительно могут оказаться фатальными для политического режима.

Российская империя переживала политические кризисы на протяжении практически всех думских лет: в 1906, 1907, 1909, 1911, 1912, 1914, 1915, 1916 годах. Видимо, эта была неизбежностью для отстраивавшейся политической системы, которая не могла быть стабильной. После 1911 года болезнь неуклонно обострялась. Это было обусловлено разнонаправленным развитием государственных институтов: прежде всего Думы и Совета министров.

Они перестали говорить на одном языке. Общая политическая повестка была исчерпана. За этим должна была последовать политическая встряска, в результате которой преобразился бы режим. Из этого не следует, что революция была неизбежной. Кризис мог принять любые формы. Его сценарий не был предопределен. Реализованный сценарий объясняется не только глубинными причинами, но и конкретными обстоятельствами февраля – марта 1917 года: прежде всего конъюнктурой военного времени.

2. Были ли революции 1917 года естественным продолжением революции 1905-1907? В чем они, на Ваш взгляд, совпадают и чем различаются? Февраль и Октябрь 1917 года – это два разнонаправленных события (революция и контрреволюция) либо два этапа единого революционного процесса? Был ли Октябрь неизбежным следствием Февраля.

Советская историография, следуя за ленинскими оценками, невысоко ставила Первую революцию. Она была лишь «репетицией» событий 1917 года и в целом неудачной. Конечно, большевикам она удачи не принесла. Однако едва ли стоит оценивать революцию именно с этой точки зрения. Важнее посмотреть на те изменения, которые затронули Россию по ее результатам. В этом отношении Первая революция была успешной. Ведь за ней последовал новый виток модернизации страны, конечно, со всеми необходимыми издержками этого процесса.

Великая революция 1917 года, напротив, была неудачной. Ее итогом стал триумф традиционализма: свертывания конституционного эксперимента, гражданских прав, института частной собственности и т.д. Иными словами, Октябрь 1917 года был поражением и Февраля, и Октября 1905 года. Причем Октябрь 1917 года был вполне логичным продолжением процессов этого года (имея в виду, конечно, не только события десятого месяца, но все то, что было естественным следствием прихода большевиков к власти). Ведь в 1917 году слова подчинили себе людей. Например, даже во Временном правительстве уверовали, что, наконец, победила демократия. Следовательно, любой «ненастоящий» демократ становился политическим маргиналом. Народовластие предполагало ставку на самоуправление. Значит, к административной вертикали стоило относиться с подозрением. Отметалось все, что напоминало риторику дофевральских дней. Разговоры о национальных интересах России становились просто неприличными. Наконец, контрреволюция усматривалась исключительно справа. Слева были лишь друзья революции, может быть, иногда чересчур пылкие. При таких обстоятельствах происходила неминуемая радикализация общественных настроений.

В механике же революций 1905–1907 и 1917 годов было много общего. Главное заключается в том, что любая революция объясняется не силой нападения, а слабостью защиты, не мощью революционеров, а беспомощностью власти, отсут-

ствием веры в собственные силы. Революция – это своего рода диагноз состояния правящего режима.

3. Какую роль в революциях 1917 года сыграли внешние воздействия, в частности, стремление стран Четверного союза вывести Россию из войны, а стран Антанты сохранить Россию в числе союзников?

Внешние воздействия сыграли роль минимальную до такой степени, что ее можно даже не учитывать. Любая из воюющих сторон пытается оказывать влияние на внутреннее положение врага, настроения среди его солдат. Так было и во время Первой мировой войны. Агитацию среди солдат Четверного союза вела и Россия. Очевидно, не эта деятельность способствовала обрушению политического режима Германии или Австро-Венгрии. Точно так же и Россия страдала собственными болезнями, отнюдь не привнесенными извне. Некоторые из них имели еще довоенное прошлое.

4. Какова была роль национального вопроса в распаде империи? Была ли альтернатива большевистской диктатуре (правая диктатура, либеральная демократия и др.) в восстановлении территориальной целостности страны?

Когда говорят о российской бюрократии XIX века, обычно ей дают уничижительные оценки. Мотив следующий: ведь ее многолетняя деятельность завершилась фиаско. Но на этот вопрос можно посмотреть и с другой стороны: как долго все же удавалось сохранять

многонациональную и многоконфессиональную империю единой и неделимой. Она была вся сплелена из национальных конфликтов и противоречий, между которыми приходилось искусно (хотя и не всегда) балансировать. В условиях же распада центральной власти процесс энтропии был неизбежным и в 1917 году постепенно и неуклонно нарастал. Попытка восстановить государство в его прежнем формате — в тех условиях это плыть против течения без особых шансов на успех. Большевики поступили иначе. Они из региональных национализмов выстроили империю нового типа, одновременно рассчитывая на формирование в будущем новой наднациональной идентичности.

5. Представим, что Россия не вступила в Первую мировую войну... Какой вариант «альтернативной истории» могли бы предложить Вы?

Не стоит с порога отрицать «альтернативную историю». Почти всегда у человека остается возможность выбора, а значит, в итоге реализованный сценарий редко бывает единственным. Однако в данном конкретном случае варианты иного развития международной ситуации не просматриваются. Российское общество (и не только оно) желало войны и в целом радовалось ее началу. Достаточно почитать отечественную периодическую печать 1908–1909 годов, чтобы убедиться в том всеобщем возмущении и либералов, и консерваторов уступчивостью российской дипломатии, которая не готова была воевать за Боснию и Герцеговину. Столыпинскому

правительству потребовалась немалая выдержка, чтобы стерпеть оскорбления в печати, недовольство в Думе, но все же отстоять свою позицию и не позволить России ввязаться в войну. В 1914 году и Столыпин не было, и внешнеполитический кризис был серьезнее. Казалось, Россия не могла оставить без поддержки Сербию. В этом случае она неминуемо теряла статус великой державы. По крайней мере в те дни многие так думали, не сомневаясь в победе Антанты и, естественно, не догадываясь о своем будущем.

6. Какое место события 1917 года занимают в современной исторической памяти? Является ли она исключительно «конструктом» власти и других идейных и политических сил? В какой мере память о революции транслируется посредством «устной истории»: местных преданий, семейной памяти и т.д.?

В общественном восприятии 1917 год — не сравнительно длительный процесс со всеми непростыми перипетиями этого «долгого» года в истории России, а «точка», мгновение перехода власти к большевикам. При этом для нашего современника эта «точка» очень значима: она отделяет древность от современности, антикварную историю от актуальной. Этот факт представляется довольно печальным. Современный россиянин не чувствует живую связь с дореволюционной Россией и очень приблизительно ее представляет. Его исторический опыт чаще всего коренится в советском прошлом, как бы он к нему не относился. Вместе

с тем русский двадцатый век — это парафраз девятнадцатого. Он говорил тем же языком, мыслил теми же категориями, что и в XIX столетии, но без «цветущей сложности» позапрошлого века. Ведь все же

долгий XIX век — время общества, а следовательно, общественного мнения, общественной дискуссии, общественных организаций — того, что короткое XX столетие в полном смысле этого слова не знало.

"WE CONTINUE TO BE CONTEMPORARIES OF THE EVENTS OF A CENTURY AGO..."

Interview with K. A. Solovyov

Solov'ev Kirill A. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of Russian history, RAS (Moscow)

«РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1922 ГОДОВ И МЫ»

Интервью с А. В. Шубиным

1. Существуют две полярных точки зрения на причины революционных потрясений 1917 года. Одни считают, что свержение царизма было закономерным следствием «системного кризиса» Российской империи. Другие полагают, что в стране происходила успешная модернизация. Революция произошла благодаря уникальному сочетанию неблагоприятных обстоятельств: мировой войне и активности различных политических сил, оппозиционных царизму. Каковы, по Вашему мнению, были причины Февраля 1917?

А.Ш. Я не считаю их полярными, поскольку в ходе модернизации могут и даже должны вызреть системные предпосылки для возникновения революции. Большинству стран, прошедших через полосу модернизации, не удалось избежать революции. В процессе модернизации накапливается горячий материал социального характера. Конечно, к революции в 1917 году привел, прежде всего, системный кризис, и лишь потом случайные обстоятельства, и у меня для этого есть веское доказательство. Это первая российская революция, которая была результатом другого

стечения случайных обстоятельств. Всегда есть определенное стечение обстоятельств, которое объявляется уникальным, но оно является следствием системного кризиса. Назрело такое недовольство, что при любом раскладе происходит взрыв.

Между 1905 и 1917 годами произошли некоторые изменения. Обычно указывают на столыпинскую реформу. Однако, на мой взгляд, она совершенно не разрядила обстановку на селе, скорее наоборот, она только ухудшила социальную атмосферу в городах, поскольку часть людей из деревни после продажи земельных наделов ушла в города, где не было лишних «социальных ниш». Возникла дополнительная масса маргинального характера. Первая мировая война наложила тяжелый отпечаток на развитие событий. Но мы должны с вами понимать, что эта война во многом предпринималась как раз для того, чтобы разрядить обстановку и дать самодержавию преимущества. Патриотический подъем, часть лишней рабочей силы ушла на фронт. В результате сначала напряженная ситуация в деревне и городах смягчилась.

— Не считаете ли Вы, что было умышленное наступление войны как раз для того, чтобы снять противоречия, которые существовали в то время?

© Историческая Экспертиза, 2017
Шубин Александр Владиленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); shubinav@mtu-net.ru

А.Ш. Уже перед войной существовало много противоречий, но патриотический подъем способствовал, прежде всего, их сглаживанию. В частности, летом 1914 года в ходе рабочих стачек происходили очень серьезные столкновения в Петрограде. Возникновение войны зависело не только от России, но внутренняя обстановка играла на «ястребов». Говорить, что «если бы не война, то совершенно ничего бы не случилось», неверно, поскольку предпосылки революции сложились до войны и даже до первой революции, которая полностью их не сняла. Скорее война отложила революцию. Роль войны заключалась в другом. Если бы революция произошла до или после войны, то революция не была бы такой милитаризованной.

2. Были ли революции 1917 года естественным продолжением революции 1905–1907? В чем они, на Ваш взгляд, совпадают и чем различаются? Февраль и Октябрь 1917 года — это два разнонаправленных события (революция и контрреволюция) либо два этапа единого революционного процесса? Был ли Октябрь неизбежным следствием Февраля?

А.Ш. На мой взгляд, революция, начавшаяся в 1917 году, была продолжением революции 1905–1907 годов. Однако революция 1905–1907 годов основные вопросы не сняла. Таких социальных кризисов, «вопросов», основных причин революций было четыре: аграрный, рабочий, национальный и «вопрос о власти» — проблема самодержавия. Положение рабочих

улучшилось в условиях короткого экономического подъема и стачек, но война это обнулила. Даже бы без войны эти достижения были неустойчивы. Когда нам говорят, что двадцать лет спокойствия привели бы к тому, что Россия всех бы обогнала, то это не так. Говорить так — значит игнорировать динамику капиталистической экономики, которая развивается волнообразно. Нельзя по темпам развития России в 1911–1913 годах судить о долгосрочных темпах. Потому что, если судить по темпам развития России в 1900–1903 годах, то Россия, вероятнее всего, вернулась бы в средневековье, поскольку это был период падения. Есть периоды подъема, есть падения. Россия была периферийной капиталистической страной, поэтому однозначной светлой перспективы у нее не было, во всяком случае без системных преобразований, которые революция могла дать либо не дать. Если реформы не решают системных проблем страны (а столыпинские реформы их не решали), то все зависит от успеха или неуспеха революции.

Война придала событиям крайне милитаризованный характер. Это облегчило свержение самодержавия, но крайне затруднило дальнейшую конструктивную работу. Социально-экономический кризис стремительно углублялся, было очень трудно выйти из этого положения. Тем более что война оказалась неудачной. И в силу этого каждое правительство должно было думать, куда девать огромные массы вооруженного народа и что делать, когда фронт может рухнуть в любую минуту. Что, в общем, и случилось.

Февраль и Октябрь — это два важных события Великой российской революции 1917–1922 годов. В ней, как и в Великой французской, было несколько повротов и этапов, но между ними нет полного разрыва или паузы. Говорить о контрреволюции при этом можно с большими оговорками, так как мало кто выступает за полное возвращение в до-революционный период. Я давно выступаю в поддержку концепции Великой российской революции 1917–1922 годов и рад, что она приобрела весомый авторитет.

В чем заключалась суть Февральской революции? Это было сложное событие, где соединилось восстание низов и переворот либеральных элит. Одно без другого не могло победить, но в итоге и дальнейший ход развития определялся не только правительством и его структурами, но и самоорганизацией масс, прежде всего Советами. У либералов не получилось «Glory revolution», которая должна была принять либеральную конституцию и тут же успокоить страну. Без решения важнейших социальных вопросов быстро прекратить революцию было невозможно. Либералы показали не только неспособность понимать происходящее, но и предали свои принципы. Они выступали за правительство, ответственное перед парламентом. Первое, что они сделали — отбросили Россию ко временам 1904 года, потому что они ликвидировали Государственную думу и сосредоточили в своих руках исполнительную и законодательную власти. Однако поскольку они не сумели выстроить аппарат, который мог бы реализо-

вывать их решения, а тем временем в стране нарастали социальная революция и хорошо организованные социальные движения, то провести свой курс либералы не могли. Соответственно первое Временное правительство сменилось социал-либеральным, то есть в коалицию пришли социалисты. И мы с вами знаем, что Октябрьская революция делалась под лозунгами социализма. Здесь преемственность налично: и в части влияния Советов, и в части участия социалистов. Это было нарастание процесса с определенной логикой.

Был ли неизбежен Октябрьский переворот? На мой взгляд, нет. Более радикальная фаза революции могла начаться иначе. Например, в Испании в 1936 году она началась, потому что «корниловцы» добились большего успеха. Этот вызов привел к тому, что левая коалиция (социалисты, либералы, коммунисты и анархисты) перешла к более радикальным преобразованиям с целью заинтересовать народ в противостоянии врагу. В принципе, такой сценарий был возможен и в нашей стране. Обсуждалась идея однородного социалистического правительства. Но выйти из революции без глубоких преобразований было невозможно. Левые социалисты и большевики понимали это. Умеренные большевики были не против более широкого союза. Но Ленин считал, что провести необходимые преобразования можно работоспособной узкой командой, без «говорильни», то есть без парламента и плюрализма. Левых эсеров он еще терпел, но только пока они были готовы признавать

доминирование большевиков в важнейших вопросах. В ответ на доминирование Ленин был готов идти на временные уступки, даже на раздачу земли крестьянам, что противоречило марксистскому проекту. Парламентаризм и коалиционность позволяют опираться на более широкие слои населения, вовлекать в решение проблемы больше точек зрения и компетентных кадров. Ленин действительно стоял перед тяжелым выбором, потому что, конечно, ему хотелось опираться на большинство населения. Он, в общем-то, и думал, что он опирается на большинство населения, к этому подводилось классовое мышление. Политически, разогнав Учредительное собрание, он со своими товарищами пошел наперекор трем четвертям населения России. Но все же большевизм опирался на очень широкие массы, а не на кучку заговорщиков.

Наверное, если бы это было многопартийное правительство Чернова, Мартова и Каменева, опирающееся на Учредительное собрание, преобразования пошли бы глаже. Безусловно, произошла бы ликвидация помещичьего землевладения. Было бы принято рабочее законодательство, сохранялось бы рабочее самоуправление. Но такой путь, который я считаю более эффективным, чем тот, что делали большевики, не гарантировал полного успеха и быстрого решения задач революции. Ликвидация помещичьего земледелия не давала хлеба городам. Крестьянин стал лучше питаться, это верно. Крестьянин становился спокойнее, и, может быть, он бы поддержал завершение революции,

но нужно было кормить рабочие кварталы. Ленин лихорадочно пытался это делать, но большевики действовали по детскому принципу «я сам», они отбросили помощь социалистической и либеральной интеллигенции, а та в ответ прибегла к саботажу. Интеллигенция не была готова на любых условиях сотрудничать с узурпаторами. Под эгидой Учредительного собрания продовольственные органы работали бы с большей охотой, и накормить города было бы проще, но все равно тяжело, все равно недовольные бы оставались. Восстания слева продолжались бы, как это бывает почти во всех революциях. Если большевики были бы интегрированы в коалиционное левое правительство, там лидировали бы анархисты и левые коммунисты, которые откололись бы от большевиков. С другой стороны, не следует сбрасывать со счетов Корнилова, Деникина, Колчака и прочих, которые могли выступить не только против большевиков, но и против гораздо более умеренных левых, против демократии вообще, поскольку это противоречило бы их генеральскому мышлению и представлению о должном. Это подтверждает опыт Испании. Собственно, Корнилов это и показал. Такие, как Деникин, выступали в защиту принципов частной собственности, политически ориентировались на кадетов, которые потерпели поражение на выборах, но не смирились с этим. Напомню, что огромным достижением Белого движения считаются реформы Кривошеева в Крыму, когда он очень осторожно согласился, что какую-то часть земли крестьянам все-таки можно передать. В аграрном

отношении белые были в основном «стольпинцы». Они возвращали помещикам землю, потому что Советская власть нарушала принципы частной собственности. Не всегда и не везде, но если помещик появлялся, то ему возвращали землю. Конечно, крестьяне боялись их как огня.

Солдаты ненавидели Корнилова за попытку повести их в наступление. Они считали это наступление бессмысленным. По большому счету, солдаты были правы, поскольку никакое наступление в 1917 году не могло увенчаться стратегическим успехом по той простой причине, что бить австрийцев мы еще как-никак умели, а немцев нет. В случае победы российской армии на южном фланге приходили немцы и заступались за своего союзника. В этом стратегическом тупике солдаты не хотели идти в наступление «на убой». Они просто не хотели умирать, не понимая за что, за какие-то проливы, за какую-то Польшу, за то, чтобы присоединить ее почему-то к России. Почему проливы и Польша должны быть присоединены к России?

3. Какую роль в революциях 1917 года сыграли внешние воздействия, в частности, стремление стран Четверного союза вывести Россию из войны, а стран Антанты сохранить Россию в числе союзников?

А.Ш. Роль войны была велика, она тягостно сказывалась на экономике, на настроении солдатской массы. Пацифистская программа большевиков сыграла огромную роль,

поскольку солдаты, услышав, что большевики сейчас войну закончат, поддерживали их все сильнее. Сразу после Октябрьского переворота не нашлось никакой мало-мальски существенной части, которая пошла бы на Петроград под знаменем Керенского, и он ушел в политическое небытие.

Что касается всяких версий о внешнем финансировании, то по большей части они относятся к конспирологии, а не к науке. В истории бывают и заговоры, бывает и зарубежное финансирование, но если мы что-либо утверждаем, то должны при этом опираться на проверяемые источники. Особенно веселят меня версии о том, как Великобритания хотела перед февралем 1917 года развалить Россию, своего союзника в войне, чтобы не делиться плодами победы. Чистые домыслы.

Более интересно обсуждение версии о зарубежном финансировании большевиков. Я проанализировал следственное дело большевиков, провел подсчеты и могу утверждать, что финансовый баланс большевиков весной-летом 1917 года не сходится примерно на 30 тысяч рублей. Чтобы понять масштаб этой суммы, типография, в которую, видимо, вложили эти деньги, стоила 225 тысяч рублей, а вместе с комплектующим — 250 тысяч рублей. Однако большевики не успели толком этой покупкой воспользоваться, поскольку в июле 1917 года эта типография была у них конфискована. Вот и вся роль непонятных денег, которые якобы отправил «германский генштаб» через Парвуса

и Ганецкого, руководившего фирмой, в которую вложился Парвус. Ганецкий был большевиком и мог не согласовывать политические шаги со своим работодателем Парвусом. В тот момент фирма Ганецкого шла под уклон и не могла работать дальше. Он приехал в мае 1917 года и мог привести некоторые деньги. Небольшие средства снимались со счета, но основные «зависли», не могли быть переведены в Стокгольм, поскольку был введен запрет на перевод денег за границу с целью прекратить утечку капитала. Когда будет проведена ревизия, выяснится, что почти все деньги на месте, а расходы легальны. Оплата юриста Козловского великовата разве что. Но не только он, но и другой более обеспеченный человек, расположенный к большевикам, мог дать такую относительно небольшую сумму, которой не хватало на покупку типографии. Утверждать, что именно Ганецкий передал эти деньги, я не могу, но исключать этого я тоже не могу. Это весьма вероятно. Но большевики и без этой суммы прекрасно бы справились. Благо они нарастили тиражи своих изданий осенью, уже когда точно не было никакого внешнего финансирования, то есть получали деньги от членов своей партии, которых уже было более 300 тысяч человек.

— Вы хотите сказать, что если они и получали деньги от германского правительства, то это все равно были небольшие суммы?

А. Ш. От германского правительство они ни копейки не получали. Однако, поскольку деньги не пахнут, то, может быть, они получа-

ли их от Ганецкого, который был сотрудником Парвуса, который в свою очередь сотрудничал с германским правительством, будучи германским и турецким подданным. В сотрудничестве с Парвусом нет ничего компрометирующего для Парвуса, а в сотрудничестве Ленина с Ганецким нет ничего компрометирующего для Ленина. А Ганецкий сотрудничал с Парвусом, потому что он просто работал в этой шведской фирме, что также не является компроматом само по себе. И эти опосредованные связи сыграли в судьбе революции роль, стремящуюся к нулю.

— Если бы эта сумма была большой, она все равно бы фигурировала в каких-то документах, не так ли?

А. Ш. Есть следственное дело в нескольких томах, и я его полностью прочитал. Оно было опубликовано в 2012 году. Судя по введению, составители не проводили анализ данных следствия, сами подсчеты. Я провел подсчеты, и у меня баланс не сошелся примерно на 30 тысяч. Может быть, кто-то подсчитает иначе, но документы дают основания говорить о том, что эта скромная сумма, возможно, была передана. Плюс был такой Чермовский, который внес довольно приличную сумму, около 15 тысяч рублей. Правда, откуда он ее взял, не очень понятно, но он сказал, что это его личные сбережения. Есть несколько непонятных источников, и нет никаких доказательств, что эти средства имеют германское происхождение.

4. Какова была роль национального вопроса в распаде империи?

Была ли альтернатива большевистской диктатуре (правая диктатура, либеральная демократия и др.) в восстановлении территориальной целостности страны?

А.Ш. При распаде империи роль национального вопроса всегда велика, поскольку империя распадается на национальные части. Можно сказать, что крушение империи началось до революции. Я даже не говорю о революции 1905–1907 годов, где национальный фактор играл большую роль, но даже если говорить о 1917 году, мы помним, что он предваряется грандиозным восстанием в Туркестане в 1916 году, которое говорит о крайней напряженности в межнациональных отношениях, архаичности и устарелости имперской конструкции. С каким энтузиазмом бросились в революционное движение «иностранцы». Какую популярность имели движения самой разной политической окраски, которые выставляли вперед национальную идею: мы должны развивать свою культуру, должны говорить и печататься на своем языке. При этом нужно помнить, что ни одно из влиятельных национальных движений до прихода к власти большевиков не выступало за независимость своих регионов. Октябрьский переворот здесь сыграл трагическую роль, потому что все хотели, чтобы Учредительное собрание приняло федералистскую конституцию, которая давала бы «окраинам» широкую автономию. Но большевики говорили, что это будут решать они. Их доминирование совершенно не устраивало всех остальных, и в итоге от большевиков, которые действовали

с оружием в руках, стали отгораживаться с помощью провозглашения независимости. Так, например, независимость Украины, по признанию М.С. Грушевского, провозглашалась вопреки воле провозглашавших. Начались боевые действия, Красная армия наступала, нужно было представить это как агрессию, хотя значительная часть наступавших была жителями Украины. Зловещую роль сыграла «германская» игра Украинской Народной Республики (УНР), которая пыталась таким образом отгородиться от «красного» наступления немецкими штыками. Но консолидировать нацию с помощью немцев они не смогли. Большевики довольно легко преодолели это вооруженное сопротивление, взяли Киев, но немцы вернулись по приглашению УНР, свергли ее правительство и разогнали Центральную раду, установили свой марионеточный режим Скоропадского. Вся эта немецкая игра кончилась крайне неприглядно для организаторов украинской государственности. Но это не значит, что сама украинская идея провалилась. Она не была искусственной. Украинские националисты пользовались очень большой поддержкой в 1917 году, пока речь не зашла о жестком социальном и политическом размежевании. После ухода немцев они очень быстро вернули себе доминирование, но на очень короткое время. Против Скоропадского лидеры УНР Винниченко и Петлюра имели очевидное преимущество в симпатиях масс. Но этой симпатии было недостаточно, чтобы стать насмерть против большевиков. Советская власть вернулась в Киев в начале 1919 года. Но когда

большевики стали проводить военный коммунизм, очень мощные восстания поднялись как раз под украинскими знаменами, хотя и не только. Был и Махно, как руководитель одного из самых устойчивых движений времен Гражданской войны, который в принципе равнодушно относился к национальной идее. Он скорее ориентировался на общесоветские установки: «раз все-таки это Украина, то пусть будет Украина». Для него идея власти Советов, самоуправления была важнее, чем национальная идея. Но были и те, для кого национальная идея была очень важна. Например, мощное восстание Н. А. Григорьева в 1919 году было националистическим.

Русификация еще в Российской империи усилила национальную напряженность, но, видимо, это был неизбежный процесс, поскольку русификация является естественным следствием модернизации. Вообще, нацистроительство является естественным следствием модернизации. Если на фабрике в Петербурге работают рабочий-эстонец и немец-инженер, то они должны говорить по-русски, иначе они не смогут понять друг друга. Язык межнационального общения начал навязываться в самых благородных модернизационно-промышленных целях: консолидация общего пространства, отсутствие языковых преград. Но экспансия «языка Пушкина» в ответ вызвала сопротивление «языка Шевченко». Шевченко писал по-русски, но в условиях унификации, навязывания литературного стандарта он начал разрабатывать украинский язык как литературный язык. Дру-

гие его поддержали. Когда говорят, что украинский язык — искусственный язык, я могу сказать, что любой язык является искусственным, поскольку литературный язык является искусственным по своей природе. Это некий стандарт, который вводится на определенном этапе общественного развития для того, чтобы облегчить задачу модернизации.

Однако культурная унификация не может происходить бесконфликтно, вызывает ответную реакцию на «окраинах». К 1905 году накопился конфликтный потенциал. Революция 1905 года немножко его разрядила, поскольку предоставила «инородцам» некоторые новые права, но этого было недостаточно. Национальные культуры быстро крепили, и им потребовалось новое пространство, национальные лидеры стремились к обладанию территорией. Здесь начались очень острые конфликты, потому что носители разных культур в империи жили вперемежку. На востоке Украине говорили на «суржике», который не был чисто русским и украинским. Города Украины в Российской империи были преимущественно русскоязычными. Это была очень сложная национальная ситуация, национальный вопрос наложился на социальный, возникли своеобразные «качели». Когда национальная консолидация навязывалась слишком сильно, то усиливались сторонники развития классовой борьбы. Большевики на этом и играли. А когда навязывалась военно-коммунистическая модель, то национальный фактор становился мобилизующим фактором в борьбе

с большевизмом. В итоге большевики нашли **интересное сочетание**, сумев на время заморозить национальные вопросы в виде советских социалистических республик с «титულными» нациями, которые получили широкие возможности для развития национальных культур при условии унификации социально-политической модели. Нужно сказать, что эта конструкция оказалась весьма успешной для своего времени. И национальные движения пошли на спад.

— Допустим, если бы не большевики победили, а Деникин с Корниловым, или, может быть, эсеры, то были бы какие-нибудь другие варианты воссоединения?

А. Ш. Во-первых, большевики все же провели почти полное воссоединение территории, которая входила в одно государство. Хотя можно было бы и не разваливать, но это не только от них зависело. Либералы, поставившие на генеральскую диктатуру, стремились загнать назад разбушевавшиеся массы кровавым катком. Колчак и Деникин категорически выступали за единую и неделимую Россию, что отталкивало от Белого движения «националов». Большевики как раз были наиболее гибкими, они говорили: «Признайте нашу классовую программу, а мы — ваше право на самоопределение в качестве Советской республики». Иногда для удобства государственного строительства большевики проводили русификацию, но были готовы уступать, проводили коренизацию, украинизацию, белорусизацию и т.п. Если бы победили эсеры, отстояв Учре-

дительное собрание даже силовым путем, то им было бы гораздо проще договориться с Центральной радой, например. Россия могла сохраниться как большая федерация. Но эта конструкция могла бы устоять только в случае успеха эсеровских социально-политических реформ.

5. Представим, что Россия не вступила в Первую мировую войну... Какой вариант «альтернативной истории» могли бы предложить Вы?

А. Ш. В этом контексте любят пользоваться утверждением «История не знает сослагательного наклонения». Однако, на мой взгляд, история знает сослагательное наклонение. Иначе она была бы просто фаталистической летописью.

Если бы Россия не вступила в Первую мировую войну, революция все равно бы состоялась, но она была бы менее милитаризованной. Было бы больше шансов удержаться от широкомасштабной гражданской войны и столь катастрофических смен режимов. Революция без войны могла бы стать более результативным изданием 1905 года, мог возникнуть и устоять социал-либеральный режим. Но не чисто либеральный, так как социальные вопросы уже назрели и перезрели. В любом случае вопрос помещичьего землевладения был бы поднят, поскольку даже для развития модернизационных программ на селе Россия нуждалась в определенной передышке в аграрной области для того, чтобы убрать чересполосицу. Раздел помещичьих земель

позволял смягчить аграрный голод, хотя и не решал проблему модернизации, а открывал для этого дорогу.

Большевики, пойдя на раздел земли, выиграли время, которое как раз ушло на НЭП. Крестьянину стало лучше, ситуация на селе стала терпимее. За это время большевики пытались нарастить промышленный потенциал, но им не хватило ни времени, ни ресурсов, ни эффективности, поскольку они делали ставку на малоопытные маргинальные кадры. И социальная напряженность, чреватая новой революцией, вернулась к концу 20-х годов.

Если бы в 1917 году победили бы не большевики, а либералы и генералы, мы бы превратились не в Великобританию, а в вариант государства Восточной Европы межвоенного периода. Россия могла бы находиться в спектре от хортистской Венгрии до Польши Пилсудского. В случае победы социалистов был бы шанс развития в направлении относительно демократических Чехословакии и Финляндии, а в случае успеха социальных реформ — то и до «шведского социализма» недалеко.

Для такой большой страны, как Россия, при медленной модернизации сохранялись бы большие внешнеполитические угрозы. В условиях Великой депрессии все принялись делить то, что еще не было поделено. Судьба Китая весьма поучительна в этом отношении. Появилась бы опасность «китаизации России».

В 1917 году у социалистов были очень неплохие шансы перехватить

инициативу, провести те преобразования, запаздывание которых могло победить большевикам. Вспомните, с каким восторгом социалистов принимали после свержения самодержавия. Это произошло бы, если бы самодержавие было свергнуто волной народного негодования. Но европейский опыт предупреждает, что даже оптимальные альтернативы чреваты последующими провалами. Например, в Испании в 1931 году свергли монархию, и к власти пришли либералы и социалисты, аналог Временного правительства. Испанию в данном случае можно рассматривать как модель революции без Первой мировой войны. Левые вскоре потеряли власть, но потом вернули ее в ходе выборов и столкнулись с вооруженным сопротивлением радикальных правых сил. Испания пришла к очень радикальной революции, которая потерпела поражение во многом благодаря внешнему вмешательству. Очень многое зависело от внешних обстоятельств. Соответственно, здесь мы видим очень широкий спектр возможностей. Впрочем, их можно условно систематизировать в виде спектра: сталинский путь, мексиканский путь (вариант плавного перехода от левого режима к периферийному капитализму), демократический восточноевропейский путь, скандинавский путь, испанский путь, авторитарный восточноевропейский путь, фашистский путь, китайский путь. И с каждого из этих путей можно свернуть на другой.

1917 год заложил спектр альтернатив, который действовал всю советскую историю. Когда В. Т. Третьяков

на своей передаче попросил меня коротко сформулировать, чего хотел Горбачев, я ответил: «Он хотел, чтобы наша страна превратилась одновременно в Канаду, Швецию и Швейцарию». Это, конечно, условная формулировка, но понятная и краткая. Считаю, что этот путь развития страны был оптимальным и для 1917 года. Именно этого хотели эсеры, умеренные большевики, левые либералы. В принципе, на этой почве можно было бы представить будущее России.

В 1917 году можно было договориться о проведении ряда преобразований, которые поддержало бы большинство. Они предусматривали передачу помещичьей земли крестьянам, но с сохранением регулируемой частной собственности в промышленности, интенсивную кооперацию сельского хозяйства, внедрение сельскохозяйственной техники. Все политические силы понимали необходимость интенсификации сельского хозяйства. В некоторых общинах крестьяне тоже занимались интенсификацией производства. У России были богатые сырьевые ресурсы и неплохой промышленный потенциал, более развитый, чем в Китае. Передовая общественная мысль в России была очень сильна. Были хорошие экономисты, которые прекрасно разбирались в планировании. Известно, что Громан, Кондратьев и с советским государством сотрудничали, которое, увы, их не оценило. Если бы к мнению таких специалистов прислушивались, думаю, что перспективы более успешного НЭПа были бы вполне реальными. Они бы вывели нас на уровень

«большой Швеции». Если говорить о федерализме, то здесь примером успешного развития является Швейцария. Да, это малая страна, но ведь есть и Канада. Разумеется, что от Канады мы отличались внешними угрозами, от Швеции, увы, большими размерами, от Швейцарии — угрозой распада, поскольку Россия очень разнородна. Так что совмещение этих моделей в любом случае требовало бы напряженной работы, но нельзя сказать, что это было невозможно, раз мы знаем, что такие пути опробованы на практике.

— Фактор Ленина, который маниакально рвался к власти и сыграл свою роль в том, что революция была столь кровопролитной?

А. Ш. Это знаменитый вопрос Троцкого: «Что было бы, если бы Ленин не доехал до России в 1917 году?» Альтернативой появления Ленина был бы Левый блок. На мой взгляд, Левый блок был бы лучше, поскольку это давало шанс избежать Гражданской войны и многих противоречий. Но, с другой стороны, опыт Испании показывает, что это не финал. В ходе борьбы, возможно, появился бы какой-нибудь новый виток революции, конфронтации. Но тем не менее Временное правительство уступило власть Ленину именно потому, что оно не делало того, что начал делать Ленин — радикальные социальные преобразования. В его поведении не было особой маниакальности. Он был политиком, выдвигал программу и проводил ее. У Временного правительства такие возможности были лучше, сначала его поддерживал

широкий блок социальных сил. Но эти политики бездарно потеряли это время. Ответственность лежит именно на них. Чернов предлагал хотя бы заморозить земельные сделки, кадеты блокировали это решение. Саботаж кадетов сыграл огромную роль в провале Временного правительства. Без социальных реформ его авторитет пикировал. И это расчистило путь Ленину к власти. Но если бы он не приехал в Россию, то Каменев, скорее всего, договорился бы с Черновым и Мартовым.

6. Какое место события 1917 года занимают в современной исторической памяти? Является ли она исключительно «конструктом» власти и других идейных и политических сил? В какой мере память о революции транслируется посредством «устной истории»: местных преданий, семейной памяти и т. д.?

А.Ш. Есть много провластных идеологов, которые бегут впереди паровоза, придумывая разные версии насчет революции. Например, известная версия о том, что либералы развалили страну, а большевики ее собрали. Она могла родиться в таких противоречивых мозгах, как например, у Проханова. В свою очередь, Кургинян говорит о том, что Ленин — основатель государства. А более консервативные путинисты — что Российская империя была взорвана диверсантами на взлете, у нее не было существенных проблем, революция является продуктом международного заговора — и далее как по нотам аналогии с «цветными революциями».

Власть, давая им трибуну и возможность продвигать «антиоранжевую идею», выступает более осторожно. Путин в своем выступлении признал, что это очень важное и неоднозначное событие, и нужно понять его участников. В известной степени он «отправил мяч в академию», и это правильно. Кроме квалифицированных историков тут никто не разберется, так как это очень сложная проблема, и делать однозначные выводы недопустимо, поскольку они всегда будут ложными.

Безусловно, память «снизу» передается, но затухающим образом. Сейчас остались одни фотографии и воспоминания: «это мой дед», «это брат моей прабабки». Семейные легенды малодостоверны. Что этот дед помнит, когда ему за семьдесят, и он вспоминает, что слышал от отца, когда ему было десять? Я бы не стал доверять семейной памяти, тем более что сегодня открыты архивные документы. Мы можем послушать голоса тех, кто активно был вовлечен в те исторические процессы.

Массовые представления об истории формируются при помощи средств массовой информации, литературы, школы, вузов. Это переработанная, упрощенная информация, здесь очень много мифов, то есть упрощенных конструкций, которые отталкивают критику, как жир отталкивает воду. Если автор игнорирует критику, значит, он генерирует и транслирует миф. Если готов спокойно обсуждать критику в свой адрес и воспринимает это как повод для серьезного разговора, значит, это наука. Я думаю,

что мы должны отдать предпочтение науке. Но наука не существует в башне из слоновой кости, она может помочь обществу и сообщить ему об уроках событий столетней давности. Столетний юбилей неизбежно актуализирует тему социального протеста. Главный урок Февраля заключается в том, что ради государственных интересов люди не готовы жертвовать своим благосостоянием слишком долго, даже если речь пойдет об очень нужной экспансии. Какой бы важной для государственных руководителей ни была бы экспансия, если жизненный уровень падает, социальные права игнорируются на фоне кричащей роскоши верхов, творится произвол и подавляются гражданские свободы — угроза взрыва велика. Николай II был последовательным консерваторм, он надеялся заморозить страну хотя бы до завершения войны, а желательно до конца своего правления. Но нельзя заморозить страну. Если вы останавливаете все процессы, то процессы все равно идут в глубине и в конце концов они могут вышибить вас как пробку от шампанского. Если забывать эти уроки, то мы можем столкнуться с повторением событий в другой форме.

— После 1991 года не раз утверждалось, что ленинские большевики-«инородцы» страну развалили, а Сталин ее воссоздал

А.Ш. Это один из мифов, о которых я говорил. Когда я минут на пять включаю по телевизору «мусорники духа», где Проханов, Жириновский, Кургинян, Гозман и иже с ними учат Соловьева и ему

подобных истории, я слышу и такое, и противоположное — и все это бесконечно удалено от известной нам исторической реальности. Эти примитивные конструкции перемешаны в хаотическом порядке помойки, и если обычный человек, даже насмотревшись этого, встречает компетентного историка, он его с удовольствием слушает, потому что сложная история интереснее пропагандистских схем.

— Можно сказать, что Ленин и Сталин вновь объединяются в общественном сознании?

А.Ш. Почему бы нет, они же из одной партии. Разделение Ленина и Сталина — это «перестроечный» тренд. Но Ленин действительно основатель государства, которым потом руководил Сталин. С точки зрения идеологической борьбы нынешний буржуазно-бюрократический режим благосклоннее к Ленину, чем раньше. Консерваторы сосредоточили огонь на либералах, а Ленин вернулся в страну уже после свержения самодержавия. Как революционер он для них плох, а как антилиберал и восстановитель государства — терпим. Пропагандисты понимают, что современная социальная напряженность дает Ленину известную популярность, хотя грозный Сталин для имперцев приятнее. Опять же КПРФ сегодня — один из приводных ремней администрации, а Зюганов регулярно возлагает 22 апреля цветы к мавзолею.

Должен сказать, что наше историческое сознание расколото примерно на четыре основных сектора: 1) **лево-демократический**, где

у большинства хорошее отношение к Ленину, в том смысле, что он выступал за социальную справедливость, организовал Октябрьскую революцию и т.д. Хотя в их среде есть и противники Ленина, сторонники эсеров, анархистов. Приоритет этого сектора – социальная справедливость и народовластие;

2) **лево-патриотический сектор.** Это более влиятельный и крупный сектор. Для них Иван Грозный, Петр I, Ленин и Сталин – строители единой державы, на страже которой они стоят в идейной борьбе;

3) **бело-патриотический сектор.** Для них Советский Союз не иначе как «ужас-ужас», разрушивший «Россию, которую мы потеряли», а теперь «мы ее восстанавливаем»;

4) **право-демократический сектор.** Его сторонники считают, что большевизм – это ужасно, поскольку он остановил демократизацию Февраля, путь к свободе для элиты, отождествляемой с либерализмом. В ближайшие годы победа одной из сторон невозможна, и между сек-

торами продолжается позиционная борьба.

— **Мы видим, что «устная традиция» живет, пока живы непосредственные свидетели или их дети, которые рассказывают эти истории, а, если проходит еще одно поколение, то история исчезает или искажается до неузнаваемости.**

А. Ш. У нас обожают показывать по телевидению детей, внуков каких-то деятелей, которые часто рассказывают невероятную чушь, якобы услышанную от родителей. Причем это выдается не как мнение или факт, например, «я это видел», а скорее как «мой папа считал...» и, значит, это правда, а он на самом деле видел. Личные впечатления важны, но обманчивы. Со временем история не искажается, а очищается, потому что приходят историки, которые рационально анализируют источники, включая и устные свидетельства, и документальные.

"REVOLUTION OF 1917–1922 AND WE"
Interview with A. V. Shubin

Shubin Aleksandr V. – doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

The "Historical expertise" addressed the major specialists in Russian history of the epoch of wars and revolutions of the first half of the 20th century to express their views on a number of key issues in the history of the 1917 revolution in Russia.

The questions were asked by S. E. Ehrlich and V. V. Vedernikov

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ «КРИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Критический словарь русской революции / составители Э. Актон, У. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014

19 апреля 2017 г. кафедра истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института организовала круглый стол, участники которого высказали свои соображения, связанные с содержанием недавно вышедшей книги, которая является своеобразным историографическим итогом изучения российской революции.

Публикация подготовлена В. В. Ведерниковым

А. Б. Гуркин

В этом году исполнилось 100 лет с начала русской революции 1917 г. Крушение монархии, а затем приход к власти большевиков серьезно повлияли на ход мировой истории XX в. Поэтому проблемы революции стали предметом не только для научной дискуссии, но и идеологической борьбы, особенно резко усилившейся в период холодной войны. Определенное влияние на становление западной историографии оказали русские эмигранты «первой волны», которые писали не только воспоминания, но и научные труды, появлявшиеся буквально по горячим следам событий. Например, «История второй русской революции» П. Н. Милюкова вышла в 1919 г., в разгар Гражданской войны. Историки и публицисты рус-

ской эмиграции противопоставляли «демократический» Февраль «тоталитарному» Октябрю, который в целом имел, по их мнению, случайный характер. В работе Г. Каткова (*Катков* 2006) Февральская революция представлена как целенаправленный заговор, подготовленный масонами и радикальными революционерами, которые воспользовались помощью Германии. Эта концепция оказала серьезное влияние на автора «Красного колеса» А. И. Солженицына. С другой стороны, советская историография, сложившаяся под влиянием «Краткого курса», тоже противопоставляла «буржуазный» Февраль и «социалистический» Октябрь, игнорируя иные политические партии, кроме большевиков. Сама революция изображалась как осуществление гениального плана двух вождей — В. И. Ленина и И. В. Сталина, а Гражданская война объяснялась желанием мирового империализма покончить с первым пролетарским государством. Модернизированный вариант этой версии

© Гуркин А. Б., 2017

Гуркин Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технологического университета)

представлен в известном трехтомнике академика И. И. Минца (*Минц* 1967–1973). Как видим, эти концепции были зеркальным отражением друг друга, отличаясь только оценками анализируемых явлений. Но в годы оттепели как в СССР, так и на Западе намечается отход от идеологических клише. Можно вспомнить труды Э.Н. Бурджалова, П.В. Волобуева, В.С. Дякина, а с другой стороны – У. Розенберга, А. Рабиновича, Д. Орловского. Теперь исторические школы делятся не по государственной принадлежности, а по темам и методам исследования. И дискуссии связаны не столько с идеологией, сколько с различными методологическими подходами. При этом, несмотря на то, что в научный оборот введен значительный комплекс источников, а число исследований резко возросло, спорных вопросов меньше не стало. Со всем недавно наши коллеги из Электротехнического университета реализовали оригинальный проект, предложив ведущим отечественным и зарубежным историкам ответить на десять вопросов по наиболее дискуссионным проблемам Февраля (Февральская революция 2017). Это и проблемы оценки социально-экономического развития страны в начале XX в., и вопрос о влиянии войны на развитие внутривнутриполитической ситуации, и проблема модернизации государственного строя России после революции 1905 г. Как мне кажется, «Словарь» дает качественный материал если не для решения, то для понимания всех этих проблем.

Именно этот труд нам сегодня и предстоит обсудить. Хочу обра-

тить внимание участников круглого стола, что среди нас находится один из авторов и редакторов издания – В.Ю. Черняев, и это, несомненно, будет способствовать повышению предметности обсуждения, оно, надеюсь, получится интересным и плодотворным.

Как отмечается в предисловии к русскому изданию данного труда, «это систематизированный свод аналитических статей, взаимосвязанных и дополняющих друг друга. Он рассчитан как на сквозное прочтение, так и на использование как научно-справочное издание» (с. 17). Словарь был написан весьма представительным интернациональным коллективом. В его создании приняли участие как российские ученые, так и авторы из США, Канады, Италии, Израиля. Очень интересно и полезно было узнать, как представляют события русской революции зарубежные историки.

«Критический словарь» выходит вторым изданием. Впервые он был выпущен летом 1997 г. в США, а в 2001 г. переиздан в Лондоне. Появление сборника не осталось незамеченным в научной среде, и, как пишут его составители, он «вызвал в целом положительную оценку в ведущих западных исторических журналах и раздражение у некоторых западных оппонентов» (с. 19).

Значительно позже, только в 2014 г., русская версия издания стала доступна отечественному читателю. К сожалению, выход русской версии, как говорится, по причинам, не зависящим от редакции, сильно затянулся, и том

вышел буквально в преддверии столетнего юбилея революции. Работа к этому времени была исправлена и дополнена. Авторами были внесены дополнения и уточнения в свои статьи, они снабжены дополненной пристатейной библиографией, а том – именным указателем упоминаемых участников событий. Этот указатель, который содержит краткие биографические справки, представляет своеобразную энциклопедию в энциклопедии и будет, думаю, востребован как специалистами, так и всеми, кто интересуется проблемами отечественной истории.

«Критический словарь» вызвал и критические отклики. Среди них выделяется обширная статья профессора кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского университета А. В. Смолина (*Смолин 2015*). Наличие различных оценок данного сборника вполне объяснимо – все серьезные труды, а к таковым, без сомнения, относится «Критический словарь русской революции», всегда вызывают неоднозначную реакцию научного сообщества.

Начиная по праву ведущего дискуссию, я хотел бы указать на ряд спорных моментов.

Прежде всего, это касается хронологических рамок исследования. Они охватывают период с 1914 по 1921 г., но событиям до февраля 1917 г. в работе уделяется совсем мало внимания. Не совсем понятен и конечный временной рубеж – 1921 г., поскольку общепринятая дата окончания Гражданской войны в России – 1922 г.

Понятно, что, несмотря на весьма солидный объем издания (почти 800 страниц), осветить все вопросы русской революции в нем практически невозможно, поэтому многие темы не получили развернутого рассмотрения, а были лишь обозначены. Это, в частности, относится к статье Доминика Ливена о Николае II (с. 161–166). В статье дается довольно поверхностный анализ характера последнего русского императора и многих его поступков, роковым образом повлиявших на развитие революционных событий в России. Не преувеличивая значение субъективного фактора в революции, следует в то же время признать, что в стране, имеющей многовековые монархические традиции, очень многое зависело именно от императора. И, следовательно, его личность заслуживает более пристального внимания.

К. А. Тарасов

Я хотел бы сказать пару слов о контексте, в котором появился «Критический словарь». Как мне кажется, это поможет понять в целом его значение для историографии революции 1917 г.

Начиная с первой четверти XX в., после образования Советского Союза, параллельно развивались два направления изучения событий 1917 г. в России. Первое из них в самом СССР характеризовалось доминированием марксистско-ленинской интерпретации революционного процесса и выделением особой роли партии большевиков в нем. Представители второго направления под влиянием особой политической ситуации противостояния двух систем и эмигрантской историографии исходили из антикоммунистических предпосылок в интерпретации событий. Они зачастую сводили события Октября 1917 г. к заговору небольшой группы большевиков, которая не имела широкой поддержки в стране. Прежде всего, данное направление было связано с послевоенными работами Р. Пайпса. Оба эти направления находились в постоянной конфронтации точек зрения. Полемика, однако, задавалась скорее вопросами политики, чем серьезного научного спора.

В 60–70-е гг. XX в. ситуация несколько изменилась. В американской ис-

ториографии появилось течение «ревизионистов», которые предлагали пересмотреть устоявшийся взгляд на революцию 1917 г. исходя из объективных социально-экономических предпосылок революционного движения. Они предлагали изучение революции «снизу», изучая массовые организации, социальные требования различных классов. Стала ясна более сложная картина, показавшая сдвиг в общественных настроениях, приведший к поддержке лозунгов большевиков.

В этот же период и в Советском Союзе на некоторое время изменилась ситуация. Окончание сталинского периода сделало возможным пересмотреть ряд наиболее тенденциозных выводов «Краткого курса», влиявших на историографию. В период оттепели появилось определенное количество молодых авторов, создавших более свободные в трактовках работы о революции 1917 г.

Однако окончательно конфронтация «западной» и «отечественной» историографии была преодолена лишь в конце 80-х гг. XX в. Период перестройки сделал возможным продуктивный диалог между советскими историками и «ревизионистами». Итогом этого многолетнего сотрудничества стало проведение международных коллоквиумов, которые продолжаются и по сей день каждые два-три года. Материалы одного из первых были опубликованы в сборнике «Анатомия революции», ставшем историографической классикой. Ученые из разных

© Тарасов К. А., 2017

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

стран мира смогли ознакомиться с основными выводами различных научных школ, прийти к общему мнению по ряду спорных вопросов истории революции 1917 г.

После распада Советского Союза многие достижения советской историографии были отброшены как устаревшие. Концепция Р. Пайпса, отвергавшая серьезные предпосылки прихода к власти большевиков, утверждение о случайности этого события, становится популярной в исторической и «околоисторической» литературе. В этой связи появление в 1997 г. «Критического словаря» на английском языке, в написании статей которого участвовали прежде всего специалисты из России, США и Великобритании, имело больше значение. Взвешенный и разносторонний взгляд профессиональных историков на различные события революции 1917 г. позволил вернуться к научным оценкам. «Критический словарь» стал своеобразным «замковым камнем», завершившим сближение двух параллельных направлений историографии, слившихся в общее течение, итогом длившегося более десятилетия диалога.

К сожалению, несвязанные с наукой обстоятельства не позволили опубликовать одновременно и русское издание. Оно вышло в свет лишь несколько лет назад. Тем не менее «Критический словарь» не утратил своей ценности. До сих пор о революции 1917 г. встречаются конспирологические и тенденциозные высказывания, игнорирующие социальный, экономический, иногда и в целом исторический контекст.

«Критический словарь» является необходимой базой знания о революции 1917 г. Он отличается наиболее взвешенными оценками событий от авторитетных специалистов по конкретным сюжетам. Этот труд может быть использован в качестве универсального учебного пособия, дающего не только общее представление о важных проблемах революции, но и основную научную литературу для более подробного ознакомления. Однако он нужен и уже профессиональным исследователям, зачастую замкнутым в пределах своей узкой специализации.

В конечном итоге «Критический словарь» является лучшим доказательством устранения границ научного знания, пролежавшим долгое время между «западными» и «отечественными» исследователями. Без этого важного вывода развитие современной науки просто невозможно.

К. Н. Скворцов: Скажите, Константин Андреевич, насколько активно развивается сотрудничество с западными историками, специализирующимися на русской революции 1917 г., в настоящий момент? По сравнению с 90-ми гг. прошлого века оно шагнуло вперед или испытывает дополнительные трудности?

К. Н. Тарасов: В настоящий момент научное сотрудничество не исчезло, постоянный обмен мнениями происходит, например, в рамках международных конференций. Традиция международного коллоквиума в Санкт-Петербурге не прерывалась все это время. В прошлом году его темой вновь стала история революции

1917 г. Он назывался «Эпоха войн и революций». Материалы этого коллоквиума увидят свет уже в этом году. Нужно сказать, что появилось новое поколение «западных» историков, специализирующихся на этой проблематике. Они ставят интересные вопросы к истории революции, рассматривают ее в различных неожиданных контекстах.

Для них уже нет преграды в доступе к архивным материалам, какой существовал ранее в Советском Союзе. Кроме того, выходят совместные исследования и сборники статей. Мне кажется, это хорошее свидетельство того, что все-таки наука не имеет границ, несмотря на те политические проблемы, которые зачастую разделяют страны.

О. Н. Кузнецова, Ю. А. Рачковский

Представленное издание — это по сути один из первых, отражающих реальное (а не фиктивное) сотрудничество, совместный труд российских и зарубежных ученых на протяжении двух десятилетий, поскольку работа над словарем началась еще в 1990-е гг. Словарь был издан в 2014 г. и представлен в 2015 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН учеными — создателями «Критического словаря русской революции».

Идея создания «Критического словаря» заключалась в ряде независимых суждений авторов по своей проблематике, но в целом объединенных темой революции 1917 г., поэтому единообразия и быть не могло. Смысл издания состоял в том, чтобы задействовать американских, английских, русских и ученых из других стран, объединив их по одному критерию — это владение темой. Так, например, В. Ю. Черняев — один из ведущих специалистов по 1917 г., автор ряда статей, предметного и именного указателей «Критического словаря». У. Г. Розенберг — известный американский специалист по истории России и Советского Союза начала XX в. и периода революции. Так получил

ся своеобразный «экстракт» знаний ведущих мировых специалистов по своей проблематике, объединенных темой революции 1917 г. в России.

При этом нужно сказать, что, к сожалению, многие известные ученые не были представлены в издании словаря (например, Г. Л. Соболев и Р. Ш. Ганелин). На наш взгляд, особенностью на момент издания было то, что многие русские историки были молоды (С. В. Яров, Б. И. Колоницкий и др.), а западные уже имели определенный вес. Заслужив автором «Критического словаря» можно считать создание общего поля историографии, поскольку не существует разделения между советской и западной историографией внутри данного издания.

Отдельно хотелось бы затронуть раздел «Экономика и проблемы повседневной жизни», в частности, статью канадского историка Ларса Т. Ли (Lars Thomas Lih) «Хлебная монополия и трансформация сельского хозяйства» (с. 605–615). Следует согласиться с автором в оценке частных реквизиций как меры «несправедливой» и приводящей к злоупотреблениям (Кузнецова 2014: 89–91). Вместе с тем основное внимание автора сосредоточено на политике разверстки и достижении идеала хлебной монополии. Следует заметить, что в отечественной историографии доминирует точка зрения о том, что хлебная монополия, введенная Временным правительством — это вынужденная мера. В частности, ее разделял

© Кузнецова О. Н., Рачковский Ю. А., 2017
Кузнецова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета
Рачковский Юрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета

П. В. Волобуев, автор одной из лучших монографий по экономической политике Временного правительства, который, к сожалению, не назван в статье.

Канадский историк лишь упоминает о создании Министерства продовольствия Временного правительства, анализ которого, возможно, не входил в задачи автора. Однако хлебная монополия была официально введена постановлением Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах от 25 марта 1917 г.

Представляет интерес точка зрения ученого о расхождении между идеалами структурной трансформации и насущными политическими и экономическими нуждами, где Ларс Ли затрагивает проблему интерпретации и критики большевистской политики. Заметим, что данная точка зрения существенно отличалась от традиционной, представленной в российской историографии, поскольку отражала взгляд иностранного исследователя на проблемы революции 1917 г. в России.

Еще одной отличительной особенностью «Критического словаря русской революции» является значительный объем издания (768 страниц), поэтому порой возникает ощущение недостаточного места для изложения всех фактов. Также можно отметить отсутствие сносок,

что вызывает определенные вопросы. Несмотря на обоснование хронологических рамок (1914–1921), они представляются оригинальными. Как пишут авторы: «Внимание сосредоточено на событиях, деятелях и реалиях времен с начала Первой мировой войны до окончания Гражданской войны и введения НЭПа. Русская революция стала главной осью событий XX века и эпизодом Первой мировой войны, как и революции 1918 года в Германии и Австро-Венгрии. Гражданская война порвала пуповину, соединявшую Россию с прошлым, и изначально была войной Октября с Февралем и поэтому частью революции» (с. 17). На наш взгляд, авторы ставят проблему расширения хронологических рамок изучения революции, как известно, революции созревают долго, а происходят внезапно. Данный подход, отличающийся от хрестоматийного изложения событийного ряда революции 1917 г., представляется не только интересным, но и основополагающим при изучении проблем революции сегодня.

Несомненно, что «Критический словарь русской революции» является библиографической и историографической вехой в истории 1917 г. И еще, важным уравновешивающим моментом является русский язык, на котором был опубликован словарь, поэтому издание доступно многим не свободно владеющим английским языком.

К. Н. Скворцов

Во введении словаря Эдвард Актон замечает: «Сфера революции столь обширна, что никакие претензии на полный ее охват невозможны» (с. 22). Тем самым он не только констатирует очевидный факт, но и снимает с авторов статей ответственность за неполноту изложения. Однако в ряде случаев все же нельзя не поставить в укор составителям возникающую в словаре выборочность. Это в значительной мере касается раздела о национальных движениях.

Прежде всего бросается в глаза, что в разделе полноценно не рассматриваются финский и польский вопросы. Учитывая значимость этих проблем в жизни Российской империи, не приходится сомневаться, что каждая из них заслуживает развернутой статьи. Однако финны получили всего около страницы текста в обзорном очерке Рональда Суни «Национальная политика». Поляки — пару предложений там же. В других фрагментах они разве что перечисляются через запятую с иными народами империи, а в разделах о Гражданской войне и украинских делах фигурируют исключительно как внешняя сила. Возможно, составители решили не разбирать эти моменты национальной темы потому, что Финляндия и Польша, добившись независимости, более не возвращались

в состав нашего государства. Но в период революции и Гражданской войны эта безвозвратность не была очевидной, к тому же и финны, и поляки остались в числе значительных национальных меньшинств уже в рамках страны Советов.

Как представляется, в этом разделе были бы также уместны и собранные воедино сведения о «Великом переселении народов», захлестнувшим Россию в годы Первой мировой и Гражданской войн, т.е. обо всем том, что связано с пленными чехословаками, югославами, венграми, мобилизованными большевиками китайцами и прочими нацформированиями, а также беженцами с национальных окраин (в целом тема беженцев рассматривается, но в главе «Социальные группы»).

Во-вторых, национальный вопрос разбирается авторами преимущественно во внутривнутриполитической плоскости, как взаимодействие того или иного правительства России и определенных национальных движений. Очень мало приводится сведений о том, как в условиях революции с инонациональными элементами взаимодействовала титульная нация — не партии и вожди, а простые русские люди (более-менее эта сторона проблемы раскрыта только у Марты Олкотт в статье о Средней Азии). Также для полноты картины часто не хватает упоминания позиции великих держав по национальной проблематике.

В-третьих, нужно отметить неполноту в рассмотрении

© Скворцов К. Н., 2017

Скворцов Константин Николаевич — старший преподаватель кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технологического университета)

этапов истории национального вопроса, которая особенно вредит статье «Национальная политика» Р. Суни. Принимая во внимание хронологические рамки словаря, читатель вправе ожидать, что ему предложат обзор, включающий, во-первых, национальную политику царского правительства накануне и в период Первой мировой, во-вторых, взаимоотношения национальных движений и центра при Временном правительстве, в-третьих, национальную политику большевиков от Октября до окончания Гражданской войны. Вместо этого Р. Суни дает малоинформативный экскурс о характере русской имперской государственности и месте инородцев в ней (начиная ни много ни мало от Ивана Грозного), вкратце упоминает русификацию конца XIX — начала XX в., а затем сразу переходит к завоеваниям Февральской революции. Национальная политика между Февралем и Октябрем освещена автором неплохо. Но ни сам Октябрь, ни последующие годы американский исследователь почему-то не рассматривает. Программу большевиков по национальному вопросу он успевает упомянуть, однако реализации этой программы на практике не посвящено ни строчки. Как результат, статья заявленную тему не раскрывает.

В-четвертых, составители сочли нужным поместить в данный раздел, рядом с национальными движениями, «сибирское областничество». Решение это более чем спорное — здесь можно в полной мере согласиться с критическими замечаниями А. В. Смолина (*Смолин* 2015: 289). И, если уж авторы посчитали уместным рассматривать подобную специфику российских регионов именно в этой главе, почему рядом с «областничеством» не помещены, например, сепаратистские настроения казаков юга России (они описаны в разделе «Социальные группы»).

Наконец, хотелось бы отметить, что раздел о национальном вопросе в России много бы выиграл, если бы его писали не только англо-американские авторы, но и российские ученые, и соответствующие национальные исследователи. Потому что взгляд со стороны и издалека бывает полезным, а бывает, приводит к тому, что важные детали упускаются из виду. Как бы то ни было, предложенный в «Критическом словаре» обзор национальной проблематики — это, безусловно, очень неплохая база для тех, кто обращается к теме впервые.

П. А. Гостенков

«Критический словарь», безусловно, необходим как специалистам, так и широкому кругу интересующихся российской историей. В этой связи хочется выразить благодарность его авторам и составителям, которые привлекли к работе над изданием как признанных ученых, так и молодых авторов, еще только начинающих свой путь в науке.

Среди авторов издания преобладают исследователи из Великобритании и США, Канады, в гораздо меньшем количестве представлены их российские коллеги и совершенно отсутствуют ученые Франции и ФРГ. Возможно, это объясняется более интенсивными научными контактами отечественных специалистов по истории русской революции прежде всего с англосаксонскими коллегами.

Соглашусь с моими коллегами, участниками сегодняшнего круглого стола, в том, что статьи, помещенные в «Словарь», отличаются друг от друга как по качеству, так и по фактическому наполнению. Я считаю, что особенно удачными получились статьи американских ученых Ц. Хасегава «Февральская революция», А. Рабиновича «Октябрьская революция» и петербургского историка В. Ю. Черняева «Белые генералы». Этих авторов объединяют взвешенный, лишенный

явных пристрастий подход, обоснованность выводов. С другой стороны, далеко не все авторы «Словаря» избавились от стереотипов времен холодной войны. В частности, британский исследователь Р. Пирсон в статье о П. Н. Милокове утверждает, что «варварский большевизм вел в культурное небытие только что созданный СССР» (с. 158). И это лишь один из примеров.

Теперь о том, что мне показалось наиболее значимым. В «Словаре» неоправданно мало уделено внимания Первой мировой войне. Можно долго спорить, явилась ли Великая русская революция следствием неудачной для России войны или, наоборот, отсрочила ее, однако вполне можно согласиться с утверждением, что если бы не было Первой мировой войны, не было бы большевизма; не было бы ответа на него — нацизма; не было бы нацизма, не было бы Второй мировой войны, последующего раздела мира и Германии.

В «Словаре» вопросам внешней политики посвящена лишь статья «Россия, Европа и Первая мировая война» британского исследователя Д. Ливена, с симпатией относящегося к нашей стране. Трудно полностью согласиться с утверждением петербургского историка А. В. Смолина, сравнившего эту статью с разделом школьного учебника. Безусловно, небольшая по объему, она не предлагает принципиально новых взглядов на внешнюю политику последних десятилетий существования Российской империи

© Гостенков П. А., 2017

Гостенков Петр Анатольевич — старший преподаватель кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технологического университета)

и все же достаточно интересна, оставляя возможность для дискуссии. В частности, уже в самом начале Ливен утверждает: «В начале XX века Российская империя была менее могущественна и чувствовала себя не так, как столетием ранее, безопасно в сравнении с соперничавшими великими державами». С этим можно поспорить. Во-первых, так можно сказать о любой великой державе в эпоху начала «Мировой политики» (начала эпохи империализма). Во-вторых, Россия, несмотря на свою относительную экономическую отсталость, была в военном отношении первоклассной державой, и даже чувствительные поражения в Крымской и Русско-Японских войнах не сильно поколебали это положение.

Тем не менее Д. Ливен справедливо полагает, что в России одной из угроз своей безопасности усматривали усиление влияния империи Гогенцоллернов на пограничные русские территории — Прибалтики и Украины. Однако мимо внимания исследователя прошел тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. куда большую опасность соседние державы, включая Россию и Германию, видели в возможном (и куда более вероятном, чем присоединение прибалтийских земель к Германии) распаде Австро-Венгрии. Д. Ливен, разумеется, не мог обойти стороной проблему заключения русско-французского союза в 90-е гг. XIX в. И все же несколько странным является его мысль о том, что этот союз был заключен двумя второстепен-

ными странами Европы. Россию, по крайней мере в военном отношении, к второстепенным державам трудно отнести. Д. Ливен традиционно полагает, что русско-французский союз был направлен против центрально-европейских держав, но упускает из виду антибританское строение. Анализируя Первую мировую войну и ее влияние на русскую революцию, он справедливо утверждает, что «вероятность победы России была весьма велика, пока мог держаться тыл» (с. 56).

Весьма любопытно и сравнение внешнеполитической ситуации нашей страны в преддверии двух мировых войн. Как полагает британский исследователь, в конце 1930-х гг. И. В. Сталин оказался перед лицом альтернативы, близкой той, с которой столкнулись царские государственные деятели в начале XX в.: попытаться сдержать и, если необходимо, разгромить германский экспансионизм в союзе с Великобританией и Францией или пойти на сделку с Берлином, допуская или даже поощряя конфликт с Лондоном и Парижем за гегемонию в Западной Европе и на морях. В 1939-м советские вожди сделали выбор, противоположный принятому в 1900–1914 гг., но в обоих случаях последствия для русского народа были разрушительными. И все же следует отметить, что Первая мировая война привела к краху традиционной русской государственности, а Вторая (несмотря на неисчислимые жертвы) — привела к созданию мировой сверхдержавы.

П. И. Федотова

В отличие от коллег, у меня сложился более критический взгляд на издание. Правда, я ограничусь замечаниями относительно только одного раздела «Словаря», посвященного историческим деятелям периода русской революции.

Если исходить из тех программных установок, которые сформулированы во введении Эдвардом Актоном, издание задумано как критическое, призванное преодолеть односторонность как советской, так и антисоветской историографии. Следовательно, оно претендует на критический пересмотр чуть ли не столетней историографической традиции. Задача, надо сказать, давно назревшая, задача актуальная и, на мой взгляд, абсолютно правильная. Но раздел об исторических деятелях этой задаче не отвечает.

Безусловно, такое издание, как «Словарь», не может заменить монографические исследования. Тогда что оно может дать? Сориентировать в историографических подходах, сориентировать в имеющейся литературе, обозначить проблемное поле и наметить новые подходы к решению проблем. Поэтому мы вправе ожидать от критических очерков о ключевых фигурах русской революции краткого обзора историографических позиций в оценке данных персонажей.

© Ведерников В. В. 2017

Федотова Полина Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технологического университета)

В действительности это сделано в двух-трех очерках, где эти позиции хотя бы обозначены. Второе, что может быть сделано, – это указание на «белые пятна»: что выпало из поля зрения предшествующих исследователей и почему. Ну и должна присутствовать какая-то новизна, раз заявлен разрыв с предшествующей традицией.

На самом деле никакого разрыва нет. Большая часть биографических очерков не несет в себе никакой научной новизны – ни в плане фактографии, ни в плане подходов и интерпретаций. Статьи о Керенском, Ленине, Николае II, Милукове, Спиридоновой, Троцком построены на давно известном материале, а в методологическом плане выдержаны в духе «Жизнеописаний» Плутарха, где психологические характеристики героев доминируют над анализом их политической и теоретической деятельности.

Особенно неблагоприятное впечатление производят две статьи: о Ленине Роберта Сервиса и о Николае II Доменика Ливена.

Очерк о Ленине – это собрание банальных биографических сведений, изложенных упрощенным языком, местами переходящим в публицистические скабрёзности, подобно следующему пассажи: «Мумия Ленина до сих пор в Мавзолее». Автор утверждает: «Подобно своему ментору Плеханову и своим кумирам Марксу и Энгельсу, Ленин считал, что не следует присоединяться к революционному движению,

если не доказана научная справедливость его диагноза текущей политической и экономической ситуации» (с. 140). Позволю возразить. Ленин вообще-то был в напряженных отношениях со своим «ментором», а «кумиров» он ревизовал по весьма существенным теоретическим и практическим вопросам. Хотя, действительно, ревизуя классический марксизм, субъективно Ленин считал себя верным последователем Маркса. Сам этот факт мог бы послужить поводом для каких-то размышлений, но не послужил.

Царапнула и такая фраза: «Ленин пришел к власти в результате чрезвычайной обстановки», сложившейся «в Российской империи». Чрезвычайная обстановка в Российской империи сложилась еще в Феврале, когда пришло к власти Временное правительство. 1 сентября 1917 г. Россия была объявлена республикой. И на момент взятия власти большевиками никакой Российской империи уже не существовало — ни юридически, ни фактически.

Бросается в глаза стилистический и содержательный архаизм очерка Доменика Ливена о Николае II. Ливен выгораживает и оправдывает Николая тем, что, дескать, бремя самодержавной власти было не по плечу одному человеку и его не выдержал бы ни один западный политик. Но, как ехидно заметил один из рецензентов — А.В. Смолен, «для западного политика находиться на высших государственных [постах] свыше десяти лет — это предел, но не для русского царя» (Смолин 2015: 25). Предшествен-

ники Николая всю жизнь несли это бремя, и оно оказывалось им по плечу. К тому же достаточно взглянуть в дневники Николая, чтобы убедиться, что последний Романов не слишком утруждал себя государственными делами. Прогулки, байдарки, охота, чаи, обеды, смотры войск, парады, встречи с народом, хождение в церковь, в кино, редкие доклады и беседы с министрами. Вот и все «бремя». Буквально накануне великих потрясений император и главнокомандующий русской армией писал жене из Ставки: «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что мне это полезно...» (Переписка Николая Романова 1923: 207). Даже удивительно, что при таком отношении к государственным делам ему удалось так долго продержаться на троне.

Очерк о Мартове Израиля Гертцеля производит впечатление вырванной из монографии главы, где главным героем оказывается не сам Юлий Мартов, а внутривнутрипартийные разборки меньшевиков, большевиков и эсеров. Для такого резонансного издания, как «Словарь», можно было бы найти и более подходящую публикацию. Благо кадры историков у нас еще есть, и отличные статьи о Мартове выходили в российских исторических журналах. Если же издатели ставили целью познакомить русскоязычную аудиторию прежде всего с западными исследованиями, то странно отсутствие среди авторов «Словаря» Теодора Шанина. Ему принадлежит ряд новаторских работ по русской революции, которые представляют

собой классический образец реализации тех принципов, которые сформулированы во введении Э. Актоном.

И последнее. Почти все лидеры русской революции — не только практики, но и теоретики. Поэтому в посвященных им научных очерках невозможно обойти молчанием их теоретические взгляды и политические идеи. Тем не менее вопрос этот в большинстве статей практически не затронут. Если и затронут — вскользь и походя. Приятное исключение составляет лишь очерк об Ираклии Церетели. Авторы Зива Галили и Альберт Ненароков грамотно выстроили биографический материал. Он изложен не протокольно, а подчинен определенной цели: объяснить становление политических взглядов

и политической позиции Церетели. Как она формировалась, какая социально-политическая обстановка сделала ее востребованной и какие обстоятельства не позволили реализовать его политическую программу. Я полагаю, что это методологически грамотно. Потому что политик — фигура не автономная, он имеет определенную социально-политическую базу. И его успех или неуспех зависит не только от его личных качеств — психологических и интеллектуальных, но во многом определяется этой базой. Как писал В. Брюсов, «народные вожди, вы — вал, взметенный бурей». Остальные авторы об этом словно забывают, у них исторические деятели представлены традиционно — как некий набор психологических качеств, которыми объясняются их удачи и неудачи.

В. В. Ведерников

Нынешний год, год Великой российской революции, поставил и власть, и общественность перед нелегкой задачей — дать оценку этому событию, которое повлияло как на отечественную, так и на мировую историю. И к этой оценке, кажется, никто не готов. Марсово поле — место, где по мысли организаторов траурного мероприятия в марте 1917 г. произошло рождение новой свободной России, — не было отмечено какими-то памятными церемониями ни властью, ни левыми партиями, а участники разного рода оппозиционных митингов и маршей, которые традиционно проходят на Марсовом поле, вряд ли задумывались, что рядом покоятся борцы за свободу. Традиционная риторика властных структур сводится к тому, что главный урок 1917 г. — это необходимость достижения консенсуса в обществе. Эти презентистские оценки, явно навеянные страхом не столько перед красным, сколько перед оранжевым цветом, явно не позволяют понять значение и масштаб грандиозных сдвигов, которые произошли в стране в 1917 г. Словом, память о революции вытесняется на периферию общественного сознания, а события Февраля, неполноценной «буржуазной» революции уже в 1930-е гг. померкли перед Великим Октябрем. Вот почему появление «Критического слова

ря», который ставит своей задачей не только дать фактический материал, но и подвести историографические итоги, связать события Великой войны и Великой революции, часть которой составляет Гражданская война, является, несмотря на сложный путь к читателю, как никогда актуальным.

«Словарь», на мой взгляд, продемонстрировал, что ушло в прошлое характерное для советского времени противопоставление отечественной и зарубежной историографии. Материалы издания, в котором принимают участие 40 зарубежных и 8 отечественных ученых, смотрятся вполне органично. Если и есть разделение, то оно проходит по научным школам, а не по географическому признаку. Все участники издания рассматривают события 1917–1921 гг. как единый взаимосвязанный процесс, толчок которому дала Первая мировая война. Отсюда и хронологические рамки — 1914–1921 гг.

Материалы книги разбиты по тематическим рубрикам, которые образуют жесткую структуру, позволяя без труда найти нужную справку. Навигацию облегчают указатели к тому: именной, предметный, указатель авторов. Кроме того, статьи снабжены указателем современной исследовательской литературы, который был значительно расширен по сравнению с зарубежным изданием книги стараниями редактора В. Ю. Черняева. Впрочем, группировка материала внутри рубрик не всегда беспорядочна. Удивил раздел

© Мацкевич М. Г., 2017

Ведерников Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технологического университета)

«История ведомств и культура учреждений», где очень неорганично выглядит статья «Семья, брак и отношения между полами». Да и старообрядцев и христианские секты, равно как и Православную российскую церковь, с большим трудом можно назвать «ведомствами» или «учреждениями». Думаю, что вопросы культуры, повседневной жизни, образования могли бы образовать отдельную рубрику.

Лично мне не хватало раздела о месте русской революции в контексте мирового революционного движения, о ее воздействии на подъем национально-освободительного движения на Востоке. Международный контекст присутствует в издании (примером тому — статья Д. Ливена «Россия, Европа и Первая мировая война»), а редактор издания В. Ю. Черняев справедливо отмечает, что «представление о Революции 1917 года и Гражданской войне неполно без рассмотрения внешней политики, в частности, роли бывших военных противников и союзников...», но все же эти аспекты учтены явно фрагментарно и неполно.

Авторы «Словаря» справедливо указывают, что центр тяжести при анализе событий революции следует переместить на социальный аспект, понять мотивы, которые двигали массами. Именно поэтому в издании уделяется большое внимание аграрно-крестьянскому вопросу, который в разных его аспектах нашел отражение почти во всех тематических рубриках. Тем обиднее, что в рубрике «Исторические деятели», где представлена привычная номен-

клатура персоналий: император, Керенский, Ленин, «белые» генералы, — не нашлось места для статьи об акторах, выдвинутых «низами». По моим представлениям, типичным крестьянским вождем, который последовательно боролся за автономию крестьянского «мира» против оккупантов, местных националистов, белых генералов и красных комиссаров, был Н. И. Махно. Но, к сожалению, очерк о нем отсутствует, хотя, конечно, его имя в издании неоднократно упоминается.

Не менее удивительно и то, что в рубрике «Национальные движения и областничество» отсутствует Финляндия, гарнизон которой сыграл важную роль в 1917 г., а кратковременную гражданскую войну в этой северной стране невозможно понять вне событий в России.

Наше представление о социальных группах, участвующих в революции, расширяет шестой раздел «Словаря». Помимо традиционных групп (крестьяне, солдаты, рабочие), сюда вошли статьи о казаках, беженцах, средних слоях. Думаю, что эта палитра могла бы быть богаче, если бы была включена и статья о военнопленных, а также о тыловых рабочих из Туркестана и Китая.

Статьи «Словаря» (сразу оговорюсь, что я прочел далеко не все) мне показались неравноценными по построению и содержанию. Несколько условно я разделил бы их на три типа. Справочная статья, которая систематизирует известный материал, а потому и лишена критического запала (примером

может служить статья «Эмиграция» Р. Уильямса), статья-эссе, где содержится концептуальный взгляд на проблему, но вследствие ограниченности объема взгляд этот, тезисно сформулированный, не получает подтверждения. Так, автор статьи «Советское государство» Р. Сервис называет советский строй «экстраординарным» и утверждает, что он оставался неизменным с 1917 по конец 1980-х гг. (с. 416). В дальнейшем, однако, этот парадоксальный тезис не получил развития. Но значительная часть авторов умело сочетает фактический материал с концептуальной новизной. И тут прежде всего обращают на себя внимание статьи «Крестьянская община и сельское самоуправление» О. Файджеса, «Рабочие» С. В. Ярова, «Анархисты» В. Ю. Черняева.

В моем представлении любое справочное издание характеризуется общими для всех авторов принципами построения текста, но в данном случае статьи носят авторский характер и не подверстаны под единые требования. Это касается прежде всего хронологических рамок. Если В. Ю. Черняев сумел рассмотреть историю русского анархизма от его зарождения до начала 1990-х гг., то ряд авторов не переступают границ Октября 1917 г. Информативный очерк Б. И. Колоницкого о русской периодической печати обрывается концом 1917 г. Но ведь оппозиционная печать выходила на территории Советской России до июля 1918 г., а оппоненты большевиков из числа социалистов имели возможность выпускать свои издания и позже, кроме того, периодические издания выходили и на непод-

контрольных большевикам территориях. И все это осталось за рамками статьи.

Содержательный очерк Д. Ливена написанный в сравнительно-историческом ключе, анализирует положение российского дворянства после реформы 1861 г. Автор указывает, что в Англии и Германии дворянская аристократия могла найти союзника в лице зажиточного крестьянства, в то время как в России такой союз был невозможен. Это утверждение можно было бы проиллюстрировать, изучив деятельность как Всероссийского, так и Всеукраинского союза земельных собственников, куда входили как зажиточные крестьяне, так и помещики. Эти организации сыграли заметную роль в событиях 1917–1918 гг. в России и на Украине. Но, к сожалению, в статье событиям 1917 г. посвящен лишь один последний абзац.

Сложная структура издания приводит к тому, что порой авторы вступают в противоречие друг с другом. Однако они едины в том, что революция вытекает из комплекса причин и одна из них — слабость бюрократического аппарата, отсутствие эффективного контроля за общиной. Слабым был и контроль за национальными окраинами, где местные элиты пользовались существенной автономией, а в Финляндии фактически создали государственный аппарат и превратили княжество в территорию, связанную с Россией только личной унией. Очевидно, что в условиях недоуправления, которое исследовано в недавно вышедшей работе Б. Н. Миронова (*Миронов* 2014–2015), связующим

звеном между национальными элитами, крестьянскими общинами и государством выступала фигура самодержца. Крушение монархии, сопровождавшееся одновременно и демонтажем прежней управленческой системы, неизбежно вызвало кризис государственности. И после Февраля посредниками между центральной властью — Временным правительством и местным населением выступили советы. Они ограничивали власть правительства, формально обладавшего диктаторскими полномочиями, но и их упразднение лишило бы и без того слабую центральную власть всякого авторитета. Не менее интересен взгляд авторов на партию большевиков. Она представлена как относительно рыхлая политическая структура, которая скорее не столько направляла движение, сколько успешно манипулировала полити-

ческими лозунгами, завоевывая популярность. Как указывает автор ввводной статьи У. Розенберг, «представление о партии большевиков как о дисциплинированной заговорщической группе, изначально настроенной на захват власти, было и остается грубой карикатурой» (с. 45). Авторы убедительно доказывают, что вплоть до Десятого съезда РКП(б) существовала внутрипартийная демократия, а оппозиционные партийные группы могли влиять на политику Центра.

По моему мнению, книга будет, несомненно, полезным и востребованным справочным изданием, а пожелания редакторы и составители, надеюсь, учтут при подготовке третьего, исправленного и расширенного варианта книги, которое так нужно заинтересованному читателю.

А. Б. Гуркин

Подводя итоги сегодняшнего круглого стола, можно сделать вывод, что обсуждение получилось интересным и плодотворным. Его результаты показали, что в целом «Словарь» у участников заседания получил положительную оценку, хотя не обошлось и без критических замечаний, что в данной ситуации вполне естественно.

Уважаемые коллеги, благодарю вас за участие. До новых встреч!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Катков 2006 — *Катков Г. М.* Февральская революция. М., 2006.

Кузнецова 2014 — *Кузнецова О. Н.* Политика реквизиций в деятельности Временного правительства России в 1917 году // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8–2 (46). С. 89–91.

Милиц 1967–1973 — *Милиц И. И.* История Великого Октября: в 3 т. М., 1967–1973.

Миронов 2014–2015 — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015.

Переписка Николая Романова 1923 – Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 207.

Смолин 2015 – Смолин А.В. «Осетрина второй свежести». К выходу Критического словаря русской революции: 1914–1921 / составители Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2015. № 15. С. 226–293.

Февральская революция 2017 – Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сборник докладов: международная научная конференция / Минобрнауки России; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)». СПб., 2017.

DISCUSSION OF THE BOOK "CRITICAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION"

REFERENCES

Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda: problemy istorii i istoriografii: sbornik dokladov: mezh-dunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Minobrnauki Rossii; Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniia "Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi elektrotekhnicheskii universitet "LETI" im. V.I. Ul'ianova (Lenina)". St. Petersburg, 2017.

Katkov G.M. *Fevral'skaia revoliutsiia.* Moscow, 2006.

Kuznetsova O.N. Politika rekvizitsii v deiatel'nosti Vremennogo pravitel'stva Rossii v 1917 godu. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskus-*

stvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 2014, no. 8–2 (46), p. 89–91.

Mints I.I. *Istoriia Velikogo Oktiabria:* v 3 t. Moscow, 1967–1973.

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu:* v 3 t. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2014–2015.

Perepiska Nikolaiia Romanova s Aleksandroi Fedorovnoi. *Krasnyi arkhiv,* 1923, vol. 4, p. 207.

Smolin A.V. "Osetrina vtoroi svezhesti". K vykhodu Kriticheskogo slovaria russkoi revoliutsii: 1914–1921. Sostaviteli E. Akton, U.G. Rozenberg, V.Iu. Cherniaev. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. 768 p. *Trudy kafedry istorii Novogo i Noveishego vremeni,* 2015, no. 15, p. 226–293.

К. Г. Фрумкин

МАРКСИСТ ОЦЕНИВАЕТ БОЛЬШЕВИЗМ: к 50-летию выхода книги Исаака Дойчера «Незавершенная революция»

Ключевые слова: революция, социализм, большевизм, сталинизм, троцкизм, промышленное развитие, случайность, закономерность, теория конвергенции, маоизм, Сталин.

В 1967 г. троцкист Исаак Дойчер выпустил книгу «Незавершенная революция», в которой была сделана попытка понять значение русской революции 1917 г. Книга Дойчера была написана к 50-летию юбилею революции, а теперь уже прошло 50 лет со дня выхода книги. В книге мы видим, с какими сложностями сталкивается левый автор, который пытается одновременно осудить большевизм и оправдать социализм, осудить сталинизм, но оправдать революцию, — и Дойчер демонстрирует весь арсенал амбивалентных риторических стратегий, характерных для свободомыслящего марксизма XX в. Сегодня книга Дойчера является прежде всего памятником дискурса, демонстрирующим, что социалистическая революция была важнейшей проблемой для левых в XX в. и что работа по марксистской интерпретации сталинизма так и не была завершена.

В 1967 г. английский историк, журналист, постоянный автор журнала *The Economist*, биограф и сторонник Троцкого, до этого — исключенный из партии польский коммунист Исаак Дойчер выпустил книгу «Незавершенная революция», в которой была сделана попытка понять значение русской революции 1917 г.. Книга Дойчера была написана к 50-летию юбилею революции, а теперь уже прошло 50 лет со дня выхода книги. И именно поэтому мы можем прочесть ее с вершины

прошедшего времени, зная, как были разрублены завязанные некогда исторические узлы и куда привели наметившиеся тенденции. Именно поэтому книга Дойчера сегодня интересна не только и, может быть, не столько как способ увидеть революцию, сколько как «памятник дискурсу», как демонстрация тех концептуальных инструментов, с помощью которых за прошедшее столетие пытались смотреть на историю и в том числе на такое важное историческое событие, как русская революция. В случае с Исааком Дойчером мы, прежде всего, имеем дело с «остаточными явлениями»

марксизма, который, даже оставаясь в известном смысле анонимным, даже не называя себя марксизмом, все-таки продолжает оставаться важнейшим источником интеллектуального инструментария, подсказывая подходы и способы оценки. Марксисты бывшими не бывают — и именно поэтому в книгах бывшего коммуниста не удивительно встретить такие исходные «ценности», как экономический детерминизм, культ экономического развития, культ рабочего движения и даже некоторое доверие к самоописаниям большевистского режима. Однако тем интереснее моменты, когда автор встает перед проблемами, с которыми не может справиться с помощью привычных ему интеллектуальных инструментов, и поэтому уже вынужден импровизировать и пускаться в свободное концептуальное плавание.

Автор совершенно независим в своих оценках, пытается быть объективным — но несет на плечах обширный груз идеологем, который, например, проявляется в совершенно чрезмерной и часто нерелевантной акцентуации на рабочем движении. Исаак Дойчер, в частности, уверен:

1) что само по себе существование промышленных рабочих (где бы то ни было) есть предпосылка возникновения рабочего движения с забастовками и классовой солидарностью;

2) что сам факт опоры какой-либо политической организации на рабочих делает ее прогрессивной, революционной, способной на перспективные преобразования общества;

3) что если рабочие имеют реальное политическое влияние, это позволяет создать «нормальный» (а не сталинский) социалистический строй;

4) что в результате сталинизации русские рабочие утратили власть, завоеванную ими в 1917 г.

Глядя из сегодняшнего дня, о «пролетарском» характере правящих компартий можно говорить, на наш взгляд, только в том аллегорическом смысле, что их деятельность действительно привела к превращению большинства членов общества в пролетариев, но не в смысле «промышленных рабочих», а в более широком смысле «наемных работников». С этой точки зрения они представляли интересы «пролетариата» (как исторического, безличного явления), но к рабочему движению это все же имеет отдаленное отношение. Между тем Дойчер делает рабочих важными участниками и акторами советской истории, например, он говорит, что поскольку «устремления рабочих находились в явном противоречии с целями крестьянства», то «отсюда» противоречие между городом и деревней порождало сложные коллизии советской истории 20–30-х гг. (с. 180)¹.

Дойчер не может отказаться от симпатий к коммунизму и революции, но само по себе это еще ничего не значит, поскольку симпатия — всего лишь эмоциональный феномен, а когда она начинает воплощаться в теорию, то выбор риторических стратегий отнюдь

¹ Здесь и далее цит. по: (Дойчер 1991).

не очевиден. Сам выбор «поля», на котором Дойчер начинает защищать революцию, иногда довольно красноречив. В частности, книга начинается с того, что автор вступает в полемику с другими историками по вопросу о том, была ли революция случайной. Здесь стоит заметить, что вопрос о случайности исторического события — с философской точки зрения довольно темный, поскольку связан с трудными метафизическими вопросами свободы и детерминизма. Для того, чтобы действительно решить вопрос об исторической необходимости революции, нужно было бы провести эксперимент на большом количестве параллельных вселенных — чтобы посмотреть, в какой доле миров революция все-таки произошла. Дойчер ведет полемику более традиционным образом: случайным полагается событие, для превращения которого в мысленном эксперименте в реальность достаточно внести незначительные изменения, в частности изменения в тактику политиков того времени — может быть, более оптимальная тактика Керенского могла бы предотвратить революцию. Заметим, что сама возможность изменить течение истории при помощи небольших затрат (т.е. с помощью «эффекта бабочки») еще не доказывает высокой или низкой вероятности революции — поскольку нужно знать, в каком проценте возможных сценариев она происходит. Но, оставляя в стороне эти трудности, зададимся вопросом — почему для Исаака Дойчера, автора с марксистской закваской, этот вопрос важен? Очевидно потому, что в марксизме как философии истории присут-

ствует некий культ «победивших» тенденций. Те события, которые необходимы, которые соответствуют детерминированной логике истории — они в конечном итоге прогрессивны, и в конечном итоге на их стороне оказывается историческая правда: именно поэтому наступление капитализма и прогрессивно, и необходимо.

Именно поэтому совершенно закономерным образом от вопроса о случайности/необходимости большевистской революции Дойчер переходит к вопросу об экономическом и особенно промышленном развитии. И опять за «кулисами» разворачиваемой автором полемики видны «уши» марксистского экономического детерминизма и порожденной им аксиологии: оправдано то, что способствует промышленному развитию страны. Если уникальные заслуги большевистского режима в развитии российской промышленности и можно доказать — то дальше автор получает право на использование конструкции «Хотя были большие жертвы, но...».

Однако, ввязываясь в эту полемику, любой марксистский автор попадает в неприятную ситуацию, поскольку ему как раз могут указать на то, что промышленное развитие есть естественная, закономерная вещь независимо от революций и социализма. И именно поэтому тут Дойчер вынужден развернуть свои боевые порядки: если в вопросе о революции он должен защищать необходимость от случайности, то при обсуждении темпов промышленного роста СССР, наоборот, полемизировать с теорией

необходимости. Как стимул для промышленного развития революция оказывается чем-то неестественным и едва ли не чудом. Говоря об экономическом росте СССР, Дойчер твердо заявляет: «...будучи непосредственным свидетелем первых шагов этого подъема и связанных с этим ужасающих трудностей, я еще не могу признать это само собой разумеющимся» (с. 198).

В оправдание Исаака Дойчера надо признать, что в момент, когда писалась его книга, было куда меньше, чем теперь, известно о быстром промышленном развитии несоциалистических стран — еще не состоялись окончательно «экономические чудеса» в Японии, Южной Корее и Испании, китайское чудо также было делом далекого будущего. И все же пристрастность Дойчера очевидна — хотя бы потому, что, доказывая уникальность промышленного роста в СССР, он, естественно, начинает принижать экономические достижения царской России, постоянно называя ее отсталой. В частности, он повторяет заимствованное из советских учебников и ленинских работ обвинение, что в капитале российских компаний доминировали иностранные вливания и Россия таким образом оказалась «полуколонией» Запада. Правда, транслируя этот советский аргумент, Дойчер, конечно, понимает, что привлечение иностранных инвестиций вообще-то способствует развитию, и поэтому он должен добавить: «Однако иностранные предприниматели не были особенно заинтересованы вкладывать получаемые высокие дивиденды в русскую промышленность» (с. 170).

Не ясно, в какой степени это утверждение подкреплено фактами — Дойчер не приводит цифр и не делает ссылок, — но ясно, что сам по себе факт репатриации прибыли иностранцами не может быть существенным, если страна активно импортирует капитал — тут имеет значение только общий платежный баланс. Тем более что возможность свободной репатриации прибылей является средством увеличения инвестиционной привлекательности страны.

Однако чем больше Исаак Дойчер восхищается темпами развития СССР, тем серьезнее встает перед ним трудность, ведь возникает вопрос: можно ли результаты этого развития называть социализмом. Ответ на этот вопрос целиком зависит не от фактов, а от мировоззрения автора, поскольку сам ответ предопределяет возможность дискредитации либо реабилитации самой идеи социализма.

И тут мы походим к важнейшей теоретической проблеме, стоявшей и перед Дойчером, и перед Троцким, и, может быть, вообще перед свободомыслящими марксистами XX в. Проблема эта заключается в том, что нет бесспорной собственно марксистской интерпретации сталинизма как неправильной, искаженной версии социализма, иными словами, по выражению Дойчера, «бюрократического вырождения режима». Признать сталинский СССР разновидностью социализма значило бы переложить на чаемый грядущий строй все грехи реального сталинизма, на что Дойчер при всей своей левизне пойти не может.

Следовательно, надо было отказать СССР в «звании» социалистического государства, но чем оно было в этом случае?

На первый взгляд, единственной понятной действительно марксистской теорией сталинизма как несоциализма могла бы быть концепция советской бюрократии как особого эксплуататорского класса. Как раз за десять лет до выхода «Незавершенной революции» появилась книга Милована Джиласа «Новый класс». Дойчер теорию Джиласа упоминает, но с порога отвергает. Заменить ее, однако, нечем, и поэтому Дойчер прибегает к формулировкам, в которых явно видна его растерянность, порожденная сочетанием интеллектуальной честности и нежелания в то же время отказаться от марксистских догм: «Привилегированные группы представляют собой нечто вроде гибрида: с одной стороны они как бы являются классом, а с другой — нет. Они имеют какие-то общие черты с эксплуататорскими классами других обществ и в то же время лишены их основных черт» (с. 211).

В конечном итоге Советский Союз характеризуется как недошедшее до конечной цели движение, советским лидерам, по мнению Дойчера, «следовало бы заявить, что великие достижения Советского Союза — лишь предварительные шаги на пути к социализму, а не собственно социализм» (с. 231).

Каковы же причины того, что советский эксперимент обернулся лишь «предварительными шага-

ми»? Ответить на этот вопрос, оставаясь в поле ортодоксального марксизма, оказывается невозможным. Здесь приходится жертвовать главным — экономическим детерминизмом. Дойчеру не пришлось этого делать, когда он отвечал на вопрос, почему Временное правительство в 1917 г. продолжало настаивать на участии России в мировой войне. Причина, по его мнению, заключалась в том, что оно — как и царское правительство — находилось под контролем заинтересованных в этом «русских и иностранных центров финансового капитала» (с. 165). Поэтому Временное правительство с необходимостью было обречено продолжать войну и с необходимостью же — пасть жертвой Октябрьского переворота. Но никакие «центры финансового капитала» и вообще никакие узлы собственно экономической силы и экономической причинности не могут объяснить «перерождение» большевизма — здесь Дойчер вынужден апеллировать к логике политической борьбы, указывая, что на характер большевистского режима повлияла необходимость бороться за свое выживание в крайне тяжелых условиях: во враждебном окружении и при постоянных вооруженных конфликтах.

Таким образом, в вопросе об эволюции большевизма в книге появляется оазис чистой военно-политической причинности, независимой от описывающих другие вопросы ортодоксальных марксистских нарративов. Дойчер пишет о том, что большевики, несмотря на свое отрицательное отношение к коррупции,

пали ее жертвой, но «у них не было иного выхода, иначе им пришлось бы отказаться от власти, передав ее фактически тем противникам, которых они только что победили в гражданской войне» (с. 189), и таким образом, в условиях «осажденного форта» «возобладала логика событий» (с. 190), а политические метаморфозы режима сопровождалось извращением идей 1917 г. (с. 192). Тут стоит вспомнить, что и Троцкий характеризовал воцарение Сталина через чисто политическую метафору «термидорианского переворота», не проводя никакого более глубокого «классового» или философско-экономического анализа.

Назвав советский общественный строй лишь «предварительными шагами» на пути к социализму, Дойчер добавляет к его характеристике еще более изощренную концепцию, в соответствии с которой в советской модели не было найдено гармоничное сочетание формы и содержания — т. е. базиса и надстройки, экономики и институтов. Институты то обгоняли экономику, то отставали от нее, но никогда не соответствовали ей. Происходит это потому, что рабочие были отстранены от власти и революционная элита не опиралась на революционный класс: «Формы социализма были выкованы до того, как сформировалось экономическое и культурное содержание; по мере образования содержания формы ветшали или теряли свою четкость. На первых порах социально-экономические институты, созданные революцией, оказались намного выше того уровня, на котором находилась страна

в материальном и культурном отношении; затем, когда этот уровень поднялся, социально-экономическая организация осела ниже его под грузом бюрократии и сталинизма» (с. 196). Своеобразное остроумие этой концепции соперничает с ее непрактичностью: социализм оказывается результатом поиска неуловимой, трудно фиксируемой гармонии.

Что любопытно, такое же несоответствие наблюдалось в мировой истории: «...в России повивальная бабка революции вызвала преждевременные роды, а на Западе плод, быть может, уже переносен» (с. 268).

Здесь у автора могли бы появиться сомнения в самой достижимости социализма как такового, но тут на помощь марксисту 60-х гг. приходит «теория конвергенции» — возникшая в среде западных экономистов концепция, согласно которой роль менеджмента и планирования в западном обществе сближает капиталистические и социалистические системы и, в конце концов, может сделать их неотличимыми. Сегодня мы уже знаем, что тренды, зафиксированные авторами «теории конвергенции», не были линейными и им не суждено было прийти до логического конца, что они были характерны для послевоенного, кейнсианского этапа в развитии западной экономики, который в дальнейшем, в 70–80-х гг. сменился эпохой дерегулирования и монетаризма. Сегодня мы можем также вспомнить, что рост государственного планирования в эпоху Первой мировой войны так-

же вызвал энтузиазм социалистов, и энтузиазм преждевременный. Но, так или иначе, в момент написания своей книги Исаак Дойчер еще не знал, что в ближайшие два десятилетия процессу свертывания рынка суждено было затормозиться — и поэтому он сочувственно цитирует ведущего теоретика конвергенции Джона Кеннета Гэлбрейта, чья книга «Новое индустриальное общество» выходит в один год с «Незавершенной революцией». Призывая приглядеться к структурным изменениям в западной экономике, Дойчер констатирует — мы видим «все возрастающее отчуждение системы управления от собственности, повышение роли менеджеров, концентрацию капитала, все большее разделение труда в рамках огромных корпораций и между корпорациями, отмирание понятия рынка и принципа свободы действий, рост влияния государства в вопросах экономики, а также потребность планирования технологии и экономики, т.е. фактически проявление обобществления процесса производства, которое, в соответствии с марксистским учением, происходит при капитализме. Описывая процесс производства в своем “Капитале”, Маркс очень точно предсказывал именно те события и тенденции, которые кажутся западным ученым столь новыми и революционными» (с. 267). Гэлбрейт, по мнению Дойчера, описал рост «зародыша социализма в чреве капитализма» (с. 268). Таким образом, в интерпретации Исаака Дойчера теория конвергенции фактически превращается в то, чем была полувеком раньше теория «ультраимпе-

риализма» Карла Каутского (и его предшественников Джона Добсона и Карла Либкнехта) — т.е. в теорию мирного самопреодоления капитализма через разрастание крупных корпораций.

Вспомнить о появившейся в начале XX в., еще до мировой войны, теории ультраимпериализма тут уместно еще и потому, что она несла пацифистское предсказание: ее авторы надеялись, что объединение экономики под эгидой трестов и картелей уменьшит значимость национального государства и таким образом позволит избежать вражды народов. Эта проблематика чрезвычайно важна для Дойчера, и из текста «Незавершенной революции» можно видеть, что к традиционным марксистским признакам исторического прогресса — таким как рост производительности — Дойчер добавляет еще один, а именно поэтапное приближение к политическому объединению человечества. Смена экономических формаций является одновременно прохождением через этапы такого объединения: буржуазная революция, по мысли Дойчера, была направлена на создание национального государства против феодальной раздробленности. А социализм должен привести к упразднению наций и породить международный союз или союзы. «Чтобы выжить, человечеству необходимо объединиться, а единство возможно только при социализме», констатирует автор (с. 269). Именно поэтому Дойчер вынужден, хотя и с некоторыми оговорками, признавать значение возникшего в Европе общего рынка, и именно поэтому важнейшим

преступлением Сталина перед международным рабочим и коммунистическим движением было то, что он подчинил его национальным эгоистическим интересам России. Вероятно, в этом мнении Дойчера в наибольшей степени проявились именно его троцкистские симпатии — и как можно понять, с точки зрения сторонника мировой революции национальный эгоизм СССР был не просто ошибкой или злоупотреблением — тем самым социализм отказался от самой своей сути как всеобщего движения к космополитизму. В сущности, именно это стало причиной последующей дискредитации самой идеи социализма: «Миф о социализме в одной стране породил, таким образом, новый, еще более грандиозный мир — миф о несостоятельности социализма» (с. 232).

Если бы рабочее движение в мире преследовало собственные интересы, а не позволяло Сталину управлять собой в интересах своего государства, то, «возможно, передовые нации Запада совершили бы ныне свою социалистическую революцию или были бы к ней значительно ближе, чем сегодня» (с. 226).

Аналогичной критике автор «Незавершенной революции» подвергает и китайскую компартию: маоисты, как и большевики, погрузились в «национальный эгоизм» (с. 248), и здесь опять повторяется мантра о рабочем классе как незамутненном источнике истинной социалистической ортодоксии — «отсутствие глубоких связей с рабочим классом и с

подлинно марксистскими традициями склоняли их (маоистов. — К. Ф.), подобно сталинистам, к национальной ограниченности и эгоцентризму» (с. 250).

Тот факт, что СССР и большевики, по сути, предали космополитический характер социалистической революции, побуждает Дойчера заявить, что и праздновать 50-летие революции не стоит, и в СССР многие могли бы это понять, ведь многие в России «помнят о том, что события Октября 1917 г. не были чисто русским делом; и даже те русские, кто забыл об этом, далеко не всегда считают достижение национальной мощи конечной целью истории» (с. 253).

Книга Исаака Дойчера прежде всего памятник неизбежной тоске европейских левых по несбывшемуся идеалу — истинному социализму, сознающей свои задачи компартии, влиятельному рабочему движению, сбывшемуся прогнозу, гармонии формы и содержания. Латать «старые мехи» становилось все труднее — на примере книги Дойчера мы видим, что свободомыслящий марксизм довоенного образца к 60-м гг. уже исчерпал свои ресурсы развития и должен был уступить место другим парадигмам, может быть более эклетичным, но зато не обремененным данными в прошлые времена обещаниями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дойчер 1991 — *Дойчер И.* Незавершенная революция // Дойчер И. Незавершенная революция; Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». М.: Интер-Версо, 1991.

A MARXIST EVALUATES BOLSHEVISM: THE 50TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION OF ISAAC DEUCER "UNFINISHED REVOLUTION"

Frumkin Konstantin G. – candidate of culturology (Moscow)

Key words: Revolution, socialism, Bolshevism, Stalinism, Trotskyism, Industrial development, randomness, regularity, the theory of convergence, Maoism, Stalin.

In 1967, the follower of Trotsky and his biographer Isaac Deutscher published the book "The Unfinished Revolution", in which an attempt was made to understand the significance of the Russian revolution of 1917. The book of Deutscher was written for the 50th anniversary of the revolution, and now it's been 50 years since the book was published. In the book we see the difficulties faced by the left-wing author who is trying to condemn simultaneously Bolshevism, and justify socialism, condemn Stalinism, but justify the revolution – and Deutscher demonstrates the whole arsenal of ambivalent rhetoric strategies natural for free-thinking Marxism of the twentieth century. Today, Deutscher's book is, first and foremost, a memorial to discourses, demonstrating that the socialist revolution was a major problem for the left in the twentieth century, and that work on the Marxist interpretation of Stalinism was never completed.

REFERENCES

- Doicher I. *Nezavershennaia revoliutsiia*.
Khobsbaum E. *Ekho "Marsel'ezy"*. Moscow:
Inter-Verso, 1991.

С. Е. Эрлих

«И НАСКОЛЬКО ПРОТИВОЕСТЕСТВЕНЕН ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ»?

Рец.: *Сергеев С. М.* Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграф, 2017. 575 с.

Книга Сергея Сергеева заслуженно вызвала много откликов. Это едва ли не первый труд, который рассматривает русскую историю не с точки зрения государства, но фокусируется на тех, кого пресловутый «аппарат» насилует уже более тысячи лет. Автор предупреждает, что «книга написана не в жанре академического исследования, а в жанре исторической публицистики», т. е., несмотря «на тщательное изучение достижений российской и зарубежной историографии», это прежде всего руководство к действию. Чтобы идея нации могла овладеть русскими массами, Сергеев отказывается от пугающих их сносок, ограничиваясь краткой библиографией.

Автор не скрывает, что является русским националистом. Из двух

видов национализма — этнического и гражданского — он выбирает национализм этнический. Сам Сергеев может с моим утверждением не согласиться. Пафос его книги, на первый взгляд, сводится к тому, что нация — это «пакет политических прав» (П. В. Святенков). Тем не менее его подход не имеет ничего общего с пониманием гражданской нации, в которой граждане обладают равными правами *вне зависимости* от этничности. В «идеальном типе» гражданской нации этничность, подобно церкви, «отделена от государства», т. е. нерелевантна политической сфере и выступает интимной деталью биографии гражданина. Автор не отделяет этническое от политического. Он «подразумевает под словом “нация” <...> общность этнополитическую — народ, выступающий как политический субъект с юридически зафиксированными правами». Следовательно, нацией является этнос, члены которого обладают политическими правами. Такой

© Эрлих С. Е., 2017

Эрлих Сергей Ефремович — доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва — Санкт-Петербург); ehrlich@mail.ru

подход отделяет Сергеева не только от сторонников безразличной к этничности гражданской нации, но и от тех русских националистов, которые не считают гражданские и политические права определяющим признаком нации и, более того, придерживаются мысли, что русскому этносу этот данайский дар гнилого Запада без надобности.

Культурные предпосылки гражданского и политического равноправия Сергеев усматривает в сочетании двух факторов. Первый — это христианство: «Безусловное равенство всех человеческих душ перед Богом, признание самоценности каждой человеческой личности, утверждаемое христианством, стало метафизической основой представления о естественности и неотъемлемости гражданских и политических прав для всех членов этноса». С этим утверждением невозможно согласиться. Идеи христианства в действительности стали «метафизической основой», но не «прав для всех членов этноса», а прав человека. В евангельских текстах понятие «человек» целенаправленно выводится за пределы этноса и социальных иерархий. Благодаря апостолу Павлу, христианство смогло преодолеть узкие рамки еврейской секты и стать мировой религией. Космополитизм христианства стал решительным разрывом с племенной одержимостью Ветхого Завета. Ограничивать, подобно автору, любовь к ближнему «всеми членами этноса» означает переиначивать христианство на ветхозаветный лад. Не вызывает возражений второй, приводимый Сергеевым, «социально-юридический» фактор «нацие-

строительства». Это «феодализм с его четко прописанной системой взаимных обязательств вассалов и сеньоров, использующей наследие римского права». Проблема нашей истории заключается в том, «что из двух указанных выше предпосылок нациестроительства в России наличествовала только первая — духовная. <...> Что до второй, то социальная структура русского общества (особенно начиная с монгольского ига) была далека от европейского феодализма».

Автор подробно рассматривает вопрос, почему «особенно начиная с монгольского ига» что-то пошло не так и «христианский, европейский по культуре своей народ стал главным материальным и человеческим ресурсом для антихристианской, по своей сути, “азиатской” государственности». Сергеев-исследователь отмечает, что за исключением краткого периода «ограниченного самодержавия» (1905–1917), русские «поданные» Московского царства, Российской империи, СССР и нынешней РФ были и остаются по сей день бесправным «ресурсом» власти. Сергеев-публицист пишет, что с таким положением нельзя мириться, потому что «русские — народ христианско-европейской цивилизации, где личность — центр бытия». Русский человек оскорблен своим положением раба «азиатского» по природе государства. Поэтому необходимо «закрепить наши хаотические освободительные стремления на уровне работающих и воспроизводящихся социальных и политических институтов». В связи с этой практической задачей значительная часть книги

посвящена поиску «точек бифуркации», в которых русская история могла выйти на дорогу созидания социальной структуры западного типа: «Русские — это европейский народ, имеющий право на европейский образ жизни». Наряду с обстоятельствами многовекового господства «азиатской» государственности и упущенными возможностями перехода к правовому обществу, «История русской нации» уделяет много внимания «субъективному фактору» — русским националистам XIX–XX вв.

Начало русской государственности не предвещало Азиопы. Власть князя в домонгольский период была ограничена советами горожан (вече) и дружины (боярская дума). Со временем на основе этих трех «ветвей» на Руси должно было сформироваться общество, близкое к европейскому. Об этом свидетельствуют высокая доля грамотных горожан, значительная торговая прослойка, отсутствие крепостного права.

Монголы нанесли удар по вече и боярской думе, разрушив города и вырезав знать. Князья, не встречая серьезного сопротивления со стороны городских и военных элит, установили неограниченное самодержавие по ордынским образцам. В ходе государственной централизации Иван III, Василий III, Иван IV уничтожили остатки древнерусских вольностей. Для этого использовались террор и массовые депортации горожан и бояр. Заимствованное, скорее всего у османов, поместное землевладение позволило создать зависимое от верховной власти во-

енное сословие. Необходимость обеспечить помещиков рабочими руками привела к закреплению крестьян. В результате возникло общество, где все равны в бесправии: «Сословия отличались не правами, а повинностями, между ними распределенными» (В.О. Ключевский). Начиная с Московского царства, верховный правитель и одновременно верховный собственник «ощущает себя не просто главным, а единственным политическим субъектом на Руси. Поэтому его сознательная и целенаправленная стратегия — недопущение появления других субъектов и борьба со всем, что могло бы в такие субъекты превратиться». Сергеев именуется такое общественное устройство «принципом Москвы» и считает, что он «полноценно сохранился в социально-политическом строе Российской Федерации». Автор отвергает излюбленный аргумент «державников», что «осажденная крепость» Россия не могла бы выстоять без деспотического руководства мудрого самодержавия: «В XIV–XVI вв. вся Европа только и делала, что воевала, однако нигде не возникло ничего похожего на “русскую власть”, даже в Испании или Сербии, также боровшихся с опасными врагами с Востока».

Обусловленный «ордынской “мутацией” принцип Москвы» привел к неблагоприятным для русского народа последствиям. «Автосубъектное и надзаконное» (А.И. Фурсов) самодержавие не только низвело русских крестьян до положения рабов, оно обложило их более высокими податями, чем «инородцев». Начиная с присоединения Украины,

возникает «Российская империя со всей своей спецификой — “империя наоборот”, где “метрополия” живет хуже “колоний”». Братские «малороссы» платили налогов в два-три раза меньше «старшего брата». «Великороссии, <...> веками существовавшей без прав и свобод, отводилась роль орудия и ресурса империи, а вовсе не ее “бенефициара”». В результате якобы «прозападных» петровских реформ «принцип Москвы» восторжествовал окончательно. Государство «лишилось русского доминирования, сделавшись наднациональной империей». В ситуации, «когда одна часть этноса в буквальном смысле слова торгует другой, они (эти части) никак не могут образовать единой нации». В советское время русские по-прежнему безжалостно эксплуатировались. Уровень потребления в РСФСР, согласно данным, приведенным в «Истории русской нации», был значительно ниже, чем в других «республиках-сестрах». И в нынешней РФ «многие национальные республики на 90 % дотируются Центром за счет русского большинства».

Русские также несли основные тяготы многочисленных завоевательных походов и оборонительных войн. Не только в царское время многие народы были освобождены от военной службы. В 1943 г. в ходе «коренного перелома» в Великой Отечественной войне правительство было вынуждено отложить мобилизацию в автономиях Северного Кавказа и в республиках Закавказья и Средней Азии. Новобранцы из этих регионов массово дезертировали, командиры не могли полагаться в бою на «нацменов» и отка-

зывались принимать неславянское пополнение. В ситуации, когда Украина и Белоруссия были оккупированы, русские, считает автор, едва ли не в одиночку противостояли на поле боя германским нацистам и их союзникам.

Сергеев ставит важный вопрос: для чего русские властители расширяли свои владения? Сибирь, по его мнению, была едва ли не единственным экономически выгодным приобретением. Торговля сибирскими мехами стала одной из важных экспортных статей Московского царства. Содержание почти всех других завоеванных территорий, утверждает автор, приносило убытки. Крепостные русские крестьяне не имели возможности осваивать новые земли и задыхались от малоземелья под гнетом помещиков. Расширение империи мотивировалось соображениями политического престижа и оборачивалось дополнительным бременем для русских людей: «Военная машина империи, питавшаяся русскими кровью и деньгами, обслуживала теперь главным образом личные амбиции ее правителей, очень хотевших стать “царями горы” в одновременно презираемой и вожделенной Европе». Нынешняя власть следует древней традиции. Вместо проведения «структурных реформ» она «наращивает внешнеполитическую активность, претендуя на роль геополитического игрока мирового уровня». Поставленная проблема чрезвычайно важна и требует дополнительных исследований, в том числе сравнительных. Сводная картина затрат и доходов, получаемых от содержания колониальных империй Нового времени,

позволит понять, насколько уникальной была политика русских колонизаторов.

«Рессентимент» по поводу антирусской колониальной политики русских правителей порой приводит автора к неприемлемым с точки зрения современных ценностей заявлениям. «Эталонный образец национальной внешней политики», по его мнению, представляет завоевание Казанского ханства (1552): «Никакой татарской автономии вроде польской – власть принадлежит московскому воеводе, у татар сохраняется только низовое самоуправление. Никаких привилегий местной знати типа прибалтийских – верхушка казанской аристократии вообще *физически уничтожается* (курсив мой. – С.Э.)»; «Сама Казань – не в пример Риге или Варшаве – стала русским городом. Татары составляли меньшинство ее жителей и обитали в особой Татарской слободке (150 дворов), им даже запрещался вход в Казанский кремль». Выходит, что в согласии с этим «эталонном» русские власти должны были по примеру Ивана Грозного «физически уничтожить» местные верхушки в Риге и Варшаве? Уверен, Сергеев не согласится, что методы XVI в. можно перенести в наши дни. Но почему он считает их «эталонным образцом» для XVIII и XIX вв.? Потому что так в то время действовали европейские колонизаторы? «Господа, вы звери!» Автору публицистической книги не стоит забывать, что «историческая аналогия – это политическая технология» (А. Чернов) и следует воздержаться от снабжения читателей подобными «эталонными образцами».

Этническая одержимость Сергеева воплотилась в концепции народов «мамелюков», «этнокорпорации» которых служили не России, но ее антирусским правителям. В конце Московского царства появляются украинцы – выпускники «прозападной» Киево-Могилянской академии и захватывают «руководство Русской церкви». В Российской империи русским вредят прибалтийские немцы. В СССР – евреи, вырвавшиеся из черты оседлости. Антирусские происки украинских архиереев частично искупает то, что они «были проводниками первой европеизации России» и «привнесли в московскую культуру» столь дорогую автору «идею народа/нации». И немцы вместе с большим вредом принесли некоторую пользу, поскольку их привлечение в Россию «сыграло важную и нужную роль в процессе модернизации страны». Кроме того, некоторые «мамелюки» из Прибалтийских губерний «выламывались из немецкой корпорации и пытались ассимилироваться в русских», в качестве русских патриотов они играли важную роль, в частности, в движении «первых русских националистов» – декабристов.

Для «этнокорпорации» евреев Сергеев не находит никаких оправданий. Они вредили и до революции, еще не став «мамелюками», когда «претендовали на доминирование в тогдашнем российском бизнес-обществе» и «уже делали нештучные заявки на аналогичное доминирование в культурной жизни». Евреи столь обнаглели, что «прокатившаяся в начале 1880-х погромная волна в черте оседлости

вызвала если не оправдание, то понимание как “борьба с эксплуататорами”. Антирусское правительство не торопилось обуздать выскочек из черты оседлости. Только в 1880-х гг. «впечатляющий рост еврейского влияния в хозяйственной и образовательных сферах наконец напугал самодержавие своей неподконтрольностью». Была принята процентная норма для евреев в средних и высших учебных заведениях и другие ограничительные меры. «Но все это не решало проблему по существу, а только вызывало раздражение среди еврейской молодежи и толкало ее в революцию».

Евреи внесли большой вклад в победу большевиков и заняли ведущие позиции в аппарате новой власти, в том числе в секретной полиции: «Евреи стали очередной привилегированной нерусской этнокорпорацией, с помощью которой надзаконная верховная власть проводит в России свою заведомо непопулярную политику. Но, конечно, степень их политического и социокультурного влияния оказалась куда выше, чем у тех же немцев или украинских монахов». Т.е. евреи — главные мамелюки русской истории. «Все это не могло не вызывать недовольства русского большинства». Даже антирусская власть Сталина была вынуждена внять гласу народа: «В конце 1930-х количество евреев во власти стало снижаться». Тем не менее «во время войны евреев берегли», около 2 млн представителей «этнокорпорации» были отправлены в тыл и тем самым спасены «компартией от геноцида». Трудно понять из контекста, одобряет ли Сергеев решение компартии беречь евреев

от истребления нацистами. А вот как им описывается «борьба с низкокочевничеством перед Западом»: «Обеспокоенный проамериканской ориентацией Израиля Сталин устроил бескровную, но весьма внушительную “этническую чистку” аппарата, в результате которой представительство евреев в советской номенклатуре с 1945 г. сократилось к началу 1952 г. более чем на 60%. За “националистическую деятельность” в 1948–1953 гг. было репрессировано около 1 тыс. евреев, в том числе расстреляно около ста». «Бескровная чистка», в результате которой было «расстреляно около ста» «безродных космополитов», — это, как говорится, пять! Автор осуждает евреев-мамелюков за то, что они были опорой советской власти в процессе ее становления. В то же время он не одобряет того, что с середины 1960-х они стали «основой антисоветской оппозиции», а в годы перестройки — «проводниками модернизации, на сей раз капиталистической». Евреи у Сергеева всегда, как в анекдоте, виноваты: при советской власти — в том, что еврейка стреляла в Ленина, сейчас — в том, что не убила. Для автора «несомненно <...>», что в еврейских либеральных кругах процветали русофобские настроения». В таком случае Л. Я. Гинзбург, Г. С. Померанц, Ю. М. Лотман и многие другие либо не были евреями, либо входили в состав «номенклатуры». Вклад евреев «в сфере науки, культуры, образования» сводится, по мнению Сергеева, к «потомственно-кланово сложившемуся влиянию», т.е. вредительству чистой воды. Это утверждение столь пристрастно, что нет смысла напоминать о достижениях евреев во славу

русской науки и культуры. Во введении к книге автор торжественно заявляет: «Надеюсь, мои мировоззренческие предпочтения не сказались на качестве предлагаемого исторического анализа, во всяком случае, из-за них я нигде сознательно не искажал фактической стороны дела». Я хочу обратить его внимание, что этнически обусловленные «мировоззренческие предпочтения» в данном случае «сказались» на качестве анализа и привели к неосознанному искажению фактов.

Сергеев внимательно отслеживает те развилки русской истории, где страна могла свернуть с ордынской колеи на европейские рельсы. Тверь была ложной альтернативой. В случае ее победы, а также Рязани либо Нижнего Новгорода, восторжествовало бы другое издание Золотой Орды. Сергеев не видит оснований считать «европейской» и выдвинутую А.А. Зиминим альтернативу галицких князей — сына и внука Дмитрия Донского — Юрия и Дмитрия Шемяки. Новгород и Псков объективно не могли стать объединителями русских земель.

Могла бы победить Западная Русь в лице Великого княжества Литовского, в городах которого уже действовало магдебургское право. В начале XV в. Литва поставила Москву в полную зависимость. Но после смерти Витовта в его владениях начались распри. Москва перешла в наступление на «нашу — как писал православный литовско-русский магнат Иван Вишневецкий — Русь». Западнорусские князья и горожане не стремились под руку московских правителей, т.к. имели гораз-

до больше прав в составе Литвы и Речи Посполитой. Положение русских там стало ухудшаться после 1596 г., когда была заключена Брестская уния, которая «поставила точку в возможностях Литвы стать собиранельницей русских земель».

Следующая альтернатива — реформы Избранной рады, проводимые «под негласным руководством» Алексея Федоровича Адашева и при поддержке Сильвестра. Согласно Судебнику 1550 г., власть монарха ограничивалась Боярской думой. Начали созываться Земские соборы. Автор подчеркивает, что ограничение самодержавия в период Избранной рады «нимало не подорвало боеспособность московского войска, напротив, это время его блестящих успехов — взятия Казани и Астрахани, удачных операций против Крыма, первых побед в Ливонской войне». Попытка построения правового общества сорвалась по причине «психической неуравновешенности Ивана IV».

Очередная точка бифуркации пришла на царствие Бориса Годунова, принявшего ряд мер, которые «предваряют практику социального государства». Но Смута не дала реализоваться этой возможности. В то же время Смута за неполное десятилетие «явила такую концентрацию альтернатив, какой не было за несколько предшествующих столетий. Что, если бы не разразился страшный голод 1601–1602 гг., а Борис Годунов не скончался скоропостижно и сумел бы утвердить свою династию? Что, если бы первый Лжедмитрий удержался на троне? Что, если бы Болотников вошел

в Москву? Что, если бы второй Лжедмитрий одолел Василия Шуйского? Что, если бы Скопин-Шуйский прожил долее и стал наследником дяди или сверг его, вняв призыву Прокопия Ляпунова? Что, если бы Сигизмунд III согласился на воцарение королевича Владислава, а не захотел приватизировать московский трон? Что, если бы у поляков отбило Москву Первое ополчение? Что, если бы на Соборе 1613 г. русским царем избрали шведского принца Карла Филиппа (чьим лоббистом был сам Пожарский)?» Сергеев поддерживает версию, что в 1613 г. при своем избрании Земским собором на царство Михаил Федорович подписал «ограничительную запись». Однако и на этот раз самодержавие смогло выйти из-под контроля общественности.

В Петербургский период близки к успеху были «верховники». Они вынудили Анну Иоанновну подписать «Кондиции», ограничивающие императорскую власть, которые, впрочем, императрица вскоре «надорвала». Но все же в 1730 г. Россия несколько дней была ограниченной монархией. В 1762 г. Н.И. Панин «предложил одновременно учредить Императорский совет из 6–8 сановников, без согласования с которым императрица не могла принять ни одного закона, и усилить значение Сената, которому давалось право представлять возражения на “высочайшие указы”». Екатерина, чье положение на троне было тогда еще очень шатким, несколько месяцев раздумывала над этим демаршем и даже подписала составленный Паниным соответствующий манифест, но позже, поняв, что реальной общественной силы за его автором нет, оторва-

ла от документа свою подпись». Автор упоминает и о гипотетических планах лидеров переворота 1801 г. «установить конституционное правление», а также о конституционных проектах М.М. Сперанского (1809) и Н.Н. Новосильцева (1820), созданных по заданию Александра I, о Конституции М.Т. Лорис-Мелихова (1881), и проекте Земского собора (1882) Н.П. Игнатьева.

Остальные попытки «нациестроительства» исходили в XIX в. от дворянской, а в начале XX в. от интеллигентской, если так можно выразиться в условиях самодержавия, «оппозиции». Сергеев убедительно доказывает, что многие видные деятели поздней империи были подвержены влиянию идей европейского национализма. Националистами XIX в. были декабристы, славянофилы, западники и «общинный социалист» А.И. Герцен. Наряду с националистической дворянской «фрондой» существовали и «бюрократические националисты» (А.Э. Котов). К ним относились К.П. Победоносцев и М.Н. Катков. В начале XX в. националистических взглядов придерживались правый либерал П.Б. Струве и левый либерал П.Н. Милоков. И среди марксистов, как показали события Первой мировой войны, были сильны «буржуазные» патриотические настроения. В доказательство последнего тезиса автор, в частности, приводит антисемитские высказывания мужа Розалии Марковны Боград — одного из основателей русской социал-демократии Г.В. Плеханова. А вот Ф.М. Достоевский, несмотря на многочисленные этнические фобии, не был истинным националистом, поскольку постоянно

впадал во «всечеловеческую» ересь. Он по антинациональной имперской традиции приписывал русскому народу всемирную миссию, ради которой русские должны пожертвовать собой. Эта часть книги является действительно исследовательской и представляет новый хорошо аргументированный взгляд на идейную жизнь последнего века Российской империи.

Запоздалый Манифест 17 октября 1905 г., при всей ограниченности, положил начало созиданию «русской политической нации». В стране не только возникли политические партии, но и произошли значительные изменения в социальной и экономической жизни. Промышленность развивалась высокими темпами. Столыпинские реформы открыли простор для предприимчивых крестьян. Программа переселения позволила уменьшить остроту земельного вопроса в Европейской России. Возникло массовое кооперативное движение, размах которого не имел в то время аналогов в других странах. Разрабатывалась программа всеобщего начального образования. Первая мировая война нанесла тяжелый удар по русскому обществу. Февральская революция вроде бы открыла путь к устранению препятствий буржуазного развития, но «пришедшая к власти на гребне революционной волны русская интеллигенция оказалась совершенно не готова к руководству страной».

Победа большевиков в очередной раз вернула Россию на ордынский путь самовластия. В советское время Сергеев почти не находит зародышей русского нациестроительства.

Предвоенная «национал-большевистская» риторика и послевоенная «борьба с низкопоклонством перед Западом» были циничными инструментами эксплуатации русского этнического ресурса. Политика «коренизации», которую Сталин только затормозил, но не прекратил, привела к «окончательному закреплению власти местных элит в союзных республиках» и в итоге к развалу СССР. Единственное исключение из антирусского тренда советской истории, по недостаточному, на мой взгляд, обоснованному мнению автора, составляют жертвы «Ленинградского дела» (1949–1950): «Так был в зародыше уничтожен потенциальный политический субъект не декоративной только, а реальной, структурной “русификации” режима». Сергеев критически относится к деятельности так называемой «русской партии», действовавшей на основе структур Всероссийского общества охраны памятников и культуры: «Главным врагом для РП стало не антирусское коммунистическое государство, которое она наивно надеялась перевоспитать, а еврейская либеральная интеллигенция». Компрометирующий союз «антидемократического национализма» писателей-деревенщиков с властью привел в 1991 г. к победе «антинационального либерализма» технической интеллигенции. Она перехватила «ту часть националистической программы, которая была близка и понятна массовому сознанию, — требование равноправия России, — успешно применила это поистине ядерное оружие, собранное в себе гигантский заряд гнева и обид миллионов русских за несколько столетий, против союзного

Центра, в борьбе с которым родилось новое суверенное государство — Российская Федерация».

«Новое суверенное государство» не оправдало надежд. В современной РФ так и не возникло общество европейского типа. «Политическая жизнь имитируется». Более 70% населения находится в финансовой зависимости от государства. Поэтому нельзя говорить о возникновении базового для современных демократий «среднего класса». В этническом отношении РФ строится по «советским лекалам» и является уменьшенной копией СССР: «Национальные автономии управляются на основе своих конституций и, следовательно, в качестве субъектов федерации обладают гораздо более весомыми правами, чем бесконституционные русские регионы». Автор констатирует, что «русская история раз за разом возвращается на круги своя, демонстрируя поразительную устойчивость социально-политических основ Российского государства, среди коих существование русской нации как суверенной политической общности как будто не предусмотрено». Он считает, что нельзя мириться с «гнусной российской действительностью». Будущее в европейской традиции не предопределено. Ордынское наследие можно и нужно преодолеть. Книга заканчивается риторическим вопросом, ответ на который «принадлежит будущему»: «Способны ли русские преодолеть почти шестисотлетнюю «силу сложившихся вещей», или, следуя ей, они станут удобренным для процветания других народов?»

«История русской нации» оставляет двойственное впечатление. Автор

привел много фактов, неожиданных для тех, кто не является специалистом в том или ином периоде русской истории. Связал их общей интерпретацией и обнаружил интересные феномены, среди которых: повышенная, в сравнении с другими российскими «подданными», экономическая и военная эксплуатация русских различными «аватарами» государства российского; «внеэкономический» характер внешнеполитической экспансии, не мотивированной интересами русского общества и истощающей его жизненные силы; влияние европейского национализма на весь идейный спектр русской мысли XIX — начала XX в. Все эти далеко не очевидные проблемы если не во всех случаях убедительно исследованы, то, что очень важно, внятно сформулированы. Их дальнейшее изучение открывает новые историографические перспективы.

Однако «констатирующая» часть книги не является для Сергеева самоценной. Это лишь «исторический источник» для «перформативного речевого акта», суть которого состоит в призыве трансформировать русский этнос в русскую нацию с европейскими гражданскими и политическими правами. Для решения этой задачи неизбежно потребуется «сепарировать» этнических русских от других народов РФ. Автор не указывает, каким образом это можно сделать.

Не сомневаюсь, что депортация «инородцев» за пределы нынешней территории РФ и тем более их истребление не входят в планы сторонника русской политической нации. Вряд ли он также полагает

возможным отделить автономии от РФ. Во многих из них этнические русские составляют либо большинство, либо значительное меньшинство. Что делать с этими русскими? Переселить в русские области? Обменять на «нацменов», проживающих за пределами «своих» автономий? Аннексировать часть территорий этнических «субъектов федерации» для проживания там местных русских? Любое из этих решений и тем более ликвидация автономий чревата гражданской войной. В большинстве из них сформировались местные элиты, которые добровольно не откажутся от дивидендов «национальной государственности». Есть еще путь культурной ассимиляции. Опыт Российской империи показывает, что ее насильственные формы только укрепляют местный национализм. Остается добровольная ассимиляция. Но она возможна только в тех случаях, когда меньшинства убеждены, что приобщение к культуре этнического большинства открывает перед ними новые возможности. Трудно представить, что сегодняшняя Россия является «аттрактором» для представителей этнических элит «автономий», многие из которых во все большей степени переориентируются на «единоверцев» из Турции и монархий Персидского залива.

«Приманкой» для массового перехода нерусских граждан РФ в русскую идентичность должно стать эффективное социальное государство с реальными гражданскими и политическими правами. Но если начинать его строительство с разделения граждан на «чистых» и «нечистых», то трудно представить, что этот проект будет успешным. Ведь главным препятствием созидания социального государства является старый «новый класс» русской и нерусской номенклатуры из советских «чекистов», партийных и комсомольских работников, которые вначале перекрасились в «демократов», а потом — в «державников». Эти держиморды стремятся перевести «вертикальное» социальное противостояние в этническую плоскость. «Этнизация» насущных общественных проблем позволяет эксплуататорам различного этнического происхождения подерживать статус-кво. Они заинтересованы в публицистах, доказывающих, подобно Сергееву, «насколько национальное чувство естественно и насколько противоестественен интернационализм». Интернационал паразитирующей верхушки может быть побежден только интернационалом граждан. Но если мы объединимся и победим, то есть ли смысл после этого размежеваться?

"AND HOW UNNATURAL IS INTERNATIONALISM?"

Rev.: Sergeev S. M. *Russkaya naciya, ili Rasskaz ob istorii ee otsutstviya*. Moscow: Centrpoligraf, 2017. 575 p.

Ehrlich Sergey E. — doctor of sciences (history), director of the Publishing House «Nestor-Historia» (Moscow — St.-Petersburg)

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОДНОГО ЛОЗУНГА

Рец.: *Иванов А. А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.

Ключевые слова: Россия для русских, национализм, славянофильство, черносотенцы, кадеты, газета «Весть», В. А. Грингмут, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, П. А. Столыпин, Русское собрание, Всероссийский национальный союз.

Рецензия посвящена книге А. А. Иванова, содержащей авторское исследование истории лозунга «Россия для русских» с 1867 по 1917 гг. и большую антологию публицистических текстов по данной теме. Отмечается историографическая новизна авторского подхода. Анализируются наиболее интересные и спорные моменты полемики вокруг данного лозунга внутри консервативного, националистического и либерального лагеря.

Новая книга известного петербургского историка Андрея Иванова стала единственным событием в своем роде. До настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной историографии практически никто даже не ставил задачу выявить истоки и проследить развитие лозунга «Россия для русских», который к началу XX века приобрел скандальный оттенок. Единственным исключением могут считаться статьи М. Н. Лукьянова (*Лукьянов 2001; Лукьянов 2006*), посвященные частному аспекту — изучению раскола в правом, консервативном

лагере на сторонников и противников данного лозунга. В остальном же А. А. Иванов, безусловно, ступил на поистине непаханое поле источниковедческого и исторического исследования. Это поле в нынешних условиях может оказать и минным — поэтому неслучайны многочисленные и настойчивые оговорки автора о его аполитичности и академичности. Даже вместо эпиграфа к книге стоит изречение «*Sine ira et studio*». В результате в руки читателей попало издание действительно уникальное, способное заинтересовать как профессиональных историков, так и широкую читательскую аудиторию.

Книга состоит из двух частей. Около трети ее объема составляет само авторское исследование истории зарождения, развития, а временами

© Медоваров М. В., 2017

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижегород); mmedovarov@yandex.ru

и вырождения девиза «Россия для русских» в полувековой период с ноября 1867 г. по март 1917 г. Остальную часть книги составляет антология текстов источников: чаще всего это газетные статьи, реже — отрывки из отдельных публицистических изданий. Данная публикация сопровождается обширным (60 страниц) текстологическим комментарием и именным указателем.

А.А. Иванов прекрасно отдает себе отчет в том, что, хотя он довел свое исследование только до 1917 г., невозможно не обрисовать перспективы изучения истории лозунга «Россия для русских» в Советском Союзе и в Русском Зарубежье (с. 13–15) и в современной России (с. 3–12). С беглого обзора данной проблематики и начинается книга, но уже вскоре читатель сталкивается с неожиданным фактом: оказывается, никто и никогда не знал, когда и при каких обстоятельствах этот лозунг впервые прозвучал. Ответ на этот вопрос впервые найден А.А. Ивановым. Более того, оказывается, что данный аспект необходимо четко отделить от проблематики возникновения русского национализма в его различных ипостасях и направлениях. Националистические программы декабристов и западников, славянофилов и «катковистов» в последние годы стали предметом постоянного и пристального внимания историков (*Котов* 2016; *Тесля* 2014: 18–72). Разумеется, и А.А. Иванов констатирует, что потенциально почва для лозунга «Россия для русских» уже была подготовлена славянофилами 40-х и 50-х годов (с. 21–26). Однако исторический курьез заключается в том,

что впервые такую формулировку выдвинули отнюдь не славянофилы и даже не катковисты, а их злейшие противники — так называемые космополиты-аристократы из газеты «Весть». Клич «Россия для русских», как выясняется, впервые прозвучал со страниц скандально известной газеты В.Д. Скарятинна «Весть» 15 ноября 1867 г., причем под «русскими» имелись в виду все подданные Российской империи (прежде всего — поляки и остзейцы), противопоставлявшиеся балканским славянам, на помощь которым звал И.С. Аксаков (с. 21–26). Публикуемые в рецензируемой книге статьи из газетной полемики ноября — декабря 1867 г. (с. 141–166) наглядно показывают, что М.Н. Катков сразу подхватил лозунг своих противников, придав ему противоположный смысл: «Московские ведомости» в противовес «Вести» заговорили об угрозе русскому народу от массового распространения немецких колоний в пределах Российской империи интересам русского народа. Уверения Скарятинна, что «Россия для русских — значит Россия для всех верных подданных русской империи», на этом фоне оказывались в заведомо проигрышном положении. Фактически в течение всего одного месяца после неосторожной антиславянской статьи Скарятинна хлесткий девиз перешел в руки Каткова (и лишь значительно позднее — Аксакова).

Однако затем наступает длительный период, не охваченный исследованием А.А. Иванова. В книге не нашлось места ни для одной статьи с использованием данного лозунга между 1867 и 1894 гг. Автор

показывает, что расхожие мифы о том, что фраза «Россия для русских» звучала в устах М. Д. Скобелева или императора Александра III, являются попросту неверными (с. 33–39). Ни первый, ни второй таких слов никогда не произносили. Лишь в последние годы XIX столетия среди современников очень быстро распространяется странный стереотип о том, что лозунг «Россия для русских» стал чуть ли не официальным девизом курса Александра III (с. 40–50). На самом деле, учитывая хорошо известное негативное отношение императора к славянофилам, он и не мог выдвинуть данный лозунг. Это сделали как раз консерваторы и националисты различных оттенков в первые годы правления Николая II. Первопроходцами стали В. А. Грингмут и А. С. Суворин в своих статьях, написанных в ноябре – декабре 1894 г. и посвященных памяти покойного императора Александра III (с. 167–179, 195–199). В последующие годы лозунг подхватили и другие публицисты, от И. П. Корнилова и В. В. Розанова до военного министра А. Н. Куропаткина. Сразу же высказались против лозунга Л. А. Тихомиров и С. Н. Сыромятников – два крупнейших и наиболее оригинальных консервативных мыслителя рубежа веков. В формулировке «Россия для русских» они разглядели угрозу традиционным основам Российской империи и примитивную кальку с аналогичных девизов в западных странах, не имеющую никаких корней в России (при этом Сыромятников, например, считал, что лозунг появился в середине 1880-х годов, хотя какие-либо доказательства этого мнения не приводил).

Тезис об иностранном происхождении фразы «Россия для русских» действительно будет долго преследовать его сторонников. По этой причине А. А. Иванов скрупулезно исследует данную проблему (с. 51–58). Собственно говоря, в итоге и противники, и сторонники данного лозунга не отрицали, что его формулировка своим возникновением явно обязана доктрине Монро «Америка для американцев», при совершенно ином содержании (в США это был призыв устранить влияние Европы на страны Латинской Америки, в Российской империи аналогичный лозунг быстро стал касаться отношений между народами внутри страны и в меньшей степени отношений к зарубежным славянам).

Львиная доля рецензируемой книги посвящена очень короткому периоду с 1905 по 1912 гг. Именно тогда лозунг «Россия для русских» становится предметом ожесточенных споров не только между консервативным и либеральным лагерем, но и внутри каждого из них. Двести страниц публикуемых текстов газетной и журнальной полемики (с. 227–429) можно по праву назвать великолепной антологией русской общественной мысли бурного периода первых трех созывов Думы, эпохи ломки традиционной преданности православию и самодержавию и мучительных попыток найти новое определение «народности». Среди авторов текстов представлены не только монархисты разных, конкурирующих направлений, но и праволиберальные националисты, и классические либералы (кадеты), и даже

публицисты относительно левой ориентации. Отдельного упоминания заслуживает уникальная позиция Андрея Белого (с. 395–403).

В авторском исследовании А.А. Иванову удалось показать и причины популярности лозунга «Россия для русских» среди черносотенцев после 1905 г. (с. 59–76), и мотивы тех представителей правомонархического лагеря, которые заняли особую позицию. Для Л.А. Тихомирова, С.Н. Сыромятникова, С.Ф. Шарапова, Г.А. Щечкова этот лозунг казался слепой, абсолютно нерусской калькой с образцов западного «бездуховного» национализма, несовместимым с православными ценностями (с. 77–81). Более того, тот же Сыромятников, например, подмечал, что выдвигавшие этот лозунг националисты демонстрировали трусость, пессимизм, уныние, считая русский народ слабым, а гибель России – предрешенной. В противовес им поздние славянофилы и православные консерваторы полагали, что потенциал к имперскому расширению у России еще имеется: «Национализм – теория упадка и старчества, тогда как патриотизм – чувство силы и молодости» (с. 359). Отдельный параграф своего исследования А.А. Иванов посвятил альтернативным лозунгам, выдвинутым консерваторами: «Русские для России», «Россия для русских подданных», «Россия для православных», «Россия для россиян» (с. 123–129). Конкретный исторический контекст употребления этих призывов прочно забыт и подчас оказывается весьма неожиданным для современного читателя.

Представленные в антологии тексты сторонников карликового, но шумного Всероссийского национального союза, особенно М.О. Меньшикова, позволяют оценить масштабы трансформации традиционного политического сознания в годы третьей ионийской монархии. Меньшиков в своих статьях с характерными названиями типа «Чье государство Россия?» пытался доказать, что Российская империя есть государство русских, которым должны быть подчинены и по сути поработаны, лишены политических прав народы окраин. Сама по себе такая постановка вопроса в империи с самодержавным монархом, который во время переписи населения 1897 г. назвал себя «хозяином земли Русской», свидетельствует о далеко зашедшем разложении и монархического, и христианского сознания у таких общественных деятелей, как Меньшиков. Неслучайно Л.А. Тихомиров вполне в духе своего учителя К.Н. Леонтьева говорил о том, что русский национализм ВНС, созданный по западному образцу, начисто лишен русских самобытных черт (с. 391–394). В то же время такие монархисты старого образца, как К.Н. Пасхалов, колебались между искренней приверженностью самодержавию и новым тезисом о «народе-хозяине» (с. 417–419).

Конечно, экстремист Меньшиков, склонный к биологическому расизму и национал-дарвинизму, представлял собой крайний случай. Большинство националистов были более умеренными. Как убедительно показал А.А. Иванов, в целом биологизм был чужд русской

общественной мысли, и как в официальном столыпинском курсе (с. 81–94), так и среди националистов разных оттенков (с. 102–121) под словом «русский» имелись в виду ассимилированные выходцы их любых народов, если они сами себя считали русскими. И, напротив, кадетов и социалистов из числа этнически русских правые отказывались называть русскими.

Чтение некоторых текстов антологии наводит на печальные размышления. С одной стороны, видно полное отсутствие понимания сути проблемы межнациональных отношений у левых и либеральных публицистов (П. Н. Милуков, Д. В. Философов, Н. А. Чхеидзе, И. А. Бодуэн де Куртенэ). Разговор по существу подменялся у них оскорбительными для русского народа крикливыми заявлениями. С другой стороны, поражает зашоренность и озлобленность многих националистических публицистов. А. С. Суворин, М. О. Меньшиков, И. И. Высоцкий запятнали себя откровенными призывами копировать худшие черты национальной политики западных государств, прежде всего, насильственные репрессии в сфере языка и этнической самобытности. И. И. Высоцкий, например, ошибочно полагал, что повсюду в Британской империи запрещены все языки, кроме английского (что, конечно же, на самом деле было не так), и призывал Россию следовать этому примеру (с. 381–382). Чтобы в 1910 г. одобрять призывы к смертной казни ирландцев за употребление родного языка — за шесть лет до Пасхального восстания и за девять лет до общенациональной освободительной войны — была нуж-

на поразительная слепота и недалекость.

На этом фоне особое внимание обращают на себя некоторые публицистические тексты с оригинальной точкой зрения на данный вопрос. Например, В. Строганов в 1912 г. писал, что два желания — обрусить инородцев и, наоборот, лишить их политических прав — несовместимы друг с другом, и правительство вкупе с националистами должны выбрать что-то одно: «Совместить то и другое — так же нелепо, как тушить пожар керосином» (с. 423).

Исключительно важное значение имеет статья неизвестного автора под псевдонимом «Великорусс», опубликованная в черносотенной газете «Русское знамя» в 1906 г. (с. 248–258). В ней национальный вопрос неожиданно предстает как вопрос социальный: автор объявлял нерусской верхушечную культуру дворянской и чиновничьей послепетровской России. Истинно русскими он считал крестьян и мещан и призывал уравнивать их права с высшими сословиями, дать им всем образование под руководством Церкви и консервативных преподавателей, а главное — произвести кадровую революцию и заменить всё чиновничество Российской империи на выходцев из крестьян и мещан, то есть «уничтожить монопольное положение интеллигенции, поставив на подобающее место русский народ». Такие требования, обычно звучавшие со стороны малых народов, в устах глашатая интересов широких масс русского народа позволяют по-новому взглянуть

на объективные социальные корни национализма в «век масс».

С концом столыпинской эпохи националистическая и антинационалистическая истерия в российском обществе пошла на спад. Уже в 1913–1914 гг. и тем более в годы Первой мировой войны количество употреблений лозунга «Россия для русских» упало в разы. Если этот девиз и вспоминали, то в измененном в соответствии с новой обстановкой смысле (с. 95–101, 430–439). С 1917 г. началась новая эпоха, когда конкретные обстоятельства бытования лозунга «Россия для русских» и споров вокруг него оказались забыты и искажены как в Советской России, так и в эмиграции. А ведь данный лозунг «должен всякий раз оцениваться исходя из *конкретного* содержания, которое в него вкладывают его сторонники», — неоднократно подчеркивает А.А. Иванов (с. 137). Несомненно, что его почин заслуживает продолжения на мате-

риале 1917–2017 гг. и на высоком научном уровне. Рассмотренная книга является хорошим потенциальным образцом для будущих исследований подобного рода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Котов 2016 — Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-х — 1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016.

Лукьянов 2001 — Лукьянов М. Н. «Россия — для русских подданных!»: консервативная оппозиция русскому шовинизму накануне Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2001. № 1. С. 142–151.

Лукьянов 2006 — Лукьянов М. Н. «Россия — для русских» или «Россия — для русских подданных»? Консерваторы и национальный вопрос накануне Первой мировой войны // Отечественная история. 2006. № 2. С. 36–47.

Тесля 2014 — Тесля А. А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014.

ONE SLOGAN'S ENCYCLOPAEDIA

Rev.: *Ivanov A. A. Vyzov nacionalizma: Lozung «Rossiya dlya russkikh» v dorevolucionnoi obshchestvennoi mysli.* SPb.: Vladimir Dal', 2016. 511 s.

Medovarov Maxim Viktorovich — candidate of historical sciences, associate professor, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

Key words: Russia for Russians, Nationalism, Slavophilism, Black Hundreds, Cadets, *Vest'* newspaper, Vladimir Gringmut, Lev Tikhomirov, Mikhail Meshikov, Pyotr Stolypin, Russian Assembly, All-Russian National Union.

The review is devoted to the book by Andrey A. Ivanov that contents author's studying of history of the slogan "Russia for Russians" from 1867 to 1917 and a huge anthology of journalistic texts on this topic. Historiographical novelty

of the author's approach in noticed. The most interesting and disputable moments of polemics about this slogan in the conservative, nationalistic and liberal camps are also analyzed.

REFERENCES

Kotov A. E. «Tsarskii put'» Mikhaila Katkova: ideologiia biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860-kh – 1890-kh gg. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016.

Luk'ianov M. N. «Rossiia – dlia russkikh poddannikh!»: konservativnaia oppozitsiia russkomu shovinizmu nakanune Pervoi

mirovoi voiny. *Vestnik Permskogo universiteta*, ser. Istoriiia, 2001, no. 1, pp. 142–151.

Luk'ianov M. N. «Rossiia – dlia russkikh» ili «Rossiia – dlia russkikh poddannikh»? Konservatory i natsional'nyi vopros nakanune Pervoi mirovoi voiny. *Otechestvennaia istoriia*, 2006, no. 2, p. 36–47.

Teslia A. A. *Pervyi russkii natsionalizm... i drugie*. Moscow: Evropa, 2014.

А. С. Стыкалин

Рец.: Улунян Ар. А. «Послепражский 1969-й»: советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М.: URSS, 2016. 400 с.

Доктор исторических наук Ар.А. Улунян известен в профессиональных кругах как один из ведущих сегодня российских историков-балканистов, автор более десятка монографий и многих статей по широкому кругу проблем региональной истории. Его работы неизменно отличают концептуальность, широта кругозора, хорошее знание источников, осведомленность в основных достижениях национальных историографий едва ли не всех балканских стран по тем сюжетам, которые находятся в поле зрения исследователя. В центре внимания новой работы Ар.А. Улуняна — советская политика на балканском направлении после подавления Пражской весны 1968 г., которая рассматривается не только на фоне сложных межгосударственных отношений государств региона, но и в контексте противоборства двух сверхдержав за сферы влияния в Юго-Восточной Европе, а также с учетом китайского фактора, усилившего в 1960-е гг. свое влияние

на Балканах, и советско-китайского противостояния в борьбе за гегемонию в мировом коммунистическом движении.

Большое внимание в работе уделено динамике советско-югославских отношений после подавления Пражской весны. Как известно, август 1968 г. значительно осложнил отношения СССР с титовской Югославией, резко выступившей против силового решения «чехословацкого вопроса». Активизация на региональном балканском направлении внешней политики Болгарии, позиционировавшей себя в качестве главного союзника СССР на Балканах и проводника советского влияния в регионе, привела к оживлению застарелого болгаро-югославского национально-территориального спора вокруг Македонии и опасениям в Белграде относительно перерастания конфликта в горячую стадию с вмешательством СССР на болгарской стороне. Принимается комплекс дополнительных мер по усилению обороноспособности СФРЮ. Введенный Ар.А. Улуняном в научный оборот богатый аналитический материал советской военной разведки свидетельствует об исключи-

© Стыкалин А. С. , 2017

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

тельном значении, придававшемся советской стороной действиям югославского партийно-государственного руководства. В донесениях, как дипломатических, так и шедших по линии разведок, обращалось внимание на активизацию Югославией не только в движении неприсоединения, но и на средиземноморском направлении своей внешней политики, что открывало перспективы ее более масштабного сотрудничества со странами НАТО в военной области. Беспокоило также ее далеко идущее сближение, в том числе по каналам оборонного сотрудничества, с Румынией («диссиденткой» в Организации Варшавского договора, отказавшейся принять участие в августовской акции 1968 г. и продолжавшей и далее демонстрировать внешнеполитическую самостоятельность) — в этом виделась явная попытка внесения раскола в военно-политический блок, подчиненный СССР. Более того, в Москве существовали опасения, что, несмотря на еще недавно непримиримое отношение в Пекине к югославским «ревизионистам», международная ситуация благоприятствует некоторому сближению Югославии с Китаем, обусловленному общностью их позиций в чехословацком вопросе (и — шире — в их отношении к доктрине ограниченного суверенитета, т.н. «доктрине Брежнева»). Советское посольство в Белграде информировало МИД и соответствующий отдел ЦК КПСС о том, что после чехословацких событий китайская и югославская стороны «почти полностью прекратили взаимную публичную критику и начали зондировать возможность определен-

ной нормализации отношений». Активизация Пекина на Балканах, где в качестве его форпоста до сих пор выступала Тирана, особенно беспокоила Москву, где не исключали перспективы формирования неформального блока с участием (помимо Албании) Югославии и Румынии. Правда, албанский союзник КНР не воспринимал всерьез такой перспективы, т.к., находясь в фактической самоизоляции и в крайне натянутых отношениях с соседней Югославией, не желал терять статус единственного и привилегированного партнера КНР на Балканах. В Югославии же, претендовавшей на лидерство в таком глобальном проекте, как Движение неприсоединения, эта идея даже не рассматривалась, тогда как руководство Румынии, при сохранении достаточно хороших отношений с КНР, не было склонно связывать себя обязательствами, которые могли осложнить и без того непростые отношения с СССР. Таким образом, угроза создания прокитайского блока на Балканах в СССР, очевидно, преувеличивалась.

Как показывает Ар.А. Улуян, отношения Югославии с советским блоком достигли к весне 1969 г. такого накала, что целый ряд компартий фактически бойкотировал съезд СКЮ, состоявшийся в марте. Весьма негативно, как продолжающееся отмежевание СКЮ от генеральной линии мирового коммунистического движения, был воспринят руководством СССР отказ его лидеров от участия в проведенном в Москве 5–17 июня 1969 г. большом международном совещании коммунистических и рабочих партий.

Несмотря на серьезные разногласия с Тито и его окружением, советское руководство, как показывает в своей работе Ар.А. Улуния, рассчитывало на югославскую поддержку в решении целого ряда внешнеполитических вопросов (формирование повестки дня планируемого общеевропейского совещания по безопасности, продолжающееся ближневосточное урегулирование), что вполне понятно, учитывая статус Югославии как одного из основателей и фактических лидеров Движения неприсоединения и ее активное участие во многих международных организациях. С другой стороны, как советская дипломатия, так и разведка уже с весны 1969 г. фиксировали симптомы стремления руководства СФРЮ смягчить слишком резкие углы в советско-югославских отношениях, вернуться к «доавгустовскому» уровню взаимоотношений с Москвой (что, конечно же, отнюдь не означало отказа Белграда от планов дальнейшего развития многосторонних связей со странами Запада, включая их военную составляющую). В конце концов в Кремле возобладало мнение о том, что нельзя допустить «окончательной потери» Югославии, и это заставляло советское партийно-государственное руководство предпринимать усилия в данном направлении. В качестве немаловажного инструмента влияния на позицию СФРЮ рассматривалась ее заинтересованность в реализации в полном объеме договора о военно-техническом сотрудничестве с СССР и, соответственно, в дальнейших поставках вооружений из СССР. Как отмечается, в частности, в этой связи в одном

из приводимых Ар.А. Улунией документов, «в нынешней международной обстановке нам выгодно укреплять сотрудничество с Югославией в военной области, имея в виду ее военно-стратегическое положение, целесообразность укрепления ориентации ЮНА на вооружение советской техникой, необходимость противодействия попыткам Запада к внедрению в Югославию».

Можно согласиться с Ар.А. Улунией в том, что решающей вехой в процессе преодоления наслоений в советско-югославских отношениях стал визит в СФРЮ в сентябре 1969 г. А.А. Громыко. Как и в том, что немаловажную роль в активизации политики СССР на югославском направлении сыграл «китайский фактор» — советско-китайские отношения именно весной-летом 1969 г. достигли низшей точки в своем развитии, и в этих условиях наметившаяся перспектива даже самого относительного югославско-китайского примирения казалась Москве крайне нежелательной. Советская сторона устами главы своего МИДа попыталась убедить югославскую сторону в «беспочвенности и абсурдности утверждений о якобы существовавшей угрозе независимости Югославии со стороны Советского Союза и других социалистических стран» (кстати сказать, судя по источникам, приводимым в рецензируемой книге, и на Западе считали крайне маловероятным советское военное вторжение в СФРЮ). Более того, Москва даже в некоторой мере дистанцировалась от болгарской точки зрения в македонском вопросе, заявив о своей позиции равноудаленности

в застарелом югославо-албанском национально-территориальном споре.

Итогом поездки Громыко, как показывает автор, явилось некоторое потепление советско-югославских отношений, смягчение позиций официального Белграда по ряду принципиальных для Кремля вопросов его политики. В СФРЮ с этих пор стараются воздерживаться от публичной критики советской политики из уст официальных лиц. Вместе с тем сверхзадача советских усилий на югославском направлении, очевидно, не была решена. Информация, поступавшая в МИД и соответствующий отдел ЦК КПСС по дипломатической линии и разведывательным каналам, свидетельствовала о том, что Белград не отказался от занятой позиции по большинству сохранявшихся спорных вопросов, оставшись для СССР достаточно «трудным» партнером на международной арене. Отнюдь не произошло и какого-либо сокращения его сотрудничества со странами Запада не только в политическом, но и военном отношении. Не проявилось также никакого стремления со стороны руководства СКЮ теснее координировать свою позицию с линией КПСС в рамках мирового коммунистического движения. В военно-стратегическом плане сохранилось негативное отношение руководства СФРЮ к усилению советского военного присутствия в Средиземноморье. В Москве в очередной раз должны были принять к сведению, что Югославия по-прежнему исходит из концепции равной ответственности двух блоков за напряжен-

ность в Европе, к каждому из которых она не желала присоединиться и, соответственно, поддерживать односторонние инициативы.

Работа Ар.А. Улуяна вносит большой вклад в изучение особой роли и места режима Ходжи в Албании как в системе международных отношений на Балканах после 1968 г., так и в мировом коммунистическом движении в контексте советско-китайского спора за гегемонию в нем. После интервенции армий пяти стран ОВД в Чехословакию 21 августа 1968 г. в Тиране существовали определенные опасения, что Москва предпримет военную акцию и против албанского коммунистического режима, с начала 1960-х гг. находившегося в остро враждебных отношениях с СССР. В этой обстановке как западные, так и советские аналитики обращали внимание на некоторые симптомы установления диалога двух непримиримых врагов — Югославии и Албании. Ар.А. Улуян вводит в научный оборот интересные документы, свидетельствующие о том, что руководство СФРЮ «с большим удовлетворением восприняло» то, что «албанские органы массовой информации прекратили на время открытые недружественные по отношению к СФРЮ высказывания». Даже в печатном органе АПТ газете «Зери и популит» в апреле 1969 г. появляется статья с выражением «готовности Албании поддержать борьбу Румынии и Югославии против «гегемонии Москвы»». Все это не могло не забеспокоить Кремль, где опасались, что не только Албания, но и Югославия и даже член ОВД Румыния вследствие принципиальных

разногласий с СССР в «чехословацком вопросе» и неприятия «доктрины Брежнева» в той или иной мере, как уже отмечалось выше, переместятся в фарватер китайской политики. Выискивание путей к нейтрализации такого варианта развития, как показывает Ар.А. Улунян, подводило некоторых советских экспертов к идее о возможности использования экономических рычагов давления на Албанию в интересах сближения этого китайского форпоста на Балканах с советским лагерем. Таким образом, несмотря на продолжавшуюся демонстрироваться Тираной в публичном пространстве жесткую критику СССР, советская сторона не отказывалась от поиска возможностей восстановления отношений с НРА. При этом принимался во внимание тот факт, что из-за систематического невыполнения китайской стороной своих обязательств по экономическим поставкам возникли определенные трудности и диспропорции в албанской экономике. Однако инициатива болгарской стороны в том, чтобы выступить в роли посредника в налаживании отношений советского лагеря с Албанией, закончилась явной неудачей, ведь в Тиране относились исключительно негативно к ближайшей союзнице СССР. Хотя объем восточноевропейских социалистических стран во внешнеторговом обороте Албании возрастал, надежды на сокращение китайского политического влияния по мере расширения экономических связей НРА с европейскими социалистическими странами явно не оправдались. Вообще, как доказывает автор, подобного рода иллюзии отчасти были связаны с тем, что в своих

прогнозах относительно внешнеполитического курса Албании Москва и ее союзники исходили только из видимой части албано-китайского сотрудничества.

Таким образом, предпринимавшиеся советской стороной попытки активизировать «албанское направление» в своей внешней политике происходили на фоне продолжавшегося сохранения крайне враждебного отношения к СССР самого Э. Ходжи, от которого полностью зависел внешнеполитический курс НРА. И дело совсем не изменилось после встречи Чжоу Эньляя и А. Н. Косыгина в пекинском аэропорту в сентябре 1969 г., несколько снизившей накал советско-китайского противостояния — эта встреча была расценена в Тиране очень неодобрительно и настороженно, что было связано с опасениями возможной нормализации советско-китайских отношений, крайне нежелательной для режима Ходжи. Как бы то ни было, на основе анализируемых документов Ар.А. Улунян приходит к убедительному выводу о том, что именно в это время у албанцев возникают сомнения в эффективности китайской поддержки в случае возникновения критической ситуации для Албании. В результате в политике руководства АПТ начинает намечаться тенденция к дистанцированию от Китая. С одной стороны, Албания в целом продолжала следовать в фарватере внешней политики Китая, а китайская экономическая и оборонная помощь по-прежнему воспринималась как гарантия сохранения прежней внешнеполитической линии. С другой стороны, по целому ряду

вопросов международной политики команда Ходжи стала проявлять больше самостоятельности, выступая при этом с более резких ультра-революционных позиций, чем сами китайцы.

В работе Ар.А. Улуяна прослеживается и дальнейшая динамика в развитии отношений Албании с Югославией и Румынией. Уже поздней осенью 1968 г. выявились факты поддержки албанской службой безопасности по секретным каналам волнений и демонстраций албанцев в Косове и Метохии, что (как заметили и советские наблюдатели) поставило крест на любых перспективах сближения Белграда и Тираны. Хотя сотрудничество двух стран (не только во внешнеторговой, но и в оборонной сфере) продолжало оставаться несколько более активным, нежели в доавгустовский период, внешние аналитики справедливо обратили внимание на то, что «албанцы возобновили свои выпады против Югославии и делают это, видимо, не без ведома китайцев, тем более... что албанцы являются политическим рупором китайцев в Европе и опираются по существу лишь на одну китайскую поддержку». Тем не менее потребности внешнеполитического лавирования в условиях усилившегося давления советского блока вынуждали Тирану не идти на слишком резкое ухудшение отношений с Югославией, чем было обусловлено и повышение по обоюдному согласию уровня дипломатических представительств до статуса посольств.

Сближение Албании с Румынией, проводившей независимую поли-

тику в рамках советского блока, также имело свои пределы. Попытки официального Бухареста взять на себя некоторую посредническую миссию в деле «наведения мостов» между советским блоком и Тираной (как и Пекином), вполне вписывавшиеся в доктрину активной внешней, в том числе региональной (балканской), политики СРР, вызвали весьма настороженное отношение руководства Албании. В них заподозрили согласие играть по правилам Москвы в своих корыстных целях. Не способствовал албано-румынскому сближению и прием в Бухаресте в августе 1969 г. президента США Р. Никсона, воспринятый Ходжей как проявление беспринципной внешнеполитической эквилибристики румынского «ревизиониста» Чаушеску, «достойного ученика» Тито. Не переходя к открытой конфронтации с Бухарестом, Тирана в то же время продемонстрировала сдержанность в деле дальнейшего углубления контактов. В свою очередь и Москва, явно не доверявшая Чаушеску, отнюдь не прилагала усилий для использования румынского посредничества на албанском направлении. Более того, даже к болгарскому посредничеству в этом деле в Москве, как показывает Ар.А. Улуян, подходили с известной осторожностью, ведь любые неконтролируемые внешние (не только западные, но и региональные) связи союзников считались нежелательными. Итак, в Москве должны были принять к сведению, что Тирана была готова до определенного уровня развивать двусторонние отношения с отдельными странами советского блока, но при этом предпочитала не иметь

дело с советским блоком как единым целым и восстанавливать дипломатические отношения с СССР.

С большим интересом читаются разделы о внешней политике Болгарии, носившей после августа 1968 г. довольно наступательный характер, особенно в ее региональных аспектах. Автор показывает, как болгарская коммунистическая элита, используя статус Болгарии как наиболее близкого союзника СССР и стараясь по возможности не предпринимать каких-либо действий, способных вызвать раздражение в Москве, стремилась вместе с тем усилить внешнеполитический вес Болгарии и более четко обозначить ее специфическое место на международной арене. Ситуация, сложившаяся в Центральной и Юго-Восточной Европе после подавления Пражской весны, не поддержанного рядом коммунистических государств, представлялась для этого довольно благоприятной. Представленный в работе материал позволяет задуматься над тем, какую роль сыграл в активизации внешней политики Болгарии внутривнутриполитический фактор. Несомненно, после 21 августа как в самой Болгарии, так и за ее пределами вполне справедливо сложилось представление о ней как о наиболее близком и верном союзнике СССР. Это обстоятельство, с одной стороны, весьма неоднозначно и зачастую негативно воспринималось в различных слоях болгарского общества, усиливая в нем критические настроения, что требовало от властей новых мер по внутривнутриполитической консолидации. С другой стороны, осуждение СССР и его союзников, сде-

ланное тремя коммунистическими странами ЮВЕ — Албанией (формальным членом ОВД до сентября 1968 г.), Румынией (продолжавшей оставаться членом ОВД) и Югославией (одним из лидеров Движения неприсоединения), не говоря уже о членах НАТО Греции и Турции, фактически изолировало Болгарию в регионе. Предпринимавшиеся Софией внешнеполитические шаги были направлены на изменение ситуации в свою пользу, при этом методы достижения целей были не всегда просчитанными, что особенно проявилось, в частности, на македонском направлении болгарской политики.

Как известно из литературы, в том числе предыдущих работ самого Ар.А. Улуныяна, македонский вопрос и ранее постоянно возникал в отношениях между НРБ и СФРЮ, где существовала союзная республика Македония. Но настоящий скандал разыгрался в ноябре 1968 г., когда под эгидой Болгарской Академии наук вышла брошюра «Историко-политическая справка по македонскому вопросу» с изложением болгарской точки зрения по данной проблеме. Реакция югославов, как показывает Ар.А. Улуныян, оказалась более острой, чем ожидали не только сами болгары, но и зарубежные аналитики, дело не ограничилось дипломатическим демаршем и усилением контрпропаганды, но привело к военно-мобилизационным мероприятиям и повышенной напряженности на границе, что не могло не обеспокоить болгарскую сторону. Демонстрируя лояльность Москве, София стремилась получить от нее взамен максимально возможную

поддержку в деле укрепления своих позиций на Балканах. Однако в македонском вопросе такие расчеты не оправдались. Актуализация болгарским руководством этого вопроса была признана в Москве по меньшей мере несвоевременной, поскольку могла способствовать еще большему и нежелательному отдалению Югославии от СССР и всего советского блока, усилению ее роли как источника схизмы в мировом коммунистическом движении и даже некоторому сближению с Китаем. Нежелание однозначно поддержать болгарскую сторону, предпочтя равноудаленную позицию, проявилось не только на внешнеполитическом, но даже и на «научном» уровне, в частности, в процессе подготовки очередного славистического конгресса. Судя по приводимым в работе документам, в Кремле и на Старой площади рассматривали македонские «инициативы» Болгарии как совершенно не отвечающие интересам СССР и чреватые новым возгоранием давних балканских конфликтов. Столкнувшись со сдержанным, если не сказать раздражительным отношением Москвы к своим внешнеполитическим шагам, София предпринимает некоторый задний ход, в декабре 1969 г. Политбюро БКП ставит задачу нормализации отношений с Югославией и зондирует возможности проведения встречи с Тито. В Софии, таким образом, осознают, что установка официальной Москвы на улучшение советско-югославских отношений не способствует продвижению болгарских региональных инициатив и ведет к ослаблению статуса Болгарии как «самого верного совет-

ского союзника на Балканах». И в дальнейшем, как показывает Ар.А. Улуян, Москва старалась по возможности держать под контролем все региональные внешнеполитические инициативы своего ближайшего балканского союзника (будь то на югославском, албанском, греческом или румынском направлении) с тем, чтобы они не диссонировали с общей линией советского блока, в том числе на поддержание нормальных межгосударственных отношений с титовской Югославией. Можно согласиться с Ар.А. Улуяном в том, что советское руководство опасалось даже гипотетической возможности неподконтрольного СССР регионального сотрудничества, не говоря уже о более формализованной организационной структуре, и это сказывалось даже на отношении к внешнеполитическим инициативам своего ближайшего союзника (в этой связи с интересом воспринимаются приведенные в работе факты о продемонстрированной Софией греческой стороне, в тех конкретных условиях режиму «черных полковников», готовности к активизации межгосударственных отношений). Причем такая позиция СССР была обусловлена его серьезными опасениями относительно роста влияния КНР, которая могла при определенных обстоятельствах выступить серьезным конкурентом СССР не только в коммунистическом блоке, но и в мире. Для Кремля, продолжает Ар.А. Улуян, было важно добиться легитимации и одобрения его «послепражской» политики в рамках международного коммунизма, осудить политику КНР и позиционировать себя в роли

«европейского миротворца», а по сути — закрепить за собой право на любые действия в советской сфере влияния в Восточной Европе.

Как ведущий специалист по новейшей истории Греции, посвятивший ряд своих работ и режиму «черных полковников», Ар.А. Улунян и в новой своей монографии обращается к его внешней политике в региональном и более широком контексте. В его работе приводятся интересные документы, свидетельствующие об установках советского руководства на проведение деятельности по компрометации военного режима в Греции, а также разжигание противоречий между Грецией и Турцией. Сверхзадачей советской политики было разрушение юго-восточного фланга блока НАТО, членами которого являлись Греция и Турция. В этой связи важным объектом интереса советской разведки стало обострившееся с приходом к власти «черных полковников» противостояние Греции и Турции по кипрскому вопросу, выгодное с точки зрения стратегических планов Москвы как по ослаблению Западного блока в целом, так и конкретно его потенциала на южнoевропейском направлении. Как убедительно доказывает Ар.А. Улунян, в «послепражском» 1969 г., отмеченном, помимо всего прочего, еще и пограничным конфликтом между СССР и КНР, поиск «слабого звена» в Североатлантическом альянсе относился к числу приоритетных задач советской внешней политики. В той же связи автор обращает внимание на достаточную осторожность политики США в регионе, что проявилось, в частности, в ан-

тураже, сопровождавшем визит президента Р. Никсона в Румынию в августе 1969 г. Зная о сильном раздражении в Москве по поводу особого курса Бухареста, американцы проявляли осторожность, чтобы не нанести ущерба своим отношениям с СССР с учетом предстоящих переговоров об ограничении стратегических вооружений. Сам визит позиционировался в Вашингтоне как направленный на улучшение взаимопонимания между Западом и Востоком.

Резюмируя, можно заметить, что автор, прекрасно знающий историю национально-территориальных конфликтов на Балканах, показывает, как застарелые споры, зачастую ведущие свои истоки со средневековья или по крайней мере с XIX в., проецировались на межблоковые отношения, противоборство двух систем после Второй мировой войны; как вопреки декларированному единству эти старые споры иногда весьма осложняли отношения между странами, которые были союзниками по НАТО либо Варшавскому договору. Ар.А. Улунян на конкретных примерах показывает, как эти споры возрождались в моменты международных кризисов — так, например, давний македонский спор, который еще в 1920–1930-е гг. омрачал отношения болгарской и югославской компартий, вновь проявился в 1968 г., теперь уже в межгосударственных отношениях между Болгарией и Югославией.

На широком материале автор демонстрирует разновекторность внешнеполитических устремлений балканских стран: Югославия с ее

давними претензиями на региональное лидерство и, более того, на ведущие позиции в Движении неприсоединения; прокитайски ориентированная Албания; Румыния как диссидент в социалистическом содружестве, чье руководство довольно скептически относилось к перспективам экономической интеграции в рамках СЭВ и требовало пересмотра отношений внутри силовых структур ОВД на основе большего равноправия; правоавторитарная Греция, конфликтующая со своим союзником по НАТО Турцией из-за кипрского вопроса. В этих условиях Болгария, оставаясь главным проводником советского влияния в регионе и претендуя на право считаться наиболее надежным союзником СССР, все же боялась оказаться в региональной изоляции (особенно после чехословацкой акции 1968 г.), стремилась до некоторой степени смягчать свои споры с другими странами. В этом контексте делаются понятнее некоторые болгарские инициативы по активизации балканского сотрудничества (в том числе культурного). Лояльность СССР, таким образом, могла сочетаться с региональной активностью. Показательно также, что македонский вопрос в 1968 г. муссировали не только болгары, но и маршал Тито — в условиях мнимой угрозы со стороны СССР ему важен был (по образцу 1948 г., когда существовал реальный и мощный сталинский вызов) образ внешнего врага, чтобы укрепить пошатнувшееся к тому времени единство федеративного государства. Основания для этого, несомненно, были: в скором времени титовскому режиму пришлось столкнуться

с серьезным внутренним вызовом — оживлением хорватского национализма, проявившего себя в широком, заметно переросшем рамки культурной жизни общественно-политическом движении, достигшем своего апогея к весне 1971 г. (события так называемой Хорватской весны). В свою очередь в Сербии среди части партактива под явным влиянием Пражской весны проявились реформаторские настроения, выдвигались проекты далеко идущей либерализации политсистемы на основе принципов плюрализма. Опасаясь за стабильность коммунистического правления в многонациональной, поликонфессиональной и поликультурной стране с сильными центробежными тенденциями, власти наносят в начале 1970-х гг. удар как по национальной, так и по демократической оппозиции. Кстати, и в работе Ар.А. Улуяна приводятся ссылки на относящиеся уже к 1969 г. донесения западных спецслужб об усилившихся трениях во взаимоотношениях федеральных и республиканских властей по многим вопросам, включая и экономические. Подобное развитие событий было чревато хорошо предсказуемыми последствиями для многонациональной страны с федеративным устройством в период нараставшего экономического кризиса и в условиях скрытого противостояния с СССР.

Можно спорить с тезисом о незаинтересованности Москвы в попадании под югославское влияние стран и движений третьего мира, ведь Движение неприсоединения, одним из лидеров которого являлась титовская СФРЮ, продолжало

и после Праги-68, несмотря на фактический раскол в нем по конкретному чехословацкому вопросу, восприниматься как попутчик СССР в антиимпериалистической борьбе, а югославское влияние способствовало усилению социалистических ориентаций в этом движении.

Сделанная рукой крепкого профессионала новая монография Ар.А. Улуяна представит большой интерес для историков международных отношений.

Rev.: Ulunyan Ar.A. «Posleprazhskii 1969-i»: sovetskie diplomatiya i razvedka v poiskah soyuznikov i protivnikov na Balkanah i v Evropeiskom Sredizemnomor'e. Moscow: URSS, 2016. 400 p.

Stykalin Aleksandr S. – candidate of historical sciences, coordinating researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the World Wars, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

СЫНОВЬЯ НОЯ

Рец.: *De Lange N. Japeth in the Tents of Shem* [Иафет в шатрах Сима]. Greek Bible Translations in Byzantine Judaism. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. 221 p.

Заглавие книги, посвященной переводам Библии на греческий язык и их использованию евреями в Византии, вдохновлено словами Ноя (Быт 9:27): «Да распространит Бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых». Иафет и Сим были сыновьями Ноя, спасшимися вместе с ним во время Всемирного потопа, и по средневековой традиции пра-родителями соответственно европейцев и семитов. В ранней раввинистической традиции считалось, что эти слова означают, что в шатрах Сима, т.е. среди еврейского народа, Тору будут читать на языке Иафета, т.е. по-гречески. Позднее «Иафет в шатрах Сима» стало общепринятым обозначением контактов между греческой и еврейской культурами и метафорой для иудео-греческой культуры. А теперь и любимым заглавием книг, посвященных взаимодействию иудаизма и эллинизма: так была названа книга Питера ван дер Хорста (*Van der Horst* 2002) и публикация материалов двух конференций (*Kugel* 2002) — правда, в этом случае хозяин шатров и гость поменялись местами.

Эта небольшая книга (текст без индексов и приложений занимает 159 страниц), написанная одним из самых авторитетных специалистов в области грекоязычной иудаики, является итогом многолетних размышлений, провиденциальных случайностей, как называет Николас де Ланж свой путь к ее написанию, вспоминая заглавие автобиографии своего учителя Гезы Вермеша.

Книга состоит из трех частей: Предварительные сведения (глава 1: Источники и исследования, глава 2: Византийский иудаизм, глава 3: Ранние греческие переводы); Греческая Библия в византийском иудаизме (глава 4: Ранняя Византия, глава 5: Темные века, глава 6: Время Каирской генизы, глава 7: После латинского завоевания); Выводы (глава 8) и двух приложений, в одном из которых приводится каталог греческих рукописей с историей их появления в коллекциях и библиографией, а в другом каталог поздних (после 1500 г.) переводов с библиографической информацией.

Де Ланж начинает с сетований на то, что до недавнего времени все книги, посвященные введению как в Ветхий, так и в Новый Завет, игнорировали восприятие

© Левинская И. А., 2017

Левинская Ирина Алексеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН (Санкт-Петербург); ial2@yandex.ru

и распространение греческих переводов Библии среди средневековых евреев. Традиционная точка зрения состояла в том, что начиная с VI в. иудаизм полностью утратил какие-либо связи с греко-римской цивилизацией. Де Ланж ставит своей целью показать, что грекоязычные евреи продолжали использовать греческие переводы в течение долгого времени (как он утверждает, вплоть до настоящего), хотя его исследование ограничивается 1492 г., когда большое количество испанских евреев прибыло на бывшую территорию Византии, что радикально изменило иудаизм, особенно после того, как началось еврейское книгопечатание, которое осуществляли выходцы из Испании и других западных стран.

Было принято считать, что Септуагинта, греческая Библия египетских евреев, после того, как она стала священной книгой христиан и начала использоваться христианами апологетами в антииудейской полемике, вышла из употребления в грекоязычном еврейском мире, где была заменена другими переводами: Акилы, Симмаха и Феодотиона. Особенно важное значение имел перевод Акилы, который получил статус официального текста Библии в еврейской среде, поскольку древнееврейский источник его перевода, протомасоретский текст, отличался от оригинала Септуагинты и соответствовал новому направлению в раввинистической экзегезе, опирающейся на протомасоретский текст.

В своей книге де Ланж показывает, что история была не столь прямо-

линейна и проста: несмотря на то, что древнееврейский язык и чтение Библии на нем в синагогах приобретали с течением времени все большее распространение и новые переводы Библии на греческий язык постепенно вытесняли Септуагинту, ее существование и влияние на новые греческие переводы Писания не прерывалось.

Отправной точкой исследования является анализ уникальной для римского законодательства 146-й новеллы Юстиниана, выпущенной 8 февраля 553 г. и обращенной к преторианскому префекту Востока. В новелле, в частности, идет речь о языках, на которых евреям отныне было разрешено читать Библию в синагогах. В преамбуле новеллы сообщается, что император принял решение разрешить долгий конфликт, существовавший в еврейской среде: одна партия считала, что единственным языком Писания, допустимым в синагогах, был древнееврейский, другая же полагала, что допустимо также чтение священного текста по-гречески. Юстиниан принял сторону греческой партии, но при этом разрешил пользоваться и другими языками, которые были в ходу в той или иной части империи (речь идет, разумеется, о латыни). В первой главе новеллы он подчеркивает, что предпочтительным греческим переводом должен быть традиционный текст Септуагинты как наиболее точный и авторитетный, но также разрешил чтение перевода Акилы, хотя «он и был иностранцем и в некоторых местах его текст существенно отличается от Септуагинты».

Ряд ученых считали, что информацию о языковом конфликте в еврейском сообществе нельзя принимать за чистую монету и что истинной целью Юстиниана было вытеснение древнееврейского в христианских интересах. Не отрицая возможных политических целей императора, де Ланж, однако, солидаризируется с теми, кто полагает, что в новелле речь идет о реально существовавшей борьбе между традиционалистской партией, отстаивавшей использование Септуагинты, и новаторами, вводившими древнееврейский.

Он отмечает, что часть используемой в новелле аргументации имеет смысл только в еврейском контексте. Например, упоминание об иностранном происхождении Акилы как аргумент против его перевода было бессмысленным с христианской точки зрения, но вполне осмысленным с позиции евреев: в раввинистических источниках всегда подчеркивалось, что Акила был прозелитом. Для евреев из греческой партии это могло быть одной из причин, по которой они не принимали перевод, выполненный бывшим язычником, в качестве замены перевода, выполненного семьюдесятью благочестивыми евреями-переводчиками. Упоминание о том, что перевод Акилы существенно отличается от Септуагинты, также могло исходить от евреев, которые привыкли к Септуагинте и хотели дистанцироваться от перевода Акилы, который пользовался уважением в раввинистических кругах: в Палестинском Талмуде упоминается о том, что перевод этого истового прозелита был одобрен ведущими

раввинами его времени (первая половина II в. н.э.).

Утверждение о том, что Септуагинта является наиболее точным переводом, могло отражать не только христианскую позицию императора и его советников, но и убеждение тех евреев, которые не знали древнееврейского языка и не могли сравнить текст Септуагинты с оригиналом. Характерно, что христианские библеисты, знающие древнееврейский (например, Ориген и Евсевий), считали перевод Акилы гораздо более точным, чем Септуагинта.

Де Ланж считает, что за языком римской юриспруденции скрывается аутентичный голос греческой партии, протестующей против попыток новаторов отказаться от освященной веками традиции читать Септуагинту и перейти на древнееврейский или на выполненный иностранцем-прозелитом новый перевод. Он полагает, что 146-я новелла Юстиниана показывает, что общепринятая точка зрения, состоящая в том, что евреи по собственной инициативе отказались от Септуагинты в начале II в., должна быть существенно модифицирована.

Исследование де Ланжа опирается как на эпиграфические, так и на многочисленные рукописные примеры. Автор отдает себе отчет в сложности поставленной задачи: кроме Септуагинты, все греческие переводы дошли до нас фрагментарно, и поэтому далеко не всегда можно понять, какой именно перевод цитируется в источнике. Стиль перевода Акилы настолько

специфичен, что, как правило, его можно узнать, даже если соответствующее место не сохранилось в оригеновской Гексапле. Другие переводы лишены характерной буквалистской самобытности Акилы и не позволяют судить об их авторстве. Именно поэтому де Ланж использует в первую очередь те примеры, для которых сохранились фрагменты разных переводов, и проявляет разумную осторожность, когда таковые отсутствуют.

В эпиграфической части своего исследования де Ланж во многом опирается на статью С. Капеллетти (*Capelletti* 2009), которая проанализировала библейские цитаты в еврейских грекоязычных надписях. Вопреки ожидаемому и в отличие от христианских памятников, такие цитаты встречаются в еврейской грекоязычной эпиграфике крайне редко. К сожалению, и в статье Капеллетти, и в книге де Ланжа не приводится исчерпывающего каталога надписей с полными или частичными библейскими цитатами. Но в целом даже неполный каталог эпиграфических памятников показывает, что евреи в IV–VI вв. продолжали пользоваться греческими переводами, включая Септуагинту.

Основной материал, в котором де Ланж находит следы греческих переводов и который он тщательно анализирует, — это рукописи. Книга построена в хронологическом порядке и показывает, как постепенно от ранней Византии через темные века и время Каирской генизы до завоевания Константинополя крестоносцами византийское еврейство менялось. Наиболее ради-

кальным культурным изменением был переход от греческого к древнееврейскому как языку высокой культуры. Фрагмент рукописи, найденный в Каирской генизе, показывает не только увеличивающееся значение древнееврейского языка, но и силу библейской традиции по-гречески. Документ является палимпсестом. Верхний текст представляет собой бифолио из копии части Иерусалимского Талмуда (Сота 5:9, 22d–23d). Оригинальный кодекс был двуязычным глоссарием к еврейской Библии с двумя параллельными колонками: еврейские слова еврейскими буквами справа, греческие эквиваленты греческими буквами слева. Надежно датировать текст невозможно, *ante quem* дает дата верхнего талмудического текста: первая половина X в. Де Ланж полагает, что, вполне возможно, глоссарий был написан в IX в. В нем присутствуют чтения, совпадающие с Септуагинтой, что показывает продолжающееся влияние Септуагинты на греческие еврейские переводы. В глоссарии к книгам пророков XIV в. *Adanai Elohim* в Иер 1:6 переводится как $\delta\epsilon\sigma\lambda\omicron\tau\alpha\ \chi\upsilon\rho\iota\epsilon$ — удивительное для иудаизма этого времени выражение, не оставляющее сомнения в том, что оно восходит к Септуагинте.

В целом в своем взвешенном и виртуозном исследовании де Ланжу удалось показать, что традиционная прямолинейная схема, в соответствии с которой евреи после прихода христианства полностью отказались от Септуагинты, не точна. Средневековые еврейские переводчики и глоссаторы пользовались различными греческими перевода-

ми, среди которых определенное место занимала Септуагинта.

Заканчивает свою книгу де Ланж призывом объединить усилия гебраистов и византинистов для более глубокого изучения средневекового еврейства, в жизни которого Византия играла центральную роль. Не следует преуменьшать различия христианской и еврейской культур, но они существовали не в водонепроницаемых отсеках: «Я надеюсь, что в будущих исследованиях греческой Библии будет учитываться непрерывность и важность еврейской традиции».

NOAH'S SONS

Rev.: de Lange N. Japheth in the Tents of Shem. [lafet v shatrakh Sima]. Greek Bible Translations in Byzantine Judaism. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. 221 p.

Levinskaya Irina A. — Dr of History, Senior Research Fellow of St. Petersburg Institute of History, RAS (St. Petersburg)

REFERENCES

Capelletti S. Biblical Quotations in the Greek Jewish Inscriptions of the Diaspora. *Jewish Reception of Greek Bible Versions*, ed. de Lange N., Krivoruchko J.G., Boyd-Taylor C. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009, p. 128–141.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Capelletti 2009 — Capelletti S. Biblical Quotations in the Greek Jewish Inscriptions of the Diaspora // *Jewish Reception of Greek Bible Versions*. Ed. de Lange N., Krivoruchko J.G., Boyd-Taylor C. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. P. 128–141.

Kugel 2002 — Kugel J.L. (ed.) *Shem in the Tents of Japheth: Essays on Encounter of Judaism and Hellenism*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002.

Van der Horst 2002 — Van der Horst P. *Japheth in the Tents of Shem. Studies on Jewish Hellenism in Antiquity*. Leuven — Paris — Sterling, Virginia: Peeters, 2002.

Kugel J.L. (ed.) *Shem in the Tents of Japheth: Essays on Encounter of Judaism and Hellenism*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002.

Van der Horst P. *Japheth in the Tents of Shem. Studies on Jewish Hellenism in Antiquity*. Leuven — Paris — Sterling, Virginia: Peeters, 2002.

В. А. Солонарь

Рец.: The Kishinev Ghetto, 1941–1942: A Documentary History of the Holocaust in Romania's Contested Borderlands, Paul A. Shapiro. Tuscaloosa: University of Alabama Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2015*

В книге рассматривается история Кишиневского гетто с июля 1941 по июнь 1942 г. Оно было организовано румынскими властями по совету немцев и по примеру гетто, созданных ими по всей Центральной и Восточной Европе. Одно время в нем содержалось более десяти тысяч человек, преимущественно женщин, детей и стариков. Шапиро рассматривает их историю как составную часть Холокоста, начиная с того времени, когда гетто было задумано в качестве предварительного места содержания узников перед их отправкой «на Восток», и до тех пор, пока оно не опустело в результате депортаций, следовавших между октябрём 1941 и июнем 1942 г. Еще до депортаций румыны уничтожили не менее тысячи человек в ходе двух расстрелов, объявив их «репрессиями» в ответ на преступления, совершенные узниками. Евреи Кишиневского гетто страдали от лишений, переутомления, недоедания и недостатка медицинской помощи. В Транснистрии — часть южноукраинской территории, превращенная в место «свалки» «нежелательных элементов» — депортированные подвер-

гались жестоким издевательствам. По пути жандармы и полицейские расстреливали тех, кто не мог идти. Условия содержания в лагерях и в гетто Транснистрии были столь невыносимы, что лишь малая часть депортированных из Кишинева дожила до освобождения Красной армией. В конечном счете обращение румын с кишиневскими евреями мало отличалось от того, что было принято на подвластных нацистам территориях Восточной Европы.

Шапиро посвящает свою книгу «памяти кишиневских евреев <...> тем, кто погиб в городе, тем, кто претерпел геттоизацию и депортацию в Транснистрию, и тем, кому удалось выжить ценой неизгладимых из памяти страданий» (р. XIII). Для автора воссоздание их истории является моральным долгом. Он осветил все аспекты этой истории, от правительственных мероприятий до борьбы евреев за выживание и отношения местных христиан к своим соседям, попавшим в беду. Одна из целей работы состояла в том, чтобы задокументировать ответственность за эти преступления правительства Иона Антонеску, назначенных им чиновников, управлявших провинцией Бессарабия, а также румынской армии и полиции. Другой целью было «показать обилие документации, относящейся к Кишиневскому гетто» (р. XII): Шапиро в качестве директора

© Солонарь В. А., 2017

Солонарь Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.Solonari@ucf.edu

* Впервые опубликовано на английском: Holocaust Genocide Studies. 2016. № 30 (2). P. 358–360.

Центра Манделя для углубленных исследований Холокоста в составе американского Мемориального музея Холокоста был ответственным за сбор значительной части этих документов. Исчерпывающие примечания приглашают к будущим исследованиям ученых из Румынии, Молдавии и Украины. Книга Шапиро включает подборку оригинальных документов, которые превосходно переведены и снабжены подробной аннотацией.

Необходимо сделать два замечания. Во-первых, Шапиро следует за покойным Жаном Анчелем и приписывает действиям румынских властей гораздо большую степень планирования и последовательности, чем это было в действительности. Так, опираясь на обвинительный приговор послевоенного судебного процесса по делу жандармских офицеров, он датирует 16/17 июня приказ генерала Константина Василиу «очистить землю» от евреев, адресованный подразделениям жандармов. На самом деле в показаниях свидетелей, послуживших основой этих обвинений, утверждается, что совещания, по итогам которых были выпущены эти инструкции, происходили уже после германо-румынского вторжения в Бессарабию и Северную Буковину, начавшегося 2 июля. Появление этого приказа до 22 июня маловероятно, прежде всего потому, что дата начала Румынией реальных военных действий держалась в строгом секрете до последних часов перед атакой 2 июля. Шапиро, цитируя тот же источник, полагает, что инструкции, исходившие от Василиу, содержали прямые указания истребить всех евреев

в сельской местности и интернировать тех из них, кто проживал в городах. Однако показания свидетелей и отчеты представителей жандармских частей из Буковины и Бессарабии убеждают, что инструкции были расплывчатыми и что Василиу предоставлял местным властям значительную свободу действий в этом вопросе.

Во-вторых, интерпретация немецкой политики, предложенная Шапиро (частично она опирается на осуществленный Андреем Ангриком детальный анализ деятельности Айнзатцгруппы «Д»), сомнительна. Автор, полагает, что уже в июле 1941 г. Командующий Айнзатцгруппы «Д» группенфюрер СС Отто Олендорф сообщил своим подчиненным о радикальной перемене политики в отношении евреев, отныне они подлежали не выборочной, а всеобщей ликвидации (р. 28). Исходя из такого предположения, Шапиро и излагает причины расстрелов двух групп евреев из Кишиневского гетто в августе-сентябре 1941 года. Хотя Шапиро подробно излагает события, которые предшествовали расстрелу этих заключенных, обвиненных немцами в некоторых мелких проступках, он при этом полагает, что эти происшествия в конечном счете не имели значения, поскольку массовые казни были predeterminedены радикальной сменой германской политики (р. 28–30).

С таким подходом трудно согласиться в связи с тем, что тогда было расстреляно не все население гетто, но «только» примерно одна тысяча из одиннадцати. Таким образом,

эти расстрелы были средством запугать евреев из гетто и лишить их воли к сопротивлению. К поголовному истреблению евреев немцы перешли позже, уже после перевода Айзатцгруппы «Д» за Днестр.

Я полагаю, что Шапиро следовало уделять больше внимания советским документам на русском языке. Я был несколько разочарован, не найдя в документальном приложении показаний Сарры Ландау, вдовы председателя еврейского совета Кишиневского гетто, которые она дала в 1944 г. Чрезвычайной государственной комиссии

по установлению и расследованию злодеяний нацистов и их союзников. Это один из самых надежных источников, отражающих точку зрения самих евреев – жертв румынской «политики», хотя ряд фактов, сообщенных Ландау, требуют дополнительного исследования, например предполагаемое убийство всех евреев из последнего конвоя (отмечу, что Шапиро упоминает этот факт из показаний Ландау).

Несмотря на все замечания, эта книга является важным вкладом в исследование проблемы участия Румынии в Холокосте.

Rev.: *The Kishinev Ghetto, 1941–1942: A Documentary History of the Holocaust in Romania's Contested Borderlands*, Paul A. Shapiro (Tuscaloosa: University of Alabama Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2015)

Solonari Vladimir A. – PhD, professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

СТРАХИ, НАДЕЖДЫ И РЕПУТАЦИЯ: ФРАНЦУЗЫ В НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ И О НЕЙ

Рец.: *Мильчина В.* «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 488 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»)

Новая книга Веры Мильчиной в действительности посвящена предмету гораздо более широкому, чем обозначено в ее заглавии — хотя в фокусе исследовательского внимания и находятся сюжеты, так или иначе связанные с надзором над французами в Российской империи в царствование Николая I, но одновременно в книге представлен целый ряд и других историй. Они уже мало касаются надзора, но обращаются к гораздо более широкой теме: взаимодействию между французами и русскими во всем его многообразии.

Одна из наиболее интересных частей работы посвящена рассмотрению на конкретных сюжетах совпадения (или, напротив, расхождения) одних и тех же событий и действий, если смотреть на них с русской

и французской стороны. Так, глава третья начинается с интерпретации скандала, произошедшего в московском театре в 1830 г., данной в донесении адъютанта посла Франции в Петербурге, полковника Аристиды-Изидора-Жана-Мари Ла Рю в 1834 г. В своей записке Ла Рю претендует на анализ настроений в русском обществе, причем налагает на них привычную для своего круга интеллектуальную сетку, отмечая:

«Как ни старается правительство противиться наступлению духа нынешнего века, дух этот проникает в Россию тысячами различных путей. Обстоятельство это не может укрыться от наблюдателя, посетившего внутренние области России» (с. 142).

В качестве наблюдателя, видящего не только столичную рамку и способного судить о настроениях, укрытых от поверхностного взгляда, Ла Рю утверждает:

«Вообще русские дворяне и офицеры <...> проникнуты живой любовью

© Тесля А. А., 2017

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

к отечеству, что же касается персоны государя, уважение к ней, как ни удивительно, весьма ослабело. Желая благоденствия отечеству, русские более не считают себя обязанными связывать это благоденствие с именем государя. Мне довелось присутствовать на нескольких обедах, где произносились тосты. Те, которые были посвящены Императору, Императрице и императорской фамилии, принимались с обязательным почтением, но воодушевление истинно пылкое высказывалось лишь тогда, когда доходило дело до тостов за процветание России, будущее России и славу России; только тогда раздавались громовые рукоплескания и слышались крики *ура*, и в этом резком контрасте всегда угадывался проявления оппозиционного духа; казалось, присутствовавшие на обеде желали таким образом *отделить фигуру монарха от судьбы страны, что в Императоре видят они лишь орудие, которое можно вовсе упразднить или заменить, не повредив интересам России* (выделено нами. — А. Т.). Из этих наблюдений, а равно и из всего увиденного мною во внутренних областях России я вывожу, что российский Император, которого во Франции привыкли считать правителем самодержавным, полновластным хозяином в своей стране, вынужден, напротив того, обходиться весьма предупредительно с собственной нацией, а главное с дворянством <...>» (с. 143).

Сам по себе этот текст весьма примечателен уже с точки зрения той политической оптики, которую он демонстрирует. Прежде всего, Ла Рю исходит из отделения государства от персоны правителя, превра-

щающегося в «главу государства» и не мыслящегося более его владельцем-обладателем — такой взгляд по крайней мере за минувшее столетие стал стандартным для западноевропейской политической мысли. Характерным образом Луи Филипп, взошедший на престол в ходе июльской революции 1830 г., титуловался не «королем Франции», но лишь «королем французов», что было другой стороной вошедшего в обиход именованья его королем-гражданином.

При этом Ла Рю использует двойную оптику — исходя из «экзотизирующего» видения, он опровергает его, утверждая, что в реальности в России он находит все то же понимание, что и во Франции, только несколько приглушенное. Отсюда исходят и возникающее удивление Ла Рю, и оказывающаяся в дальнейшем ложной интерпретация — отталкиваясь от понимания русского императора как «полного хозяина своей стороны», неограниченного правителя и толкуя это весьма буквально, французский дипломат вдруг обнаруживает, что в действительности русский император был вынужден все же считаться с настроениями, желаниями и интересами своих подданных. И находит, что это противоречит «самодержавию»; ситуация тем самым сближается с западноевропейской. Иными словами, Ла Рю, исходящий из понимания «самодержавия» как правления неограниченного не только юридически, но и фактически, обнаруживает реальные пределы власти монарха, что дает ему основания опровергнуть первоначальный взгляд.

Скандал во французском театре в Москве 1830 г. служит Ла Рю подтверждением того, что власти императора противостоят общественные настроения, считающие государя лишь «орудием», причем заменимым не только персонально (что само собой разумеется и вполне иллюстрируется российской историей всего последнего столетия), но и институционально. Ведь часть громко выступавшей публики — оказавшейся весьма титулованной и знатной — была посажена на съезжую, что вызвало недовольство теперь уже всего московского дворянства, и государь был вынужден лично прибыть в Москву, дабы примириться с ним. Примечательно то, что сходным образом понимала происходившее в Москве в 1830 г. и центральная власть — шум, произведенный в театре, был интерпретирован как недопустимая вольность и вызов. Однако детальный анализ событий января — апреля 1830 г., проделанный Мильчиной, демонстрирует, что никакой политической подоплеки у происходящего не было (см. гл. 3). Государь был склонен воспринимать всякое неподчинение и беспорядок как вызов своей власти, тогда как французский наблюдатель был не только готов видеть то, чего нет. Исходя, с одной стороны, из представлений о хрупкости империи, а с другой — из современных политических идей, он готов был укладывать разрозненные наблюдения (к тому же зачастую неверные или отнюдь не принадлежавшие ему самому, а переданные через вторые и третьи руки) в логику политического противостояния.

Некоторое недоумение вызывают суждения автора по поводу одной

весьма печальной истории — приключившегося в Харьковской губернии сексуального насилия французского воспитателя над одной из своих воспитанниц, за что француз был выслан за пределы империи (от идеи судить его в законном порядке отказались, поскольку самое большое, что могло ему грозить по закону при тех конкретных обстоятельствах, — это «оставление под подозрением», мера, которую сочли крайне недостаточной). Взяв за основу данный случай, Вера Мильчина отмечает, что имперские власти, опасаясь влияния иностранных подданных на нравы россиян, были озабочены в первую очередь идеологической составляющей, подразумевая под этим распространение нежелательных политических идей. Однако те бытовые преступления и проступки, которые совершали иностранные, в том числе и французские подданные в пределах империи, зачастую можно оценивать отнюдь не с идеологической, а прежде всего с «общечеловеческой» точки зрения, и они не слишком отличались от поступков, совершавшихся подданными российского императора. Если что и интересно в данном случае, так это то обстоятельство, что во второй четверти XIX в. во французах все реже, по крайней мере на уровне III Отделения, были готовы видеть «развратителей нравов» в бытовом плане — французские подданные ничем особенным не выделялись в практике контроля от других лиц, принадлежащих к тому же кругу по образованию и культуре.

Подобное изменение видения — по сравнению с предшествующими временами, когда «француз»

был носителем прежде всего иной «морали», а не другой «идеологии» — во многом и обуславливало сложное отношение к французским подданным в границах империи в эпоху Николая I, которое детально анализируется Верой Мильчиной и вынесено в само заглавие книги. С одной стороны, «иностранец» и в особенности «француз» рассматриваются как по крайней мере потенциально опасный элемент — в силу хотя бы того, что он не вполне «прозрачен», о нем всегда недостаточно сведений, он не до конца подконтролен и т.д. Как писал Леонтий Дубельт, хотелось бы вообще обойтись без иностранцев — не впускать их и не выпускать своих подданных — и здесь перед нами предстает доведенная до карикатурности и в глазах самого писавшего эти строки логика надзора. Как признает сам Дубельт, не осуществимая на практике, да и нежелательная, поскольку переставшая быть единственной с точки зрения интересов империи.

Отношение к Франции со стороны самих властей и высшего российского общества было сложным — во-первых, она, вполне предсказуемым образом, воспринималась как идеологически наиболее опасная страна, и всякий контакт с ней предполагал возможность своего рассмотрения именно под этим углом. Ситуация особенно осложнилась в 1830 г. — когда после июльской революции и установления либеральной монархии Луи Филиппа Франция из «опасности в прошлом» вновь трансформируется в актуальную идеологическую угрозу, к тому же став приютом для открытых против-

ников Российской империи — польских мятежников, после поражения восстания 1831 г. превративших Париж в центр своей активности. Во-вторых, в плане реальной политики отношения России и Франции были далеки от прямолинейности — на протяжении тридцати лет николаевского царствования державы то сближались, оказываясь даже союзниками (как, например, в конце 1820-х гг., совместно выступив в поддержку Греции), то отдалялись, чтобы в самом конце правления Николая I вступить в открытое военное противоборство. Тем не менее, как напоминает Вера Мильчина, реальная политика оказывалась достаточно далека от идеологической конфронтации и растиражированных страхов и ожиданий. Как писал посол при Петербургском дворе Проспер де Барант в сентябре 1840 г. своему министру:

«Английские и французские газеты твердят, что Россия желает покорить Константинополь, и за это направляют на нее общественное мнение; пусть так: но следует иметь в виду, что эти амбициозные планы не имеют ничего общего с реальной политикой русского правительства. <...> Завоевание Константинополя для России то же, что для нас империя Наполеона. Это вовсе не цель практической, действенной политики» (с. 476).

«Франция» для России, разумеется, не исчерпывалась политической и идеологической плоскостью — она была средоточием интеллектуальных и совсем не интеллектуальных мод, источником промышленных и аграрных технологий, отсюда

приезжали и специалисты, способные применить их в России. «Полезные» французы, соответственно, оказывались весьма разнообразны — начиная с учителей и воспитателей и вплоть до журналистов, публицистов и романистов, способных представить французской публике желаемый образ Российской империи или по крайней мере тех, от кого можно было добиться смягчения ее видения. Впрочем, книга особенно интересна не общими положениями, а приведенными в ней конкретными случаями, которые, как это обычно и бывает, далеки от «общей логики», усредняющей индивидуальное — так, в одной из глав Вера Мильчина рассказывает о Луи Парисе, в 1828–1829 гг. учительствовавшем в Москве и поплатившемся высылкой за пределы империи за неосторожные суждения о стране своего пребывания в письме в Париж к брату, в дальнейшем выдающемуся медиевисту Полену Парису. Высланный из страны в 1830 г., Луи Парис, в дальнейшем ставший хотя и менее известным, чем его брат, но также весьма достойным французским историком, посвятил России целый ряд трудов. Они тем более примечательны, что в них продемонстрирован взгляд на русское прошлое, не только весьма благоприятный для изгнавшей его страны, но и демонстрирующий историческую оптику, далекую от расхожей в то время, — средневековую историю Руси он стремился рассмотреть параллельно с историей европейского средневековья, представив взгляд, свободный от экзотизации.

Другой пример, подробно описываемый в книге, — история Гюстава

Эфранора Марен-Дарбеля, в те же годы, что и Парис, попавшего в поле внимания III Отделения по причине, на сей раз от него не зависящей, — из-за перлюстрированного письма к нему из Парижа, от оставшейся там матушки, взволнованной судьбой сына и, на основании расхожей литературы о России и дошедших до нее известий о случившейся с ним романтической привязанности, строившей самые горячие предположения, включавшие в себя шпионаж и т.п. По наведенным справкам вскоре выяснилось, что для страхов матушки нет оснований, но вот под наблюдение он все-таки попал (снять наблюдение в любой бюрократической системе гораздо сложнее, чем его установить). В эти годы он был домашним учителем в семействе кн. Сергея Гагарина, обучая его сына, князя Ивана, и дочь Марию. В России он останется еще на пару десятилетий — уже не в качестве педагога, а занимаясь управлением разнообразными хозяйственными делами Гагариных. Воспитанник его, с которым Марен-Дарбель сохранит связь вплоть до конца собственной жизни, умерев лишь несколькими годами ранее его, станет, пожалуй, самым известным из «русских католиков»: он не только перешел в католичество, но и стал иезуитом, потратив большую часть своей жизни на усилия, направленные на воссоединение (в смысле признания русской православной церковью примата папы). Здесь вроде бы напрашивается хрестоматийный сюжет о влиянии воспитателя на своего воспитанника, однако реальная история показывает, что хотя воспитатель и много значил в жизни князя Ивана Сергеевича, но обращение

последнего в католичество связано было совсем с другими влияниями, что же касается Марен-Дарбеля, то он и тогда, и позднее мало интересовался подобными сюжетами, будучи увлечен науками естественными, где достиг некоторых успехов.

В этом многообразии конкретных историй — то подтверждающих сложившиеся ожидания, то, напротив, опровергающих их, то вовсе выходящих за пределы стандартных сюжетов — основное достоинство книги, рисующей как общие рамки восприятия российской властью французских подданных (и способов контроля над последними), так и житейские реалии, выходящие за пределы этих рамок. История, написанная «с птичьего полета», не противоречит «взгляду с земли» — это разные планы одной и той же истории. Но в том-то и важность второй перспективы, что она постоянно напоминает нам о многообразии реальности, в каждом индивидуальном случае выходящем за пределы общих рамок: даже «направляя» реальность, они не тождественны ей.

В заключение позволим себе привести иное наблюдение Веры Мильчиной, в последних главах книги

обращающейся к русским сюжетам во французской прессе:

«<...> не всякий иностранный текст, где упомянута Россия, свидетельствует об интересе к России; нередко она служит лишь поводом для выяснения внутривластных взаимоотношений. Так было в XIX в.; с тех пор ситуация, по-видимому, изменилась, но не кардинально» (с. 438).

Там, где русские наблюдатели и действующие лица, как в позапрошлом столетии, так и сейчас, склонны видеть суждение о России — там частую речь идет о совсем других, «домашних» делах. И вместе с тем именно такие обращения к России особенно характерны и любопытны, поскольку отсылают к устоявшимся образам, которые не нужно никак оправдывать и которые используются как готовые. Т.е. отсылают к сложившейся репутации. Последняя меняется очень медленно — и, напротив, любое действие, которое может послужить ее подтверждением, воспринимается с гораздо большей готовностью и силой, нежели противоречащее ей. Собственно, это и есть репутация, в этом ее ценность и ее бремя.

FEARS, HOPES AND REPUTATION: FRENCH PEOPLE IN NICOLAS THE FIRST RUSSIA AND ABOUT IT.

Rev.: Mil'china V. «Francuzy poleznye i vrednye»: nadzor za inostrancami v Rossii pri Nikolae I. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 488 p.: il. (Seriya «Chto takoe Rossiya»)

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

В. В. Ведерников**ДОРОГА В НИКУДА**

Рец.: *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.

Автор монографии уже давно работает над избранной темой. В 2010 г. вышла фундаментальная энциклопедия «Русский консерватизм», где были помещены статьи А. Э. Котова о Н. А. Любимове, С. С. Татищеве и И. Ф. Ционе, а в 2013 г. он выпустил небольшую монографию о публицистах круга М. Н. Каткова (*Котов 2013*). Детальный анализ см.: (*Медоваров 2014*: 183–186). Таким образом, новая книга является итогом скрупулезного исследования.

Сразу оговорюсь: рецензируемая монография посвящена не столько Каткову, сколько кругу сотрудников московского публициста и периодическим изданиям, преимущественно выходившим на западных окраинах империи, которые были идейными проводниками линии «Московских ведомостей» и «Рус-

ского вестника». Отсюда вытекает и структура монографии: в первой части анализируется публицистика сотрудников катковских изданий, во второй — «партизаны и эпигоны», под которыми подразумеваются дружественные периодические издания. Впрочем, этот принцип проведен не вполне последовательно. Глава о М. Ф. Де-Пуле, помещенная в первой части, в значительной мере посвящена анализу «Виленского вестника», а биографический очерк о П. А. Кулаковском почему-то оказался во второй части, как и биография П. П. Цитовича, в которой, впрочем, центральное место уделено редактировавшейся профессором Новороссийского университета газете «Берег».

Автор справедливо считает объективной задачей, стоявшей перед пореформенной Россией, формирование гражданского общества и нации, что означало отказ от словесного принципа и постепенное наделение всей полнотой прав освобожденных крестьян, а также

© Ведерников В. В., 2017

Ведерников Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского технологического института (Технического университета) (Санкт-Петербург); vedvlvik@mail.ru

интеграцию многочисленных национальных меньшинств империи. Публицистика Каткова и его окружения предлагала вариант решения этой глобальной задачи. Это идеология эпохи модерна, представлявшая вариант европеизации российской государственности (с. 40). Поскольку речь идет именно о модернизации, то идеологию Каткова автор предпочитает называть не консерватизмом, а национализмом, именно национализм объединял представителей «русской партии», к которой исследователь относит как славянофилов (либеральное крыло), так и приверженцев Каткова (бюрократический национализм). Автор неоднократно говорит о «либерализме» представителей катковского направления, правда, не применяя этого определения к самому отцу-основателю.

Вообще теоретический раздел работы характеризуется терминологической путаницей. Национализм, консерватизм, охранительство — эти термины употребляются как синонимы. Славянофильская идеология характеризуется автором как либеральный национализм, но вслед за этим он утверждает: «...стремление славянофилов к сохранению национальных форм объективно ставило их в ряды консерваторов» (с. 27). Определяющей чертой консерватизма автор считает неприятие революции (с. 7), но для характеристики «Варшавского дневника» используется термин революционный консерватизм. Справедливо указывая, что Катков и славянофилы отстаивали разные модели нациестроительства: для славянофилов определяющим мо-

ментом был принцип религиозный, а для Каткова — создание политической нации с общим государственным языком, едиными законами и общим историческим кодом, автор тем не менее указывает, что «четкой грани между славянофилами и катковским направлением не существовало» (с. 18).

По отношению к идеологии Каткова и его последователей автор предпочитает использовать термин «бюрократический национализм», которому он противопоставляет либеральный национализм славянофилов. Отличие заключается в том, что в условиях слабости общественного движения Катков считал возможным осуществить свою программу, опираясь прежде всего на бюрократический аппарат. Это, разумеется, верно. Только никакой специфики в этом вовсе нет. Слабость общественного движения и одновременно боязнь неконтролируемого крестьянского взрыва вынуждали все без исключения направления общественной мысли возлагать надежды на власть. «Романов, Пугачев или Пестель» — так формулирует возможные альтернативные варианты общественного развития М. А. Бакунин, «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевский адресует императору Александру Второму, либералы-конституционалисты вплоть до 1905 г. просили царя ликвидировать бюрократическое «средостение» якобы во имя вящего укрепления истинного самодержавия, а уж апеллировать к царской власти консерваторам сам бог велел!

Мешает чтению и постоянное желание автора осовременить изложе-

ние. П. П. Цитович повышает «индекс цитируемости» (с. 258), тексты редактора «Варшавского дневника» кн. Н. Н. Голицына автор сопоставляет «с современной нам публицистикой А. А. Проханова» (с. 421), заметка той же газеты о С.-Петербургском обществе покровительства детям интересна «в контексте современных споров о ювенальной юстиции» (с. 428), даже «Эхо Москвы» упоминается в тексте монографии. Но злоба дня очень скоро канет в Лету и, боюсь, лет через 10 (а монографии, на мой взгляд, суждена долгая жизнь) читателям придется искать справку и о Проханове, и о либеральной московской радиостанции.

К большому сожалению, монография не содержит традиционного для такого типа изданий обзора источников и литературы. Поэтому неискушенному читателю трудно оценить степень новизны работы. Между тем текст опирается не только на публицистику, но и на материалы личного происхождения (главным образом переписку), делопроизводственную документацию (материалы цензурного ведомства), зачастую впервые вводимые в научный оборот. К сожалению, автор предпочитает использовать «глухие» ссылки, что не всегда позволяет судить об источнике сведений.

На мой взгляд, в «биографическом» разделе монографии наибольший интерес представляют очерки о забытых публицистах катковских изданий. Из исторического небытия автор извлекает фигуру крымского помещика Н. В. Щербаня, который подолгу проживал во Фран-

ции. Внимательный наблюдатель политической жизни страны в ее переломные моменты (нарастающие внутривластные кризисы в последние годы правления Наполеона III, франко-прусская война и Парижская коммуна, становление Третьей Республики), он дает для русских изданий подробную хронику, сопровождающуюся оценками и комментариями, которые навеяны российской злободневностью. Примечательно, что если в начале своей публицистической карьеры Щербань легко находил общий язык и с И. С. Тургеневым, и с М. Н. Катковым, а свои корреспонденции помещал как в «Московских ведомостях», так и в либеральном «Голосе», то после 1873 г. Щербань, который резко отрицательно оценивал опыт французской демократии и критически относился к Гамбетте, уже не находит места в петербургской газете и окончательно сливается с лагерем Каткова.

Интерес представляет и очерк об Н. А. Любимове, ближайшем соратнике М. Н. Каткова и редакторе «Русского вестника» с 1863 по 1882 г. В течение короткого времени (18 мая – 25 июня 1866 г.), когда из-за острого конфликта с министром внутренних дел Катков вынужден был сложить обязанности редактора, Любимов руководил и «Московскими ведомостями». Взгляды Любимова на задачи университетской реформы и его публицистический цикл «Против течения», где под видом критического исследования событий Великой французской революции подвергался резкой критике курс М. Т. Лорис-Меликова, уже

получили оценку в исследовательской литературе (Твардовская 1978; Юшников 2012: 99–100). Но автор предлагает свой оригинальный взгляд на эти сюжеты. А. Э. Котов считает, что Н. А. Любимов указал на те болезненные проблемы университетской жизни, которые вытекали из несовершенства устава 1863 г. По мнению исследователя, «консерваторами» были не Катков и Любимов, а те, кто противился пересмотру устава (с. 98–99). Цель «реформатора» Любимова, напротив, – ограждение академической свободы исследования и преподавания, т. е. «подлинный либерализм» (с. 100). Можно согласиться с А. Э. Котовым в том, что оппоненты Любимова зачастую вместо спокойного обсуждения достоинств и недостатков устава 1863 г. переходили на оценку личных качеств московского профессора, что публикация мнения Любимова о необходимости пересмотра устава не являлась «доносом», что Любимов вовсе не был сторонником до-реформенных порядков. Но вместе с тем необходимо признать и то, что реализация программы Любимова уставом 1884 г. создавала непримиримые противоречия между декларируемой академической свободой и административным вмешательством в дело преподавания. Как указывал московский профессор П. Г. Виноградов, «каким-то фокусом разнообразие и свобода обращались в принудительность и шаблон; то, что считалось вредным, когда исходило от факультетов и университетов, становилось панацеей, когда исходило от министерства и его ученого комитета» (Виноградов 2008: 124).

Интересен очерк об историке и публицисте П. К. Щебальском. Автор отмечает его уравновешенность и бытовую порядочность, что выделяло публициста «из общего круга московских сподвижников» (с. 186). Безусловного внимания заслуживает публицистика Щебальского по национальному вопросу. Будучи до начала польского восстания приверженцем принципа широкой культурно-национальной автономии Польши, Щебальский отвергал притязания польских публицистов на земли Западного края, поскольку считал «династический принцип» и исторические аргументы ничтожными перед лицом принципа национального. Правда, при этом он причислял белорусов, украинцев и, по-видимому, литовцев к большой русской нации. Думаю, что автор несколько недооценил исторические труды публициста, считая, что Щебальский лишь «иллюстрировал историческим материалом труды М. Н. Каткова» (с. 188). Между тем именно Щебальский сумел сформулировать цельную концепцию общественного движения в России первой четверти XIX в., противостоявшую либеральной трактовке ведущего публициста «Вестника Европы» А. Н. Пыпина. Общественное разделение проходило, по мнению Щебальского, не по линии прогрессисты – консерваторы, а по линии реалисты (которыми могли быть и «честные» консерваторы) и идеалисты. По авторитетному заключению В. А. Китаева, «Щебальский начал спор с Пыпиным не как его идейный противник-консерватор, а как историк-профессионал, обнаруживший в пыпинском труде неуместную тенденциозность» (Китаев 2004: 276).

Несомненный западник, начинавший, как и В. Г. Белинский, историю страны с конца XVII в., Шебальский вместе с тем никак не может рассматриваться как либерал, хотя бы потому, что он никогда не ставил под сомнение принцип самодержавной власти, возлагал надежды на поместное дворянство и наконец выработал своеобразную историческую концепцию, противостоящую либеральной.

Не все очерки представляются мне удачными. Небольшой раздел о Ционе не вносит никаких принципиально новых сведений о публицисте, не совсем понятно, связаны ли проекты Циона установления правового государственного строя периода Первой русской революции со «школой» Каткова или же представляют разрыв с традициями, вне внимания автора оказались не только многочисленные зарубежные публикации Циона, в том числе и его обзор современного состояния России и истории франко-русского союза (*Сюн* 1892; *Сюн* 1895), но и его обширная работа об истории Третьей Республики, которая была опубликована в «Русском вестнике» (*Цион* 1885). В последнем случае можно было бы сопоставить взгляды Циона с позицией Щербаня, который также анализировал новейшую историю Франции.

Чужеродным телом выглядит и очерк о С. С. Татищеве, который вообще начал сотрудничество с Катковым довольно поздно — в 1885 г. Может быть, он был талантливым продолжателем дела московского публициста? Но, отходя от избранной темы, А. Э. Котов уделяет зна-

чительное внимание своеобразному параллельному жизнеописанию Татищева и К. Н. Леонтьева, а последнего к катковскому кругу причислить довольно трудно.

Крайне важен скрупулезный анализ публицистики газет, которые должны были стать проводником политики «обрусения» на окраинах — «Виленского вестника», «Киевлянина» и «Варшавского дневника». Газеты, в общем поддерживая линию Каткова на формирование большой русской политической нации, объединенной общим языком, едиными государственными законами и культурой, по необходимости, вызванной ситуацией на местах, корректировали курс Каткова, нацеленный на непримиримую борьбу с тем, в чем московский публицист видел проявления сепаратизма. Так, «Виленский вестник» поддерживал курс на примирение с представителями польского общества, выдвигал программу «обрусения» еврейства путем ликвидации черты оседлости, приобщения иудеев к светской культуре, не посягая на их религиозную особость. «Мосты» для примирения с Польшей искал «Варшавский дневник» как под редакцией Н. В. Берга, так и под управлением кн. Н. Н. Голицына, а «Киевлянин» В. Н. Шульгина, признавая белорусов и украинцев ветвями одной большой русской нации, призывал учитывать этнические особенности украинцев.

Несколько особняком в этом ряду стоит газета «Берег», правительственный официоз, вышедший с марта по декабрь 1880 г. под редакцией Цитовича. Была ли газета

идейным союзником Каткова? Без всякого сомнения. Выступив с острой критикой защитника общинного землевладения А. С. Посникова, Цитович вступил в конфликт с профессорской корпорацией Новороссийского университета. Конфликт усугублялся и резкостью критических выступлений как Цитовича, так и его оппонентов. Естественно, что раздор в университетской корпорации стал еще одним аргументом, который «Московским ведомостям» можно было использовать как довод в пользу необходимости реформы университетского устава 1863 г.

Защиту общины Цитович связывал с радикально-социалистическими воззрениями русской молодежи, а отсюда и его выпады против Чернышевского. В период «диктатуры сердца» в легальной печати впервые было упомянуто имя вилюйского ссыльного и прозвучала просьба о его помиловании, поэтому нападки на некогда знаменитый роман звучали крайне бестактно. И здесь позиция Цитовича совпала с линией «Московских ведомостей».

Но союз носил скорее ситуативный характер. По ряду вопросов новороссийский профессор занимал самостоятельную позицию. А. Э. Котов показывает, что «Берег» поставил вопрос о земском самоуправлении, о пересмотре отношения к старообрядцам. Ни «партизаном», ни «эпигоном» Каткова ученый не был. Хочу привести и еще один аргумент, доказывающий самостоятельность Цитовича. Тезис о взаимосвязи общинных порядков — этого пережитка крепост-

ничества — и русского социализма позже получил развитие в обширной статье А. А. Фета. Подобно Цитовичу, Фет видел в защите общины одновременно и отголоски крепостничества, и истоки русского революционного движения. Обращаясь к русским радикалам, публицист писал: «Вы ненавидите всякий действительный труд, и, предпочитая жить на счет газетных сплетен и дурных наклонностей толпы, под предлогом гуманности, беззастенчиво признаетесь, что вы презираете все предания, верования, общественную нравственность — словом, историческое человека, и для осуществления своих эгоистических целей прибегаете не к убеждению, а к террору поджогов, убийств и даже царубийству» (Фет 1882: 508). Таким образом, «Русский вестник» выступил своеобразным эхом Цитовича, а не наоборот.

Нет сомнения, что автор проделал колоссальную и крайне полезную работу. Книга Котова напоминает мне монумент Екатерине Великой, стоящей в сквере Невского проспекта. Действительно незаурядная фигура Каткова предстает в окружении его далеко неординарных современников и соратников. Естественно, что пантеон может быть пополнен. Мне показалось странным отсутствие в работе даже упоминания как одного из ведущих критиков журнала В. Г. Авсеенко. Но это означает только одно: работа должна быть продолжена.

Об эволюции мировоззрения Каткова от умеренного западнического либерализма к консерватизму

и охранительству писали неоднократно. Разрыв Каткова с радикальным лагерем может быть датирован довольно точно. Это начало открытой полемики с Герценом в 1862 г., размежевание же с либералами, как убедительно свидетельствуют материалы книги, это начало 1870-х гг., когда издания Каткова резко разошлись с реформистским лагерем в оценке способов умиротворения Польши, критически оценили деятельность французских республиканцев в лице Гамбетты, начали поход против университетского устава и, наконец, сформулировали концепцию истории общественного движения в России, альтернативную пыпинской.

Куда же привел московского публициста его «царский путь»? Собственно, ответ этот вопрос содержится в небольшом заключении. «Наиболее типичным “катковцем”» автор называет В.А. Грингмута, редактировавшего «Московские ведомости» в 1896–1907 гг. Да, подобно позднему Каткову, Грингут активно защищал самодержавную государственность, но на этом сходство, пожалуй, и заканчивается. Идея политической нации сменяется проповедью русского превосходства, основой национального единства объявляется, вместо единства законов и языка, прежде всего православие, а терпимое отношение к иудейству сменяется ничем не прикрытым антисемитизмом. Вместо поддержки национального единства, строительства большой политической нации, верх берет тезис о сословном государстве с преобладающей ролью дворянства. Иными словами,

проект Каткова был отвергнут его преемником. Модерн был вытеснен традиционализмом. Востребованность таких идей была невелика, что нашло свое отражение и в падении тиража «Московских ведомостей», и в прекращении издания «Русского вестника» в 1906 г. Почему же с течением времени модерный проект выродился в свою противоположность — черносотенство? Автор сформулировал свой ответ на вопрос. По его мнению, с уходом Каткова его последователи превратились «в обычных чиновников», а бюрократия не всегда возвышалась до идеи служения интересам родины. Такой ответ мне кажется малоудовлетворительным. Среди государственных деятелей конца XIX в. было немало сторонников реформ. Достаточно назвать имена Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, А.М. Куломзина, А.С. Ермолова. Но как раз Витте и стал объектом яростных нападок «Московских ведомостей» в 1905–1906 гг. Быть может, объяснение следует искать в идейной эволюции самого Каткова, который проделал путь от защиты реформ и умеренного конституционализма к энергичной критике преобразований и апологии самодержавия? Но, как свидетельствуют результаты исследования А.Э. Котова, далеко не все сторонники московского публициста (и среди них И.Ф. Цион и П.П. Цитович) готовы были следовать этим «царским путем».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов 2008 – Виноградов П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008.

Китаев 2004 – Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880). Саратов, 2004.

Котов 2013 – Котов А. Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013.

Медоваров 2014– Медоваров М. В. Новое исследование по истории русского консерватизма // Вестник Пермского университета, История. 2014. № 2 (25). С. 183–186.

Твардовская 1978 – Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

Фет 1882 – Фет А. А. Наши корни // Русский вестник. 1882. № 2. С. 508. Подп.: Деревенский житель.

Цион 1885 – Цион И. Ф. Пятнадцать лет Республики // Русский вестник. 1885. № 8–10.

Юшников 2012 – Юшников А. В. Русская консервативная публицистика 1860-х – начала 1870-х гг. о Великой французской революции // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 99–100.

Cyon 1895 – *Cyon Elie de*. Histoire de l'entente franco-russe, 1886–1894. Paris, 1895.

Cyon 1892 – *Cyon Elie de*. La Russie contemporaine: les principes de l'autocratie, la France et la Russie, la question des juifs. Paris, 1892.

ROAD TO NOWHERE

Rev.: Kotov A. E. "Tsarskii put" Mikhaila Katkova: Ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh godov. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2016. 487 p.

Vedernikov Vladimir V. – candidate of historical sciences, associate professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg)

REFERENCES

Cyon Elie de. *Histoire de l'entente franco-russe, 1886–1894*. Paris, 1895.

Cyon Elie de. *La Russie contemporaine: les principes de l'autocratie, la France et la Russie, la question des juifs*. Paris, 1892.

Fet A. A. Nashi korni. *Russkii vestnik*, 1882, no. 2, p. 508. Podp.: Derevenskii zhitel'.

Iushnikov A. V. Russkaia konservativnaia publitsistika 1860-kh – nachala 1870-kh gg. o Velikoi frantsuzskoi revoliutsii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 365, p. 99–100.

Kitaev V. A. *Liberal'naiia mysl' v Rossii (1860–1880)*. Saratov, 2004.

Kotov A. E. *Ptentsy gnezda Katkova*. St. Petersburg, 2013.

Medovarov M. V. Novee issledovanie po istorii russkogo konservatizma. *Vestnik Permskogo universiteta, Istoriia*, 2014, no. 2 (25), p. 183–186.

Tsion I. F. Piatnadsat' let Respubliki. *Russkii vestnik*, 1885, no. 8–10.

Tvardovskaia V. A. *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviia (M. N. Katkov i ego izdaniia)*. Moscow, 1978.

Vinogradov P. G. *Rossiiia na rasput'e*. Istoriko-publitsisticheskie stat'i. Moscow, 2008.

М. Ю. Немцев

ИСТОРИЯ СОВЛАДАНИЯ С МНОГООБРАЗИЕМ

Рец.: Новая имперская история Северной Евразии. Часть I: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 364 с.

Новая имперская история Северной Евразии. Часть II: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.

Рецензируемый двухтомник явился воплощенным результатом проекта по созданию основы для альтернативного учебного курса. Проект этот был предпринят несколько лет назад коллективом журнала «Ab Imperio» с целью развития нового подхода к истории России. «Имперская история» рассматривается как принципиальная альтернатива двум другим распространенным способам говорить об истории России (От редакции 2014: 245–248). Первый из них – это официальный «постимперский» подход к истории России как процессу тысячелетнего становления и укрепления, несмотря на все смуты и революции, единого и все более централизованного государства. Другой – националистический (уже без частицы «пост») подход к написанию национальной истории как истории национального государства; он развивается фактически во всех постсо-

ветских странах. Этот учебный курс принципиально обращен не только к российским читателям, поэтому повествование не замкнуто в пространственных и тематических рамках только «своей», российской истории.

Итак, предлагаемая в двухтомнике альтернатива – это политическая история Северной Евразии как история населенного людьми пространства, одновременно организуемого «сверху» и самоорганизующегося горизонтально. При таком подходе происходит отход от привычного деления пространства в соответствии с «привычными» государственными границами, спроецированными в прошлое, что находит, в частности, воплощение в «исторических картах» из обычных школьных учебников. Для достижения своей цели авторы спецкурса прежде всего вводят иной язык описания пространства (в предваряющей двухтомник журнальной публикации с изложением концепции учебного курса было упомянуто об «опыте борьбы

© Немцев М. Ю., 2017

Немцев Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, магистр гендерных исследований, сотрудник Интернет-журнала «Гегтер.ру» (Москва); nemtsev.m@gmail.com

не с традиционными “фактами”, а с господствующим... языком связывания этих фактов в объясняющие схемы» (Там же: 246)). Место действия описываемых событий принципиально задается не через очерчивание политических или географических границ, а через выделение нового обширного региона *Северная Евразия*, границы которого по принципиальным соображениям не до конца определены. Вероятно, по замыслу авторов это позволяет освободить сознание читателя от привычных способов деления исторического пространства-времени в этой давно вроде бы знакомой части света. Появляется новая концептуальная схема анализа общественной динамики на этом пространстве, освобождающая исследователя и читателя от приверженности государственным и иным границам. Теперь важно последовательно «провести» это освобождающее движение, используя аналитические возможности, предоставляемые конструированием нового региона.

Вся тысячелетняя история Северной Евразии разыгрывается вокруг двух основных тем. Первая — *самоорганизация* населения разных территорий, позже становящихся отдельными государствами; эта тема обозначена в подзаголовке первого тома. Постепенно оформляющийся аппарат принуждения является не только фактором организации населения, но постоянно перенастраивается под давлением непредсказуемого движения самоорганизации. Хотя централизация как будто бы побеждает, процессы самоорганизации пресечь невозможно.

Вторая тема — это *динамика имперской ситуации*. Речь идет о сложных взаимоотношениях, возникающих в ходе создания центральной «имперской» властью проектов по упорядочиванию общественных процессов на обширной территории Московского царства и Российской империи. В подзаголовке второго тома говорится о «балансировании имперской ситуации», которая сама становится важнейшим действующим субъектом.

Первый том посвящен истории населения обширной территории, включавшей в себя леса, лесостепи и степи приблизительно от Урала на востоке до современной Польши на западе и от Северного Кавказа на юге до Балтики на севере. Древние государства, располагавшиеся южнее 50° с.ш., а тем более Китай уже не входят в рассматриваемый большой регион. Западная граница Северной Евразии в середине I тыс. проходила по рубежу Византии и «закарпатской» Европы, до которой не доходили евразийские кочевники.

Процесс самоорганизации и структурного усложнения обществ этой обширной территории, т.е. собственно политический процесс, начинается только тогда, когда к этому вынуждают внешние обстоятельства. Именно навязываемая «извне» организация порождает противостоящую ей самоорганизацию. Причем этой «внешней» силой может быть как соседнее политическое (ново)образование, так и уже существующая на данной территории, но реализующая новый проект централизованная власть.

На протяжении первого тома в центре внимания довольно последовательно оказывается именно это конфликтное взаимодействие самоорганизации и организации.

Все начинается в VII в., «когда Северная Евразия сталкивается с врагом, цель которого не просто грабеж и доминирование, но и распространение некой универсальной культуры: победоносным Арабским халифатом» (I, с. 22). Под его давлением возникает Хазарский каганат, и это событие инициирует процессы самоорганизации в рассматриваемой части Северной Евразии. Важнейшим коллективным субъектом на этой территории становится созревшая вдоль древних торговых путей *Роуськая земля*.

Этот непривычный политоним выбран явно из дидактических соображений. Для советских и постсоветских учебных курсов важна была преемственность государственных (точнее, напоминающих государственных) политических образований, существовавших на данной территории, с последующим Московским, Русским царством, для чего был использован политоним «Киевская Русь». Авторам двухтомника важно было как раз подчеркнуть отсутствие этой *непосредственной* преемственности и принципиальное отличие существовавших в I тыс. политических форм от последующих. Роуськая земля — предшественник Русского царства, но не непосредственный предок.

Основную интригу большей части первого тома создает конкуренция двух альтернативных путей государ-

ственного строительства на территории будущей западной части Российской империи. Это «восточный путь» Великого княжества Московского (ВКМ), связанный со Степью и тем самым — с «центрально-евразийской» степной политической традицией. И это, с другой стороны, «западный путь» Великого княжества Литовского (ВКЛ), напряженно согласовывавшего католицизм, православие и местное язычество как организационные принципы и в итоге проигрывавшего. В этом пошагово расписанном противостоянии ВКЛ и ВКМ участвовали и такие своенравные игроки, как Крымское ханство, Османская империя, папский престол и прибалтийские рыцарские ордена. При этом успех достигался далеко не только за счет военной силы: ключевую роль играло точное политическое проектирование на основе политического воображения лидеров этих гособразований. Они принимали решения, которые были удачными или неудачными. Хотя удачные решения и позволяли им реализовать свои проекты, ситуация в результате менялась непредвиденным образом. Воспроизвести реконструкцию этих запутанных изменений даже в самой подробной рецензии было бы невозможно. Надо иметь в виду, что серии принимавшихся решений формировали целые динамические стратегии, которые в перспективе приводили крупные и сложные политические образования в упадок либо, напротив, предоставляли им возможности для решающего доминирования.

Долгое время конкурентом обоих великих княжеств выступало

Крымское ханство. Однако оно оказалось не способно ни конвертировать свою военную мощь в развитую производительную экономику, ни сформировать централизующую государственную идеологию («крымскую идею»). А потому сравнительно быстро проиграло конкуренцию за влияние. Ролью Крымского ханства в политических процессах, происходивших в ВКМ в XVI–XVIII вв., «традиционно» почти совершенно пренебрегали в историческом образовании в России, и поэтому его «возвращение» в поле зрения читателей и подробный анализ связанных с этим проблем является безусловным достоинством рецензируемого двухтомника.

При этом почти не уделено внимания другой исторической интриге, которая в России, пожалуй, гораздо более известна и пользуется вниманием далеко не только историков: Москва vs Великий Новгород. Возникает закономерный вопрос: если в Новгороде после XII в. «дуализм княжеской власти и авторитета городской общины решается в пользу общины» (I, с. 140) и возникает сильная республика, приглашающая и изгоняющая князя, т. е. развивается альтернативный северный центр самоорганизации, то почему он в итоге тоже проиграл? Почему традиция «вечевой демократии» была искоренена? Новгород Великий постепенно слабел, и уже к середине XV в., когда в результате гражданской войны в ВКМ «произошла “перезагрузка” политического ландшафта в восточной части бывших *роуських* земель» (I, с. 233) и начался новый этап про-

тивостояния ВКЛ и ВКМ, он уже не мог выступать в качестве независимой окраинной силы. Он проиграл в военном противостоянии московской армии и был вынужден признать вассальную зависимость от ВКМ. Но почему это произошло? У меня как у российского читателя вызывает сожаление малое внимание в книге к этому актуальному в современных российских спорах сюжету.

Может быть, дело в том, что сама «Северная Евразия» оказывается в двухтомнике преимущественно территорией между Казанью и Варшавой. Что касается северных земель «Северной Евразии», то они остаются почти не охвачены вниманием авторов, и поэтому новгородская (в том числе торговая) колонизация Северной Евразии исключена из рассмотрения. Здесь возникает принципиальный вопрос: входит ли в предлагаемый исторический регион «Северная Евразия» сам Север Северной Евразии? Если нет (а он в разработанный курс по умолчанию не входит), то где именно и почему разумно провести границу? Тот же вопрос можно поставить и относительно восточной части большого региона.

На мой взгляд, заметным и географически наиболее ощутимым пробелом в работе является недостаточное внимание к Сибири. Интересно, что в чисто географическом смысле Северная Евразия это и есть Сибирь. Однако истории ее присоединения к Московскому царству отводится всего лишь половина второй части шестой главы, завершающей первый

том. Во втором томе «сибирские темы» появляются только эпизодически — например, в связи с анализом «сибирского» периода деятельности великого русского бюрократа Михаила Сперанского. Однако смею предположить, что именно в контексте исследования самоорганизации *вольная колонизация* имперских окраин вообще и Сибири в особенности должна быть рассмотрена как «низовое» дополнение правительственных проектов колонизации и обустройства подвластной территории (возможно, причины такого «невнимания» состоят в том, что авторы видят своих будущих читателей также преимущественно в пространстве между Казанью и Варшавой, но не восточнее). Происходившее там, в Сибири, дает интересный материал о «балансировании имперской ситуации», ведь речь идет об окраине империи, обходившейся в имперский период без истребительных войн (кроме крайнего северо-востока) и жесткой нормализации пограничного населения. Вообще, было бы интересно сравнить обстоятельства этого «балансирования» в столь разных условиях и со столь разными результатами. Уже одна перспектива такого сравнения оправдывает обращение к процессам в Северной Евразии восточнее Каспия и Уральского хребта. Вот один лишь пример возможного сопоставления. Авторы описывают строительство Черноморской пограничной линии в 1830-х гг. как создание «первой массивированной современной укрепленной границы в Российской империи (II, с. 284) и, соответственно, первый

опыт создания современной границы с таким методом гомогенизации ее населения, как геноцидные депортации (Там же). Здесь напрашивается сопоставление с другой первой современной укрепленной границей империи — Сибирской укрепленной линией, которая оформилась раньше и постоянно модернизировалась во второй половине XVIII в., во время торжества камерализма. Она также гомогенизировала пограничное население, но *иным* образом, выступая в первую очередь как оперативная база культурной и экономической экспансии. Роль укрепленной военной границы империи как фактора управления этносоциальным и культурным многообразием нельзя раскрыть только на материалах о событиях на западном и южном «фасах» Российской империи, т. е. территориях, находившихся под наиболее пристальным вниманием военных и дипломатов.

Обращает на себя внимание, какую роль отводят авторы религии. Эта роль — чисто функциональная, это ресурс групповой (само)идентификации и самоорганизации. Религия понимается последовательно материалистически, как метод производства различий, следовательно, «использование» религии — обращения (крещения), смена веры и т. п. — прагматически подчинено каким-то политическим проектам. Так, в первом томе описывается неоднократная ситуация выбора вероисповедания правителями Польши, Литвы и других территорий, но реакция населения на эти инициативы представляется как будто исключительно пассивной.

В истории Московского княжества фактически упущен сложный процесс становления поместной церкви, а с ним — такие важные факторы общественной самоорганизации, как распространение книжности, монастырская колонизация, ранние ереси и т.д. Деятельность руководителей церкви упоминается исключительно как дополнительный фактор усиления роли правителей. Но из содержания курса остается неясным, как так получалось, что позиция авторитетных религиозных лидеров (таких как митрополит Филипп или не упомянутый в книге Сергей Радонежский) оказывалась столь важна для их современников?

Это пренебрежение к религии относится даже к исламу, которому в двухтомнике уделяется особое внимание (в частности, специально описана история мусульманского самоуправления в начале XX в., что нельзя не приветствовать, ибо, при всей исторической роли мусульман в развитии Российского государства и общества, учебные курсы, как правило, не уделяют должного внимания религиозному разнообразию России и в том числе особенностям ислама и мусульманскому населению). Некоторые формулировки, как, например, о том, что «религиозный раскол в исламе можно рассматривать как следствие интенсификации религиозного чувства и усложнения системы верований» (I, с. 40), вызывают недоумение: не ясно, что именно авторы хотели сказать. Самое важное «упущение», если позволено так его назвать, при подборе материала для курса состоит в упрощенном и очень кратком

пересказе событий церковного раскола XVII в. Этому крайне важному именно для развития главной темы первого тома событию отведено всего 9 страниц (на две страницы больше, чем опыту строительства государственности Карлом Великим у франков в IX в., т.е. за пределами Северной Евразии). Раскол рассматривается преимущественно как неудачная интрига патриарха Никона, чьи амбиции в конечном итоге не поддержал царь Алексей Михайлович (I, с. 351)¹. Авторы пишут, что «для неразвитой московской “риторической” сферы» (особенно в низовых слоях общества) старообрядчество стало «социальным языком», который помогал выражать и подчас формулировать недовольство. Они также отмечают, что «практически все восстания в последней трети XVII — начале XVIII в. были связаны со староверами» (I, с. 354). Однако само содержание этого «недовольства» их не интересует, и они не узнают в старообрядческом движении как раз «конкурирующего проекта самоорганизации» (а ведь именно этому посвящен весь том!). При этом авторы, по-видимому, полностью исключают наличие *религиозных*, т.е. неклассовых причин для этого недовольства. А ведь влияние раскола на настроения «низов общества», во всяком случае в некоторых регионах империи, оставалось ощутимым вплоть до установления большевистского режима. Суждение о том, что стали «нормой уход староверов от мира, самосоуже-

¹ Такое объяснение раскола далеко не полно без анализа внешнеполитических проектов и амбиций самого Алексея Михайловича. См.: (Кутузов 2008).

ния (гари) в скитах и староверческих монастырях, эксперименты в сексуальной сфере (от безбрачия до массовых оргий)» (I, с. 354), едва ли можно назвать даже приблизительной характеристикой социальных последствий раскола: авторы отождествляют старообрядческое и сектантское движения в русском крестьянстве, которые исторически имели между собой мало общего. Жаль, что столь важная для понимания интеллектуальных процессов в оформляющемся централизованном Московском государстве тема, как раскол, получила в курсе лишь такое конспективное изложение.

Второй том открывается своеобразной историко-политологической увертюрой: введением понятия «пороховая империя». Такие непохожие государственные образования, как Османская империя, империя Моголов и Московское царство, охарактеризованы как «пороховые империи». Это понятие позволяет получить представление о некоторых парадоксах их модернизации: «пороховые империи» создают эффективные для своего времени армии и централизованный аппарат, на какой-то период обладают преимуществом в развитии военных технологий и все-таки в исторической перспективе кажутся отсталыми на фоне других государств. Что с ними «не так»? Дело состоит в различии стратегий вхождения в современность: «пороховые империи» не принимают камерализм как принцип устройства современного государства. Поэтому в долгой перспективе проигрывают соревнова-

ние в модернизации. Противопоставление «пороховых империй» и камералистского государства вводит проблему *модернизации* как постоянного рационального реформирования с целью приспособления к современности. Именно «современность» и «несовременность» проектов и реформ — постоянная тема второго тома. «Балансирование имперской ситуации», в сущности, это постоянное приспособление балансира к запросу на его соответствие современным требованиям. И то, что иногда эти современные требования представляли в виде радикально-консервативных стремлений вернуться к «прошлому» состоянию, только усиливало постоянно возрастающее имперское напряжение.

Главной пружиной развития исторического сюжета постепенно становится «имперская ситуация». К сожалению, сама эта категория не получила в книге развернутого определения (и даже в указатель к тому включены не все ее важные упоминания). Речь идет о деятельности по упорядочиванию сложного, разнообразного общества, «подпавшего» под власть единого центра. Поэтому важнейшими персонажами становятся чиновники и политики — авторы различных проектов упорядочивания, точнее даже — усмирения этой множественности, «которая не позволяла навязывать свою волю в одностороннем порядке даже императору. Имперская ситуация становится главным «историческим субъектом», чья «коллективная воля» оказывает определяющее влияние на ход истории. Любое универсальное решение

преломляется в логике “имперской ситуации”, нередко приводя к прямо противоположным последствиям» (II, с. 133). Подробно рассматриваются административные новации всех российских правителей имперского периода. «Чемпионом», что не удивительно, стала Екатерина Великая. Авторы подчеркивают радикально-новаторский, революционный и притом успешный характер ее социальной инженерии.

Во второй части тома, когда тема адаптации камерализма как метода одоления современности хронологически уже давно отставлена, на сцену выступает еще одна ключевая метафора — «массовое общество». Она не получает развернутого определения и используется в духе постсоветских пособий по культурологии, где «массовое общество» олицетворяет неудержимый натиск социальной стихии. «Стремительный рост городского населения в конце XIX в. знаменовал собой “восстание масс” — пока что в смысле “восстания из небытия”, а не против кого-то» (II, с. 387). Вместе с метафорой массового общества в конце второго тома фактор стихийной самоорганизации возвращается в истинно драматической манере: *как возмездие*.

С одной стороны, всеохватывающий кризис, в результате которого самоорганизация «массового общества» взламывает имперские институты и крушит всю «имперскую ситуацию», был подготовлен развитием идеологии прогрессизма (реформизма). Не только в России, но также и в других развитых

странах прогрессизм противостоял в то время «либеральному (т.е. несоциальному), коррумпированному или авторитарному государству» (II, с. 532) и объединял очень большие группы людей в неорганизованном, но упорном противодействии режиму. С другой стороны, на рубеже веков происходит буквально взрывной рост организационной самодеятельности населения империи. Она подробно рассматривается на материале истории земского движения. Также подробно реконструируется дополняющая его история «теневой», нелегальной, но эффективной самоорганизации — формирование радикального революционного подполья и революционных настроений².

Важнейшим событием начала нового этапа в процессе одоления империей современности стала трагедия на Ходынском поле. Ей отведено 7 страниц (II, с. 392–398), больше, чем многим войнам. Такое внимание указывает на исключительную важность случившегося утром 18 мая 1896 г. для понимания имперской ситуации Российской империи в конце XIX в. После этого имперский «балансир» ситуации начинает уже почти непрерывно трясти от неспособности согласовать массовую самоорганизацию на основе новейших научно обоснованных

² Интересно, что в качестве базовой ролевой фигуры предстает Сергей Нечаев, а в качестве ключевого текста — его «Катехизис революционера». При этом деятельности такого известного теоретика и практика подрывной деятельности, как Владимир Ульянов (Ленин), не уделено вовсе никакого внимания — неожиданно для российского читателя!

идеологий, запросов «массового общества» на активное реформирование слишком «тесных» для него институтов и, наконец, упорядочивающего, нормализующего движения «сверху». Авторы подробно рассматривают, как это реакционное движение сверху было весьма усугублено специфическим социальным воображением императора Николая II.

Авторы без малейшей симпатии относятся к этому человеку. И не только потому, что он не смог эффективно действовать в новой (не только для него как носителя высшей власти в империи, но и для всего имперского аппарата) ситуации. Но и потому, что, не понимая своеобразия стоявших перед ним проблем, он стремился воплотить заведомо проигрышный проект усиления личной власти за счет общества. Учитывая отношение в современной России к Николаю II как личности и к восприятию им российской политической действительности, его деятельность получает особенно подробное освещение. Иногда комментарии к принятым им решениям читаются как взволнованные отповеди нашему современнику.

Жесткой и подробной критике подвергается стремление последнего русского императора сочетать консервативный, уже тогда весьма архаичный, выдуманный «русский национализм» и абсолютистский монархизм. Воплощая идеалы настоящего «русского царя» с соответствующей символикой и мемориальной политикой (показательна «юбилеямания» предвоенных лет),

Николай II при этом настолько, насколько мог, *игнорировал* социальные, этнические и политические реалии своего государства. А в нем уже формировалась политическая нация, требовавшая демократических институтов и тщательного управления различиями. «Николай II был убежден, что его самодержавная власть была “истинно русской”, но структурно его национал-империализм противоречил русскому современному национализму, не признавая верховенства воли “народа”. В то же время идея “исторической власти русского царя” противоречила и проекту империи как универсальной и вненациональной политической структуры, главным представителем которой только и являлся император, черпавший свою легитимность в служении империи. Ненациональная и неимперская, власть Николая II являлась именно “императорской”, не представлявшей никого и ничто, кроме абстрактного принципа чистого господства во имя сакральной идеи» (II, с. 498).

Тезис о постепенной (само)маргинализации царя авторы подчеркивают интересным дидактическим приемом — предлагая читателю задуматься, почему во время революции 1905 г. никто из террористов не предпринял даже попытки убийства императора. Видимо, потому, что он никому не был нужен («никого не интересовал в 1905 г. даже как жертва» (II, с. 458)). Такое самоотчуждение от современности его не довело до добра.

Не удивительно, что самоорганизующееся общество усвоило

восприятие государственного аппарата как косного, мешающего «жизни» и — это окончательный приговор — несовременного. Так, в общественной жизни нарастало отчуждение между обществом и государством, а также теми институтами, которые обеспечивали само существование империи. Неудержимое «сползание» империи в революцию и затем в Гражданскую войну произошло из-за эскалации противостояний между совершенно разными проектами будущего и исчезновения возможностей для согласования таких проектов. Эти возможности могли бы появиться благодаря Государственной думе. Однако этого не произошло во многом именно из-за неудачной социальной инженерии последнего императора. Наблюдение за тем, как нарастало всеобщее отчуждение, придает последним разделам второго тома настоящий драматизм наступающей трагедии.

Итак, на протяжении двух томов история множества обществ огромного региона рассматривается как противостояние сил самоорганизации, увеличивающей многообразие, и упорядочивающего (нормализующего) действия государства. Большой труд, а вместе с ним и вся полуторатысячелетняя история завершаются распадом Российской империи в результате контрпродуктивного управления этим многообразием (авторы не считают СССР ее «правопреемником» (II, с. 617)). Причем этот распад стал лишь одним из важнейших событий в продолжаю-

щемся поиске компромисса между центробежными силами массового общества, многообразием, а с другой стороны, подавлением этого многообразия и глобализацией.

Второй том завершается предупреждением о необходимости постоянного поиска разумных методов управления многообразием. Со словами о том, что если такие методы не находятся, то свой шанс получают «фашистские геноцидальные режимы подавления разнообразия» (II, с. 618), не поспоришь.

Вызывает сожаление полное отсутствие ссылок: многие малоизвестные факты и интереснейшие оценки и выводы прямо-таки невозможно миновать без того, чтобы уточнить, узнать их происхождение. Конечно, справочный аппарат увеличил бы объем и без того больших книг. Все же ссылок на источники цитат из документов и писем явно не хватает. Однако это не может умалить восхищения грандиозностью проделанной работы, как и радости от полного возвращения категории *Евразия* с ее захватывающим масштабом и лесостепным привкусом в учебный курс по истории Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кутузов 2008 — Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVII века: ее истинные причины и цели. Барнаул, 2008.

От редакции 2014 — От редакции. Как узнать новую историю и чего от нее ждать? // *Ab Imperio*. 1/2014.

THE STORY OF OVERCOMING VARIETY

Rev.: Novaia imperskaia istoriia Severnoi Evrazii. Chast' I: Konkuriuiushchie proekty samoorganizatsii: VII–XVII vv. / pod red. I. Gerasimova. Kazan': "Ab Imperio", 2017. 364 p.

Novaia imperskaia istoriia Severnoi Evrazii. Chast' II: Balansirovanie imperskoi situatsii: XVIII–XX vv. / pod red. I. Gerasimova. Kazan': "Ab Imperio", 2017. 630 p.

Nemtsev Mikhail Yu. — Ph. D., master of gender studies, collaborator of the online journal “Gefter.ru” (Moscow)

REFERENCES

Kutuzov B. P. *Tserkovnaia "reforma" XVII veka: ee istinnye prichiny i tseli.* Barnaul, 2008.

Ot redaktsii. Kak uznat' novuiu istoriiu i chego ot nee zhdai'? *Ab Imperio.* 1/2014.

К. А. Пахалюк

«...И МЫ, ДВОРЯНЕ И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС, ЖЕСТОКО ПОПЛАТИМСЯ ЗА СВОЮ МЯГКОТЕЛОСТЬ»: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ В ДНЕВНИКАХ И. С. ИЛЬИНА

Рец.: *Ильин И. С.* Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина 1914–1920. М.: Русский путь, 2016. 480 с. ил.

Один из итогов 100-летнего юбилея Первой мировой войны — невиданное прежде насыщение книжного рынка значительным количеством различных мемуаров, как переизданных, так и впервые опубликованных. Даже самому трудолюбивому читателю с этим потоком нелегко справиться, и может оказаться так, что действительно стоящий и интересный источник может быть обойден широким вниманием. И очень не хотелось, чтобы так произошло с дневниками полковника Иосифа Сергеевича Ильина (1885–1981).

Рукопись долгое время хранилась в ГАРФ, в коллекции «пражского архива» — собрании различных эмигрантских документов, вывезенных

из Праги в СССР вскоре после окончания Второй мировой войны. Еще в 1930-е гг. И. С. Ильин продал туда дневники за 1914–1937 гг., выручив за них 1800 чешских крон. К сожалению, мы не имеем возможности установить, подвергались ли записи предварительной переработке. Издание, осуществленное благодаря усилиям внучки Ильина Вероники Жобер, снабжено фотографиями, в том числе из семейного архива, картами с отмеченным на них его боевым путем, а также вводной статьей и именованным указателем. Более тщательное отношение к правилам археографической работы и комментирования позволило бы улучшить эту публикацию.

Перед нами дневники эпохи Первой мировой и Гражданской войн, коих сохранилось сравнительно немного. И. С. Ильин не занимал высоких и ответственных постов,

© Пахалюк К. А., 2017

Пахалюк Константин Александрович — аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России; kap1914@yandex.ru

он относился к той многочисленной группе тыловых офицеров, которую фронтовики обычно клеймили последними словами и чей голос по-настоящему не слышен в историографии. Иосиф Сергеевич Ильин — молодой человек 29 лет (на 1914 г.), представитель известного дворянского рода (что было предметом его гордости), принадлежавший к прогрессивным кругам своего времени. Он неоднократно писал о своей близости к партии кадетов, причем в августе-сентябре 1917 г. даже агитировал на Юго-Западном фронте за ее представителей на выборах в Учредительное собрание. Либерально-конституционные воззрения уживались в нем с некоторой религиозностью (по крайней мере в 1919 г. он занимался организацией дружин Святого Креста и даже писал, что спасение страны возможно только при обращении к православию). Ему были присущи также характерное для многих офицеров чествование идеи порядка (оно усилилось во время революции, отсюда яркие симпатии к Л.Г. Корнилову, А.В. Колчаку и В.О. Каппелю), определенный дворянский снобизм и распространенный тогда националистический образ мышления: при попытке в целом оценить происходящее в стране центральной категорией для него оставался «русский народ», понимаемый в этническом, примордиалистском ключе. В силу этого, столкнувшись с многочисленными преступлениями и жестокостями военного и революционного периода, И.С. Ильин делает выводы о характере и особенностях русского народа как некоего живого, единого организма.

Несмотря на чин капитана и шесть лет службы в новгородском захолустье, автора дневников сложно назвать тем «кадровым военным», однотипно-яркий образ которого вырисовывается в эмигрантской мемуаристике. Слишком много гражданского было у Иосифа Сергеевича: он боится смерти, не рвется на фронт, в 1916 г. радуется месту преподавателя в школе прапорщиков, а во время революции пробует себя немного в роли оратора, агитатора и журналиста. Не столько война, сколько революция стала переломным моментом его жизни, что прекрасно прослеживается по тексту: с весны 1917 г. его попытки оценить текущее положение становятся все более аналитическими, хотя высказываемые суждения порой сложно назвать пронизательными. Но все же: неоправдавшиеся чаяния, связанные с Февралем, заставляют мысль работать активнее, рационализировать происходящее и искать ему объяснение. По-настоящему «расцветает» И.С. Ильин в 1918 г., когда занимает должность штаб-офицера по особым поручениям при управляющем военным ведомством Комуча полковнике Н.А. Галкине. Впоследствии автор дневников стал участником подготовки захвата власти А.В. Колчаком. Политическая деятельность и связанное с ней «высокое положение» более всего приходились И.С. Ильину по душе. В феврале 1919 г. из-за интриг, связанных с его женой, он лишился должности штаб-офицера для поручений при штабе Верховного главнокомандующего, в дневнике сохранилась характерная запись: «больно, что была неосторожна собственная жена,

которая прежде всего подводила меня, тем более зная, какие я занимаю места, какое у меня положение, при каких лицах я состою» (с. 363).

Это постоянное слово «при» хорошо определяет место И.С. Ильина в происходящих событиях: он является наблюдателем, но не участником. Перед нами взгляд «маленького человека» (пусть и офицера из родовитого дворянства), постепенно осознающего свою несообразность эпохе. Существующая дистанция – физическая, воображаемая, моральная – позволяет занять достаточно критическую позицию ко многим явлениям современности. Однако разрыв между тем, к чему он призывает, и как сам он ведет себя, достаточно сильно ощущается при чтении.

В этих дневниках немного самой войны, особенно Первой мировой. На фронте капитан И.С. Ильин пробыл около недели: как офицер 37-й артиллерийской бригады он принял участие в Галицийской битве, а именно в боях в составе 4-й армии, после того как в конце августа 1914 г. свежие резервы были брошены в бой для спасения правого фланга Юго-Западного фронта. Как известно, общим итогом тех сражений стала крупная победа над австрийскими силами. Несколько дней на фронте вызвали у И.С. Ильина стойкое чувство отвращения к войне: «Какое отвратительное, ужасное, жуткое зрелище! На помощь, чтобы успешнее убивать, люди призывают Бога, служат молебны, говорят громкие фразы о чести, праве, справедливости, прикрываются гуманностью и лицемер-

но сваливают вину за убийства один на другого» (с. 35). С первых дней он столкнулся с той неопределенностью, переходящей на местах в беспорядок, которая была присуща маневренным действиям эпохи Первой мировой. Так, из-за отсутствия координации их батарея расстреляла солдат Новочеркасского полка «Это наш первый боевой опыт, и как на грех стреляли-то отлично – старались!» (с. 34). Возможно, именно занятая дистанция по отношению к войне позволяла ему достаточно честно признать, что основным ощущением от боя у него был страх: «вот если бы не дисциплина и связующий всех в одно целое закон подчинения, я бы бежал, да, с удовольствием бежал!» (с. 39). Это вряд ли можно расценивать как трусость, поскольку страх в первом бою естественен, а умение контролировать его и держать себя в руках и есть мужество.

Практически в самом первом бою И.С. Ильин был ранен и контужен, покинув передовую навсегда. При перевозке в Москве он столкнулся с неорганизованностью нашей санитарной части, которая объективно не справлялась в те дни с колоссальным наплывом раненых (см.: *Чистяков 2009; Пахалюк 2016*). Думаю, многие из них в то время могли бы записать в своих дневниках следующие строчки: «В большинстве мест кормят вполне удовлетворительно. Плохо другое – нет присмотра. Мы, офицеры, еще полбеды, но вот солдаты по дороге умирают, потому что за ними нет никакого ухода, лежат они просто на соломе, у многих делается заражение крови» (с. 45).

И.С. Ильин оказался совершенно смущен восторженной встречей на московском вокзале, когда толпа студентов чуть не вынесла его на руках. Это была типичная картина в те дни как в Москве, так и ряде других городов (см. подробнее: *Пуга, Кожков* 2011)). Раненые почитались за героев войны, сам же автор дневников таковым себя не считал, а в феврале 1915 г. из газет случайно узнал о награждении себя двумя боевыми орденами: Св. Анны 4-й ст. («аннинское оружие») и Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. Здесь нет ничего удивительного: в первые месяцы командиры, как правило, не скупались на награды, щедро одаривая ими раненых офицеров.

Тяжелые последствия контузии не позволили И.С. Ильину вернуться в строй, а потому в декабре 1914 г. он был назначен командиром 773-го транспорта 155-го обозного батальона на Юго-Западном фронте (действовал в расположении 8-й армии генерала А.А. Брусилова). На этой должности он провел практически год, и здесь, пожалуй, мы сталкиваемся с наиболее важной для нас частью дневников, ярко рисующих безотрадную жизнь тыла русской армии, обычно отсутствующую в мемуарах боевых офицеров. Эти заметки могут служить прекрасной иллюстрацией к тезису о том, что развал армии начался именно с тылов, причем задолго до самой революции (о жизни на фронте см.: *Астаиов* 2014)). Перед нами раскрывается целое пространство лени и бездарности («чувствую себя очень одиноким в этой компании всех этих чиновников: ни положиться на них нельзя, ни что-

либо поручить» (с. 68)), интриг, воровства, разврата и откровенного пьянства («Чиновника Фурса, который остановился в гостинице, решил отдать под суд. Оказывается, моего приказа он не исполнил, в гостинице ночевал с женщиной, утром был пьян и не только решил не исполнять моих приказаний, но еще и глумился. В военное время наказывать нечем, и он, зная это и думая, что я его под суд отдавать не стану, позволяет себе все, что хочет» (с. 80)). Эта беспечная, отравляющая обстановка абсолютного сибаритства затягивает и автора: в записях за январь – март 1915 г. (фронтовое затишье) он в большей степени пересказывает различные слухи, подробно фиксирует, как и у кого обедал. Он увлечен охотой и завел собаку. 13 января 1915 г., вслед за записью о том, как убил 5 куропаток, И.С. Ильин отметил: «Замечаю в себе скверные признаки: стремление к деньгам. Много получаю и все время хочу копить. Это нехорошо» (с. 77). Война же остается скорее где-то там, впереди, на фронте, о ней известно больше из слухов и газет, но зато видны ужасающие следы в виде разрушений и бедствий для мирного населения.

Значительная часть тыловой службы протекала на территории занятой Галиции, а постоянные разъезды и наличие свободного времени позволяли автору фиксировать впечатления от столкновения с иной культурой. Он с сочувствием писал о русинах, с уважением относился к полякам (отмечая, что война позволила узнать их лучше), с определенной завистью – к австрийцам, настороженно – к евреям. Так, осмотр

казарм 40-го пехотного австрийского полка И.С. Ильин сопроводил следующими словами: «Стало обидно за свою родину... Даже в Гатчине — ни гвардейские казармы кирасир, ни тем более 23-й бригады и в подметки не годятся этим казармам простого армейского австрийского полка в маленьком провинциальном городишке. Какое, в сущности, безобразие, неужели нам, русским, просто присуща свинская жизнь!?» (с. 82).

Эти нотки критического патриотизма, вызванного тяжелым переживанием разрыва между величием страны и неустроенностью ее внутренней жизни, неоднократно проскальзывают в записях И.С. Ильина. Еще большее возмущение в нем вызывали те негативные черты русского народа, которые проявились в военное время. Рассказы о военных жестокостях и насилиях, в том числе причиняемых казаками (вплоть до изнасилований и выбрасывания евреев из окон второго этажа в Самборе), дополняются более общими выводами. Так, 11 марта 1915 г. он отмечал: «Война — это кошмар, везде и всюду зло. Одни крадут казенные деньги и заботятся о наживе, другие грабят жителей, третьи издеваются над этими жителями и ничего не признают. Русский народ — великий народ, но он некультурен и темен» (с. 99). Тут мы сталкиваемся с логической ошибкой, присущей националистическому способу мышления: результаты наблюдений за действиями отдельных (пусть и многочисленных) людей приписываются такой широкой — и воображаемой — общности, как «русский народ». Возмущение

существующими порядками усилилось в период Великого отступления лета 1915 г. Фрустрация от неожиданных поражений вылилась в резкую критику власти.

В конце ноября 1915 г. И.С. Ильин прошел медицинское переосвидетельствование и вернулся в строй на должность заместителя командира бронепоезда во 2-й Заамурский железнодорожный батальон. Впрочем, и здесь служба отличалась абсолютным бездельем, пьяными возлияниями офицерского состава, интригами, игрой в карты и бурными романами с сестрами милосердия из размещенного передового отряда Красного Креста. Благодаря связям жены И.С. Ильин вскоре был представлен помощнику генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта полковнику Н.Н. Духонину и через него получил должность преподавателя артиллерии в одной из фронтовых школ прапорщиков.

Придерживаясь оппозиционных взглядов, И.С. Ильин поначалу приветствовал Февральскую революцию. Но потом в течение нескольких недель разочаровался в ней. Падение дисциплины, развал армии, убийства офицеров, нарастание социальной напряженности вызвали в нем негодование. Болезненным оказалось и осознание того, что те «лучшие люди» страны (А.И. Гучков, А.И. Шингарев, П.Н. Милоков и пр.), которые оказались во Временном правительстве, проявили полную неспособность справиться с ситуацией. Отсюда нарастающая критика интеллигенции, политиков и дворянства за их бесхребетность

и мягкотелость. В конце ноября, принимая участие в заседании Киевского отделения партии кадетов, И. С. Ильин записал: «На самом деле, как все хорошо, гладко, умно... и международное положение, и внешняя политика, и аграрный вопрос — все так ясно, гладко, понятно. Но в результате ничего! Кто-то захватывает власть, плюет на все эти умные рассуждения, чихает на всех этих мягкотелых умников, и оказывается, власть, реальная сила вся на стороне захватчиков» (с. 240). Спустя полгода он сформулировал еще точнее: «Кажется мне, что мы, русские, и Россия переживаем отчаянную катастрофу, и мы, дворяне и правящий класс, жестоко поплатимся за свою мягкотелость, за свою идиотскую бесхребетность» (с. 273).

Лицемерие и предательство — вот на чем прежде всего останавливается И. С. Ильин в своих заметках о революционных годах. Он подметил, как офицеры, пламенно выступавшие за революцию, отказались записываться в «ударные батальоны» ради ее защиты; как быстро «переобулся в воздухе» генерал А. А. Брусилов, приветствовавший в июне 1917 г. самую свободную армию («Ведь мы все его помним в Самборе во главе 8-й армии, когда боялись и избегали его встречать на улице. Мы все помним, как он разжаловал нескольких унтер-офицеров за неотдание чести. Что же он думает и что он хочет?» (с. 210)). В дальнейшем Ильин обрушился на тех дворян, кто быстро перекарасился в эсеров, хотя еще за два года до этого писал верноподданные статьи в газету. Не мень-

шее раздражение вызывали у него генералы армии Кочуба и Колчака, которые во время поражений от красных отдавали приказы о готовности удерживать тот или иной город до последнего (тем самым препятствуя массовой эвакуации), но при этом на запасных путях держали готовые поезда для себя, своего имущества и семей. Даже известие о гибели царской семьи вызвало у него негодование прежде всего в адрес тех, кто в свое время видел «столько добра от него и благополучия», а потому предал: «О, за это преступление ответит весь русский народ, все мы, и заплатим дорогой ценой, ибо безнаказанно делать такие преступления нельзя!» (с. 276).

В объяснении революции И. С. Ильин словно мечется между двумя полюсами. С одной стороны, он клеймит бесхребетность «правлящего класса», как если бы жесткая дисциплина могла все изменить. С другой — вакханалия жестокостей с обеих сторон для него есть проявление тех «негативных черт русского народа», которые он наблюдал ранее. Если для многих европейцев окопы Великой войны стали периодом крушения веры в идеалы, то у многих в России, включая автора публикуемых дневников, это произошло в революционные годы. Одни болтают, другие грабят — вот, пожалуй, ключевой образ революции у И. С. Ильина. 24 декабря 1917 г. он писал: «Знаменитый Почаевский монастырь загадили, иконы поломали, разбили и уничтожили — православное воинство, святая Русь! Нет, тут не одна темнота — это чепуха, никакой темноты нету. Тут что-то другое, более страшное:

достоевщина, моральный вывих, психический кретинизм» (с. 243). Спустя чуть более месяца он пришел к однозначному выводу: «Я больше чем убежден, что Ленин — это наш, русский, и весь наш большевизм — наш, русский, все это наши черты, нашего характера, нашей души, нашего духовного склада!» (с. 255). А в июле 1918 г. признал: «Все мы русские, все мы виновны, и все мы носим дурные черты в себе русского характера» (с. 285). Подобные рассуждения заставляют воспринимать происходящее как нечто объективное, естественное, а потому в какой-то мере служат и для самого автора оправданием.

Успех большевиков в дальнейшем И.С. Ильин связывал с их четким призывом грабить, который, по его мнению, и нашел отклик в сердцах простого народа, особенно крестьянина. Он не верит в «темноту русского народа» — тот лицемерно прикидывается таковым, а сам цинично участвует в различного рода злодеяниях. Критические рассуждения Ильина имеют лишь один практический выход: требовать жесткой дисциплины и уповать на приход такого человека, который мог бы ее установить. Это оказывается невозможным, а те люди, на которых возлагались надежды (например, А.В. Колчак), парализуются общей отравляющей обстановкой, царившей в политической и военной элите. В конце августа 1918 г. И.С. Ильин стал участником переговоров между Комучем и Сибирским правительством (по итогам их была создана Директория), оставив весьма яркий образ политических деятелей: «Авксентьев без пиджа-

ка играл на бильярде с Вольским. Посмотрел я на них, и мне вдруг все стало ясно: ведь это же эмигранты. Вечные эмигранты. Вот так они играли без пиджаков на бильярде где-нибудь в Швейцарии, в каком-нибудь Цюрихе или Циммервальде, обсуждая попутно участь России и династии, так они играли с Лениным, может быть, также встречались с Азефом, который их зажал и организовал. Они вечные эмигранты, это у них на роду написано, и в душе они эмигранты, и везде себя чувствуют эмигрантами, и участь их быть эмигрантами и кончить так свои дни» (с. 308).

В феврале 1919 г. И.С. Ильин из-за интриг, связанных в том числе с его женой, был удален из располагавшегося в Омске штаба Верховного правителя в Семипалатинск, в штаб 2-го корпуса. Уже в апреле 1919 г. он окончательно разочаровался в Белом движении, придя к выводу, что личности в истории играют роль только в том случае, если выражают дух всей нации: «а продукт, порожденный эпохой, выношенный народным духом, бунтарским и анархичным, разбойным и беспринципным, — не Ленин ли со своим “Грабь нагребленное” и этим сразу выявивший весь затаенный смысл русской революции?» (с. 369). По сути Ильин признал, что оказался по ту сторону от этого «духа нации». Не в этом ли состоит его трагедия? Он призывает постоянно к решительности и действиям, но сам не способен на них и тем более чурается неизбежных жестокостей. Он горячо любит Родину и русский народ, но последний в массе своей находится на вражеской стороне,

а «лучшие его представители» проявили полную политическую импотенцию. Не потому ли многое происходящее в стане Белого движения Ильину кажется чем-то ненастоящим, эфемерным, лишенным подлинности?

И словно по злой иронии судьбы он вместе с семьей смог спастись только благодаря союзникам, которых он нещадно клеймил за фактический отказ оказать реальную помощь в борьбе с «красной чумой». В конце 1919 г. И. С. Ильин успел уехать из Омска в Иркутск на санитарном поезде американского Красного Креста (для самих американцев отход был скорее путешествием-приключением, они останавливались осматривать города и закупались по дешевке ценными товарами), а из Верхнеудинска — вместе с эвакуировавшимися французами и датчанами. В январе 1920 г. состав («вероятно, потому, что идет он под иностранными флагами» (с. 436)) сумел проско-

чить Даурию, где бесчинствовали банды барона Унгерна, и в целом добраться до Харбина. Теперь И. С. Ильин сам превратился в эмигранта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асташов 2014 — *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый Хронограф, 2014. 740 с.

Пахалюк 2016 — *Пахалюк К. А.* «Работа не приостанавливалась ни на минуту»: Российское общество Красного Креста в годы Первой мировой (по воспоминаниям Э. П. Беннигсена) // От противостояния идеологий к служению идеалам. Российское общество в 1914–1945 гг. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 84–106.

Руга, Кокорев 2011 — *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: Астрель, 2011.

Чистяков 2009 — *Чистяков О. В.* Российское общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 12. С. 67–69.

"...AND WE, THE NOBLES AND THE RULING CLASS WILL CRUELLY PAY FOR OUR SOFTNESS": THE WORLD WAR I AND THE CIVIL WAR IN I. S. ILYIN'S DIARIES.

Rev.: Il'in I. S. Skitaniya russkogo oficera. Dnevnik Iosifa Il'ina 1914–1920. Moscow: Russkii put', 2016. 480 p. ill.

Pakhalyuk Konstantin A. — PhD student of the Department of political science, MGIMO (University) of the The Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow)

REFERENCES

Astashov A. B. *Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'*. Moscow: Novyj Hronograf, 2014. 740 p.

Chistjakov O. V. Rossijskoe obshhestvo Krasnogo Kresta vo vremja Pervoj mirovoj vojny. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2009, no. 12, p. 67–69.

Pahaljuk K. A. «Rabota ne priostanavlivalas' ni na minutu»: Rossijskoe obshhestvo Krasnogo Kresta v gody Pervoj mirovoj (po vospominanijam Je.P. Bennigsen). *Ot protivostojanija ideologij k sluzheniju idealam. Rossijskoe obshhestvo v 1914–1945*

gg. Moscow: Novyj Hronograf, 2016, p. 84–106.

Ruga V., Kokorev A. *Pousednevnojaja zhizn' Moskvy. Očerki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny*. Moscow: Astrel', 2011.

С. Е. Эрлих

«ДО СКОНЧАНИЯ ВЕКА ИГРАТЬ В ПЛОХОГО ПУТИНА И ХОРОШЕГО ЕЛЬЦИНА»

Рец.: Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. / сост. Е. Ю. Бузев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 256 с.: ил.

Рецензируемая книга возникла в результате взаимодействия индустрии Гуттенберга с информационной цивилизацией. В социальной сети ВКонтакте существует т. н. «паблик», публичная страница «Она развалилась. Войны на руинах, 1985–1999». Большинство ее «постов» составляют видео, фото и газетные публикации того времени, интервью и мемуары участников и свидетелей событий. Подписчиками являются более 100 тыс. человек, значительная часть — моложе тридцати (с. 7). Руководитель проекта журналист Евгений Бузев пишет, что в попытке «выйти за пределы социальной сети» было принято решение издать книгу и аккумулировать таким способом «хотя бы часть накопленно-

го материала, сделать его ценным не только в развлекательном, но и в историческом смысле» (с. 7). Бузев уточняет, что это книга о «забытых девяностых», т. е. тех сюжетах, которые выпали из активной зоны коллективной памяти. «Она развалилась» состоит из пяти тематических разделов: экономика, политика, общество, бывшие советские республики, культура. В эти разделы включены интервью, обзоры прессы того времени и аналитические материалы, подготовленные Евгением Бузевым, журналистом Дмитрием Окрестом, историком и журналистом Станиславом Кувалдиным.

Автор предисловия, полемически озаглавленного «Красно-коричневое колесо», Олег Кашин считает, что необходимо изменить стереотипные представления о времени «между Горбачевым и Путиным» (с. 13). Он атакует «либеральную»

© Эрлих С. Е., 2017

Эрлих Сергей Ефремович — доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва — Санкт-Петербург); ehrlich@mail.ru

мифологему о царе-освободителе Ельцине. Для этого Кашин прибегает к исторической аналогии и напоминает о «системообразующем дефекте», присущем шестидесятиникам, которые воевали с «призраком Сталина при помощи призрака Ленина» (с. 11). Это не было искренним заблуждением. Миф о благородной ленинской гвардии, замученной палачом-Сталиным, был создан детьми «старых большевиков». Сходную картину мы видим сегодня. Бенефициары ельцинского правления выступают в роли экспертов по периоду постсоветского «транзита». Кашин предлагает сопровождать каждое выступление этих людей уведомлением «конфликт интересов»: «Конфликт интересов — этот человек в девяносто третьем году работал на государственном телевидении. Конфликт интересов — этот милый профессор в девяносто третьем году был сотрудником администрации президента. Конфликт интересов — эта актриса в октябрьскую ночь девяносто третьего года, выступая по телевизору, звала в город танки» (с. 12). В советское время Солженицын оказался едва ли не единственным, кто покатил «Красное колесо» на Ленина из «Лонжюмо» фрондирующей совинтеллигенции. Девяностым, считает Кашин, нужен свой Солженицын, чтобы «старый большевик утерся и не смел больше тиражировать старую ложь. Монополия коллективного “Ельцин-центра” на то, чтобы рассказывать нам о девяностых, должна быть разрушена — без этого нам так и придется до окончания века играть в плохого Путина и хорошего Ельцина, путешествуя по кругу, чередуя оттепели и закручивания гаек» (с. 13). Только бесно-

ватый «либерал» может решить, что Кашин считает Путина «хорошим», а Ельцина «плохим». Предлагаемая им ленинско-сталинская аналогия недвусмысленно свидетельствует, что в 2000-м не добро победило зло, а одно зло назначило другое зло своим преемником.

Если читать материалы книги в такой перспективе, то мы найдем много фактов, которые свидетельствуют о почему-то не замечаемой преемственности царя Бориса и святого Владимира. Финансовый аналитик и активный участник процесса первоначального накопления Владимир Рожанковский развеивает мифы о том, что челнок имел шансы выйти в олигархи: «Возможность пройти путь от продажи футболок со смешными надписями до владельца сети бензоколонок — это сказка для романтичности картинки. <...> Все залоговые аукционы по приватизации авторства вице-преьера Анатолия Чубайса были исключительно для своих. Пока кооператоры возили из Турции шмотки, все чиновники и их приближенные шли своим параллельным курсом — у них уже были связи и доступ к активам» (с. 21).

Ваучер за бутылку водки не был единственным способом грабежа. Пенсионерка Людмила Александрова вспоминает, как они с мужем безуспешно пытались разбогатеть на посредничестве и перепродаже различных товаров. Финальным деловым проектом семейной пары стала покупка акций инвестиционной компании «Тибет», после чего «решили больше в бизнес не соваться. <...> Муж же нашел работу охранником в Москве — сутки через двое

дежурил. Копейка хоть и маленькая, зато стабильная» (с. 26). Пенсионерка не говорит, но об этом стоит задуматься, каким образом откровенно мошеннические фонды могли размещать рекламу на главных телеканалах страны и на каком уровне «демократической» власти «крышевался» этот сверхприбыльный «бизнес»?

Ныне доцент РГГУ, редактор журнала «Неприкосновенный запас», а в 1993 г. депутат Верховного совета РФ Андрей Захаров не имеет никакого отношения к баркашным-макашовым. Но он считает, что указ 1400 и последующий расстрел парламента был вызван тем, что Кремль «требовал карт-бланш на проведение приватизации собственности без всякого контроля» (с. 101), естественно, в пользу своих доверенных людей. Захаров не пишет, что кооператив «Озеро» опирался в своей деятельности на опыт «Семьи». Он проводит другую любопытную параллель между нынешними временами и «святыми девяностыми». В дни кризиса Октября 1993 г. «пропаганда телеканалов — все эти домыслы, докручивания, откровенное вранье — была такой же, как последние два года после присоединения Крыма. Когда я возвращался домой и включал телевизор, то ужасался тому, насколько велика разница между экраном и происходящим на самом деле» (с. 104). Сокрушаясь по поводу не являющейся местом для дискуссий декоративной путинской Думы, не стоит забывать, что таковой она стала после того, как была принята Конституция, написанная под хорошего мужика Бориса Николаевича. Захаров сравнивает

свой опыт работы ВС и ГД: «Если в 1991–1993 г. мы практиковали реальное разделение властей, то <...> Думу превратили в ведомство администрации президента». Итоговый вывод эксперта также не вписывается в стереотип о Путине, растоптавшем ельцинскую демократию: «Девяносто третий год — это историческая развилка, которая привела к выстраиванию в России монархической системы и увенчалась в конечном счете господином Путиным» (с. 107). С большим основанием мы можем говорить о недемократической преемственности предшественника и преемника.

Евгений Бузев вспоминает о сверхъестественной победе Ельцина на президентских выборах 1996 г. Согласно всем социологическим опросам человек с крепким рукопожатием не имел шансов победить. «Всех последовательных сторонников еще действовавшего президента в начале 1996 г. можно было собрать на одном не очень большом пароходе. Но это были большие люди с большими деньгами, которым было что терять» (с. 110). Бессовестную манипуляцию общественным сознанием, которую осуществляли люди с большими деньгами в ходе тех выборов, не отрицают даже многие из нынешних пламенных оппозиционеров. Возмущаясь фальсификациями, которыми сегодня занимаются люди, находящиеся у власти, они оправдывают действия «выборщиков» Ельцина тем, что те нарушали букву демократии, чтобы сохранить ее дух.

Предложенное Кашиным чтение через перспективу преемственности позволяет найти в материалах книги

много свидетельств, что такие язвы нашего общества, как коррупция, ограничение свободы слова, сворачивание демократии, манипуляция процессом выборов, не являются «ноу-хау» путинского правления. В XXI в. усугубились те процессы, начало которым было положено в 90-х. Приведенные в книге факты не претендуют на статус неоспоримого аргумента. Скорее это «остенсивные определения», указывающие на необходимость фундированного исследования эпохи транзита без «идеализации или осуждения» (с. 9).

«Она развалилась» не сводится к преодолению стереотипных воззрений на девяностые годы. В ней воскрешаются многие забытые реалии нашей тогдашней жизни. Это и охотники за НЛО, и подростки, нюхающие клей «Момент», и члены церкви преподобного Муна. Особого внимания заслуживают обзоры прессы того времени, сделанные Станиславом Кувалдиным. Они позволяют вспомнить, как легко тогдашние властители дум относились к вопросу демонтажа СССР, как шахтеры в 1990-м и даже 1993-м, поддерживавшие Ельцина, в 1998 г. пытались организовать «рельсовую войну» с целью его смещения. Тем, кто пытается утверждать, что пост-

советский транзит обошелся малой кровью, рекомендуется почитать материал о многолетней гражданской войне в Таджикистане.

В конце рецензии положено говорить о недостатках. Но в данном случае бессмысленно упрекать авторов в том, что они пренебрегли тем или иным сюжетом или не полностью осветили какую-либо из выбранных ими тем. Тема горбачевско-ельцинского времени – необъятна и пока мало исследована. Я бы хотел сделать предложение по поводу уникальной коллекции видео, фото и печатных материалов, собранных сетевым сообществом «Она развалилась». Природа социальных сетей нацелена на сиюминутность и спонтанность. Хранение в них коллекции исторических источников, в силу своего объема имеющей несомненную научную ценность, затрудняет профессиональную работу с ними. Поэтому, я думаю, что менеджеры проекта напрасно отказались от идеи создать одноименный сайт (с. 7). Публичная страница в социальной сети и сайт могли бы успешно дополнять друг друга. А сайт мог бы стать уникальным народным архивом информации о близкой к нам и важной для понимания нашего настоящего эпохе.

"UNTIL THE END OF TIME TO PLAY A BAD PUTIN AND GOOD YELTSIN"

Rev.: Ona razvalilas'. Povsednevnyaya istoriya SSSR i Rossii v 1985–1999 gg. / sost. E. Yu. Buzev. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2017. 256 p.: il.

Ehrlich Sergey E. – doctor of sciences (history), director of the Publishing House «Nestor-Historia» (Moscow – St.-Petersburg)

А. И. Казанков, О. Л. Лейбович

«БУРЖУАЗНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ ПРЕБЫВАЛ В СЕМЬЯХ...». МЕТАФОРА ДОМА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Рец.: *Slezkine Y. The House of Government: a saga of the Russian Revolution. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2017.*

Верное историческое чувство подсказывает, что мы живем без специальных разметок и зна- чальных координат, в мириадах затерянных событий.

М. Фуко

Современный роман стесняется сам себя. Его сочинитель желает предъ- явить читателю документальную прозу. Что заставило известного писателя в романе «Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923 го- ды» скрывать свое авторское «Я» в нагромождении архивных мате- риалов: газетных вырезок, прото- колов судебных заседаний, написан- ных по горячим следам воспомина-

ний? Правда факта кажется сильнее художественной правды.

Так было не всегда. Юрий Трифо- нов не стеснялся быть сочините- лем, когда в советскую эпоху публи- ковал свой «Дом на набережной». Сорок лет спустя американский историк Юрий Слезкин вернулся в тот же дом, но жанр своей новой книги определил иначе: «Нет, это не роман. Это историческое со- чинение, построенное как роман. Есть сквозные герои, темы, моти- вы. Они перекликаются и сосуще- ствуют одновременно на разных уровнях. Уходят, приходят, возвра- щаются. Это важная часть замысла. Но весь материал исторический, там никакого вымысла нет» (*Бонда- ренко*). Правда, рука автора дрогну- ла. И в заголовке книги появилось слово «сага», имеющее в русской литературной традиции вполне определенную коннотацию: семей- ная хроника, миф, эпос — слова не из исторического лексикона. Тем более что метафора дома, тоже вы- несенного в заголовок, указывает на что-то устойчивое, неизменное,

© Казанков А. И., Лейбович О. Л., 2017

Казанков Александр Игоревич — кандидат фи- лософских наук, доцент кафедры культу- рологии и философии Пермского государ- ственного института культуры (Пермь); tosugava2005@rambler.ru

Лейбович Олег Леонидович — доктор истори- ческих наук, профессор, заведующий кафе- дрой культурологии и философии Перм- ского государственного института культуры (Пермь); oleg.leibov@gmail.com

непреходящее в последовательной череде поколений.

Не будем все-таки забывать, что Юрий Слезкин известен российскому читателю как автор работ по советской истории. И в новой книге он демонстрирует свое мастерство, главным образом в сфере поиска, отбора и интерпретации эго-документов: мемуаров, дневников и переписки ответственных квартиросъемщиков Дома ЦИК и СНК СССР («Дома на набережной»), а также интервью и воспоминаний их наследников.

Критерий отбора источников очевиден. Автор намерен представить коллективный портрет первого поколения советской элиты, так называемых старых большевиков. Речь идет о партийцах с дореволюционным стажем, занявших и сохранивших к началу 1930-х важные посты в партийно-правительственном аппарате нового государства. Автор отождествляет их с замкнутым религиозным объединением особого толка: «Большевики идентифицируются как сектанты-милленисты, готовящиеся к апокалипсису» (р. XII). Заметим, что это суждение появляется еще в предисловии к более чем тысячестраничному тексту и выступает концептуальным стержнем сложной концентрической композиции.

Далее автор развивает эту идею. Прежде всего, Ю. Слезкин подчеркивает склонность самих старых большевиков уподоблять свою доктрину христианству: «Некоторые верили, что революционный социализм является формой христи-

анства, другие верили, что христианство было формой революционного социализма» (р. 23). Подобно ранним христианам, люди большевистского подполья и эмиграции образовывали узкий, замкнутый круг, попасть в который можно было только на основании добровольного обращения в марксистскую веру. Порвавшие со старым миром юноши и девушки образовали общество подвижников, аскетов, идеалистов, готовых штурмовать небо: «Действительно, большинство определений “революции” — по крайней мере “настоящих” или “великих” революций, таких как пуританская, французская, русская, китайская и иранская, — относится к изменениям режима, при которых апокалиптические миллениаристы приходят к власти или принимали решающие участие в разрушении старого порядка. “Революции”, в большинстве контекстов, являются политическими и социальными трансформациями, имеющими вид священнодействия, и пытаются преодолеть фундаментальный разрыв между реальным и идеальным» (р. 121).

Повзрослев, эти романтики революции в массе своей сохранили высочайшие моральные качества. Они продолжали общаться в своем кругу, в который с какого-то времени посторонним вход был закрыт. «Угар нэпа» их не затронул. По мнению автора, отступления от пуританской морали в этой среде случались крайне редко (р. 243).

Отметим два обстоятельства. Глобализация старых большевиков — явление в отечественной

политической культуре далеко не новое. Вспомним В.И. Ленина: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» (*Ленин* 1974: 20). Начиная со второй половины 20-х гг. старые большевики озаботились своим положением в складывающейся системе власти. В своих записках, статьях, выступлениях они все чаще предъявляли свой идеализированный образ старых борцов. Партийный молодняк не должен забывать «настороженной, сутулой, тревожной походки старого подпольщика, этой немного волчьей повадки, этой сухой деловитости, этой атмосферы особого содружества семейности, за которое крестили нас, в свое время, ленинскими молодцами, этой спокойной уверенности, что активный работник больше трех-четырёх месяцев не держится и проваливается, этой за спиной и над спиной стоящей всегда ссылки, тюрьмы, каторги, наконец, этой холодной, раз и навсегда решенной и выверенной, но предельной ненависти к эксплуататорам всего мира и этой спаянности с трудовым коллективом человечества» (*Воронский* 1929: 112–113).

Коллективные автопортреты такого рода, с которыми вполне бы мог согласиться Ю. Слезкин, создаются, как правило, в условиях жесткой конкурентной борьбы. В данном случае — с новыми людьми, не имеющими никакого отношения к боль-

шевистскому подполью — либо по молодости лет, либо в силу биографических обстоятельств. О них можно прочесть у невозвращенца С.В. Дмитриевского, обращавшегося к эмигрантам народнического направления: «Там много дельных людей и дельцов американского образца. Эти люди, в большинстве беспринципные, пойдут охотно на ваш деловой призыв» (Доклад 1930: 6–9).

Используя автобиографические нарративы старых большевиков, Ю. Слезкин отдает себе отчет в том, чем были мотивированы их авторы: «Победив в войне, прибрав к рукам государство, создав прочную административную иерархию и вознаградив себя системой эксклюзивных привилегий, а также хорошим куском шницеля (или курицы) [его давали на обед ответственным работникам в санатории в Ессентуках в 1927 г. — А. К., О. Л.], большевики начали размышлять над собственным прошлым. Большинство мемуаров об ожидаемом и воплощенном были написаны в 1920-х гг. Все писали историю — сохраняя прошлое, легитимируя настоящее и приводя личный опыт в соответствие с са-кральным временем» (р. 192).

Тем не менее Ю. Слезкин настаивает на том, что хороший шницель на обед никоим образом не отменял идеализм человека, его поедающего. Автор остается в плену романтической мемуаристики, имеющей вполне земные основания — сохранение привилегий и оправдание собственного прошлого. Чтобы представить большевиков в виде миллениаристской секты, их

реальную историю также надо выпрямить или, скажем мягче — схематизировать. Такой образ большевизма работает на вторую часть авторского замысла. Ю. Слезкин опонирует старой метафоре: «Революция пожирает своих детей». По его мнению, четко сформулированному в интервью, все произошло наоборот: дети пожрали революцию: «Большевики замечательны тем, что, в отличие от успешных в этом смысле милленаристов, они так и остались движением одного поколения. Им не удалось передать свою веру детям. Рубеж этот чрезвычайно важен, и нигде он не виден так четко, как в квартирах, где люди живут и воспитывают своих детей» (Бондаренко).

Но вернемся к метафоре дома. «Дом на набережной», выступающий символом социалистического строительства вообще, неизбежно должен был стать капканом, смертельной ловушкой для старых большевиков. Здесь и скрыт основной драматический нерв повествования, его романная интрига. Порвав с буржуазным домом, отряхнув его прах со своих ног, герои Ю. Слезкина хотели обрести новый — почему-то хочется сказать «небесный Иерусалим». Но новый дом оказался... столь же буржуазным. Иначе говоря, условия проживания в нем не смогли обеспечить вовлечения — не в марксистскую доктрину, разумеется, — а в тот сектантский образ жизни следующего поколения. В результате, пишет автор, «большевизм, в отличие от христианства, ислама и некоторых других милленаризмов, оказался однопоколенным феноменом» (р. 943).

Дети подвижников и аскетов, по замыслу автора, образовывали совсем иное сообщество: влюбленное в жизнь, романтическое, беззаботное:

«У отцов были товарищи, связанные сектантскими узами общего дела. У детей были друзья и возлюбленные: неповторимые индивидуальности, кого они любили по причинам, о которых предпочитали не распространяться. Отцы в первую очередь были преданы партии, а через партию — истории. Дети же были преданы друг другу — и лишь потом партии» (р. 656).

Ю. Слезкин предьявляет читателям разрыв между поколениями, которые в тексте повествования максимально противопоставляются друг другу. В логике автора такое противостояние вполне оправдано, более того, необходимо для нормального развития сюжета. Некритическое отношение к источникам, таким образом, отнюдь не является в данном случае досадным отступлением от исследовательских правил или следствием вполне простительной для писателя увлеченности своими героями. Здесь дело в ином. Для того, чтобы доказать заранее сформулированный тезис, автор подбирает соответствующие иллюстрации и закрывает глаза на то, что не укладывается в заданную схему.

Нравы большевистского подполья достаточно известны историкам революционного движения. «Ссылные истории», взаимное недоверие, обвинения в провокации и травля, отступничество, социальный паразитизм, денежные споры в книге

Ю. Слезкина игнорируются. Между тем даже в книге Юрия Трифонова «Отблеск костра» можно прочесть, как товарищи по партии отнеслись к незадачливому беглецу из ссылки: тот «...бежав из Иркутской губернии, по дороге решил заехать в Тюмень. Шпики увязались за ним. Он обошел нескольких товарищей, никого не заставая дома: всех в тот же вечер арестовали, так же как самого Ганьку. В тюрьме Мясникова свои же избили до полусмерти, и за дело» (Трифонов 1966: 42). Это нельзя считать случайным эксцессом или уникальным явлением. Историк, восстанавливающий по крохам до-революционную биографию другого большевика — подпольщика, так характеризует их среду:

«Подполье было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специфические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров. Они, и это правда, совсем не стремились к добыванию материальных благ собственно себе, но они были заинтересованы в поддержании, подпитке, финансировании своих организаций, в которых каждый из них нашел место в жизни, а заодно источник пропитания» (Эдельман 2016: 118–119).

Последнее замечание подсказывает нам, что люди большевистского подполья совсем не напоминали ранних христиан, испуганно ждущих конца мира. Они были готовы к компромиссам; кто-то подавал прошения о помиловании на вы-

сочайшее имя, все пользовались услугами адвокатов, кто-то успешно легализовывался после ссылки, получал профессиональную квалификацию и образование, заводил семью, благоустраивал быт. Идеалов калибра Ф. Дзержинского можно в действительности пересчитать по пальцам.

Если и существовало братство профессиональных революционеров, то оно распалось задолго до того, как в Дом ЦИК и СНК СССР въехал первый ответственный квартиро-съемщик. Распалось под влиянием двух основных причин: упомянутой автором административной иерархии, сопряженной с ранговыми привилегиями, и ожесточенной фракционной борьбой.

Нам представляется, что отождествление старых большевиков с милленаристской сектой может быть только метафорой, но отнюдь не исследовательской гипотезой, и тем более — верифицированным тезисом. В этой связи жесткое противопоставление старшего поколения паладинов революции, аскетов и подвижников, младшему — гедонистам, жизнелюбам и оппортунистам, выглядит искусственно.

Сомнительность основного тезиса книги Ю. Слезкина отнюдь не означает, что она лишена литературных достоинств. Сильнее всего автор там, где он не концептуализирует, а рассказывает простые человеческие истории, заглядывая в окна «Дома на набережной». Здесь читатель может увидеть сам, как буквально на глазах рождается и расцветает нормальный буржуазный

индивидуализм. Дом, а точнее — семья, тут вырастает до метафоры метафизического масштаба, далеко выходящей за пределы социалистического строительства. Этот уже Дом как символ оседлости вообще, повседневно-укореняющегося бытия, добрых семейных хлопот, заставляющий вспомнить *dasein* М. Хайдеггера. Читая эти места из книги Ю. Слезкина, хочется вместе с ним верить в непобедимость жизни, нерушимость уз дружбы, любви и родства, в их способность противостоять самым жестоким ударам, самым безумным репрессиям. Хочется вместе с автором созерцать тихий свет, льющийся из детства.

Есть только одно «но». Все эти человеческие истории не соразмерны эпосу. И чтобы превратить книгу в сагу, Ю. Слезкин растягивает текст, включая в него пространные и мало относящиеся к сюжету фрагменты: взятые из популярной литературы истории о революции 1917 г. и Гражданской войне, конфликте между И. Смилгой и Ф. Мироновым, раннем христианстве (нужно, заметим, обладать изрядным мужеством, чтобы *еще раз* на полном серьезе обратиться к жизни и деятельности Иисуса из Назарета), исламе, анабаптистах и пуританах и т. п. Эти экскурсы не просто утяжеляют текст, замедляя ритм хорошей прозы, но и часто подталкивают автора к необоснованным высказываниям. Вдруг встречаем следующее суждение: «Существовало два вида социалистов: марксисты и националисты» (р. 24), и задаешься вопросом — куда запропастились народники (социалисты-революционеры, народные социалисты)?

Складывается впечатление, что контекст, введенный автором, одержал верх над авторским текстом. Поневоле задаешься вопросом: каковы хронологические рамки повествования? Если речь идет о Доме ЦИК и СНК СССР, то, стало быть, это 1930–1950-е гг. Если же в фокусе внимания автора история большевизма, то она началась со второго съезда РСДРП, если же речь идет об истории милленаристских сект, то начальный пункт теряется где-то на рубеже нашей эры.

А теперь пришло время похвалить Ю. Слезкина за смелую попытку одомашнить советскую историю. Введенная им метафора Дома не должна быть потеряна для исторических исследований. Люди творили историю не только на площадях, в заводских цехах, на полях сражений, но и возле домашнего очага, в кругу семьи, и эти невидимые миру трагедии вплетались в плотную ткань реальной жизни мужчин и женщин эпохи войн и революций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бондаренко—Бондаренко С. «Не революция пожирает своих детей, а дети революционеров пожирают революцию». Интервью с Юрием Слезкиным о его новой книге. URL: urokiistorii.ru/node/53835 (дата обращения: 02 09 2017).

Воронский 1929 — Воронский А. К. Литературные портреты. Т. 2. М.: Федерация, 1929.

Доклад 1930 — Доклад С.В. Дмитриевского «Третья Россия» // Дни. 19.10.1930. № 111.

Ленин 1974 — Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию — письмо В.М. Молотову // Полное со-

брание сочинений в 55 томах. Т. 45. М.: Политиздат, 1974.

Трифонов 1966 — Трифонов Ю. Отблеск костра. М.: Советский писатель, 1966.

Эдельман 2016 — Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016.

"BOURGEOIS INDIVIDUALISM REMAINED IN THE FAMILY...". METAPHOR OF A HOUSE IN A HISTORICAL NARRATIVE

Rev.: Slezkine Y. The House of Government: a saga of the Russian Revolution. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2017.

Kazankov Alexander I. — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of culturology and philosophy, Perm state Institute of culture (Perm)

Leibovich Oleg L. — doctor of historical Sciences, Professor, head of Department of cultural studies, Perm state Institute of culture (Perm)

REFERENCES

Bondarenko S. "Ne revoliutsiia pozhirayet svoikh detei, a deti revoliutsionerov pozhiraiut revoliutsiiu". Interv'iu s Iuriem Slezkinym o ego novoi knige. URL: urokiistorii.ru/node/53835 (data obrashcheniia: 02 09 2017).

Doklad S.V. Dmitrievskogo "Tret'ia Rossiia". *Dni*, 19.10.1930, no. 111.

Edel'man O. *Stalin, Koba i Soso. Molodoi Stalin v istoricheskikh istochnikakh*. Moscow: ID NIU VShE, 2016.

Lenin V.I. Ob usloviakh priema novykh chlenov v partiiu — pis'mo V.M. Molotovu. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 tomakh*. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1974.

Trifonov Iu. *Otblesek kostra*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1966.

Voronskii A.K. *Literaturnye portrety*. Vol. 2. Moscow: Federatsiia, 1929.

В.Ю Дашевский, С.А. Чарный

Рец.: *Миронов В.Б.* Первая мировая война. Борьба миров. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 304 с.: ил.

Книга академика РАЕН В.Б. Миронова издана к столетию Первой мировой войны по заказу Министерства культуры РФ и рекомендована к изучению Российским военно-историческим обществом (министр культуры В.Р. Мединский параллельно возглавляет и РВИО). Издательская аннотация сообщает: «Кто именно стоял за этой бойней, кто развязал войну, кто в ней участвовал, как она шла и чем закончилась — об этом рассказывается в данной книге». Читателям она представлена как «научно-популярное издание».

Красиво оформленная, богато иллюстрированная, ясно и доступно написанная, книга В.Б. Миронова, казалось бы, удовлетворяет всем требованиям к таким изданиям, если бы не одно обстоятельство: к науке она отношения не имеет. В этом можно убедиться при чтении первой же ее главы — «Причины и истоки возникновения Первой мировой войны».

© Дашевский В. Ю, Чарный С. А., 2017
Дашевский Виктор Юрьевич — кандидат исторических наук, учитель истории (Москва)
Чарный Семен Александрович — кандидат исторических наук, сотрудник НИПЦ «Мемориал» (Москва); ovadia-haz@yandex.ru

Начинается ее текст вполне тривиально, в духе традиций советской историографии: цитаты из работ В.И. Ленина об империализме, констатация того, что «к началу XX в. мир был поделен между главными империалистическими державами», которые затеяли войну за передел мира. Автор даже приводит следующее высказывание В.И. Ленина: «На первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются **главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники**» (с. 11) (выделено нами. — *В.Д., С.Ч.*). Не забыл автор сообщить читателю и о том, что «к 1914 г. оформились два блока: блок Тройственный союз — Германия, Австро-Венгрия и Италия (1879–1882) и блок Антанты (оформлен в 1907) — Российская империя, Великобритания, Франция» (с. 13). Между ними и разразилась война.

Но все вышесказанное, оказывается, только присказка. Автор задает вопрос: «Какие причины порождают тотальные бои миллионов? Чтобы понять это, надо, очевидно, добраться до “котла”, где в глубо-

кой тайне и варится адское сусло» (с. 13). Судя по дальнейшему тексту, ни В.И. Ленин, ни целые поколения историков различных стран «добраться до котла» так и не смогли. А вот Миронов — смог! Он нырнул в этот адский котел и проник в «глубокую тайну».

И уже на с. 15 читатель узнает, что у «колыбели» Первой мировой войны стоят «два клана еврейских олигархов — Рокфеллеры и Ротшильды». Оказывается, «в основе хитрого плана завоевания **Европы и России** (sic! — В. Д., С. Ч.) стояли (и стоят) англосаксонские и еврейские центры власти в Англии и США». Далее он утверждает, со ссылкой на «известного немецкого экономиста, историка, социолога» В. Зомбарта, что «возникшая на американском континенте северо-американская цивилизация была иудейско-масонской» и в ней «реализовалась и закрепились... эманация еврейского духа» (с. 15).

Тут читателю впору самому перевести дух и припомнить то, что «забыл» сообщить автор. Рокфеллеры не имели никакого отношения к еврейскому народу. Известный немецкий экономист и социолог Зомбарт был ярким антисемитом и поддержал приход к власти Гитлера, хотя и имел потом некоторые проблемы с нацистскими властями. Британские и французские банкиры Ротшильды были людьми еврейского происхождения, но они никогда не «определяли» политику Англии и Франции, интересы которых в XVIII–XIX вв. были зачастую противоположны. Разъяснить это академику РАЕН как-то неловко.

Мифы о «всесилии» Ротшильдов и «мировом еврейском заговоре» (он же — «жидомасонский») возникли в сознании европейских конспирологов-антисемитов в последней трети XIX в. Одним из сочинителей этих мифов был французский журналист Э. Дрюмон, автор некогда шумевшей книги «Еврейская Франция»¹. Длинную цитату из этой книги Дрюмона академик РАЕН Миронов приводит на с. 51 своего сочинения, в «доказательство» того, что «все решали уже не цари или премьеры, а Рокфеллеры и Ротшильды». Вот почему, оказывается, царь Александр III вовлек Россию в союз с Францией, заключив с ней договор о взаимопомощи, увенчанный ратификацией военной конвенции в 1893 г. Не смог он обойтись без французских (читай: «еврейских») денег! Капитал Франции, «главный ростовщик Европы», как его называет Миронов, «фактически скупил на корню большую часть так называемого русского правительства» (с. 48). В итоге Англии и Франции удалось втянуть Россию в войну с Германией (с. 51).

Но главную роль в подготовке Первой мировой войны, по мнению автора книги, сыграли США. Именно там в 1913 г. было создано «Тайное мировое правительство» в лице Федеральной резервной системы². Отныне «Конгресс США отдал Америку в вечное долговое

¹ Об этой книге и ее авторе подробно говорится в работе известного российского исследователя В. А. Шнирельмана (*Шнирельман* 2010: 105–144).

² Федеральная резервная система играет в экономике США роль, аналогичную функциям Центрального банка России.

рабство» частному (американскому и иностранному) капиталу (с. 16). В итоге «Первая мировая война оказалась выгодна только одной стране. И это – Соединенные Штаты Америки, созданные спекулятивным капиталом» (с. 15). Правда, США не спешили вступать в войну, которую они якобы подготовили. Автор упоминает, что США вступили в войну только в апреле 1917 г. (с. 150). Пишет Миронов и о том, что президент США Вудро Вильсон сначала придерживался политики «изоляционизма» и «сумел завоевать симпатии пацифистски настроенных американцев». При этом он даже «предложил свои услуги в качестве посредника воюющим странам... Но это была инсценировка» (с. 18). И тут автор делает поистине «великое открытие»: «Там (в США. – В.Д., С.Ч.) все решают не сенат и конгресс³, даже не президент, а члены закрытого клуба убийц с красноречивым слоганом – “Череп и кости”» (с. 18). Ссылку на какие-либо источники автор при этом не дает. Полагаем, что комментарии тут излишни.

Свои рассуждения о «причинах и истоках» великой трагедии 1914–1918 гг. автор завершает так: «За дирижерским пультом Первой мировой войны стояли еврейские банкиры и капиталисты...» (с. 75). Как говорится, все ясно...

Миронов много рассуждает и о том, почему Россия не устояла перед интригами и кознями «мировой закулисы», втянувшей нашу страну

³ В. Миронов, видимо, забыл, что Сенат – это верхняя палата Конгресса США, а не отдельное учреждение.

в ненужную ей войну. Как известно, Российская империя была самодержавной монархией. С 1894 г. ею правил царь Николай II. О нем Миронов пишет крайне нелестно, заявляя, что монарх «был патологически бездарен» и вдобавок «трус и бессердечный эгоист» (с. 230, 257). Двумя его главными ошибками он считает отказ от уже подписанного им в июле 1905 г. Бьеркского договора с Германией и от мирных предложений кайзера Вильгельма II в декабре 1916 г. Напомним, что при личной встрече с кайзером в июле 1905 г. царь подписал договор о взаимопомощи с Германией, абсолютно несовместимый с русско-французским договором о военном союзе 1893 г. Миронов полагает, что Россия должна была заключить союз именно с Германией, а не с Францией. «Как нашкодивший ребенок, Николай три месяца не показывал документа ни премьер-министру Витте, ни министру иностранных дел Сазонову». Но «продажные министры-дипломаты» переубедили «бесхребетного царя», и союз с Германией не состоялся (с. 58).

Заметим, что министром иностранных дел России в 1905 г. был не русский С.Д. Сазонов, а этнический немец В.Н. Ламсдорф. Он был из старинного немецкого дворянского рода, который уже давно верой и правдой служил Российской империи.

Министры были абсолютно правы: Россия не могла терять такого союзника, как Франция, которая вместе с Россией противостояла германской гегемонии в Европе. Миронов сам опровергает себя,

когда рассказывает, какие планы вынашивали немцы и ради чего они в 1914 г. развязали войну. По его словам (во многом верным), их планы были таковы: «Пространство “Великой Германии” должно включать в себя территории Австро-Венгрии, Бельгии, Голландии, части Франции, Балканы и земли России — Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ и Крым. Германия планировала наложить руку и на колонии в Африке, на земли Китая и Южной Америки. Это был план передела и покорения мира немецкой “высшей расой”. Что остается России? Вильгельм отвечает: “Мы должны привязать Россию к Восточной Азии так, чтобы она обращала меньше внимания на Европу и Ближний Восток”» (с. 60).

Какое правительство России могло бы смириться с такими планами? Неудивительно, что когда в декабре 1916 г. Вильгельм II пытался (ввиду усталости его страны от войны) вступить в переговоры с Антантой, не отказываясь при этом от своих захватнических планов, то эти переговоры даже не начались. Об этом подробно рассказывается в недавно изданной научно-популярной книге известного российского историка В. П. Смирнова «Две войны — одна победа» (М., 2015). В российской историографии (в том числе во втором томе «Истории дипломатии», изданном еще в 1945 г.) подробно и абсолютно достоверно говорится и о несостоявшемся Бьеркском договоре, и о неудавшейся попытке немцев договориться с Антантой в 1916 г. Неужели академик РАН Миронов об этом не знает? А ведь он сам цитирует в своем сочине-

нии слова Николая II, сказанные им послу Франции в России Морису Палеологу: «Что касается меня, то я буду бороться до последней крайности. Для того чтобы достичь победы, я пожертвую всем, вплоть до последнего рубля и солдата. Пока останется хоть один враг на Русской земле или на земле Франции, до тех пор я не заключу мира» (с. 222). Можно ли упрекать царя именно за это?

Однако Миронов сваливает всю вину за неудачу переговоров с немцами на «бездарного» царя и его «продажных» министров. Это, мягко говоря, не соответствует истине.

Правда, пишет Миронов, был в России министр непродажный, искренне заботившийся о благе страны. Это — П. А. Столыпин. Он-то предостерегал царя от агрессивной внешней политики. Но «мировая закулиса» расправилась с ним. «Совместными усилиями враги сильной России направили руку Мордки Богрова, совершившего убийство Столыпина» (с. 75). Это случилось в 1911 г. Ну а в 1914 г. был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, что и стало поводом к развязыванию Первой мировой войны. Обстоятельства его убийства досконально расследованы и давно известны. Но Миронов пишет: «Истинные причины убийства Фердинанда до сих пор не выяснены. Возможно, ближе всех к их открытию подошел... Гитлер» (sic!). Далее идут длинная цитата из «Майн кампф», явно не относящаяся к делу, и неожиданное заключение Миронова: «Два выстрела в сердце двух

империй — и этих империй в скором времени как ни бывало. И пули в Столыпина и Франца Фердинанда — из одного ствола» (с. 77). Понятно, на что намекает автор! Видимо, без «мировой закулисы» и здесь не обошлось.

Но вот русский народ не выдержал. Грянула Февральская революция 1917 г. Казалось бы, Миронов признает, что она разразилась стихийно, и решающую роль в ней сыграл сам народ, прежде всего рабочие Петрограда и восставшие солдаты. Это — общеизвестно. Но наш автор «смотрит глубже». Оказывается, «заговорщиками-масонами» искусственно организован был в Петрограде хлебный голод». Масоны (в лице Временного правительства) и подхватили «буквально валявшуюся тогда на дороге власть» (с. 258). Как видим, Миронов не отступил от своих конспирологических концепций. Вопрос о роли масонов в российской революции 1917 г. был досконально исследован еще известным советским историком А.Я. Аврехом в монографии «Масоны и революция» (М., 1990). Как он специально подчеркивал на с. 342, вывод о масонах как о ничтожной величине в событиях 1917 г. «остается неизменным». Так что, хотя масоны во Временном правительстве и были, но никакого страшного «масонского заговора» не было.

Только что в журнале «Вопросы истории» (№ 9 за 2017 г.) была опубликована статья «Поиски “масонского заговора” и кризис правой идеологии в предреволюционной России». Ее авторы, историки В. Багдасарян и С. Реснянский, камня на камне

не оставили от «масонских» конспирологических теорий.

Подведем итоги. Хотя книга Миронова и не имеет отношения к исторической науке, но вместе с тем она представляет научный интерес. Бредовые конспирологические теории, мифы об «иудейско-масонских заговорах» не ушли в прошлое. Они и сейчас присутствуют в общественно-политической жизни России. Не случайно в своей книге Миронов неоднократно и с большим почтением цитирует известного в определенных кругах публициста-антисемита О.А. Платонова, который в одном из своих многочисленных опусов дописался до того, что «гитлеровское нашествие на нашу страну было попыткой иудейских владык уничтожить главное препятствие на пути к мировому господству»⁴. Подобные взгляды, к сожалению, встречаются не только среди маргиналов, но и среди вполне «статусных» ученых и даже государственных служащих.

Мы не знаем, знакомился ли с книгой г-на Миронова министр культуры и председатель РВИО В.Р. Мединский, при чьей поддержке вышел сей труд, но неприятный осадок остается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Шнирельман 2017 — *Шнирельман В.А.* Колено Даново. Эсхатология и антисемитизм в современной России. М., 2017.

Шнирельман 2010 — *Шнирельман В.А.* Лица ненависти. Антисемиты и расисты на марше. М., 2010.

⁴ Цит. по: (Шнирельман 2017: 399).

Rev.: Mironov V. B. Pervaya mirovaya voina. Bor'ba mirov. Moscow, OLMA Media grupp, 2014.
304 p.: il.

Dashevsky Victor Yu. — candidate of historical Sciences, teacher of history (Moscow)
Charny Semyon A. — candidate of historical sciences, “Memorial” (Moscow)

REFERENCES

Shnirel'man V. A. Koleno Danovo. Eskhatologiya i antisemitizm v sovremennoi Rossii. Moscow, 2017.

Shnirel'man V. A. *Litsa nenavisti. Antisemity i rasisty na marshe.* Moscow, 2010.

И. С. Кучанов

ПРОЕКТ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КНИГА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН»

Ключевые слова: библиотека, конкурс, студенты, Государственная публичная историческая библиотека России.

Статья посвящена первому этапу конкурса студенческих работ «Человек, общество, книга в эпоху перемен», который проходил в 2017 г.

На фоне многочисленных мероприятий, посвященных столетию революции 1917 г., конкурс студенческих работ «Человек, общество, книга в эпоху перемен» мог незаслуженно остаться незамеченным. Основной целью проекта являлась популяризация документальных и книжных коллекций Центра социально-политической истории – филиала Государственной публичной исторической библиотеки России.

Помимо ГПИБ в качестве организаторов конкурса выступили Российский государственный социальный университет и Исторический факультет Московского государ-

ственного университета имени М. В. Ломоносова. Значимость проекту, несомненно, придало участие в программном комитете известных ученых: профессора кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ д.и.н. А. Ю. Ватлина; заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующей кафедрой истории общественных движений и политических партий д.и.н. Л. С. Леоновой; профессора кафедры истории Отечества РГСУ д.и.н. Н. В. Ляпуновой; профессора кафедры библиотековедения и книговедения МГИК д.п.н. А. М. Мазурицкого и др.

Для участия в конкурсе было необходимо прислать в срок до 15 апреля 2017 г. работу по одной из следующих тем:

© Кучанов И. С., 2017

Кучанов Илья Семенович – кандидат исторических наук, главный библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва); ilyask80@shpl.ru

1. Документальное наследие Великой российской революции.
2. Государство, средства массовой информации, общество, личность в исторической перспективе. Опыт противостояния/взаимодействия.
3. История общественных движений и политических партий.
4. Социальная и рабочая история; социальные институты, социальные конфликты и методы их разрешения.
5. История книжных коллекций Центра социально-политической истории.
6. Философия, религия и атеизм в жизни общества.
7. История экономики и экономических учений.

Разнообразие предложенных направлений исследования позволило проявить себя начинающим специалистам из различных московских и региональных вузов. Больше всего заявок было получено от студентов Финансового университета при Правительстве РФ, РГСУ и МГУ им. М. В. Ломоносова.

После проведения предварительной экспертизы присланных работ авторы лучших из них были приглашены для защиты своих проектов на научно-практическую конференцию, которая состоялась в Центре социально-политической истории 11 мая 2017 г. На протяжении пяти часов 14 докладчиков с помощью презентаций делились

своими мыслями и отвечали на вопросы о заинтересовавших их исторических событиях, на которые зачастую по-новому они смогли взглянуть после работы с уникальными источниками из коллекции ЦСПИ.

Вслед за конференцией наступил самый ответственный момент — подсчет набранных баллов и определение победителей. Критериями оценки участников конкурса являлись оригинальность работы, ее научная ценность, использование источников ЦСПИ, а также защита своего проекта на конференции. Каждая работа была отрецензирована минимум четырьмя экспертами, среди которых были не только члены программного комитета, но и ученые, сотрудничающие с организаторами конкурса. Среди них специалисты по аграрной социологии (доцент, директор Интерцентра МВШСЭН к.э.н. А. М. Никулин), социальной философии (доцент кафедры теологии РГСУ к.ф.н. Р. М. Рупова), богословию и сектоведению (доцент МДА кандидат богословия Р. М. Конь) и др.

В итоге лучшими жюри признало 6 работ на следующие темы:

1. Жанрово-стилевые особенности религиозных листовок на примере листовок протестантских деноминаций в коллекции нетрадиционной печати ГПИБ России (*Ульяна Исаченко, РГСУ*).
2. Религиозная ситуация в Англии по «Философским письмам» Вольтера (*Екатерина Негодяева, МГУ им. М. В. Ломоносова*).

3. Развитие сельского хозяйства Самарской губернии в период НЭП: по материалам журнала «Вестник Среднего Поволжья» 1925–1926 гг. (*Петр Гончаров, Финансовый университет при Правительстве РФ*).

4. Русская политическая мысль о диалектике божественной и светской власти (*Павел Смигур, РГСУ*).

5. Торговля в 1917–1922 гг.: основные направления политики Временного и советского правительства (*Татьяна Алгунова, Финансовый университет при Правительстве РФ*).

6. Социальное обеспечение и поддержка инвалидов (увечных воинов) в годы революции и Гражданской войны (*Валерия Паксиваткина, Финансовый университет при Правительстве РФ*).

Широкий спектр студенческих изысканий лишней раз подчеркивает многогранность коллекции ЦСПИ, которая ждет своих новых исследователей.

Авторы лучших работ были приглашены на приуроченную к Всероссийскому дню библиотек торжественную церемонию награждения, которая прошла в ЦСПИ 26 мая 2017 г. По поручению оргкомитета проректор по науке РГСУ д.э.н. А.Н. Малолетко вручил победителям и призерам конкурса памятные дипломы, а также подарочные сертификаты в книжный магазин «Циолковский». Отдельной благодарности были удостоены научные руководители финалистов, немало потрудившиеся над совершенствованием творений своих подопечных.

Но самым главным стимулом для студентов стала возможность подготовки расширенной версии своей конкурсной работы к публикации в сборнике, индексируемом в базе данных РИНЦ. Непременным условием для этого является учет замечаний и рекомендаций экспертов, рецензировавших работы. Получившие персональные рекомендации студенты осенью доработали свои исследования. По итогам повторной экспертизы оргкомитет принял окончательное решение о публикации, а весной 2018 г. планируется выпуск первого сборника студенческих исследований.

Подводя некоторые итоги реализации масштабного проекта «Человек, общество, книга в эпоху перемен», следует отметить выполнение поставленных целей – привлечение в ЦСПИ мотивированных молодых специалистов из разных вузов, способных раскрыть богатейшие библиотечные фонды. Косвенным показателем успеха мероприятия стало увеличение числа читателей и значительный рост посещаемости ЦСПИ в 2017 г. В связи с этим оргкомитетом было принято решение о ежегодном проведении конкурса. Также представляется целесообразным в дальнейшем организовывать стажировки для иногородних студентов с целью подготовки ими качественного исследования по материалам ЦСПИ.

В октябре 2018 г. на сайте Исторической библиотеки, а также на интернет-ресурсах многочисленных партнеров вы увидите информационное письмо с предложением принять участие в нашем новом конкурсе 2019 г.

PROJECT OF THE CENTER FOR SOCIAL AND POLITICAL HISTORY "MAN, SOCIETY, BOOK IN AN ERA OF CHANGE»

Kuchanov Ilya S. — candidate of historical sciences, chief librarian of the State public historical library of Russia (Moscow)

Key words: library, competition, students, State Public Historical Library.

The paper is devoted to the first stage of the student works competition «Individual, society, book in the period of changes».

«НЕВСКАЯ БИТВА 1240 г. ВПОЛНЕ МОГЛА БЫТЬ, НО О НЕЙ РАССКАЗЫВАЕТ ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК» Интервью с И. Н. Данилевским

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Почему Вы решили стать историком? Где Вы учились? Кто были Ваши учителя?¹

И. Д. Знаете, я всегда говорю, что в три года моя жизнь закончилась. В детском саду очень любил играть в футбол. Когда мы копали ямки для ворот, я нашел какую-то маленькую фигурку. Моя мудрая мама тут же повела меня в краеведческий музей и показала, что такое археология. В детстве у меня было много увлечений, но интерес к археологии у меня так и сохранился. В 1969 году, после 9-го класса, я поехал в первый раз в экспедицию, там я познакомился со своим будущим

учителем Владимиром Яковлеви-
чем Кияшко, с которым мы до сих пор поддерживаем самые теплые отношения. Я поступил на истфак Ростовского университета. Мне повезло, потому что наш истфак был выдающимся. Как мне сказал Владимир Васильевич Мавродин, когда мы с ним встретились в 1981 году: «Вам повезло, у нас старая школа умерла. Остался единственный человек, который умеет работать с источниками». Я поинтересовался, кто, и он мне сказал, что это Игорь Яковлевич Фроянов. «А вам повезло, — продолжил он, — потому что в Ростове есть Александр Павлович Пронштейн».

У Александра Павловича сложно складывалась судьба. Он коренной москвич, однако, став на защиту своего учителя Михаила Николаевича Тихомирова то ли в 1948, то ли в 1949 году, прямо перед защитой,

© Историческая Экспертиза, 2017

Данилевский Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор Факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики, руководитель центра «История частной жизни и повседневности» Института всеобщей истории РАН (Москва); viddanin@mail.ru

он себе испортил свою дальнейшую жизнь в Москве. Он два раза защищал кандидатскую диссертацию. В первый раз диссертационный совет проголосовал сразу за приговорение ему докторской степени (диссертация была о Новгороде Великом в XVI веке). Но на следующий день Александра Павловича вызвали в отдел аспирантуры и сказали, что была нарушена процедура, а потому результаты голосования аннулированы. Во второй раз — через месяц — речь уже не шла о докторской степени, но другой диссовет единогласно проголосовал за кандидатскую степень. Тогда в отделе аспирантуры МГУ Александру Павловичу сказали, что, хотя он и целевик, места на кафедре нет, и предложили поехать на выбор: в Тюмень или в Воркуту. В общем, после некоторых мытарств он оказался в Харькове, женился на Светлане Николаевне Покровской, сестре будущего академика, историка Николая Николаевича Покровского. Их отец, Николай Ильич Покровский был крупным специалистом по Кавказским войнам. Однажды на него пришел донос. Спасаясь, он с семьей был вынужден уехать из Ростова в Новосибирск, где и обосновался. Когда А. П. Пронштейн работал в Харькове, Юрий Андреевич Жданов пригласил его в Ростов. Это тоже довольно неоднозначная фигура. Сын А. А. Жданова, выступивший против Лысенко, любимца Сталина, был отстранен от должности заведующего Отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК КПСС и отправлен в Ростов-на-Дону. Став ректором Ростовского университета, он подобрал довольно любопытную публику. Я бы даже сказал

слегка диссидентствующую. У нас, скажем, был один из первых институтов нейрокибернетики, который возглавил А. Б. Коган. А. П. Пронштейна тоже пригласили. Так Александр Павлович обосновался в Ростове. Среди ростовских историков он был звездой первой величины. Начиная со второго курса он меня стал зазывать к себе. Но что такое источниковедение по сравнению с археологией, которой я увлекался?! Ясное дело, я не соглашался.

Александр Павлович был не единственной яркой фигурой у нас в университете. Все помнят замечательные лекции археолога Владимира Яковлевича Кияшко. А лекции Юзефа Иосифовича Серого... Он рассказывал нам тогда, в 1970-е годы, невероятные вещи о Первой русской революции. И у него тоже непросто складывалось с защитой докторской диссертации. Михаил Абрамович Люксембург читал нам фантастические лекции по Новой истории. Нужно сказать, что наш университет собрал много ярких личностей. Выпускники истфака того времени — историки, которые сейчас очень востребованы, каждый из них занял свое место в жизни. Хотя часть из них уехала из Ростова. Я не могу сказать, что был слишком хорошим студентом, хотя и закончил вуз с красным дипломом. У меня была одна четверка по политэкономии социализма. Этот предмет я так и не понял. Я не слишком перерабатывал как студент. У меня было много увлечений, одним из которых была археология. Мне нравился театр. Однако на пятом курсе на меня начали давить все хорошо относившиеся ко мне преподаватели: сказали, что

Александр Павлович подал на меня заявку в аспирантуру, а потому я должен у него писать дипломную работу. Но тут отказался Александр Павлович: чтобы писать у него дипломную работу, нужно было работать два года. Я сказал, что все равно, если поступлю в аспирантуру, буду писать диссертацию на ту же тему. Но ничего не помогало. Тогда Юзеф Иосифович Серый, который ко мне всегда очень внимательно относился и помогал советами (так же, впрочем, как и Михаил Абрамович Люксембург), взял меня за руку и повел к Александру Павловичу, у которого весь день всегда был расписан по часам. Юзеф Иосифович сказал: «Александр Павлович сейчас гуляет, пойдем гулять вместе с ним». И полтора часа он уговаривал Александра Павловича взять меня сейчас, а не ждать два года. В конце концов тот сломался и согласился. Моя дипломная работа была на тему: «Методика датировки исторических фактов». Первое, что сказал мне Александр Павлович, — работать нужно по двенадцать часов в день. К январю я понял, что это такое, поскольку у меня от ручки распух средний палец, и я начал осваивать пишущую машинку. Дипломная работа потом переросла в кандидатскую диссертацию. Председателем ГЭКа был Владимир Григорьевич Мирзоев, довольно известный историк. Он приехал в Ростов из Кемерово. После защиты он пригласил меня к себе домой и во время беседы предложил идти работать к нему на кафедру, в Ростовский государственный педагогический институт. Я отбрыкивался, ссылаясь на аспирантуру... Осенью я поступил в аспирантуру к Александру Павловичу. На третьем году

аспирантуры мне позвонили и сказали, что места на кафедре не будет, и предложили должность декана по работе с иностранными студентами. Я тогда как раз был в Москве, работал в Ленинке (ныне — Российской государственной библиотеке). Я категорически отказался, позвонил Александру Павловичу и рассказал ему об этом. Сказал также, что В. Г. Мирзоев приглашает к себе. Помню, Александр Павлович сказал, что это неплохой вариант. Приехав в Ростов, я сам позвонил В. Г. Мирзоеву (у нас с ним каждый год были встречи с тем же самым наполнением). Сказал, что готов к ним перейти. Он обрадовался, и я начал готовить документы. И тут произошла очень неприятная история, о которой я узнал задним числом. В это время сын Александра Павловича, Николай Александрович Мининков, который защитился года на четыре раньше меня, тоже подал документы на ту же кафедру и на то же место. Его документы положили «в долгий ящик», а мои «продвинули». Это создало довольно сложную ситуацию. Узнав об этом, я сказал Александру Павловичу, что готов забрать документы. Но тот был очень щепетильным человеком. Он сказал: «Пусть все остается так, как есть. Вы не виноваты». Так я оказался в Ростовском пединституте. Шел 1978 год. Кандидатскую диссертацию я защитил только через три года. Во-первых, у меня были сложности с публикациями, а во-вторых, у нас не было диссертационного совета по источниковедению. Он был только в Москве и, по-моему, еще в Ленинграде. Я защищался в Москве, у Ивана Дмитриевича Ковальченко.

В это время я уже был заместителем декана истфака Ростовского пединститута. И тут как раз нагрянула комиссия Министерства, которая готовила вопрос по нашему факультету на коллегию Министерства просвещения РСФСР. А у меня в это время изменилось семейное положение: я женился, жена не хотела переезжать в Ростов, а в Москве у меня были проблемы с устройством на работу.

У меня были (и сохраняются до сих пор) очень хорошие отношения с деканом нашего факультета, Сергеем Александровичем Лисицыным (он некоторое время потом был ректором Ленинградского областного института развития образования). Он посоветовал мне обратиться к нашему главному проверяющему — Льву Николаевичу Старикову, одному из старейших работников Министерства. Я так и поступил. Лев Николаевич сказал, что места в пединститутах Москвы нет, но попросил оставить личный листок по учету кадров. Буквально через месяц, 10 марта мне велено было явиться на коллегию Министерства. Оказалось, что меня назначают инспектором-методистом Главного управления высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. Я приехал, прошел все инстанции и с 10 мая 1983 года приступил к работе. В Министерстве я проработал до 1988 года. После маминной смерти в 1988 году, я решил уйти из аппарата. Написал заявление об уходе (и не одно). Но уйти из Министерства было гораздо сложнее, чем туда попасть. В конце концов меня вызвали к министру...

Так я стал директором Республиканского учебно-методического кабинета высшего и среднего педагогического образования Министерства просвещения (Министерства народного образования) РСФСР. Поначалу я просто обалдел, поскольку до этого четыре года разбирал жалобы, исходившие из этой структуры. Соглашаясь на такое назначение, я поставил определенные условия: попросил, чтобы единственного мужика, который работал в Кабинете, назначили моим замом, и чтобы я мог взять на работу бывшего начальника Отдела международных связей Министерства (которого незадолго до этого не очень красиво уволили). Министр спросил: «Зачем тебе это нужно?» Я ответил: «Нужно и всё...». Министр согласился и сказал, что тот может выходить на работу. В Кабинете я проработал полтора года. Все жалобы прекратились, как и просил министр. Я связался со своими друзьями из Бауманки, с которыми учился тогда в Университете марксизма-ленинизма, на факультете научного коммунизма (меня отправили туда в принудительном порядке). У них был один из первых кооперативов, и я предложил им создать у нас филиал. Мы начали заниматься изданием учебной литературы для школы. Через год работы у нас фонд экономии заработной платы был в пять раз больше, чем у четырех таких же подразделений вместе взятых. Все мои барышни были очень довольны, всякие «свары» прекратились. Я постарался пробить это официально через Министерство, но мне сказали, что этого делать не нужно. Чуть позже нас, пять «родственных» структур, «укрупнили»: слили

с Центральным институтом усовершенствования учителей (сейчас это Институт открытого образования). Во время реорганизации мне удалось уйти оттуда — не могу сказать, что со скандалом, но определенные сложности все же были: на меня были обижены все, начиная от начальника Главка и кончая министром. Новым местом работы стал Московский государственный педагогический институт имени Ленина, который я курировал на протяжении нескольких лет как заместитель начальника учебно-методического отдела Главка (по должности автоматически заместителю начальника отдела подчинялись педвузы Москвы и Московской области). Пока я работал в Министерстве, мне удавалось работать у них на полставки. Хотя это было сложно, поскольку такой вопрос решался только через министра. А еще работал в Заочном и позднее в Московском городском пединститутах. Только Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской я обошел стороной. Я его проверял, и мне там очень не понравилось. Были периоды, когда я работал в шести-семи местах сразу, подрабатывал в Зеленограде, в Московском институте электронной техники (там в самом начале 90-х как раз вернули курсы по истории России), чистил снег с крыш... В общем, где я только не работал... В том же самом Центральном институте повышения квалификации учителей... По существу, я выживал, как и все в 90-е годы. Хотя не могу сказать, что я очень страдал от этого. Мне все было интересно. Читал лекции для учителей Владимирской области, для учителей ближнего зарубежья...

Но самое страшное было понимать: за время работы в Министерстве как историк я отстал навсегда... Там очень тщательно следили за тем, что ты делаешь, что пишешь. Дома, ночью мне удавалось что-то писать. В 1986 году у нас вместе с Александром Павловичем Пронштейном вышла книга «Вопросы теории и методики исторического исследования». Это была моя первая книга — результат ночных бдений.

И вдруг в 1991 году произошла совершенно удивительная история. Пытаясь проследить истоки ужасного творчества Анатолия Тимофеевича Фоменко и К°, я начал читать книгу А. Н. Морозова «Христос». И там вдруг наткнулся на сюжет, который точно совпадал с парой странных известий в Повести временных лет. Было очевидно, что за ними что-то стояло, но не было понятно, что. Я даже могу назвать точную дату: это было 21 июня 1991 года. Рядом со мной сидел наш преподаватель и друг Александр Николаевич Ерыгин, который потом заведовал кафедрой истории философии в Ростовском университете. Я ему говорю: «Саша, пойдём, покурим, я тебе расскажу одну штуку, а ты мне скажешь, это стоит чего-нибудь или нет». Он выслушал меня и сказал, что никогда ничего подобного не слышал. В основе сюжета «Повести временных лет» я увидел библейскую историю. Вначале казалось, что это один такой сюжет. Но потом оказалось, что таких сюжетов довольно много. В январе 1992 года, когда в Историко-архивном институте проходили чтения памяти Владимира Борисовича Кобрин, который за год до этого

скончался, эта история получила свое продолжение. Так получалось, что я все время шел по стопам Кобринина: когда он уходил, я приходил на его место — в Ленинский пединститут, в Историко-архивный институт... В 1992 году на чтениях в его память я первый раз выступил с докладом о библеизмах в Повести временных лет (хотя заявлял другой доклад, но мне было интересно, как все это пройдет). Игорь Георгиевич Добродомов (заведующий кафедрой общего языкознания Ленинского пед) сразу потащил меня к Анатолию Сергеевичу Демину, в Институт мировой литературы им. А.М. Горького. И через две недели я уже выступил с докладом на 201-м заседании «деминского» семинара. Переживания были страшные, поскольку тема была такая, что непонятно было, как это все пройдет. Когда я послал текст Александру Павловичу Пронштейну, он мне каждый день стал присылать письма. Первое письмо сводилось к одной фразе: никому «это» не показывайте. На следующий день пришло другое письмо, в котором он просил меня ни с кем «это» не обсуждать. Третье письмо было следующего содержания: не вздумайте «это» публиковать! Когда мы с ним встретились спустя некоторое время, он мне сказал: «Вы извините, я просто очень испугался за Вас». Такая реакция, учитывая непростую историю самого Александра Павловича, была вполне естественной. Его было легко понять. С тех пор я стал развивать направление, которым занимаюсь вплоть до настоящего времени. Оно легло в основу моей докторской диссертации. Правда, я не очень стремился ее защищать,

но Александр Оганович Чубарьян меня просто вынудил — и в 2004 году я защитил докторскую диссертацию на тему «Герменевтические основы изучения летописных текстов».

Итак, в 1991 году у меня случилось озарение. В основном я тогда работал в Ленинском педагогическом институте, который уже стал формироваться как университет. Но тут произошла одна не очень приятная история, и я решил отсюда уходить. Только я принял это решение, как мне встречается одна моя добрая знакомая по министерским годам, Валерия Сергеевна Мухина, которая в то время была директором Института развития личности, и зовет меня к себе. С ее подачи я там создал Лабораторию становления личности в историческом развитии. Полтора года я отработал у нее, а потом меня пригласили в Историко-архивный институт. Это был 1996 год. Нужно сказать, что для меня было шоком, поскольку я понимал, что никогда не буду там работать — из-за конфликта руководства кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин с моим учителем Александром Павловичем Пронштейном. По сути, я должен бы быть там персоной нон грата. Точно так же я знал, что никогда не попаду в академическую среду Института всеобщей истории, поскольку я — русист. А там работали А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный, Л.М. Баткин... Поэтому, когда мне позднее было сделано предложение перейти в Институт всеобщей истории РАН, я, конечно, был потрясен. Это было в 2000 году. В начале Ю.Л. Бессмертный пригласил меня туда на полставки, а потом

А. О. Чубарьян предложил перейти на полную ставку. Я решился. Хотя это было довольно сложно. С ректором РГГУ, в который входит Историко-архивный, Ю. Н. Афанасьевым у меня был тяжелый часовой разговор. Но я очень хотел попасть в ИВИ РАН. Это лучший исторический академический институт. Мне это было интересно. Потом А. О. Чубарьян начал на меня давить, чтобы я защищался. Я не понимал, зачем мне это нужно, а потому не очень рвался защищаться. Но в конце концов Александр Оганович меня «добил». На основе диссертации я издал книгу «Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов». В ИВИ РАН я проработал до 2010 года. Потом поступило предложение перейти в Высшую школу экономики. Это было предложение, от которого невозможно было отказаться: нам дали возможность создать такой факультет, какой бы нам хотелось. Факультет истории разработал свою концепцию. Мы собрали людей, которые нам были интересны, которых мы знали как хороших специалистов. Я понимал, что такое предложение выпадает в жизни всего лишь раз, и не мог от него отказаться. Было понятно, что больше такого не будет никогда. В принципе, нам это удалось. Конечно, это не совсем то, что мы хотели, но я доволен. Мечты всегда остаются мечтами, а жизнь их немного приземляет. Сейчас у меня основное место работы в ВШЭ. Здесь я в должности профессора и ничего не возглавляю, поскольку у нас нет кафедр. Но продолжаю работать и в Институте всеобщей истории РАН, в Центре «История частной жизни

и повседневности», который создал Ю. Л. Бессмертный. После его кончины я перешел туда. Сначала мне позвонил А. Я. Гуревич и предложил перейти к нему на полную ставку. Это было потрясающее предложение, но я извинился перед А. Я. Гуревичем и сказал, что у начальства другие планы. Буквально через пять минут мне позвонил А. О. Чубарьян и сказал: «Либо вы берете этот центр под свое руководство, либо я его закрою». Так я начал работать в Институте всеобщей истории и возглавлять этот центр.

С. Э. Как Вы считаете, почему Д. С. Лихачев не говорил о библейских сюжетах в летописях?

И. Д. Возможно, он боялся об этом говорить. Но меня больше интересует другой вопрос, почему об этом не говорил А. А. Шахматов, который видел это все. Не исключено, что немецкая школа сыграла свою роль. Установка была такая – позитивистски-рационалистическая. Напомню, что Д. С. Лихачев писал о том, что летописцам вообще не присуще религиозное мировоззрение. Также думаю, что тут он больше о себе писал и не понимал, что в эту игру нельзя играть понарошку. Он был вполне ортодоксальным марксистом. И это нормально, потому что он жил в то время. И кто в него может бросить камень? Все были такие.

Это видели, но этому не придавали значение. Просто я понял, что прямые и косвенные цитаты, которые видели и до меня, используются для того, чтобы давать характеристику и оценку тому, что происходило.

Стало ясно, что летописец не просто рассказывает, «как это было на самом деле», а скорее объясняет, «что бы это значило»? То есть переводят историю в символически ориентированный текст, отсылая читателя того времени к текстам, которые он должен знать наизусть, должен знать их продолжение. Есть такая важная деталь, как «память контекста», из которого взята цитата, а человек мысленно ее продолжает. Как ты его понял, как ты двигаешься дальше в этом понимании — это исключительно твое дело. Тем более что все эти тексты по своей природе полисемантические, в них преобладает многоярусная семантика. Я не уверен, что нам удастся вытащить хотя бы десятую и даже пятую часть смыслов из этих текстов. Собственно говоря, к этому и сводилась моя работа.

Моя докторская диссертация концентрировалась не только на библейских сюжетах. В ней содержатся и скандинавские сюжеты, и апокрифические. Более того, мой ученик Юрий Артамонов, очень талантливый человек, нашел даже параллель сюжета о видении старца Матфея. Но до сих пор не решается публиковать эту статью, поскольку там в основе может быть махаянская сутра второго века нашей эры. Они со своим другом попытались рассмотреть путь, которым она могла добраться до Руси. Ведь добирались сюда другие тексты, например «Повесть о Варлааме и Иоасафе» — христианизированная история Гаутамы-Будды, — через Грузию, Византию. Мне не известно, была переводческая традиция на Руси или нет, но я знаю точно — древнерусские книжники

читали на латыни, на греческом и древнееврейском языках. Не обязательно было получать это уже в переведенном виде. Например, есть знаменитая фраза князя Владимира Святославича: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». В ее основе лежит латинский библейский текст Книги Иисуса, сына Сирахова. Если мы проследим родословную наших первых князей, там нет ни одного восточного славянина. Бог с ним с Рюриком, который неизвестно кем был по происхождению, и еще вопрос, был ли вообще такой. По материнской линии все первые «рюриковичи» — греки, шведы, англосаксы, половцы... Например, Игорь Святославович — половец. Между прочим, он к своим родственникам отправлялся. Политизм правящей верхушки — обычное дело для всей средневековой Европы. У Б.А. Успенского все это очень хорошо расписано. Но сразу возникает вопрос, эти барышни, которые приезжали на Русь со своим двором, духовниками, которые обязательно привозили книги, — на каком языке они разговаривали на княжеском дворе?

С.Э. Светские особы в то время обязаны были быть грамотными?

И.Д. По идее, да. У нас есть Владимир Мономах, Анна Ярославна, которая подписывалась так: «Анна Ръина». Я не знаю, продвинулась ли она дальше подписи. Но очевидно, что у них было какое-то образование. Тем более новгородские берестяные грамоты и грамоты из других древнерусских городов показывают, что простые горожане умели писать и читать. Следовательно,

весьма вероятно, княжеское семейство тоже это умело. Тем более что они выступали заказчиками первых книг. Те же самые древнерусские сборники — это копии чужих сборников. Например, Изборник Святослава 1073 года, или княжеский сборник, который стал основой Изборника 1076 года. Они все заказывались князьями. Думаю, для того, чтобы князь мог наставлять свое окружение на путь истинный. Судя по всему, князь именно так формулировал эту задачу. В общем, в то время жили грамотные люди.

С.Э. Алексей Петрович Толочко недавно издал работу, где говорит, что Повесть временных лет — это сборник сказок, которому верить нельзя. Не совсем понятно, как складывался этот источник. Он достаточно подробно описывает период в 300 лет. Каким образом летописец мог получать эти сведения?

И.Д. Это очень сложный вопрос. Я могу сказать, что более или менее надежные сведения мы получаем только начиная с первых десятилетий XI века. Самые ранние летописные записи начинают вестись с 30-х годов XI века. Следует предположить, что до этого существовали какие-то отдельные сообщения. Но это были спорадические записи: легенды, предания, рассказы. А.П. Толочко считает, что договоры Руси с греками, которые попали к летописцу, стали одним из ключевых источников по истории IX–X веков. Мы же не можем отрицать, что не было походов Святослава. Хотя в «Повести временных лет» не обо всех походах

написано. Более того, там ничего не сказано о причинах этих походов на Балканы. Об этом мы узнаем из греческих источников, которые, кстати, расписывают нам все художества, которые Святослав «вытворял» в Болгарии. У нас все время повторяют летописный текст, приписываемый Святославу: «Хочу жить в Пряяславце на Дунае». А где находится этот Пряяславец? Его никто никогда не видел. В свою очередь, греки пишут, и болгары это подтверждают, что он захватил Преслав Великий, столицу Первого Болгарского царства, и там находился несколько лет. Реальные события были, им предавали соответствующую окраску, объясняли ту идею, которая была базовой для летописцев. А базовой идеей был рассказ о том, «как Бог избрал страну нашу на последние времена»: «откуда пошла и как стала Русская земля». Причем «Русская земля» — не этнический и не политический, а этноконфессиональный термин. Это общность, в которой люди исповедуют христианство, а служба ведется на славянском языке.

С.Э. Мы знаем, что монах, который был автором ПВЛ, работал с широким кругом источников. Скорее всего, о Святославе он читал из греческих источников?

И.Д. Летописец выбирал материал из Хроники Георгия Амартола, «Летописца вскоре» патриарха Никифора, из каких-то болгарских рукописей и византийских хроник. Автор очень хорошо знал литературу того времени. Он провел огромную работу. Это очень сложный текст. Летопись лишь на первый взгляд

производит впечатление примитивного текста, но на самом деле для того, чтобы его понимать, нужно знать круг чтения того летописца. Только тогда мы сможем ухватывать те самые отсылки, которые он нам дает, и только тогда многое станет на свои места. Эта традиция продолжалась вплоть до середины XVI века, поскольку все летописцы писали одно продолжающееся произведение.

По существу, можно предположить, что они писали отчет для Страшного Суда. Переписывали предыдущий текст, добавляя свое. Сейчас найдено около 150 списков. Но редакций не так много, поскольку они группируются. Самый ранний список относится к концу XIII — началу XIV века. Это Новгородская первая летопись старшего извода. Остальные появились позже. Лаврентьевская летопись была создана в 1377 году, Ипатьевская — в 1420 году. В XV веке начинает зарождаться общерусское летописание. В XVI веке этот процесс завершается колоссальными Никоновской летописью и Лицевым летописным сводом Ивана IV Грозного, который включает хронографическую часть и летописную часть — всего десять томов.

С. Э. Есть ли аналоги такого источника у болгар, сербов, поляков?

И. Д. У болгар практически ничего не осталось. Все ранние рукописи утрачены. Они знают о своей древней истории только из древнерусских копий и из греческих хроник, к которым добавляется не столь обширный эпиграфический материал. Но рукописи были. Первые

древнерусские книги — это все копии с болгарских оригиналов. Их около полутора десятков. Как они сюда попали? Одни говорят, что Святослав захватил и вывез библиотеку болгарских царей. То ли это все было вывезено греками во время захвата Первого Болгарского царства в Константинополь, а когда крестили Русь, передали туда, поскольку это в основном богослужебные книги. Летописи находятся в гораздо более поздних списках. Причем это в основном греческие хроники, летописи, которые были переведены на славянский язык. Это Хроника Георгия Амартола, Хроника Георгия Синкелла, Хроника Константина Манассии и другие. Можно сказать, что аналога развернутому русскому летописанию в славянском мире нет. Я бы сказал, что ПВЛ — это православно-центрическая летопись. Тут затрагиваются контакты со славянами: и с западными, и со славянами Центральной Европы, и, естественно, с южными славянами.

Есть польские, чешские хроники, но в основном это сюжетные рассказы, близкие к западноевропейской литературе. Конечно, есть хроники, анналы западноевропейские, но они отличаются от древнерусского летописания. Есть замечательная работа Тимофея Валентиновича Гимона. Автор провел компаративный анализ англосаксонских хроник, Вустерских анналов и Новгородской первой летописи. Они разные: в чем-то совпадают, но в чем-то принципиально расходятся.

С. Э. Хотелось бы уточнить, из каких сведений летописец мог

узнать, что славяне пришли с Дуная? Над этим долго смеялись, но сейчас археологи воспринимают это как очевидное. В этом контексте можно вспомнить версию археолога Д. А. Мачинского.

И. Д. Никто не знает, как все было на самом деле. Летописец мог узнать об этом из преданий. Во всех учебниках можно встретить перечень восточнославянских племен или племенных союзов: поляне, северяне, вятичи, радимичи... Все эти названия в том или другом сочетании есть и у болгар, и у чехов, словаков, поляков (например, северы у болгар или поляне у поляков). Когда-то М. П. Погодин пошутил: «Невольно сравниваешь их с перетасованной колодой карт, из коей все масти в обилии достались на долю России». Это давно известно. Но это все предания. Это не подтверждается археологическими материалами. Все попытки вычленить какие-то специфические черты археологической культуры, присущей, скажем, полянам, сводятся к нулю.

В археологических источниках прослеживается перемещение с Дуная на север. Но это сложный вопрос. До середины I тысячелетия до нашей эры существовала единая языковая балто-славянская общность. Разделить археологический материал того времени на балтский и славянский очень сложно, если вообще возможно. По языку — тоже невозможно. Потом балты начали делиться на три группы, славяне тоже начали делиться на три группы. Это процесс, который завершится только к концу первого тысяче-

тия нашей эры. При этом продолжает идти очень сложный процесс этнического взаимодействия с соседними племенами. Например, южных славян с тюркоязычными протобулгарами на Балканах. Это охватывает достаточно длительный период. Проблема состоит в том, как состыковать археологию, письменные и лингвистические источники?

С. Э. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? Не является ли оно подделкой?

И. Д. А. А. Зимин утверждал, что это гениальное литературное произведение XVIII века. Просто Мусин-Пушкин не понял, что он купил у Иоилия Быковского. *(Смеется)* Нужно сказать, что в свое время я прочитал работу А. А. Зимины. На меня она произвела впечатление, хотя и не убедила. Я думаю, что, скорее всего, текст «Слова о полку Игореве» был написан в шестидесятые годы XIII века. Поскольку в нем прослеживаются параллели с записями Ипатьевской летописи середины XIII века. Там есть целый ряд пересекающихся образов, мотивов и близких фраз. В свое время появилась очень интересная работа Арсена Арсеновича Югешвили. Эта работа произвела на меня очень сильное впечатление. Автор был технарь, совершенно помешанный на «Слове о полку Игореве». Он тридцать лет занимался «Словом» и знал его наизусть. Его книга «Акростих в “Слове о полку Игореве” и других памятниках русской письменности XI–XIII веков» осталась почти незамеченной в научной среде, хотя серьезные литературоведы и исто-

рики все-таки обратили на нее внимание. Это невероятно интересная работа. Но очень спорная. А потом он писал, но, к сожалению, так и не дописал книгу «Три источника «Слова о полку Игореве»». Ее издали уже после его смерти, объединив тексты, сохранившиеся в его компьютере. Кроме летописания среди источников — западноевропейский рыцарский роман, античная литература и Библия. Он находит очень много параллелей, с которыми можно соглашаться либо не соглашаться, но это решает одну из ключевых проблем того, что было написано раньше — «Слово о полку Игореве» или «Задонщина». Вопрос: «Задонщина» опирается на «Слово...» или «Слово...» опирается на «Задонщину»? — являлся ключом в споре А.А. Зимины и Д.С. Лихачева. Гюгешвили предложил идею «третьего источника», на который опирается и тот, и другой текст. Поэтому в одних случаях будет первичное течение в одном источнике, а в другом — вторичное, а в ином случае — наоборот. Так это, судя по всему, и наблюдается. Специально этими вопросами не занимаются, но это хороший путь поискать третий источник.

«Слово...» сыграло колоссальную роль в развитии методики самой работы с источниками, подобно тому, как в западноевропейском литературоведении такую же роль сыграла «Кудруна». И там, и там один поздний список ранней поэмы, и вокруг него выются следующие вопросы: когда написано? Как доказать? Как опровергнуть? Самое главное не вывод, а отработка методов работы с текстом. Это тот самый случай,

когда в споре рождается истина. Но истина не относительная — первичности или вторичности происхождения текстов. Важно то, что отрабатывается все более изощренный инструментарий, с помощью которого можно работать с другими источниками. Фокус именно в этом.

С.Э. Если это памятник второй половины XIII века, то возникают серьезные вопросы. Если бы «Слово» было написано очевидцем по горячим следам, с мотивами написания все понятно. Но если речь идет о работе, которая была написана 70–80 лет спустя, то непонятно, зачем автор взялся за историю неудачного похода Игоря Святославича? По сравнению с другими походами, это рядовой, незначительный поход. Почему именно он вдохновил автора?

И.Д. Самое хитрое другое. В чем смысл этого похода? Об этом писал в свое время Андрей Леонидович Никитин, историк, которого Борис Александрович Рыбаков выдал из археологии. Никитин стал председателем Комиссии по изучению «Слова о полку Игореве», из которой его выдал уже Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он перешел на вольные хлеба и написал много разных фантазий о «Слове». Но он высказал гипотезу, которую потом повторил Б.А. Рыбаков, — о том, что это был свадебный поезд: Игорь ехал сватать своего сына Владимира за дочку хана Кончака; поэтому с ними и священник, и золото. Эту идею подхватил Б.А. Рыбаков. По дороге отряд Игоря Святославича разграбил кочевья хана Гзака,

который в это время был в походе. У Газа были сложные отношения с половецким ханом Кончаком. Мы забываем, что половцы — это не монолит, это кочевья, которые враждуют между собой. Они борются за пастбища, за сферы влияния. Мы ничего не знаем об этих отношениях. Фактически Кончак Игоря спасает от мести Газа, и в плену Игорь очень вольно себя чувствует. Когда он бежал из плена, его сына-заложника не казнили; напротив, Кончак за него выдает свою дочку. Правда, потом Кончак идет на русские земли и грабит русские княжества. Но не Новгород-Северское княжество своего свата Игоря, а те княжества, которые враждуют с Игорем Святославичем. Мы плохо представляем себе эти взаимоотношения. У нас сформировались какие-то стереотипы о том, что кочевники — это плохо, это исконные враги, у них повсюду родственные связи, из них кто-то в христианство переходит, получает русские имена, там масса общих потомков. Я проверял: практически все южнорусские князья были так или иначе связаны с половцами матримониальными связями. Это нормальные отношения.

С.Э. Хотелось бы уточнить насчет Ярославны, которая в «Слове» упоминается без имени по отчеству. Зимин считает это грубой ошибкой. Замужняя женщина тогда именовалась не по отцу, а по мужу. То есть она должна зваться Игоревой. Если произведение написано в XIII веке, то в то время, наверное, еще не поменялась система величания? Кроме того, Зимин обращает внимание,

что в летописи имя «Ярославны» не упоминается. Поэтому автор слова и стал ошибочно именовать ее по отчеству.

И.Д. А.А. Зимин поставил целый ряд очень важных и серьезных вопросов, на которые нужно отвечать. Но беда в том, что на них никто не собирается отвечать. А.А. Зализняк пишет в своей работе о том, что морфология это именно такая, которая должна была быть в конце XII века, но ведь вопросы остались. Этим же нужно заниматься. Или победили — и забыли? Что же касается женских отчеств, то лучше всего посмотреть замечательные работы А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского о древнерусской антропонимии.

С.Э. Можно ли допустить, что в XV или в XVI веке текст «Слова» могли переписать или дописать и тем самым внести в него анахронизмы?

И.Д. Такое могло быть, но это нужно вычленивать. Расслоение текста — это очень сложная работа. Я никогда не использую былины в качестве исторического источника по одной простой причине: не знаю, как в них выделить ранние слои, если они там есть. Слово «богатырь» пришло к нам вместе с монголами. Мы об этом узнаем из Ипатьевской летописи. Первые «богатыри», которых там упоминают, — это Субедей-багатур и Бурндай-богатырь. Крестильное имя становится основным только в конце XV века, а имена двух былинных богатырей уже христианские: Илья и Алексей (или Александр: непонят-

но, сокращенной формой которого из них является имя Алеша; кстати, у него еще и отец священник). Третий носит вроде бы языческое имя Добрыня, но у него отец Никита, а мама — Амёлфа Тимофеевна, то есть у него и отец, и дедушка — христиане, живущие, скорее всего, не ранее рубежа XV–XVI веков. Былины — это не эпос, это фольклор, устное произведение, скорее всего, очень позднего происхождения. Я былинами никогда специально не занимался. Но вся их лексика поздняя. Так, в них постоянно упоминаются «заставы богатырские» — это словосочетание XVII века. Там полно анахронизмов. Например, «Добрыня и Змей» считается самой ранней былиной. Как побеждает Добрыня? «Шапкой земли греческой», которую ему дают «калики перехожие» — то есть христианской реликвией, принесенной паломниками в Святую Землю.

Как работать с источником — это очень серьезный вопрос. Подавляющее большинство проблем и споров, которые возникают, сводятся к тому, что многие не умеют, не хотят и не любят работать с источниками так, как это следует делать. Это должна быть очень аккуратная работа, тщательно вычищенная информация, не думая, что мы уже все знаем: мы очень многого не знаем.

Даже стенограмма обязательно обрабатывается. Черновая стенограмма и беловая стенограмма — это «две большие разницы». Это касается абсолютно всех периодов и источников. И не только тех источников, которые написаны словами,

поскольку есть еще изобразительные материалы. А их интерпретация — это во многом эмоционально-оценочные суждения, которые ни на чем не основываются, кроме «здорового смысла» и общих впечатлений исследователя.

Я думаю, что сейчас накоплен такой опыт, когда можно сделать шаг вперед. Достаточно уже повторять одну и ту же мантру: «Не нужно потребительски относиться к источникам, следует использовать данные текстологии». Например, в летописи найдена цитата из Библии, что с ней следует делать? Выбрасывать, исключать из рассмотрения вообще? Так поступают очень многие. Если подходить к этому вопросу с точки зрения позитивизма, то эта цитата ничего мне не говорит о том, как все было на самом деле. На самом деле цитата — это отношение автора к описываемому событию, способ косвенно выразить свою оценку. Но нужно понимать, что цитата свободно могла вступать в противоречие с тем, как все было на самом деле.

На ранних этапах летописания заказ власти проследить очень сложно. Об этом писали А. А. Шахматов, М. Д. Присёлков. В советское время их за это лупили. Но об этом писали и летописцы XV века: «Первые наши властодержцы без гнева повелевающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написавати» — и тогда, при Владимире Мономахе, первые летописцы «не обинуясь» (то есть не смущаясь) писали обо всем. У летописцев была своя задача — указать на грехи, которые совершал человек, поскольку летописцами

выступали священники, монахи. Они выполняли функцию духовного отца, который должен наставлять своих духовных чад на путь истинный, принуждая их покаяться в грехах. Нам очень плохо известно о том, как они себе это представляли.

Например, патриарха Никона, когда Алексей Михайлович его простил и вернул из ссылки, спросили, прощает ли он Алексея Михайловича? И он ответил: «Я прощаю, но писать об этом нигде не буду. Пусть Бог простит». Словом, это и есть первое правило чиновника — не оставлять следов на документе.

С. Э. Какие у Вас планы?

И. Д. У меня планы самые простые. Продолжаю работать в том же направлении. С цитатами вроде бы разобрался. Меня поразило то, что никто никогда не писал о том, что есть еще две группы информации источников о прошлом. Во-первых, информация, которую я могу проверить хотя бы по двум независимым друг от друга источникам — это и есть верифицируемая информация. Это основа того, что мы называем «объективным историческим знанием». Восстановив на ее основе ход исторического процесса, историки впадают в легкую стадию шизофрении: они начинают считать, что их реконструкции прошлого и есть объект изучения. Однако на самом деле этот объект создан ими самими, и он содержит весьма значительную долю субъективности. А мне бы хотелось повысить градус научности таких реконструкций. Я говорю о проверяемой части.

Во-вторых, это уникальные сведения источников о прошлом, которые я могу проверять при помощи специальных исторических дисциплин: просто прикинуть, могло это быть или не могло в принципе. Например, мог ли великий князь московский Дмитрий Иванович привести на Куликово поле 150 тысяч всадников или не мог? Мог ли воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский сказать, что в восемь часов мы выступим, или не мог? Какие у него были часы?

Сейчас я работаю над учебным пособием по исторической текстологии. Это дисциплина, которую я придумал и которая меня очень вдохновляет. Текстология является одним из основных методов источниковедения. Это важный инструмент, но непонятно, как его дальше следует использовать. Суть в том, что классическая текстология, то есть литературоведческая, имеет другие цели и задачи. И это нигде не прописано. В принципе, для литературоведов безразлично, была ли на самом деле Анна Каренина или не была? Вот именно Анна Каренина, подчеркиваю, а не ее прототип. Кидалась она под поезд или не кидалась? Под какой именно поезд, и какой у него был номер? Какое было расписание его движения? Погибла она или не погибла? Историков волнуют именно эти вопросы, то есть то, насколько написанное соответствует тому, что было или могло быть, или нет. Текстология дает основания для того, чтобы разбить информацию на три объемные группы: цитаты, с помощью которых даются оценки и характеристики; верифицируемая ин-

формация, которая дает основу научного исторического построения, воссоздания прошлого, и, наконец, уникальная информация, использование которой сводится к ответу на вопрос: так могло быть?

Например, Невская битва 1240 года вполне могла быть, но о ней рассказывает единственный источник. Но шведы об этом сражении, как правило, не упоминают. Вместо этого они вспоминают другое: как карелы, подстрекаемые новгородцами, в 1187 году уничтожили столицу Швеции. Шведы на Неве с места не сдвинулись, они даже лагерь, судя по всему, за месяц не укрепили, а тут — уничтожили столицу государства... На самом деле между Новгородом и Швецией выстраивалась сложная система взаимоотношений: подписывались и нарушались договоры, торговали и т.д. Как известно, городские ворота Сигтуны украшают новгородскую Софию. Привезли их в качестве сувенира после похода 1187 года. Ярл Биргер был вынужден построить Стокгольм, чтобы перекрыть вход новгородцам, карелам и эстам во внутренние воды Швеции. Шведов волнуют

совсем другие вопросы. Они потом практически на месте Невской битвы построили крепость Ландскруну, о чем у нас обычно не вспоминают. Говорят, что битва на Неве предотвратила полную экономическую блокаду Руси через Балтику. Какая блокада? Крепость Ландскруну построили? Построили! Что с ней стало? Бросили через полтора года. Жить здесь было невозможно: все продукты сгнили, все время нападают, чудовищные болезни (цинга). Бросили и уехали. Построили Выборг. Что с ним стало? Через год бросили, невозможно там жить. Таким образом, все немного по-другому было.

Но если о Невской битве рассказывает уникальный источник, то Ледовое побоище описывают четыре независимых друг от друга древнерусских источника и пятый источник — немецкий. И все они хорошо подтверждают друг друга, позволяют нам выстроить весь ход событий, его основные моменты.

С.Э. Игорь Николаевич, благодарю Вас за такую познавательную и развернутую беседу.

"THE BATTLE OF THE NEVA 1240 MIGHT HAVE BEEN,
BUT ONLY ONE SOURCE TELLS ABOUT IT"

Interview with I. N. Danilevsky

Danilevsky Igor N. — doctor of history, professor of the Faculty of Humanities, Higher School of Economics, Head of the Center "History of private life and daily life", Institute of General history, RAS (Moscow)

«СПЕЦИАЛЬНО ДЕНЬГИ ИЗ ГОСДЕПА НА РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕ ВЫДЕЛЯЮТСЯ»

Интервью с М. Б. Ямпольским

Беседовал С. Эрлих

С.Э. Почему Вы выбрали гуманитарные науки?¹

М.Я. Это давняя история, ведь я человек не молодой. Я хотел стать писателем. Писал прозу, стихи и пьесы. Но я довольно быстро понял, что в СССР не смогу это все напечатать без недопустимых для меня компромиссов. По существу, либо я должен был встроиться в движение, которое мне было совершенно неинтересно, либо мне нужно было жить какой-то подпольной жизнью, превратиться в одного из персонажей Достоевского и работать дворником. Эта стезя меня страшно не привлекала. Мне казалось, что дворничье существование накладывает какую-то неизгладимую печать. Я ничего не имею против своих знакомых, которые работали пожарными или дворниками, но мне казалось, что в тотальной маргинальности нет ничего продуктивного. Конечно, большим примером для меня была тартуская среда, которой я отчасти принадле-

жал. Там были люди, которые могли печататься, была возможность интеллектуальных обменов. И там этот компромисс был востребован в меньшей степени, чем в литературе. Еще меня интересовала среда художников. Правда, она у меня тоже олицетворялась с каким-то подпольным существованием. Вся эта смесь мне казалась малоинтересной. При чем я понял это в довольно раннем возрасте. Я тогда заканчивал школу, хотел поступить в МГУ, но у меня не было шансов, ведь я — еврей. Это довольно стандартная история того времени. Мне говорили: «Не делай глупости, не иди». Это был 1967 год, как раз год двойного выпуска 10–11 класс. Было очень трудно попасть. Поэтому я поступил в Московский педагогический институт и в 1971 году окончил романо-германский факультет.

После института я думал над тем, как мне быть дальше. В основном я зарабатывал репетиторством. За 5 рублей давал уроки французского языка. Я считал себя филологом. Мне всегда казалось, что филологическая стезя — это прекрасная возможность высказывать через других то, что тебе самому интересно.

© Историческая Экспертиза, 2017

Ямпольский Михаил Беняминович — российский и американский историк и теоретик искусства и культуры, философ, киновед и филолог, профессор Нью-Йоркского университета (США); mi1@nyu.edu

После института я работал в школе рабочей молодежи на четверть ставки. Получал 40 рублей в месяц. Потом я работал в школе, в которой сам до этого учился и которую закончил с золотой медалью. Школа была местом концентрации людей отовсюду изгнанных во времена борьбы с космополитизмом. Одновременно я учился в заочной аспирантуре для учителей в Академии педагогических наук, куда никто не шел. Наши учителя не особо стремились в науку. Мне как-то удалось туда пробраться. Моя диссертация была на тему истории философского образования во Франции. Я защитил ее с большими сложностями. По-моему, это было в 1975 году.

С.Э. Как Вы попали в среду ученых Московско-тартуской семиотической школы?

М.Я. Мое первое знакомство с Московско-тартуской семиотической школой состоялось благодаря моему другу Юрию Гавриловичу Цивьяну, с которым я познакомился, когда работал в институте киноискусства. Я там работал с 1974 года в Отделе информации. При приеме на работу (а институт тогда только создавался) меня пригласили на собеседование к директору. Он меня спросил, знаю ли я иностранный язык. Я ответил, что да. Меня направили в Отдел информации. Потом выяснилось, что там все довольно просто решалось: если ты не знаешь иностранного языка, тебя направляют в Отдел теории, а если знаешь, тогда в Отдел информации. Я проработал там 17 лет. Поскольку мне было очень скучно, я переводил разные работы по се-

миотике. Наш институт выписывал книги из-за рубежа по моему заказу, и я их переводил или делал рефераты. Я довольно быстро стал специалистом в этой области. Когда приезжали иностранные делегации, меня привлекали к беседе с ними. По существу, я «сидел» на семиотике. Помню, однажды наш библиотекарь пригласил меня к себе и говорит: «К нам ходит молодой человек, который заказывает и читает все книги, которые ты читаешь. Я хочу вас познакомить». Это оказался Юра Цивьян, который в то время уже ездил в Тарту. Мы с ним как-то сразу подружились. Он меня и вытащил туда. Я присоединился к поколению молодых людей, среди которых были Георгий Ахиллович Левинтон, Роман Давидович Тименчик, Александр Львович Осповат. Это поколение, по сути, стало моей референтной группой. Я стал публиковаться в «Трудах по знаковым системам» и был очень рад тому, что вошел в эту среду. Помню, я страшно трепетал, когда Лотман послал мне открытку в знак того, что ему понравилась моя статья. Это были абсолютные именины для меня.

С.Э. Расскажите о Лотмане.

М.Я. Я всегда выделял его из этой компании. Все хотели быть учеными, поэтому имитировали какой-то научный этикет. Широко пользовались аббревиатурами, которые придавали текстам какую-то научность. В общем, все изображали из себя что-то научное. Мне с самого начала казалось это немножко смешным. Я был более начитанным в западной литературе и философии, чем та среда, которая отрицала роль

философии и мало интересовалась западными исследованиями, кроме Клода Леви-Стросса и каких-нибудь паремиологов. Там сильно была развита догматика дисциплины. Например, они считали невозможным употреблять слово «содержание». Это объяснялось тем, что семиотика формировалась в противовес марксистской, вульгарной социологической школе, где «содержание» и «форма» играли архиважное значение. В этом противостоянии они незаметно для себя воспроизводили узость «марксистов». Мне это казалось совершенно нелепым, хотя я понимал смысл тех запретов. Опыт работы с западной литературой в Отделе информации привел к тому, что я лучше других знал эти вещи. Более того, я владел иностранными языками, что не совсем было принято даже в Тарту.

На фоне этой компании Лотман мне казался единственным свободным человеком. Он не был закован в рамки каких-то ритуалов. У меня все время было ощущение, что это Моцарт в среде Сальери.

Свобода Лотмана выражалось, например, в том, что он написал статью об одном замысле Пушкина, от которого осталось одно слово — «Христос». Кроме него вряд ли кто решился бы написать тридцать страниц о замысле, о котором больше ничего не известно. Лотман совершенно не ощущал на себе смиренной рубахи «школы». Он был чрезвычайно и легко продуктивен. Ему нужно было сдавать статью, он садился вечером, и к утру у него была готовая статья на полтора авторских листа. Зара Григорьевна Минц

возмущалась тем, что он не считал нужным вычитывать получившийся текст. Это еще раз подчеркивает ту легкость, которая была в нем, которая на самом деле не характерна для ученых. Общеизвестно, что ученые в большинстве своем очень занудные. Мне в нем это очень нравилось, потому что мне нравилась свобода. Парадокс — что мы все время пытаемся уйти от несвободы и создаем для себя среду, которая в совершенно другом смысле лишает нас свободы.

В это время у меня была маниакальная идея, что следует научиться мыслить независимо от авторитета, что все эти ссылки ничего не значат, поскольку авторитет науки — это способ прикрыться кем-то другим. Юрий Михайлович все это в себе воплощал. Для меня чрезвычайно важны не столько идеи Лотмана, поскольку со многими из них я не согласен, сколько сам стиль свободного человека. Я до сих пор считаю, что филология — это не совсем наука. Конечно, можно рассматривать филологию с позиции текстологии, истории текста и других критериев, которые позволяют нам говорить о том, что это наука. Но все, что касается интерпретации, — это уже искусство, поскольку нет каких-то формализованных процедур интерпретации, а филология без интерпретации не может существовать, иначе она просто сведется к чистой истории текста или конъюнктур, восстановления варианта, превратившись в нечто служебное. Мне всегда казалось, что претензии филологии на научность должны постоянно ограничиваться пониманием того,

что это интерпретационная вещь, поскольку производится текст и вокруг него строится другой текст, и он существует в другой модальности. На самом деле это второй текст расширяет смысл. Сейчас я очень большое значение придаю художественной эссеистике, критике, поскольку считаю, что критик — это человек, свободно высказывающийся о каких-то вещах. Само понятие критики как художественного или философского жеста для меня очень важно. Мне кажется, что мы все время внушаем себе, что мы ученые, но это только создание каких-то иллюзий для самих себя. Я думаю, что на самом деле историк, который сидит в архиве и под каждую фразу находит документы, ссылки, не хочет осознать, что вся его работа — это работа интерпретации. В этом смысле Лотман для меня очень важен. Помимо этих качеств, он был очень остроумным и веселым человеком. И мне это нравилось. Кроме того, он был чрезвычайно нетерпимым ко всяким политическим компромиссам. В Тарту не мог приехать ни один человек, который был членом КПСС. Он считал, что этот карьеристский жест абсолютно недопустим в его среде. Он создавал такие критерии порядочности и абсолютной принципиальности, которые мне тогда казались важными. Они и сейчас видятся мне таковыми, поскольку сейчас очевидна тенденция к размыванию допустимого. Довольно часто можно услышать: «Вы знаете, мне нужно кормить семью», «Мне нужно получить деньги, а без них никак нельзя, поэтому нужно с чиновником договариваться» и т.д. Раньше была большая поляризация

на «свой — чужой»: либо ты цитируешь Ленина и Брежнева и тогда делаешь карьеру, либо нет — и тогда ты ученый. Это и есть то четкое разделение по нравственному принципу, которого Лотман придерживался абсолютно строго. Я даже считаю, что он был чрезмерно ригористичен в этом. Жизнь ведь всегда сложнее... Черное и белое не всегда четко разделены, есть и серые зоны, когда, например, очень трудно осуждать человека за то, что его жена где-то там работает или что-то в таком духе. А этого человека не пустили в Тарту. Лотман не приглашал на конференции членов партии, а также тех, у кого, например, жена работала в какой-то иностранной комиссии, то есть даже жена, а не сам участник. Это абсолютно жестко исключалось. Он не навязывал это, но насколько он мог отбирать и фильтровать, он это делал.

Комбинация свободы, юмора и очень сильного морального ригоризма была мне очень симпатична. Все признавали его авторитет. Все понимали, что Лотман — «человек номер один» во всем.

Безусловно, в школе были и другие сильные фигуры. Например, в лингвистике, индоевропеистике, мифологии — Вячеслав Всеволодович Иванов, Владимир Николаевич Топоров, Борис Андреевич Успенский. Но Лотман был гуру в области русской филологии. На мой взгляд, русская филология во всей этой компании доминировала. До определенного времени она была царицей наук. Кризис Московско-тартуской школы связан с тем, что филология начала стремительно

утрачивать свое царственное положение среди других дисциплин.

С.Э. Все это было до 1991 года?

М.Я. Да. Потом меня пригласили в Институт философии РАН, где я проработал около года. Это был период безумия перестройки, когда даже беспартийные могли туда попасть. Я работал в Лаборатории постклассических исследований под руководством Валерия Александровича Подороги.

Потом я уехал преподавать в Лозанну. А после меня пригласили на год в Америку в Лос-Анджелес в Исследовательский институт Гетти. Туда я вообще не собирался. Мне даже в голову не приходила Америка, поскольку я всегда считал себя европейски ориентированным человеком. А американской наукой я очень мало занимался. Думаю, это была случайность.

С.Э. Вы в Америке учили английский язык?

М.Я. До этого я все время читал и переводил английские тексты. Мне было понятно, что я не могу функционировать, не зная английского языка, потому что огромный поток литературы был все же англоязычный, поэтому английский язык я выучил сам. В своем Отделе информации я много переводил с английского.

Когда я приехал в Америку, конечно, у меня не было никакой языковой практики. Когда год спустя меня пригласили на год в Нью-Йоркский университет, это было непросто.

Но у меня была «подушка» — год в лос-анджелесском Гетти-центре, где я начал говорить.

С.Э. Расскажите о Вашей работе в Америке. Чем американская академическая среда отличается от русской?

М.Я. Первое отличие, которое меня поразило — толерантность. Я работаю в Департаменте сравнительного литературоведения. По существу, это философские подразделения, где изучают континентальную философию, теорию культуры. Там очень много специалистов, которые принадлежат разным субдисциплинам, потому что вся американская наука разделена на субдисциплины. Например, есть «культурные исследования», «гендерные исследования», «колониальные исследования» и многие другие. У всех этих субдисциплин есть своя эпистемология, свои гуру. Там выстроена своя система власти, своя автономия. В рамках каждой субдисциплины проводятся свои конференции, круглые столы. Но в департаменте представители этих субдисциплин мирно соседствуют. Меня сильно поразило, что все эти разные люди очень толерантны по отношению друг к другу. Никто не считает, что его дисциплина — это «свет в окошке», а все остальные нужно затоптать. А я привык к российской ситуации, где все, кто придерживаются иных взглядов, — враги. Все эти баррикады, нетерпимость, непризнание заслуг человека из другой сферы, существующего вне твоей парадигмы, казались мне естественным. Я очень ценю междисциплинарный, культурный

аспект, который есть у них. Это способность существования разных людей, испытывать симпатии друг к другу. Причем существовать в каком-то бесконфликтном поле.

Второе, что мне у них понравилось, — ощущение гораздо меньшей значимости гуманитария, чем это было в России. Хотя уже и для сегодняшней России это характерно, поскольку гуманитарии утратили свой престиж. Но когда я был в Тарту, все эти филологи, семиотики — все это было невероятно элитно. Для русской интеллигенции всегда было важно ощущение причастности к какой-то «миссии». И несмотря на то, что денег интеллигенция получала немного, это компенсировалось чувством избранности.

В этом смысле Америка отличается не только от России, но и от Европы. В Европе все еще есть публичные интеллектуалы, которые объясняют, как изменить мир. В Америке лишь два человека претендовали на роль моральных авторитетов и могли говорить людям, что хорошо, а что плохо. Это Ноам Хомский и Сьюзен Зонтаг.

Помню, когда я спросил Зонтаг, зачем она едет в Сараево, что она будет там делать, она страшно удивилась моему вопросу. Как это я не понимаю, что она едет для того, чтобы выразить кому-то моральную поддержку. Но в рамках американской культуры никто не наделяет ученого или писателя правом морального судьи. Никто не пророк от того, что он художник. Напротив, режиссер вроде Спилберга говорит о себе как о работнике entertainment industry.

У нас же принято обратное. У нас любят представляться в духе: «Я — художник». Известная европейская поза «интеллектуал» и «интеллигент» там отсутствует. На мой взгляд, все это здоровые вещи.

С.Э. В России, а также в Европе «intellectuals» заменили священников, то есть проповедников, а кто в Америке выполняет эту функцию?

М.Я. В Америке традиционные религиозные проповедники существуют сами по себе. Если ты принадлежишь к определенной конфессии, то иди и слушай их. Америка все же более религиозная, чем Европа. На мой взгляд, сегодня там нет моральных авторитетов, которые ведут за собой массы. Этого голоса больше нет, там все же больше многоголосье. И я не скучаю по моральным авторитетам. В том смысле, что у меня нет желания слушать академика Лихачева или Солженицына, который говорил бы, как нам следует жить. В России все время возникали такие фигуры, даже сейчас они есть. Правда, их немного. Есть такие люди, которые ощущают себя носителями великого огня. В этом есть нечто комическое, как мне кажется. Но мне не хочется называть их имена.

С.Э. Расскажите об американских студентах. Многие из них выбирают гуманитарное направление?

М.Я. Многие выбирают это направление на стадии «undergraduate». Другое дело, кто продолжает на уровне «graduate», кто хочет посвятить себя дальнейшим исследованиям.

Я бы сказал так, самые блестящие и яркие люди, если только это не люди, помешанные на литературе, философии, все же выбирают для себя более денежное направление. Конечно, это не гуманитарии. Это скорее когнитивная психология, компьютерные исследования. Для них это гораздо интереснее, чем филология. Конечно, нужно иметь склонность к таким направлениям. На гуманитариях сказывается отрицательный отбор, поскольку сливки снимают другие дисциплины. Например, бизнес-школы, школы права. Как правило, в гуманитарии идут дети из интеллигентных семей, часто девочки. Родители отправляют их учиться в гуманитарные колледжи. Они выбирают это направление, как бы обрекая себя на сложную жизнь вечно карабкающегося гуманитария, который всегда зарабатывает мало денег. Безусловно, есть фанаты, есть те, кто движется по инерции. Яркие устремленные люди оттягиваются в социально более важные сферы, чем гуманитарные науки.

С. Э. Во время холодной войны был расцвет восточноевропейских исследований, нужно было знать потенциального противника. Американская славистика не была слабее советской. Расскажите, что сейчас происходит в этом направлении.

М. Я. Главным явлением последних лет стало то, что на смену старшему поколению периода холодной войны пришло новое. Оно более подготовленное в области современной теории. Новое поколение больше читает философию, следит за тем, что происходит в мировой гумани-

таристике. Слависты эпохи холодной войны ни о чем таком не слышали. Нынешние слависты пишут на более универсальном уровне. Новая фаза противостояния с Россией, как мне кажется, пока не отразилась на этой дисциплине. Я думаю, что нужно время, пока это все успеет закрепиться. Пока никто не видит особой опасности в России, несмотря на то, что она вызывает очень негативное отношение. Поэтому, как мне кажется, специально деньги из Госдепа на российские исследования не выделяются. Раньше славистов брали в ЦРУ, они изучали разные документы, но сейчас этого нет. Пока нет специальной подготовки, которая была раньше. Чтобы в это вкладывать деньги, должно выработаться ощущение длительной временной перспективы. Пока нет ощущения, что «путинизм» — это что-то похожее на советский социализм.

С. Э. Вы согласны с тем, что если раньше литература была двигателем культуры, то сегодня эта роль отведена телесериалам?

М. Я. В целом сериалы стали более важными, чем голливудские фильмы. И я думаю, что они интереснее. Благодаря развитию кабельного телевидения произошла очень мощная дифференциация телевидения. Сериалы более разнообразные, чем стандартные фильмы. Среди них есть те, которые удовлетворяют интеллектуальную часть публики.

С. Э. Сериал сможет заменить роман?

М. Я. Я думаю, что роман действительно исчезает, и мы наблюдаем

тенденцию его постепенного усыхания. Я смотрю по своим студентам: заставить их прочитать роман просто невозможно. Они в принципе не читают романы. Для них прочитывать 400 страниц — это дико скучно. Можно просто умереть от тоски. Они отучились от длительного чтения, которое мало что дает в смысле информации. И это касается не только молодежи. Все мои коллеги признают, что они почти не читают романы. Время от времени мы все же читаем, но гораздо меньше, чем раньше. Для меня в молодые годы было естественным прочитывать роман. Думаю, что происходит всеобщее переформатирование, которое позволяет нам получать культурную информацию через ко-

роткий текст. Отчасти это навязано социальными сетями.

Отношения с книгой стали какими-то другими. Раньше мы открывали книгу на первой странице и читали ее до конца. Теперь же люди все менее приспособлены к чтению длинных линейных нарративов.

С. Э. Над чем Вы сейчас работаете?

М. Я. Я подготовил курс лекций «Об изображении», который читал в университете, а потом в «Манеже» по-русски, это педагогический курс. Надеюсь, он будет опубликован в России. У меня в планах закончить книгу об Алексее Германе, которую я постоянно откладываю.

"SPECIAL MONEY FROM THE STATE DEPARTMENT IS NOT ALLOCATED FOR RUSSIAN RESEARCH." Interview with M. B. Yampolsky

Yampolsky Mikhail B. — russian and american historian and theorist of art and culture, philosopher, film critic and philologist, professor at New York University (USA)

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>